

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МИР, В КОТОРОМ ТЕБЯ НЕТ

А. КАЛУГИН, К. ЗАЛЕСОВ

МИР, В КОТОРОМ
ТЕБЯ НЕТ

Eagle1812

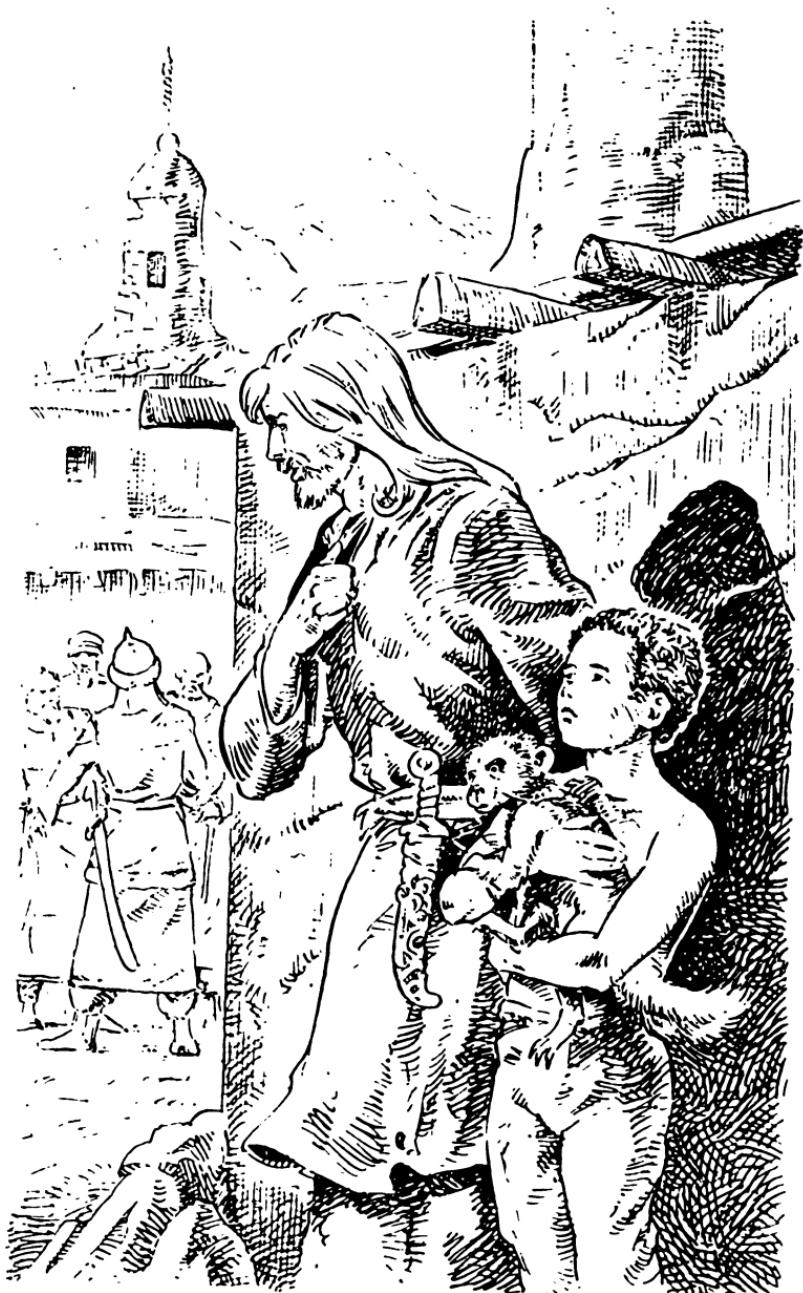
Книги А. Калугина,
вышедшие в издательстве
АРМАДА

Дилогия
«ЛАБИРИНТ»
ЛАБИРИНТ
РАЗОРВАННОЕ ВРЕМЯ

Трилогия
«СФЕРА СТАБИЛЬНОСТИ»
РЕЗЕРВАЦИЯ
ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕЗЕРВАЦИЯ!
ЗАБЫТЬ РЕЗЕРВАЦИЮ

В соавторстве с К. Залесовым:

Дилогия
«ЙЕР: БУФЕРНАЯ ЗОНА»
МИР, В КОТОРОМ ТЕБЯ НЕТ
МИР, В КОТОРОМ ТЫ ЕСТЬ*
*готовится к изданию

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН, КИРИЛЛ ЗАЛЕСОВ

МИР, В КОТОРОМ
ТЕБЯ НЕТ

РОМАН

Москва
АРМАДА
1998

УДК 82-312.9(02)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-445я5
К 17

Обложка художника

Р. Кукалиса
(R. Kukalis)

Иллюстрации
А. Межевича

В оформлении обложки использована работа Р. Кукалиса.

Публикуется с разрешения художника и его агента

Александра Корженевского (Россия)

ISBN 5-7632-0675-4

© Калугин А., 1998
© Залесов К., 1998
© R. Kukalis, 1998
© Художественное оформление, АРМАДА, 1998

Великий путь не называем.
Великое доказательство бессловесно.
Великая человечность нечеловечна.
Великая честность не блудит приличий.
Великая храбрость не выглядит отвагой.

«Чжусан-Цзы».

Когда приходит ночь, зевая,
И солнце в лаз спешит укромный,
Не торопись идти по краю
Гудящей пропасти бездонной.

Неизвестный китайский поэт¹.

ПРОЛОГ

Из всех помещений Центра мне больше всего не нравится Главный зал. Я бывал там всего несколько раз, и то лишь тогда, когда уже никак нельзя было неходить. Дважды мне делали замечания за то, что отсутствовал на важном совещании, которое проходило в этом Главном зале, потом мне даже было вынесено предупреждение. Пришлось мне скрепя сердце три раза посетить это великолепное сооружение — чудо науки, человеческой мысли и галактического прогресса, после чего целую неделю я ходил угрюмый, мрачный и подавленный.

Не знаю, почему Главный зал на меня так влияет,— ума не приложу. Я всякий раз удивлялся: как же здорово сделано! Стены и своды зала уходят куда-то вдали и ввысь, что создает полное впечатление бесконечности пространства. Конечно, это всего лишь иллюзия, созданная особыми оптическими свойствами панелей и их хитрого расположения,— мне прекрасно известно об этом. Но каждый раз, когда я стоял на пороге зала, мне казалось, что я должен сделать первый шаг в пустоту. И тотчас на короткое,

¹ Перевод К. Залесова.

почти неуловимое мгновение у меня, словно при падении в бездну, перехватывало дыхание.

Да, сделано виртуозно — нечего сказать! Настолько достоверно, что даже я, опытный ксенос, в первый момент воспринимал пустоту как реальность. Наверное, из-за этого мне и не нравится Главный зал Центра, что такого, как я, он легко вводит в заблуждение, заставляя трепетать и недоумевать. Не люблю, когда мною играют, как кошка с мышью,— впрочем, не я один такой. Другие тоже не любят — я знаю,— но в Главный зал входят безропотно. Привыкли, что ли? Или они таким образом пытаются осознать себя инструментом, используемым Мирозданием (так, в частности, говорил мой наставник, когда я только начинал работать в Центре) с целью, которую сам ксенос не способен постичь?

Поэтому можно представить мою радость, когда мне сообщили, что руководитель проекта по Тессе-3 желает встретиться со мной в седьмом кабинете. Конечно, такие индивидуальные беседы редко когда проходили в Главном зале, но все же я испытал облегчение, узнав, что разговор произойдет в другом месте. Поэтому я оказался в седьмом кабинете раньше назначенного срока и стал размышлять о том, как хорошо будет, когда я снова увижу Йер. Мне, правда, не совсем понятен был выбор этой территории для осуществления операции, точнее, формально — рассудком, я, конечно, понимал, а вот некое беспокойство, что ли, какая-то неясность остались. Впрочем, я по причине хорошего настроения думал не об этом. Я вспоминал Йер, его горы, плато, скудные леса, жаркое солнце, города — шумные, многолюдные, но прежде всего — людей, йеритов. Разные они, эти йериты,— веселые и смертельно уставшие от жизни, роскошествующие во дворцах и нищенствующие на улицах и площадях, смелые и честные и также жадные

и трусливые, но все они были интересны и близки мне, изрядно подзабывшему вкус обыкновенной, такой тяжелой и такой прекрасной жизни, весьма отличающейся от той, которую мы ведем в Центре.

Что там было на уме у хранителей, когда они проектировали и создавали Центр, теперь уже точно не может сказать никто. Но если Кольцо Миров существует от начала Мироздания, то, следовательно, и Центр должен возникнуть вместе с ним. Откуда в таком случае появились сами хранители?

Вначале я пытался найти ответы на подобные вопросы. Позднее они отошли даже не на второй — на третий план. Фактически я вспоминал о них, только когда входил в Главный зал. В конце концов, какая разница, кто и когда создал Центр? Если и существовал некто, кому были известны все механизмы управления работой Центра, то я с ним знаком не был.

Мне лично работа в Центре давала чувство осознания собственного места во Вселенной, что, на мой взгляд, само по себе являлось достойной компенсацией за труд...

Когда я только еще начинал работать ксеносом, кто-то из моих более старших и опытных коллег сказал, что главным моим достоинством является умение ждать. В то время это было сказано просто в шутку, однако сейчас произнесенные ненароком слова неожиданно приобрели вид пророчества: спустя долгих пятнадцать лет я снова должен был вернуться к работе на Тессе-3. Но уже с новым руководителем проекта...

Оглядываясь по сторонам, я стал бродить по седьмому кабинету. Находящаяся в его центре огромная трехмерная схема Кольца Миров была точной копией — не по форме, а по содержанию — подлинника, возвышающегося — именно так! — в Главном зале.

Я сразу же отыскал на схеме небольшой голубовато-зеленый шарик, обозначающий мир, который проходил в

каталоге Центра под условным именем Тесса-3. Восприняв мой взгляд как запрос, схема приблизила изображение. Рядом с Тессой-3 остались только те миры, которые объединяла с ней ближайшая событийная волна, направленность и сила воздействия которой обозначалась интенсивностью окраски связывающих их линий. Слева на схеме появилось меню, воспользовавшись которым можно было сделать запрос по любому предмету, имеющему отношение к данному миру.

О Тессе-3 мне было известно едва ли не больше, чем всему банку данных Центра, поэтому я мысленно дал команду отмены запроса, и схема мгновенно приобрела первоначальный вид.

В который уже раз я подумал о том, что укоренившееся и давно ставшее для всех привычным название «Кольцо Миров» совершенно не соответствует действительности. И кому только такое могло прийти в голову? То, что было представлено на схеме, скорее уж напоминало перепутанную и смятую в комок нитку бус. Нитью же, связывающей между собой сто пятьдесят шесть миров, являлись событийные волны. И в данном случае название с убийственной точностью определяло суть явления. Это были именно волны, которые продвигались от мира к миру, набирая силу и накапливая разрушительную мощь, способные, не будучи вовремя остановленными, превратиться в сметающее все на своем пути стихийное бедствие.

Понять природу данного явления не так-то просто. Я, например, даже и не пытался. Но вот законы распространения событийных волн и их взаимодействия с событиями, происходящими на местах, изучены досконально. Хотя, следует заметить, основная заслуга в этом принадлежала всем же хранителям.

Мне же, как и многим другим сотрудникам Центра, не имеющим прямого отношения к анализу возможных последствий прохождения событийной волны, было известно

только то, что она представляет собой некий мощный космогонический фактор, действующий на подпространственном уровне. Объясняя принцип его действия неспециалистам, астрофизики обычно использовали в качестве примера принцип домино. Перемещаясь от мира к миру, событийная волна вызывала цепь разрушительных явлений как на природном, так и на социальном уровне. Фишki падали одна за другой, а событийная волна при этом вбирала в себя заложенную в них потенциальную энергию. При бесконтрольном развитии процесса событийная волна имела постоянную тенденцию к усилению своей разрушительной мощи. По прогнозам аналитиков Центра все планеты, входящие в Кольцо Миров, были бы полностью уничтожены в течение ста пятидесяти лет, если бы в свое время хранители не научились создавать буферные зоны на пути следования событийных волн, с тем чтобы отвести их энергию в иное, безопасное русло.

Поскольку Кольцо Миров до сих пор существовало, можно было сделать вывод, что хранители и сами неплохо справлялись с этой задачей. Но почему-то в конце концов они создали Центр. Я думаю, для того, чтобы передать контроль за событийными волнами в руки выбранных ими для этой цели представителей планет, входящих в Кольцо Миров. Должно быть, в этом все же была какая-то логика, только понять ее могли лишь сами хранители. Я, например, был склонен считать, что хранители попросту устали от необходимости постоянно делать выбор между большим и меньшим злом. Простым же смертным подобный выбор дается куда легче. Хотя не всем и не всегда. Аналитикам, работающим в Центре, легко просчитать, сколько жизней в условном для них мире *A* спасет гибель всего лишь одного человека в таком же условном мире *B*. Но никто не спрашивает ксеносов, работающих не со статистическими данными, а с живыми людьми, каково им наблюдать за тем, как умирает человек, и не только ничего не предпринимать

при этом, но и следить за тем, чтобы гибнущему не смог
оказать помощи кто-то иной...

В древности говорили, что для подобных испытаний
нужно иметь стальные нервы и каменное сердце... Для на-
шей работы лучше вообще ничего не иметь.

— Ксенос Иоахим Граис...

Человек, подошедший ко мне сзади совершенно без-
звучно, наверное, думал, что оставался незамеченным до
тех пор, пока не подал голос. Но я давно уже почувствовал
присутствие у себя за спиной постороннего, однако обер-
нулся только тогда, когда он назвал меня по имени.

В двух шагах от меня стоял, едва заметно улыбаясь,
руководитель проекта Анджи Кричет. Он был примерно
одного со мной возраста. И даже в наших внешних обликах,
наверное, можно было подметить нечто общее. Оба мы
были худощавы, но крепко сложены. Но если я всегда дер-
жался прямо, расправив плечи, то Кричет заметно суту-
лился. Лицо Кричента, как и мое, было чуть вытянутым,
но черты — более резкие и глубокие. Как и я, он носил
длинные волосы. Но мои светлые, чуть рыжеватые волосы
были разделены прямым пробором и свободно падали почти
до самых плеч, а черные волосы Кричента были аккуратно
зачесаны назад и перехвачены на затылке тонким, почти
незаметным, таким же черным шнурком. Не менее тща-
тельно Кричет следил и за лицом,— черная дуга умело под-
правленных усиков сливалась с небольшим клинышком
волос на подбородке. Сколько знаю Кричента, он все время
выбирает для себя одежду черного цвета: узкие брюки, тон-
кий, облегающий фигуру свитер с воротом под самое горло
и короткий пиджак с широкими отворотами и накладными
карманами.

— Изучаешь поле предстоящей битвы? — указав взгля-
дом на схему у меня за спиной, спросил Кричет.

Похоже, улыбка его означала тонкую иронию. Что ж,
если он хочет считать себя невероятно остроумным...

Я только пожал плечами и ничего не ответил. Не имею привычки отвечать на неконкретные вопросы.

— Пойдем.— Он таинственно улыбнулся, как бы приглашая меня принять участие в какой-то невероятно загадочной игре.

— Куда? — не понял я.

— Пойдем, пойдем.— Он развернулся и величаво, гордо вышел из седьмого кабинета.

Недоумевая, я последовал за ним.

Кричет шел даже не оглядываясь, как бы даже совсем забыв обо мне. Немного раздражало меня его поведение — эта псевдоромантика таинственности и невероятности. Зачем тогда было нужно вызывать меня в седьмой кабинет, если мы не собирались там оставаться? Страсть к эффектам — вот что мне пришло сейчас в голову, когда я направлялся за Кричетом. Страсть к эффектам — это же его стиль. Не знаю, какая планета из Кольца Миров была родиной Кричeta, но подсознательно я чувствовал, что это не Земля.

Мы спустились на этаж ниже, прошли по длинному узкому коридору — я тут почти не бывал,— и наконец Кричет остановился перед ничем не примечательной дверью.

— Нам сюда,— опять улыбнулся он, открывая дверь и пропуская меня вперед.

Какая поразительная вежливость, подумал я и, бросив быстрый взгляд на Кричeta, не колеблясь прошел в дверь, но, сделав несколько шагов, замер от изумления.

Я находился в Главном зале Центра.

Сзади щелкнул замок, и Кричет подошел ко мне.

Да, это был Главный зал Центра, и попали мы сюда с какого-то неизвестного мне запасного входа. Я лично знал три входа в Главный зал: центральный, северный и южный.

И вот еще один.

— Я пригласил тебя для того, чтобы поговорить о проекте,— не дожидаясь, пока закончится приступ моего недоумения, произнес Кричет.

— Почему именно здесь? — Я обвел рукой кажущееся бескрайним пространство зала.— Можно было поговорить в кабинете.

— Атмосфера этого зала настраивает меня на деловой лад.— По тонким губам Кричeta скользнула тень улыбки.— А чем тебе не нравится это место? По-моему, бесконечность прекраснее всего и вся.

Я снова ничего не ответил.

Плавным, едва ли не манерным движением руки Кричет пригласил меня пройти к одной из пристенных ниш и, чуть припадая на левую ногу, направился следом за мной.

В нише находился небольшой круглый столик — полупрозрачная плоскость, висящая прямо в воздухе,— и два таких же круглых стула с узкими спинками. Ну что ж, раз Кричет решил заманить меня в Главный зал, значит, случилось что-то серьезное. Поэтому и буду вести себя крайне серьезно.

Войдя в нишу, я сел на стул, сложив руки на коленях. Кричет остался стоять. Заняв место напротив меня, он оперся руками о край стола.

— Я вижу, валятели уже поработали над твоим образом,— сказал он, скользнув взглядом по моему лицу.

— Я доставил им не так много хлопот.— Непроизвольным автоматическим движением я поднял руку и коснулся пальцами щеки.— Оказалось достаточно двух сеансов для того, чтобы убрать незначительные следы возрастных изменений.

— Да,— кивнул Кричет.— Сейчас ты выглядишь точно так же, как и пятнадцать лет назад, вернувшись с Тессы-3.

— Признаться, я был против устраниния возрастных изменений,— сказал я.— Человеку свойственно стареть.

— Это во время своего первого посещения Тессы ты играл роль простого странствующего проповедника,— усмехнулся Кричет.— С тех пор ты превратился для жителей Йера в легендарную личность. Странно было бы, если бы

мудрец, общавшийся с Богом, выглядел так, словно прожил обычную земную жизнь.

Я счел своим долгом согласиться:

— Должно быть, ты прав,— произнес я не очень уверенно.

— У тебя есть какие-то сомнения? — Левая бровь Кричета слегка приподнялась.

— Почему от руководства операцией на Тессе-3 был отстранен Месс-ди-Месс?

— Не отстранен, а переведен,— деликатно поправил меня Кричет.

— И все же, в чем была причина?

— Месс-ди-Месс — прекрасный специалист,— произнес Кричет тоном наставника, которому приходилось объяснять прописные истины нерадивому ученику.— Его знания и опыт понадобились на ином, более сложном и ответственном участке работы.

— Месс-ди-Месс знаком с условиями работы на Тессе,— стараясь говорить спокойно, я все же продолжал настаивать на более конкретном ответе.

— Вне всякого сомнения,— согласился с этим утверждением Кричет, прохаживаясь около столика.— Операция по созданию буферной зоны на территории Йера, которую вы с ним провели, была не только профессиональна, но и в высшей степени виртуозна. Обычно для достижения подобной цели требуются усилия не одного десятка ксеносов, а ты смог справиться с ней в одиночку. Именно поэтому и наша новая операция была спланирована по той же самой схеме, что использовал в свое время Месс-ди-Месс.

— Пятнадцать лет назад все вышло само собой,— сказал я.— Первоначально в мою задачу входило только изучение возможных последствий прохождения событийной волны через территорию Йера.

— Но когда Месс-ди-Месс понял, что там может быть создана плотная буферная зона, он не упустил возможности воспользоваться этим!

— Импровизация,— пожал я плечами, не желая придавать этому слишком большого значения.

В свое время, после успешного завершения первой стадии, мы с Месс-ди-Мессом уже в достаточной мере наслушались возвышенных дифирамбов.

— Блестящая импровизация! — Кричит вскинув руку с вытянутым вверх указательным пальцем.— Но на этот раз,— он опять улыбнулся,— это будет уже не импровизация, а тщательно просчитанный и выверенный план.— Кричит склонил голову к левому плечу.— Я вижу, у тебя все же остались какие-то сомнения?

— Почему снова Йер? Я слышал доводы комиссии и читал статьи проекта, и все же... Йер уже пятнадцать лет служит буфером для событийной волны. Срок достаточно долгий. Пора предоставить йеритам право самим выбирать свою судьбу.

— Этот вопрос уже обсуждался на общем собрании аналитической и оперативной групп.— Мне показалось, что Кричит был разочарован моими словами. Ему как будто было лень вновь, в который уже раз, приводить одни и те же, прекрасно всем известные доводы.— Тебе не хуже, чем мне, известно, что уже велась работа по подготовке новой буферной зоны на Тарке-1. Но непредвиденный всплеск событийной волны на Саркане не оставил нам времени для завершения начатого. Теперь только буфер на Тессе-3 может спасти от разрушительного воздействия событийной волны Крак-6, Инсмур и Маскар-4. Это во-первых.— Кричит продемонстрировал мне свой указательный палец с длинным блестящим ногтем.— Во-вторых,— из сжатого кулака появился средний палец,— воздействие, которое мы в свое время оказали на Йер, было минимальным и, на мой взгляд, сыграло положительную роль в истории этой

страны. К тому времени Йер уже находился под властью Кахимской империи. Мощного организованного сопротивления захватчикам со стороны раздробленных родовых кланов йеритов ожидать не приходилось. Отдельные же восстания не привели бы ни к чему, кроме бессмысленных жертв. Месс-ди-Месс, со свойственной ему прозорливостью, сумел найти то единственное, что объединяло всех йеритов и с помощью чего можно было воздействовать одновременно на все население Йера. Это была вера йеритов в единого Бога, которого они называют Поднебесным. Именно поэтому религиозно-философское учение о Пути к Поднебесному, которое ты распространял среди них, было безоговорочно воспринято практически всем населением Йера. Постой! — Взмахом руки Кричит остановил меня, когда я попытался было возразить.— Я догадываюсь, что ты хочешь сказать. Идеи, которыми ты увлек йеритов — непротивление злу, воздаяние за совершенное зло, награда за долготерпение и прочее,— сами по себе совсем неплохи, но в конкретной ситуации они позволили Кахимской империи упрочить свою власть над порабощенным народом. Верно?

Я молча кивнул. Кричит говорил с таким воодушевлением, напором и азартом, что мне ничего иного и не оставалось, как только слушать его не перебивая.

— А я тебе скажу,— продолжал Кричет,— что если бы йериты не смирились со своим положением, то власть империи, лежащая на их плечах тяжким гнетом, превратилась бы в жестокий террор. Тебе ведь известна история Тессы-3. Вспомни, как за пять лет до завоевания Йера поступила Кахимская империя с Буссаром, жители которого объявили захватчикам войну до полного уничтожения. Кахимцы отказались от открытого сражения. Они согнали сотни тысяч рабов, среди которых были те же буссарцы, и перекрыли русло огромной реки, орошающей земли Буссара. Через два года Буссар в результате неурожая и последовавшего

за ним голода лишился двух третей своего населения. Остальных уничтожили вошедшие на территорию Буссара имперские легионы. То же самое ожидало бы и Йер. Так что можешь считать, что ты не только предотвратил новый всплеск событийной волны, но и спас жителей Йера от поголовного уничтожения.

— Йер уже никогда не станет прежним.

— В мире не существует постоянство,— как будто со-жалея о такой оплошности природы, развел руками Кри-чет.— Пятнадцать лет назад буферной зоной, способной остановить событийную волну, могло стать только единое государство с твердой властью на территории Йера. По-скольку в то время в Йере, по сути, не существовало никаких единых для всей страны государственных структур, властные полномочия на его территории могли осуществить только люди, пришедшие извне. Это обернулось для Йера властью Кахимской империи. Вашей с Месс-ди-Мессом несомненной заслугой является то, что вы смогли сделать власть империи в Йере прочной, как никогда, не прибегая к жесткому воздействию на местное население.— Снова опершись на стол, Кричет подался вперед.— Йериты были готовы к тому, чтобы воспринять идею власти, данной от Бога. Они только ждали, когда кто-нибудь достаточно убе-дительно скажет им об этом. В противном случае тебе вряд ли удалось бы одному убедить в этом целую страну... Или ты и с этим не согласен?

— Я считал, что решающую роль в этом сыграла та часть проповедуемого мною учения, в которой речь шла о том, что любой человек может выбрать свой Путь к Под-небесному и идти по нему, вне зависимости от внешних условий,— сказал я.

— Это всего лишь две стороны одной медали,— мягко улыбнулся Кричет.— Государство может уничтожить чело-века, но не способно властвовать над его душой. Весьма убедительно, следует признать. В особенности для рабов,

у которых, помимо души, ничего больше не осталось... Хотя, может быть, кроме души, ничего и не надо? — Лукаво добавил он и улыбнулся, сияя глазами, довольный своей шуткой.

— Для того чтобы сохранить даже просто душу, требуется приложить немало усилий.

— Должно быть, слишком уж много,— Кричит усмехнулся. Слегка, чтобы не обидеть меня.— Иначе чем еще объяснить, что, когда ты угодил в тюрьму и тебе грозила смертная казнь, ни один из твоих учеников не попытался освободить тебя?

— У них была иная миссия,— сухо ответил я. Разговор об учениках был мне неприятен, хотя я, пожалуй, и сам смог бы объяснить, почему произошло именно так.— Они должны были продолжать нести мое учение своему народу.

Должно быть, мой ответ не особенно удовлетворил Кричта, но он попросту решил не ввязываться в спор.

— И первое время у них это неплохо получалось,— кивнул Кричет.— В особенности преуспел один из них, по имени Сирх,— ты об этом прекрасно знаешь. Двое других, Федр и Гристин, покинули Йер и продолжали проповедовать твое учение в других странах. Удивительно, но там учение, сориентированное в первую очередь на жителей Йера, так же нашло немало приверженцев...

— Учение, разработанное Месс-ди-Мессом, достаточно универсально. Я думаю, оно могло бы найти приверженцев не только на Тессе-3, но и на других планетах.

— Ну, мы все-таки не миссионеры, а работники Центра,— хохотнул Кричет, приняв мои слова за шутку.— Хотя, знаешь, в какой-то степени и миссионеры тоже — мы ведь выполняем определенную миссию. Впрочем, сейчас нас интересует главным образом Сирх. Вскоре после того, как ты покинул Йер, в народе его стали считать твоим преемником. Ему конечно же не хватало твоего умения творить чудеса и ореола мученика, но тем не менее проповедником

он был неплохим. Кахимский наместник, находившийся в то время в Йере, почему-то решил, что учение, провозглашенное тобой и проповедуемое Сирхом, представляет угрозу для власти империи. На последователей Сирха начались гонения. Одно время Сирх даже был объявлен врагом империи номер один и за его голову была назначена награда. Подобные действия наместника играли нам на руку. Давление Кахима на Йер усиливалось, а следовательно, и буферная зона становилась более плотной. Все изменилось шесть лет назад, когда в Йер прибыл новый наместник по имени Центий Офр. Человеком он оказался весьма прощительным и умным и очень скоро понял, что проповедуемое Сирхом учение не только не представляет собой никакой угрозы, но, напротив, облегчает жизнь наместника Кахимской империи. Он разыскал Сирх и, окружив его почестями и ласками, сделал своим официальным идеологом,— Кричит усмехнулся.— Слаб человек. Как же еще слаб человек! И несовершенен. Видно, надоело Сирху брояжничать и нищенствовать. Взялкал он богатства, власти и официального признания. А наместник, таким образом, взял под свой контроль наиболее крупные общины последователей Сирха по всей стране. Но абсолютно верный ход со стороны кахимского наместника оказался губительным для нашего проекта. С того момента, как Сирх начал свободно разъезжать по стране со своими проповедями, буферная зона на территории Йера стала медленно, но неумолимо разрушаться. Сейчас там действуют одновременно два фактора. С одной стороны, ослабло давление на Йер со стороны Кахимской империи. После убийства императора Карадоса Четвертого на престол взошел его племянник Милите — правитель бездарный, но амбициозный. Успокоенный миром и покоем, царящим в Йере, он вывел оттуда большую часть армии, перебросив ее на новые фронты. Одновременно с этим народ Йера начал разочаровываться в проповедуемом Сирхом учении. Причина этого кроется,

главным образом, в том, что Сирх, получив одобрение и поддержку наместника, не только не попытался этого скрыть, но, напротив, стал бравировать своей близостью к представителю Кахима. Точно так же он начал выставлять напоказ и внезапно свалившееся на него богатство. Возможно, он считал, что признание со стороны наместника сыграет ему на руку, укрепив веру простого народа в истинность его учения,— теперь он уже считает учение о Пути к Поднебесному своим! — перед которым не смогла устоять даже Кахимская империя. Однако все вышло как раз наоборот. То, что с восторгом принималось из уст нищего проповедника, преследуемого властями, в исполнении преподобного Сирха было напрочь отвергнуто. В Йере снова начались волнения. Пока наместнику удается справляться с ними. Но, по самым оптимистическим прогнозам аналитиков Центра, Офр сможет контролировать ситуацию в Йере еще максимум полгода. По истечении этого срока власть Кахимской империи в Йере ослабнет настолько, что буферная зона окажется практически разрушенной и будет не в состоянии сдержать событийную волну, движущуюся со стороны Саркан...

Я слушал Кричета не перебивая, но с откровенным непониманием. К чему было снова рассказывать всю эту длинную предысторию второй стадии проекта на Тессе-3, если об этом уже не раз говорилось на собраниях различных групп и подразделений Центра? Я не мог понять, зачем Кричет пригласил меня сюда. Чтобы услышать от непосредственного участника первой стадии проекта одобрение принятых им решений? Вряд ли... Насколько я знал Кричета, этот человек был не из тех, кто меняет свое решение, едва услышав неблагоприятный отзыв. Да и поздно уже было что-либо менять.

Я был первым противником того, чтобы снова использовать Йер в качестве буферной зоны, но и я понимал, что в сложившейся ситуации иного выхода не было, а по-

этому и не высказывал почти никаких возражений. Единственное мое требование заключалось в том, чтобы новое воздействие на Йер было как можно более мягким и незаметным для населения. Кричуто это было прекрасно известно. Тогда для чего он затеял весь этот разговор?

Единственное, что приходило мне в голову,— Кричут хочет во время разговора незаметно просканировать мое сознание, чтобы выяснить, не испытываю ли я перед предстоящей операцией каких-нибудь скрытых колебаний или сомнений.

Не являясь чистым телепатом, я, естественно, не обладал способностью читать чужие мысли. Но тем не менее, как и любой ксенос, прошедший специальную подготовку, я владел основными приемами психотехники, и психопреконвиватор был уже имплантирован в мое левое запястье. Если бы несанкционированное вторжение в мою психику имело место, я непременно обнаружил бы его и сумел бы поставить блок.

Нет, у Кричуто на уме было что-то иное...

— В принципе существует две возможности вновь восстановить буферную зону на территории Йера,— продолжал между тем руководитель проекта.— Первая: можно заставить Кахимскую империю вернуть армию в Йер и установить там жесткий режим военной диктатуры. Любые предпосылки к мятежу должны нещадно подавляться. Метод жестокий, но эффективный. Если империя раздавит своей массой Йер так, что он уже не сможет снова оправиться и подняться с колен, то на территории этой страны длительное время будет существовать надежная буферная зона. Естественно, при наличии альтернативы мы не используем подобные методы. Альтернативой же диктатуры Кахимской империи являешься ты, Граис. Вторая возможность восстановления буферной зоны всецело зависит от того, сумеешь ли ты сработать так же четко и надежно, как и в прошлый раз.

— Я смогу это сделать,— почти не задумываясь, ответил я, постаравшись, чтобы слова мои прозвучали уверенно.

— Не сомневаюсь в этом.— Качнувшись вперед, Кричет наклонил голову.— Ты ведь не хуже меня понимаешь, что если твоя миссия провалится, то подготовить и провести новую операцию мы уже не успеем. И если бы у тебя были хоть малейшие сомнения в успехе операции, ты конечно же отказался бы от участия в ней...

Взгляд Кричeta вонзился мне в переносицу.

— Я сделаю все, как нужно,— все так же уверенно, но все же с некоторым внутренним напряжением произнес я.

— Конечно,— снова кивнул Кричет.— Надеюсь, на этот раз тебе не придется импровизировать.

— Я не собираюсь отклоняться от плана. Но, если возникнут непредвиденные обстоятельства...

— Все, что от тебя требуется,— это просто прогуляться по Йеру. Вместо тебя будет работать твой образ чудом спасшегося от смерти и наконец-то вернувшегося после долгого отсутствия мессии. Теперь ни у кого и сомнений не возникнет в том, что твоими устами говорит Поднебесный. Твое возвращение сделает учение, проповедуемое Сирхом, непоколебимым. А встретившись с самим Сирхом, ты объяснишь ему, что истинному проповеднику слова Божьего следует быть скромнее и ближе к народу. Вот и все. Какие могут быть проблемы?

— Никаких.— Что-то заставляло меня отвечать четко и бодро, как на параде.— Не ясно лишь, как отреагирует на мое возвращение новый наместник.

— Вот только к наместнику сам, как в прошлый раз, не суйся,— решительно взмахнул рукой Кричет.— Мессди-Месс сказал мне, что ты отправился к наместнику исключительно по собственной инициативе.

— Так оно и было,— не стал возражать я.

— Так вот на этот раз давай действовать строго по плану. Если возникнет необходимость, покажи народу парочку простеньких фокусов, и все. С них и этого хватит.

— Если бы в прошлый раз мне удалось убедить наместника, что проповедуемое мною учение о Пути к Поднебесному ни для кого, в том числе и для имперской власти, не представляет ни малейшей угрозы, то, возможно, не понадобилось бы сейчас затевать новую операцию,— сказал я.

— Так ведь не удалось же,— развел руками Кричет.

Около минуты мы молча смотрели друг другу в глаза. Каждый ожидал, что скажет другой. Первым нарушил молчание Кричет.

— Ну что ж,— дружески улыбнувшись, сказал он,— надеюсь, что и на этот раз мы с тобой сработаем не хуже, чем пятнадцать лет назад это получилось у тебя с Мессди-Мессом. На некоторые вещи мы с тобой смотрим по-разному, но, что самое главное, между нами существует взаимопонимание. Это все.

— Я могу идти? — немного удивленный таким неожиданным окончанием разговора, спросил я.

— Конечно,— быстро кивнул Кричет.

Я встал и, еще раз взглянув на Кричeta, направился к выходу.

— Да, Граис! — окликнул меня Кричет, когда я был уже посередине зала.— Еще два небольших вопроса.

Я остановился и не спеша оглянулся.

— Скажи мне, почему во время операции ты пользовался собственным именем? — чуть прищурив левый глаз, спросил Кричет.— Только...— он чуть задумался...— поподробнее, нежели это отражено в официальных отчетах.

— Оно оказалосьозвучным именам йеритов и одновременно с этим было немного необычным для них,— ответил я.

— Как сами йериты называют Тессу-3?

Мне с трудом удалось скрыть свое недоумение, вызванное столь странным вопросом. Готовясь к проведению операции, любой ее участник непременно использует временное расширение памяти. Подключенный к мозгу микрочип содержит в себе все имеющиеся данные по задействованному в операции миру. Кричет поступил именно так — на это указывало его знание истории Тессы-3. Но среди прочей информации в микрочипе находятся и словари необходимых языков. Я бы не удивился, если бы вопрос был задан Кричетом по ходу беседы,— человеку привычнее обращаться за объяснением к собеседнику, чем к своей расширенной памяти. Но у Кричeta было время обдумать свой вопрос. А следовательно, информацию из микрочипа он получил прежде, чем я успел на него ответить...

— Они называют свою планету Дашхут,— ответил я, постаравшись скрыть свое недоумение.— В дословном переводе это значит «плодородная почва», «земля».

— Спасибо за напоминание.

Улыбка, которой сопроводил эти слова Кричет, показалась мне откровенно издевательской.

Глава 1

ЗНАКОМЫЙ ГОРОД

Едва приметная тропа, усеянная острыми камнями, тянулась через однообразно унылое плоскогорье, петляя среди хаотичного нагромождения скальных обломков. Не было видно ни деревца, ни травинки, хотя желтые, вылизанные дождями и ветрами коряги порою попадались на глаза одионокому путнику, который, неторопливо и размеренно переставляя ноги, двигался в сторону восходящего солнца. В воздухе все еще сохранялась ночные прохлада, но путник знал, что, как только солнце поднимется чуть выше и тени от скал сделаются короче, по земле Йера разольется знойная духота.

Зона перехода, связывающего Центр с Тессой-3, находилась в труднодоступной горной местности, в стороне от караванных дорог. Граис намеренно выбрал для перехода ночной время, чтобы не тащиться по полуденной жаре. Он рассчитывал к восходу добраться до столицы Йера Халлата, но в предрассветных сумерках неожиданно обнаружил, что сбился с пути. Ему не потребовалось много времени для того, чтобы снова найти тропинку, но он не мог даже приблизительно сказать, сколько времени потерял, блуждая среди кажущихся в темноте удивительно одинаковыми каменных глыб.

Остановившись возле высокой, похожей на пирамиду скалы, Граис посмотрел на солнце. У него оставалось еще минут сорок, максимум — час, после чего плоскогорье превратится в огромную раскаленную сковороду. Тогда уже нужно будет думать не о том, как поскорее добраться до Халлата, а об укрытии от безжалостного солнца. Лучше всего для этой цели подошла бы неглубокая расщелина между валунами. Только прежде чем забираться туда, нужно

было убедиться, что ее уже не облюбовала парочка песчаных змей.

Подумав об этом, Граис мысленно улыбнулся, порадовавшись тому, как быстро возвращаются к нему былой опыт и знание местности. Достаточно оказалось сделать всего лишь несколько шагов по земле Йера, и он вновь ощутил себя йеритом. Как будто и не было пятнадцати лет, проведенных в Центре и на других планетах.

Граис и сам, наверное, не смог бы объяснить, с чего вдруг так прикипел душой к Йеру, который, в сущности, ничем особенно не отличался от иных миров и стран, где ему довелось побывать. Разве что только тем, что напоминал ксеносу о Земле, которую он покинул, когда ему было только двадцать два года, и куда с тех пор уже никогда не возвращался... Но ведь были и другие планеты, похожие на Землю. Так почему же именно Дашихут и Йер?..

Взмахнув рукой, Граис отогнал навязчивую мысль. Думать следовало не об этом, а об операции, которая фактически уже началась. Первая же встреча с людьми во многом может определить линию дальнейшего поведения ксеноса. Конечно, лучше, если бы таким первым встречным оказался одинокий странник. Даже если случайный встречный и не узнал бы Граиса, в ходе короткой беседы, подобающей двум встретившимся на пути йеритам, ксеносу удалось бы снять эмоциональную карту своего собеседника, что в значительной степени облегчило бы его дальнейшую работу. На основании анализа эмоциональной карты даже одного человека, принадлежащего к большому сообществу, можно было сделать приблизительный вывод о настроении в общей массе людей.

Граис поправил на плечах большой треугольный платок — непременный атрибут костюма любого йерита. В Йере выйти без такого платка из дома было бы полнейшим безумием. В полуденную жару его накидывали на голову, спасаясь от палящего солнца.

Платки традиционно были белыми с узкой полоской по краю и кистями на концах. По рисунку на кайме и цвету кистей можно было определить, к какому родовому клану относится носящий его йерит. Кроме того, по тому, насколько хорош и дорог был платок, можно было косвенно судить и о материальном благосостоянии его обладателя.

Граис, как и в первое свое посещение Йера, выбрал платок с пурпурными кистями и ромбами по кайме, обозначающими его принадлежность к клану Джи, представители которого жили на севере Йера, главным образом в окрестностях Сиптима, и редко появлялись в столице. Как платок, так и вся остальная одежда Граиса — просторная рубашка из белого полотна с широким вырезом до живота, который стягивал шнурок, продетый в петли по краям, и такие же белые штаны, достающие до щиколоток,— была характерна для йерита с достатком чуть ниже среднего. Только сандалии его, хотя и были на вид вполне обычными — широкие кожаные подошвы, крепящиеся к ступням четырьмя ремешками,— на самом деле были сделаны из прочного и необыкновенно удобного пневмопластика. Такие подошвы не только надежно защищали ступни от любых острых предметов, встречающихся на дорогах, но и, обладая отменными амортизационными качествами, в значительной степени снижали нагрузку на ноги при ходьбе на большие расстояния.

Но сейчас, даже при наличии столь замечательной обуви, Граис чувствовал усталость. Ему хотелось присесть и отдохнуть, но он заставлял себя, не останавливаясь, идти дальше. Если жара застанет его на плоскогорье, то до Халлата он доберется только к позднему вечеру. А это означало бы, что будет потерян целый день.

Граис накинул на голову платок так, чтобы край его прикрывал глаза от слепящих лучей солнца. Шагу он не

прибавил, понимая, что незначительный выигрыш в скорости привел бы к неоправданным затратам сил.

Он успел спуститься в долину как раз к тому времени, когда солнце начало припекать в полную силу. Добравшись до ближайшего дерева с развесистой кроной, Граис ненадолго присел в его благословенной тени.

Небольшая птица с серым опереньем и ярко-красным хохолком опустилась на ветку дерева. Склонив голову к крылу, она с любопытством уставилась на неподвижно сидящего на земле человека.

— Иди сюда.— Улыбнувшись, Граис протянул птице руку с раскрытой ладонью.

Птица пронзительно пискнула, взмахнула крыльями и, сорвавшись с ветки, упорхнула.

Граис досадливо цокнул языком.

Опершись руками о землю, он легко поднялся на ноги и снова зашагал в сторону города.

Когда Граис вышел из зарослей чахлого, но высокого кустарника, он увидел высокую крепостную стену, возносящуюся, казалось, к самому небу. Чуть левее проходила широкая грунтовая дорога, упирающаяся в величественные ворота, укрепленные широкими металлическими полосами.

Слева от ворот, укрывшись от палящих лучей солнца в тени крепостной стены, прямо на земле сидели люди.

Граис сразу же заметил их, едва выйдя на дорогу.

Трудно было понять, чего ожидали эти люди, но наблюдали они за приближающимся путником с плохо скрытой завистью. Даже на расстоянии Граис почувствовал исходящую от них волну агрессивной ненависти.

Подойдя ближе, Граис даже неприятно поморщился. Лохмотья на этих бедолагах производили ужасное впечатление, и воняли они так, что дыхание перехватывало: должно быть, самый чистоплотный из них мылся в последний раз месяц назад. К тому же почти все они были калеки:

кто без руки, кто без ноги или даже без обеих ног, кто без глаза. Двоююродивых, сидя на корточках, пускали слюни и что-то невнятно бормотали, вперив безумно вытаращенные глаза в пустоту перед собой.

— Здравствуйте, люди добрые,— чуть замедлив шаг, поприветствовал нищий Граис.

На дорогу прямо перед ним, поднимая тучи серой пыли, выполз безногий нищий, закутанный в драную хламиду, подол которой он накинул себе на голову.

— Подайте медячок несчастному калеке,— жалобно проглядывая безногий.

— Конечно, конечно...

Граис достал из внутреннего кармана кожаный кошелек и положил в грязную ладонь нищего три монеты, достоинством в дуз каждая.

Видя щедрость незнакомца, заголосили и другие нищие, со всех сторон протягивая к Граису трясящиеся ладони.

— Берите, люди, берите...

Граис доставал деньги из кошелька и раздавал их нищим. Но от этого тянувшихся к нему рук не становилось меньше.

Неожиданно, оттолкнув оказавшуюся ближе всех к Граису старуху, так что та, упав, растянулась в дорожной пыли, вперед вышел еще не старый мужчина с широкими плечами. Левая рука его была отрублена по самое плечо. Из-под грязного платка, накинутого на кудлатую голову, злобно сверкали маленькие звериные глазки.

— Возьми,— протянул ему последние оставшиеся у него два дуза Граис.

Однорукий повернул голову в сторону, презрительно сплюнул в пыль и только после этого быстрым движением выхватил из пальцев Граиса монеты и кинул их за пазуху.

— У тебя, видно, денег невпроворот, если ты раскидаешь их налево и направо,— медленно процидил сквозь зубы однорукий.

— Это все, что у меня было.— Улыбнувшись, Граис встряхнул пустым кошельком.

— Да? — недоверчиво покосился на него нищий.— А как же ты собираешься попасть в город?

— Разве для этого необходимы деньги? — удивился Граис.

— Да ты с неба свалился! — противно заржал нищий.— Или деньги нужны, или гарант — без этого и не суйся.

— Гарант? — Граис осторожно произнес незнакомое для него слово.

— Гарант, гарант,— передразнил его однорукий.— Чего ты удивляешься? Или не видел никогда такой металлической бляхи? — Он обернулся к своим дружкам, скорчив гримасу.

Вся компания нищих визгливо загоготала. Один безглазый кашлетик так зашелся, что даже на землю упал и забился в судорогах.

— Я давно не был в Халлате и не знал, что за вход в него теперь надо платить деньги или показывать какой-то гарант,— посмотрев на безрукого, в котором он сразу же признал главаря шайки нищих, развел руками Граис.

— Гаранта у тебя и быть не может,— глумливо усмехаясь, сказал однорукий.— При такой-то роже...

Все опять засмеялись.

— Вход в город стоит пятнадцать дузов,— продолжал нищий.— И будь я проклят, если ты не припрятал за пазухой еще один кошелек.

— Еще бы! — взвизгнула худющая как жердь женщина с синим лицом и отрубленным ухом.— Хотел от нас мелочью откупиться!

Однорукий бросил быстрый взгляд в сторону ворот, чтобы убедиться, что за ними не наблюдает стражи. Но створки ворот были плотно закрыты. В столь ранний час никто, должно быть, пока еще не изъявил желания покинуть город. На дороге же, ведущей к воротам, также не было видно

путников, кроме чудака, рискнувшего путешествовать в одиночку да еще и швыряющегося при этом деньгами.

— Слушай меня,— обращаясь к Граису, тихо произнес однорукий.— Я бы предпочел решить дело миром. Давай сделаем так: ты отдаешь мне свой кошелек, и я отсчитываю тебе из него пятнадцать дузов, чтобы ты смог заплатить за вход в город. По-моему, так будет справедливо.

— Ты хочешь ограбить меня и говоришь при этом о справедливости.— Граис пристально посмотрел в глаза нищего.— Поистине, из-за азарта гонок и пыла охоты в человеческом сердце и возникает безумие.

Однорукий стал суетливо оглядываться по сторонам.

— Мне нужно идти,— сказал Граис.— К тому же тебе нечего у меня отобрать: — у меня больше нет денег. И запомни: если стремишься завладеть, сначала нужно дать.

Граис сделал шаг в сторону, чтобы обойти однорукого.

— Эй! Эй! — шамкая беззубым ртом, закричал старик с затянутыми бельмами глазами.— Я уже где-то слышал эти слова!..

Все еще сидящий в дорожной пыли безногий как клещами вцепился Граису в щиколотки. Граис потерял равновесие и начал заваливаться вбок. Обернувшись, он увидел, что падает точно на подставленное одноруким длинное, остро заточенное шило. Поймав пальцами запястье однорукого, Граис чуть повернул его и сдавил так, что нищий завизжал от боли. Шило упало в дорожную пыль. Опершись на однорукого, Граис восстановил равновесие и одним, почти незаметным поворотом стопы отшвырнул цепляющегося за его щиколотки безногого в сторону.

Когда Граису показалось, что он уже свободен, сбоку на него налетели еще трое нищих. Кто-то саданул его чем-то тяжелым по колену, и Граис снова едва не упал. Женщина-жердь вцепилась в его рубаху и дернула с такой силой, что едва не разорвала ее надвое. Через минуту уже вся свора нищих, окружив Граиса, подобно стае голодных псов,

рычала и бросалась на человека, который только что щедрой рукой раздавал им свои деньги.

Граис вначале только защищался, стараясь не причинять несчастным калекам увечий. Однако, когда в руке одного из нищих сверкнуло тонкое лезвие ножа, он понял, что дело серьезно. Да и однорукий уже поднял с дороги свое шило и теперь стремился подобраться поближе к Граису, чтобы просунуть свое опасное оружие ему между ребер.

Подловив однорукого на ложном выпаде, Граис выставил руку вперед и раскрытой ладонью едва только коснулся груди своего противника. Нищий с воплем отлетел на пару метров и, грохнувшись на обочину дороги, замер в неподвижности с разинутым ртом и откинутой в сторону рукой. Бросив быстрый взгляд на поверженного противника, Граис досадливо цокнул языком,— выброс потока психокинетической энергии из ладони получился интенсивнее, чем он хотел.

В пылу драки ни нищие, ни Граис не заметили, что на дороге, ведущей к городу, появился одинокий всадник.

Увидев, что возле ворот происходит какая-то потасовка, всадник, пришпорив своего чеклака, пустил его галопом. На скаку он выдернул из ножен узкий, чуть изогнутый клинок.

Налетев на нищих, всадник взмахнул над их головами саблей.

— Прочь, нечисть! — закричал он высоким, звонким голосом.

Увидев вооруженного человека, нищие сразу же бросились врассыпную. Возле дороги остались только все еще не пришедший в себя однорукий да слепой старик, скорчившийся возле стены.

— Убирайтесь прочь, твари! — погрозив убегающим нищим саблей, прокричал им вслед всадник.

Граис поправил на себе одежду и накинул на голову платок.

— Спасибо тебе,— сказал он, подняв взгляд на своего спасителя.

— Не за что! — приветливо улыбнулся всадник и, вставив клинок в ножны, ловко спрыгнул с чеклака.— Ты и сам неплохо дрался. Мне даже показалось, что ты умышленно действовал не в полную силу.

Всаднику на вид было не больше двадцати лет. У него только еще начинала кудрявиться первая бородка, такая же светлая и мягкая, как и его волосы, зачесанные на левую сторону, что сразу же выдавало в нем выходца из восточных провинций Йера. Подтверждением этому служил и его платок с алыми кистями и вышитыми золотом перекрещающимися молниями — знаками клана Кай.

Юноша потрепал по гриве своего прекрасного вороного чеклака, который один, должно быть, стоил целого состояния, и снова повернулся к Граису.

— Чего ты не поделил с этими оборванцами? — спросил он.

— Я просто подал им милостыню,— пожал плечами Граис.— А они набросились на меня, решив, что я еще припрятал денег.

— Ты что же, отдал им все, что у тебя было? — недоверчиво посмотрел на Граиса юноша.

— Да,— кивнул тот.— Они нуждались в гораздо большей степени, нежели я.

Граис подошел к лежащему неподвижно на земле однорукому и, наклонившись, дотронулся пальцами до активных точек у него на шее. Нищий дернулся и открыл глаза.

— Эти?— Юноша презрительно фыркнул.— Они не нуждаются ни в чем. Зато теперь ты сам остался без дуза в кармане.

— Если милостив к людям, то и от людей тебе будет милость,— ответил ему Граис.

Увидев перед собой лицо Граиса, нищий пополз в сторону, отталкиваясь пятками и упираясь в землю своим единственным локтем. Отодвинувшись на пару метров, он проворно вскочил на ноги и кинулся вдогонку за своими приятелями.

Юноша посмотрел на Граиса с нескрываемым интересом.

— Я правильно тебя понял? Ты называешь людьми тех скотов, которые чуть было не разорвали тебя на части из-за нескольких дузов?

— Именно так,— подтверждая его слова, наклонил голову Граис.— Они конечно же являются далеко не лучшими представителями людского рода, но человек мудрости постоянно совершенствуется, помогая людям, поэтому не отвергает никаких людей.

Юноша только головой покачал.

— Давно не было слышно в Йере подобных речей,— произнес он.

— Неужели? — удивился Граис.— А как же проповеди преподобного Сирха?

— Сирх?! — Брови юноши взлетели едва ли не к середине лба, что выражало одновременно и удивление, и возмущение, и недоверие к словам собеседника.— Откуда ты, чужестранец? По виду и говору ты как будто йерит. Но не могу поверить в то, что хотя бы один житель Йера не слышал проповедей Сирха!

— Меня не было в Йере почти пятнадцать лет,— ответил Граис.

— Тогда понятно,— кивнул юноша.— Ты пришел в Халлат пешком?

— Да,— ответил Граис.

— И без попутчиков?

Граис улыбнулся и молча развел руками.

— В таком случае тебе повезло, что на тебя напали только под стенами Халлата,— сказал юноша.— Сейчас в Йере больше разбойников и бандитов, чем честных граждан.

— А ты сам не боишься путешествовать? — спросил Граис.

— Я не один,— покачал головой юноша и указал рукой на дорогу, где показались четверо всадников.— Это моя охрана,— сказал он и весело, совсем по-мальчишечки улыбнулся.— Мне удалось оторваться от них.

— Должно быть, ты важная персона, если в пути тебя сопровождают четверо охранников,— высказал вполне обоснованное предположение Граис.

Юноша недовольно дернул уголком рта.

— Не я, а мой папаша,— сказал он.

— Позволь мне узнать имя твоего почтенного родителя.

— Никакой он не почтенный,— пренебрежительно махнул рукой новый знакомый Граиса и сразу же перевел разговор на другую тему: — Ты прибыл в Халлат с какой-то конкретной целью?

— Я просто хотел повидать своих старых знакомых,— сказал Граис.— Но, как мне сказали нищие, чтобы войти в город, нужно показать какой-то гарант или заплатить пятнадцать дузов, а у меня не осталось ни одного. Не знаешь ли ты, как можно попасть в Халлат другим путем, минуя ворота?

— Халлат похож на учение Сирха,— усмехнулся юноша.— Стены высокие и крепкие только вокруг ворот, а пройдешь чуть в сторону — полно дыр. Но не волнуйся, незнакомец, нас с тобой пропустят и через эти ворота.

— Что случилось, господин? — спросил у юноши один из подъехавших к ним охранников в традиционной одежде йеритов.

Рука его лежала на рукояти выдвинутой наполовину из ножен сабли. Взгляд подозрительно косился на Граиса.

— Все в порядке,— махнул рукой юноша.— Я просто встретил знакомого. Позаботься лучше о том, чтобы нас пропустили в город.

Охранники подъехали к воротам. Один из них, наклонившись, трижды ударил рукоятью зажатого в кулаке кнута по деревянной створке небольшого квадратного окошка. Окошко почти сразу же открылось. В проеме показалось красное, одутловатое лицо с обвислыми черными усами.

— Ну?.. — с трудом разлепив спекшиеся губы, недовольно произнесла голова в окошке.

— Открывай ворота, собака! — рявкнул один из приехавших вместе с юношей воинов. — Сын преподобного Сирха прибыл ко двору наместника!

Краснорожий страж ворот, даже не взглянув на бумагу, которую сунул ему под нос охранник, захлопнул окошко и кинулся открывать ворота.

— Ты сын преподобного Сирха? — удивленно уставился на юношу Граис.

— Да, — довольный произведенным впечатлением, но одновременно с этим и несколько смущенно улыбнулся юноша. — Меня зовут Килос.

— Того самого Сирха, рыбака из Дрота, который потом пришел в Халлат как ученик Граиса? — автоматически пожав протянутую Килосом руку, уточнил ксенос.

При упоминании имени Граиса озорные искорки мгновенно исчезли из карих глаз Килоса.

— Будь осторожен, незнакомец, — произнес Килос тише, чем он говорил ранее. Должно быть, он не хотел, чтобы их услышали стражники у ворот. — Ты давно не был в Йере и поэтому, наверное, не знаешь, что за упоминание имени Граиса в связи с именем преподобного Сирха можно жестоко поплатиться.

— Я не боюсь произносить вслух свое имя, — сказал Граис.

— Что ты хочешь этим сказать? — как-то странно присущирись Килос и даже сделал шаг назад, как бы желая получше рассмотреть своего нового знакомого.

— Граис — это мое имя, — слегка наклонив голову, представился ксенос.

— Но ты же не тот самый Граис из Сиптима, приговоренный к казни пятнадцать лет назад за призывы к бунту против Кахимской империи и таинственным образом бесследно исчезнувший из тюремной камеры в ночь перед казнью? — натянуто улыбнулся Килос, желая обратить все в шутку.— Ведь не тот же?!

— Именно тот самый Граис из Сиптима,— заверил его ксенос.— Только я никогда не призывал людей к бунту.

— Господин!

Килос, вздрогнув, оглянулся на окликнувшего его охранника.

Тот молча указал кнутом на открытые уже ворота.

— Послушай,— странно поглядывая на Граиса, с жаром заговорил Килос,— здесь не совсем удачное место для беседы. Ты, наверное, устал с дороги. Быть может, ты не откажешься зайти со мной на ближайший постоянный двор, чтобы подкрепить свои силы вкусной едой и вином?

— Почту за честь, господин Килос,— с благодарностью приложил руку к груди Граис.— Тем более что мне тоже хотелось бы расспросить тебя о твоем отце, которого я уже давно не видел.

— Отлично.— У Килоса от радости заблестели глаза.— Только не называй меня больше господином.

— Тогда скажи об этом и им,— указал Граис на охранников.— Успех дела — не в прославлении величия.

— Хорошо,— кивнул Килос.— Я подумаю об этом.

Они беспрепятственно вошли в город,— стражи ворот, во избежание лишних неприятностей, даже не выглянули из своей будки.

Килос приказал своим охранникам свернуть в ближайшую уличку и остановиться возле постоянного двора.

В небольшом обеденном зале, куда их провел маленький верткий хозяин, сразу же смекнувший, что к нему пожаловали богатые гости, царил полумрак,— окна защищали от солнца серые занавеси. За одним из столов сидели только

трое пьяных шалеев из имперской гвардии. Охранники Килоса собирались было выставить их на улицу, но юноша, взмахнув рукой, велел им не затевать бессмысленную свару.

— У тебя в Халлате дела? — предупредительно спросил Граис, усаживаясь за стол.

— Какие там дела! — небрежно бросил Килос, располагаясь напротив Граиса. — Веселые застолья, навевающие скучу. Блуждание в пресном киселе.

— Как? — улыбнулся Граис.

— А, ладно, — Килос махнул рукой и обернулся к остановившемуся рядом со столом хозяину. — Подай нам вина. — Он на мгновение задумался. — Кахимского.

— Извините, господин, — почтительно согнулся спину хозяин. — Кахимского у меня нет.

— Тогда давай лучшее из того, что имеешь, — сказал Килос. — И поесть. Вы тоже себе что-нибудь закажите, — велел он охранникам.

Не прошло и минуты, как на столе уже стояли запотевшие кувшины с холодным вином, тарелки с изюмом и сыром. Отдельно была подана закопченная на вертеле холодная труква, коричневая поджаристая корочка на которой блестела от слоя прозрачного жира. Охранники заняли стол возле самого входа, так что им не было слышно, о чем разговаривали Килос и Граис.

Килос разлил вино в кружки и, сделав из своей несколько глотков, отломил у птицы ногу. Граис, заедая терпкое йерское вино, кинул в рот несколько изюмин.

— Вино-то у него дрянь, — поморщился Килос, ставя кружку на стол. — А тебе как? — взглянул он на Граиса.

— Бывали в Йере вина и похуже.

Килос кивнул, о чем-то размышляя.

— Так ты, говоришь, являешься тем самым Граисом из Сиптима, — наконец произнес Килос, стараясь говорить не громко, — который пятнадцать лет назад пропал без следа?

Если оно и так, то это великое чудо, которое свершилось в Йере за последнее время.

— Я расскажу тебе историю моего появления,— тихо сказал Граис,— хотя она и не так интересна, как может показаться.

— Не интересна?— Юноша наклонился ближе к Граису.— Почему же?

— Потому что я никуда не исчезал,— добродушно развел руки в стороны Граис,— а просто терпеливо ждал, когда страсти улягутся и все встанет на свои места.

— Ты говоришь загадками.— Юноша оглянулся по сторонам.— Но отчего-то я тебе верю.

— Ну вот и хорошо,— улыбнулся Граис.— Поистине, великий Поднебесный, подаривший мне сразу же по прибытии в Халлат встречу с сыном друга.

— Во веки веков,— почтительно произнес Килос фразу, полагающуюся при упоминания имени Бога.

— В свое время я был близко знаком с Сирхом,— сказал Граис.— Он был моим другом и учеником. Но он никогда не говорил мне, что у него есть сын.

— Рожденный вне брака,— усмехнулся Килос.— В то время он меня и знать не хотел. А вот когда стал великим преподобным Сирхом, тогда и подумал, что ему нужен наследник. Вот и вспомнил обо мне. Должно быть, новых детей завести он уже не в силах.

— Ты непочтительно отзываешься об отце,— с укором произнес Граис.

— Сначала он должен заслужить мое уважение,— с вызовом вскинул голову Килос.— Девятнадцать лет он не вспоминал ни обо мне, ни о моей матери. Неужели же я должен был по первому зову броситься ему в объятия?

— И тем не менее ты признаешь себя сыном Сирха. Килос криво усмехнулся.

— Только потому, что в Йере лучше быть сыном преподобного Сирха, нежели рыбака Сирха, у которого нет денег даже на то, чтобы купить себе невод.

— Как же тебе удается ладить с отцом? — спросил Граис.

— А никак,— развел руками Килос.— Полгода он пытался приручить меня, а когда понял, что ничего у него из этого не выйдет, отправил в Халлат ко двору наместника.

— Так, значит, сам Сирх сейчас не в Халлате?

— По-моему, они с наместником недолюбливают друг друга,— наклонившись через стол, тихо произнес Килос.— Поэтому Сирх старается как можно реже появляться в столице. Он путешествует по крупным провинциям Йера, выступая в больших городах со своими проповедями, но больше всего времени проводит в Меллении — там у него постоянная резиденция.— Килос бросил на стол обглоданную кость и отхлебнул изрядную порцию вина.— Послушай,— снова наклонившись к Граису, зашептал он,— вот что давно меня мучает. Если ты действительно был учителем Сирха, то объясни мне, почему тебя в народе почитают как человека, чьими устами говорил Поднебесный, а Сирха поносят последними словами? Ведь он всего лишь повторяет твои слова!

Прежде чем ответить, Граис отщипнул кусочек сыра, пожевал его и запил вином.

— Великая прямота отражает кривизну,— сказал он, глядя в глаза юноше.— Великая смекалка отражает глупость. Великая завершенность отражает изъяны. Великое красноречие отражает бормотание. Нет большей беды, чем неосознание достаточности.

Откинувшись на спинку стула, Килос с восторгом посмотрел на Граиса.

— Теперь я верю, что ты действительно Граис из Сиптима,— произнес он после недолгого молчания.— Никогда прежде мне не доводилось слышать столь простых и од-

новременно глубоких слов, отвечающих на самую суть поставленного вопроса. Теперь я все понимаю,— с воодушевлением засмеялся он и даже хлопнул в ладоши.— Сирх попросту выхолостил твоё учение. Он зарыл его суть под нагромождением бессмысленных словесных конструкций.

— Скорее всего, Сирх искренне заблуждается, думая, что истина нуждается в толковании,— спокойно возразил Граис.

— Заблуждается.— Килос хмыкнул и покачал головой.— А по-моему, он умышленно вводит своих слушателей в заблуждение.

— Теперь я понимаю, почему вы с отцом не поладили,— едва заметно улыбнулся Граис.— Ты все подвергаешь сомнению.

— Ты считаешь, что я не прав?

— Напротив,— покачал головой Граис.— Именно этого качества всегда недоставало твоему отцу. А я всегда требовал от своих учеников не только веры в то, что я говорю, но понимания. Понять порою гораздо труднее, чем свято уверовать.

— Но в таком случае можно подвергнуть сомнению и саму веру в Поднебесного,— с благоговейным ужасом произнес Килос.

— Что ж, попробуй,— улыбнулся Граис.— Но для начала подвергни сомнению существование себя самого, поскольку ты есть одно из проявлений воли Поднебесного. В мире все знают, как познать непознанное, но никто не знает, как познать уже известное.

— Да-а.— Килос озадаченно поскреб ногтями свою бородку.— Поистине, легенды о тебе рассказывают правду: твоими устами говорит сам Поднебесный.

Граис улыбнулся:

— Познание — не речь. Речь — не познание.

В глазах Килоса все заметнее сиял восторг. Он даже о еде забыл, и над тарелками уже жужжали слетевшиеся на аромат зеленоватые мигаты.

— Хотел бы я быть твоим учеником,— наконец произнес он. Граису даже показалось, что в словах его прозвучала затаенная просьба.— Ты не собираешься снова начать проповедовать?

— Нет,— покачал головой Граис.— Боюсь, что на этот раз я долго в Йере не задержусь. Но ты ведь можешь стать учеником Сирха — тем более если это твой отец.

— Сирх! — Юноша не произнес, а с презрением выплюнул это имя.— Что значит Сирх по сравнению с тобой?! Ты — истинный учитель, потому что учишь людей думать. Сирх же вбивает им в головы свои постулаты, словно гвозди заколачивает! По самую шляпку! «Власть дана от Поднебесного! Без Власти жизнь — хаос! Живи не для себя, но для Поднебесного, который и есть Власть!..» — нараспев заголосил он, пародируя Сирха.

Слушая его, Граис улыбнулся. Действительно, подобные интонации, пронизанные благоговейным неистовством, были свойственны Сирху и в прежние времена.

— Ну, что ты на это скажешь? — спросил Килос, довольный тем, что его небольшое представление понравилось собеседнику.

— Я не вижу в этих словах противоречия истине,— сказал Граис.— Но в целом ты прав: подобная прямолинейность не идет на пользу дела. Учеников можно заставить вынужденно следовать им всегда и во всем. Мудрый наставник только подводит ученика к черте, за которой тот сам находит требуемый ответ. В свое время я говорил то же самое, но другими словами: порядок в большом государстве отражается в приготовлении мелкой рыбешки.

Килос бросил взгляд на своих охранников, которые, закончив трапезу, в ожидании приказа то и дело посматривали на своего господина.

— Что ты собираешься делать в Халлате? — спросил он у Граиса.

— Я рассчитывал встретиться здесь с Сирхом,— ответил тот.— Но, поскольку его нет в столице, повидаюсь для начала с другими своими учениками. А потом отправлюсь в Меллению.

— Тебе, наверное, понадобятся деньги.— Килос полез в карман за кошельком.

— Нет! — протестующе взмахнул рукой Граис.— У меня нет денег, но у меня есть друзья. Этого достаточно. Сегодня меня накормил ты, завтра угостит кто-нибудь другой.

— Ну как знаешь.— Килос поднялся из-за стола и знаком велел своим охранникам собираться.— Я рад был встрече с тобой.

— Мне беседа с тобой также доставила удовольствие,— ответил Граис, поднимаясь со своего места.— У тебя живой ум. И если ты не будешь позволять ему лениться, то сможешь многоного достичь.

— Спасибо на добром слове,— улыбнулся Килос.— Я пока еще не знаю, где именно буду жить в Халлате, но, если тебе понадобится моя помощь, можешь справиться обо мне при дворе наместника. Я всегда буду рад видеть тебя.

— Да направит твой Путь Поднебесный.

— Во веки веков.

Глава 2

ЗАКРЫТЫЕ ДВЕРИ

Пройдя узким переулком, в котором стоял нестерпимый смрад вымачиваемой кожи, Граис вышел на крошечную тихую площадь. Со всех сторон ее окружали невзрачные двухэтажные дома, сложенные из серых грубоотесанных камней. Подойдя к покосившейся двери одного из домов,

Граис негромко постучал. Ему долго пришлось ждать, пока он не услышал в глубине здания тяжелые шаркающие шаги.

Дверь чуть приоткрылась. В доме царил полумрак, и Граис, ослепленный ярким солнечным светом, не мог различить лица того, кто стоял за порогом.

— Я могу видеть Миноса? — спросил он.

Человек, стоявший за порогом, какое-то время молча изучал гостя.

— Зачем тебе Минос? — произнес он наконец.

Голос говорившего был гулким и глухим, словно шел со дна огромной бочки.

— Он мой друг,— ответил Граис.— Мы давно с ним не виделись...

— Нет здесь Миноса,— резко оборвал его голос.— Не живет он больше в Халлате.

— А где я могу его найти?

— Иди отсюда и не приходи больше.

Дверь с грохотом захлопнулась. Противно заскрежетал засов.

Граис постоял недолго возле двери в раздумье, затем повернулся и направился через площадь.

Он услышал, как сзади скрипнула дверь, и обернулся — из соседнего дома выглянула девушка в темном платье с растрепанными, грязными волосами.

— Ты Миноса ищешь? — тихо спросила она, воровато оглядываясь через плечо.

Граис молча кивнул.

— Он уехал. В Меллению,— зашептала она, не глядя на Граиса.— Его призвал к себе Сирх...— Девушка запнулась и быстро поправила себя: — Преподобный Сирх.

— А не скажешь ли ты мне?..— начал было Граис, но, не дослушав его, девушка быстро юркнула в дом, осторожно прикрыв за собой дверь.

Граис постоял немного, пожал плечами и направился в ближайший переулок.

Боясь с непривычки запутаться среди узких улочек, он вышел к городской стене и, используя ее как ориентир, направился на другой конец города.

Теперь он мог воочию убедиться, что, насмехаясь над запертыми воротами, Килос был абсолютно прав. Чем дальше отходил он от ворот, тем ниже становилась городская стена. А спустя какое-то время она и вовсе сошла на нет. На месте, где должна была стоять стена, возвышались только штабели каменных блоков, предназначавшихся для ее возведения.

Здесь границу города определяли только плотно прижавшиеся один к другому кособокие домишкы бедных ремесленников. Мелкий товар повседневного спроса, который они изготавливали, был слишком дешев для того, чтобы нести его на рыночную площадь. Место на рынке стоило дороже, чем мог заработать ремесленник за целый день, торгуя своим товаром. Поэтому и выставлялся он на продажу прямо здесь же, разложенный на скамьях и столиках, вынесенных на улицу.

Однако покупали товар у ремесленников отнюдь не бедняки. Богатые йериты в искусно расшитых платках толпились возле столиков, торгясь с женами и дочерьми ремесленников из-за каждого дуга. Их сопровождали слуги, присматривающие за низкорослыми чеклаками, которые, понуро опустив головы к земле, осторожно наблюдали, как товары со столов торговцев постепенно перекочевывают в их чересцедельные сумки.

— Спиногрызы!.. — сквозь зубы процидил оказавшийся рядом с Граисом йерит, мужчина лет сорока пяти, по виду такой же ремесленник, как и все, проживающие на этой улочке.

Заметив заинтересованный взгляд Граиса, который тот искоса бросил на него, мужчина оскалил большие желтые зубы:

— Что, приятель, у вас на севере такого еще нет?

— А что, собственно, здесь происходит? — спросил его Граис.— Я недавно в городе...

— Владельцы рыночных мест за бесценок скупают нашу работу,— ответил ремесленник.— Завтра она уже появится на их прилавках по цене, раза в три превышающей ту, что она стоит здесь. Подожди,— многообещающе махнул он черной курчавой бородой,— скоро и у вас на севере введут такие же порядки. Только не забудьте после этого вознести хвалу преподобному Сирху!

— Сирх? — Удивленно поднял бровь Граис.— При чем здесь Сирх?

— Говорят, что новый наместник хотел, по примеру Ка-хима, ввести свободную продажу рыночных мест по оди-наковой для всех цене: заплати налог — и торгуй чем по-желаешь,— ответил ремесленник.— Однако преподобный Сирх сумел убедить его в том, что лучше иметь дело только с крупными торговцами. Иначе, по его словам, рыночная площадь может превратиться в место постоянного собрища всякого отребья, способного на бунт. Вот теперь, благодаря заботе преподобного Сирха, купцы и дерут с нас три шкуры.

— А для Сирха-то в этом какой интерес?

— Наш заботливый пастырь своего не упустит,— усмех-нулся ремесленник.— Наверняка содрал с купцов за свои хлопоты хорошую мзду. Это ж он только нам рассказывает, что тот, кто не накопит себе богатства здесь, обретет его там.— Широким пальцем с обломанным ногтем ремеслен-ник указал на раскаленное полуденным солнцем небо.— Сам же себе и в земных благах не отказывает.

— Но если Сирх проповедует учение Граиса из Сипти-ма...— начал было ксенос.

— Чего раскричался-то? — резко оборвал его собесед-ник и опасливо огляделся по сторонам.

Люди вокруг, занятые торговлей, не обращали никакого внимания на их разговор.

— Потише, ты,— строго приказал Граису ремесленник.— А то привык у себя на севере орать во всю глотку.... Имя Граиса сейчас лучше и не упоминать при посторонних...

— Почему? — удивился Граис.

— Почему, почему,— передразнил его ремесленник.— Потому что Граис был Человек, а Сирх — шавка каихмская.

Ремесленник, похоже, и сам испугался собственной смелости. Он стал судорожно оглядываться по сторонам, выбирая, куда бы поскорее скрыться от свалившегося на его голову чудного северянина.

— Еще один вопрос,— быстро, пока еще собеседник не ушел, произнес Граис.— Где-то здесь поблизости прежде жили каменщики...

— Там,— неохотно махнул рукой ремесленник и, ссутулившись, чтобы сделаться меньше и незаметнее, закосолапил в сторону.

Постояв немного, Граис двинулся в указанном направлении.

ли стоит рассчитывать на то, что люди начнут внимать его словам, даже если он снова превратится в нищего бродячего проповедника. Значит, нужно сделать своим глашатаем другого человека. Кого-то из бывших учеников. В принципе подойдет любой... Разве что за исключением Фирона... Впрочем, окончательное решение можно будет принять, только повидавшись с самим Сирхом. Кто знает, возможно, он тоже не так плох, как кажется. В таком случае и проблем будет меньше. Раз уж Сирх взял на себя миссию основного последователя Граиса, так, значит, ему ее дальше и нести. Не хотелось бы впутывать в эту историю других. И тем не менее следовало иметь в виду запасной вариант...

Улица, на которой жили каменщики, отличалась добrotностью выстроенных на ней домов, хотя богатыми их тоже называть было нельзя.

Граис остановился возле нужного ему дома.

У входа две женщины, одна — пожилая, другая — совсем еще девочка, старательно выбивали пыль из длинных цветных половиков.

— Да поможет вам в вашем труде Поднебесный,— громко произнес Граис, чтобы привлечь к себе внимание женщин.

— Спасибо на добром слове,— машинально, не прекращая работы, ответила старшая.

Встяхнув еще несколько раз половик, женщина кинула его на изгородь. Выпрямившись, она откинула ладонью прядь черных с проседью волос, падавшую ей на лицо, и посмотрела на Граиса. В то же мгновение выражение ужаса исказило ее лицо. Прижав руку тыльной стороной ладони к приоткрытыму рту, она сделала шаг назад. Ее молодая помощница, стоя чуть в стороне, переводила удивленный, непонимающий взгляд с хозяйки на так напугавшего ее гостя.

Граис обернулся, решив, что ее напугал кто-то, находящийся у него за спиной. Но улица позади него была пуста.

— Я могу видеть Амирата? — стараясь говорить как можно спокойнее и мягче, спросил он у женщины.

— Ты... Ты снова пришел... — только и смогла произнести испуганная женщина.

— Не помню, чтобы мы с тобой встречались прежде, — немного смущенно улыбнулся Граис. — Столько лет прошло...

— Кто прислал тебя?! — не то выкрикнула, не то всхлипнула женщина.

Неожиданно она вспомнила о своей помощнице. Схватив девочку за руку, она втолкнула ее в дом, захлопнула дверь и, раскинув руки, прижалась к ней спиной, словно боялась, что Граис попытается ворваться в дом силой.

— Меня никто не присыпал, — спокойно ответил Граис. — Я просто вернулся...

— Оттуда, куда ты ушел, не возвращаются, — прошептала женщина.

— Ну уж... — снова попытался улыбнуться Граис. — Я же здесь. Я просто хочу поговорить с Амиратором.

— Амирата дома нет, — сказала она. Ей наконец-то удалось взять себя в руки. Теперь в глазах ее был не только страх, но и холодная решимость. — И не будет.

— Где я могу его найти?

— Уходи, — тихо, но твердо произнесла женщина. — Уходи туда, откуда пришел. Мало ты зла ему причинил? Мало он из-за тебя натерпелся? Что ты еще от него хочешь?..

— Извини...

Граис наклонил голову и быстро, не оборачиваясь, шагал прочь от дома своего ученика.

Такого он никак не ожидал. Если все, кто знал его прежде, станут шарахаться от него, как от чумного, то не о какой нормальной работе и речи идти не может. Ну,

понятное дело, в первый момент она могла испугаться, увидев перед собой без вести пропавшего пятнадцать лет назад. А потом-то что с ней произошло? С чего она вдруг взбеленилась?..

Граис вдруг подумал о том, что до отправки на Тессу-3 ему было известно о судьбе только троих его учеников — Сирха, который стал преподобным Сирхом, и Федра с Гристином, которые ушли проповедовать куда-то в западные земли. Недавно он узнал о Миносе, который вслед за Сирхом перебрался в Меллению. А что могло случиться с Амиратом? А с Фироном?.. Ему, должно быть, пришлось труднее остальных. Если во всем, что произошло пятнадцать лет назад, Фирон винит только себя одного, то этого уже достаточно для того, чтобы возненавидеть жизнь. Но ведь и другие могли обвинить его в том же, не зная, как все было на самом деле...

Улица, по которой шел Граис, становясь постепенно все шире, вскоре вывела его к рыночной площади. Он и сам не мог сказать, почему пошел именно в этом направлении. Наверное, ему просто хотелось затеряться в толпе людей, которым ни до чего нет дела, кроме товаров, которые они покупают и продают.

В самом конце улицы, где уже стояли первые палатки торговцев, на земле сидел одетый в лохмотья нищий, молча протягивающий перед собой руку, тонкую и сухую, как палка. Люди, занятые своими делами, пробегали мимо, словно и не видя несчастного. А тот в отчаянной надежде все тянул вперед свою сложенную лодочкой ладонь со скрюченными пальцами.

Увидев его, Граис машинально полез за кошельком, но вспомнил, что денег у него нет. Хорошо еще, что Килос угостил его обедом, иначе пришлось бы самому встать с протянутой рукой.

Обойдя нищего, Граис вышел на рыночную площадь. И тут же, перегнувшись через стол, его схватил за рукав

какой-то уличный торговец. Нос на его лице был настолько огромен, что край накинутого на голову мужчины платка не мог укрыть его от палящего солнца, поэтому кончик носа был красным и кожа на нем шелушилась.

— Эй, северянин! — закричал йерит, перекрывая гвалт кипящей торговли.— Прежде чем заняться делами, недурно было бы узнать свое будущее! Все в этом мире происходит с благословения Поднебесного!

Граис окинул взглядом лежащие на столе перед йеритом предметы. Большая хрустальная призма, колода гадальных карт, горстка мелких птичьих костей, череп барана, игрушечный волчок, две длинные спицы и конечно же лампада с узким, чадящим языком пламени — все это были принаследженности, используемые уличными шарлатанами для предсказания будущего.

— Ты искушаешь Поднебесного, пытаясь разгадать его помыслы,— улыбнувшись, сказал Граис уличному магу.

На что тот, ни капли не смущившись, ответил:

— Что за дело Поднебесному до такого червя, как я? Он даже и не заметит, если я пару раз осторожно загляну в его Великую Книгу Судеб. Вот если бы я пытался изменить установленный им ход вещей, тогда другое дело. Если тебя смущает все это,— предсказатель провел рукой над своими магическими инструментами,— то я могу рассказать о твоем будущем, записанном на линиях твоей руки. Тут уж никаких сомнений быть не может. Поднебесный — хвала и слава его мудрости! — сам оставил эти записи и наделил некоторых из смиренных рабов своих,— предсказатель приложил руку к груди и чуть наклонил голову, чтобы у его собеседника не осталось никаких сомнений, о ком, собственно, идет речь,— способностью толковать их.

Ответ хитрого предсказателя Граису определенно понравился. Кроме того, разговор с шарлатаном отвлекал его от собственных невеселых мыслей.

— Мое будущее мне известно,— сказал Граис.— Ты бы лучше взглянул на его ладонь.— Он взглядом указал на все так же уныло и безнадежно протягивающего перед собой руку нищего.

— Вот еще,— фыркнул предсказатель.— Я и без того расскажу тебе о нем все, что захочешь. Он сидит здесь каждый день, так что мы, можно сказать, почти соседи.

— Ну, так скажи, сколько денег он собирает за сегодняшний день? — спросил Граис.

— Вот чего не знаю, того не знаю,— покачал головой предсказатель.— Могу только сказать тебе, что к вечеру, как только торг начнет стихать, он отправится в свой дом, расположенный у Западных ворот...

— У Западных ворот? — удивился Граис.— Там же живут самые богатые люди столицы!

— Вот именно,— кивком подтвердил его слова предсказатель.— Там он примет ванну с ароматными травами, после чего юные служанки умастят его тело благовониями. Затем он накинет на плечи атласный халат и сядет за стол, где ему будут подавать самые изысканные кушанья...

— Постой-ка,— перебил его Граис.— Мы же говорим о нищем.

— Вот именно,— довольно усмехнулся предсказатель.— Таких, как ты, приезжих простаков, он здесь и обирает. А на самом деле денег у него, как я думаю, больше, чем у преподобного Сирха. Да будет тебе известно, северянин, что ты видишь перед собой короля городских нищих. Все просящие милостыню в Халлате — а их здесь тысячи! — обязаны платить ему налог. Дело это поставлено у него не хуже, чем у наместника. А сам он ходит на промысел так, из любви к искусству. Заодно и всем своим подданным демонстрирует, что не оторвался от народа, а так же, как и все, зарабатывает хлеб свой в поте лица.— Взглянув на растерянное лицо Граиса, предсказатель сначала хохотнул,

а затем, погладив двумя пальцами кончик своего обожженного солнцем носа, принял серьезный вид и церемонно предложил: — Ну как, почтеннейший, не надумал еще прощить свет на собственный завтрашний день?

— Да у меня и денег-то нет,— смущенно развел руками Граис.

Предсказатель смерил его недоверчивым взглядом. Стоявший перед ним северянин явно не был похож на вора. А что делать на рынке честному человеку без денег?

— Ладно,— махнул рукой предсказатель.— Тебя обслужу бесплатно.

Других клиентов возле его стола все равно не было. И прождать их можно было целый день. А так, глядишь, кто-нибудь да остановится посмотреть на его работу, а потом и сам захочет узнать свою судьбу.

— Тогда уж расскажи лучше о моем прошлом,— сказал Граис, протягивая предсказателю руку.

— Это еще проще,— уверенно заявил предсказатель и, сначала даже не взглянув на руку Граиса, начал глубокомысленно изрекать стандартные фразы: — Проделал ты долгую дорогу для того, чтобы попасть в Халлат. Вела тебя сюда нужда, а не прихоть...

Внезапно голос предсказателя осекся. Он уставился на открытую ладонь Граиса так, будто на ней сидел скорпион.

— Что за бесовщина,— тихо произнес он и озадаченно потеребил пальцами кончик носа. Проведя затем пальцем по линиям на ладоне Граиса, он поднял недоумевающий взгляд на самого обладателя удивившей его руки.— Никогда еще не видел такого... У тебя позади темнота... Пустота и мрак...— Предсказатель снова уставился на ладонь Граиса, словно надеялся, что рисунок на ней мог вдруг измениться.— Бесовщина...— снова произнес он.— Стой здесь! — решительно приказал он Граису, прижав его ладонь к столу.—

Никуда не уходи! Я сейчас позову отца. У него опыта побольше, он быстрее с этим разберется.

Сказав это, предсказатель скрылся за ширмой, стоящей у него за спиной.

Граис удивленно посмотрел на свою ладонь. Или хиромант ломает перед ним какую-то комедию, или... Граис решительно тряхнул головой. Никаких «или»! О человеке ничего невозможno узнать, просто глядя на линии его руки. Если бы такой способ существовал, то сотрудникам Центра было бы об этом известно.

Не прошло и минуты, как предсказатель снова появился из-за ширмы, ведя под руку согбенного старика с трясущимися коленями. Йерит был настолько стар, что даже брови и ресницы у него были седыми. Он шел, глядя себе под ноги, тяжело опираясь на руку сына. Подойдя к столу, он опустился на заботливо подставленный сыном табурет.

— Ну? — по-прежнему не поднимая головы, требовательно произнес старец.

Граис положил перед ним свою ладонь. Стариk вцепился в нее неожиданно крепкими пальцами и поднес едва ли не к самому носу. Ему оказалось достаточно лишь одного взгляда на руку ксеноса. В следующее мгновение оттолкнул руку от себя и, надсадно охнув, поднялся на ноги. Сын попытался поддержать отца, но тот только недовольно отмахнулся от него. Он поднял голову, вытер старческие слезы с глаз и подался вперед, пытаясь получше рассмотреть стоящего перед ним Граиса.

— Это Он! — прошамкал стариk беззубым ртом.

Он, должно быть, хотел выкрикнуть эти слова так, чтобы их услышала вся рыночная площадь, но немощь не позволила ему сделать это. Тогда он повернулся к сыну и вцепился скрюченными пальцами в рубашку у него на груди.

— Это Он!.. Ты понимаешь?.. Это Он!..

Наткнувшись на непонимающий взгляд сына, он повернулся вполоборота к Граису и, выставив трясущуюся руку, направил на него указательный палец.

— Ты Граис из Сиптима!.. — прошамкал старик. — Тот, который был приговорен к казни пятнадцать лет назад!.. Ты прошел сквозь темноту и снова вернулся в Йер!..

Каждую фразу старик с неимоверным усилием буквально выталкивал из себя, после чего ему приходилось делать паузу, чтобы снова набрать в легкие воздух.

В первый момент Граис был настолько поражен произошедшим, что даже не знал, что сказать. Наконец он сумел убедить себя в том, что вовсе не ладонь его стала причиной столь бурной реакции старика. Йерит, должно быть, просто бывал прежде на его проповедях, а теперь узнал его. Найдя такое простое решение проблемы, Граис улыбнулся.

— Да продлит Поднебесный твои дни, почтенный!.. — начал он, обращаясь к старику.

Но тот, не слушая Граиса, вновь набросился на сына.

— Ты что стоишь как пень?! Гони его!.. Гони его прочь!.. Не хватало только, чтобы кто-нибудь увидел его возле нашего стола!.. Донесут!.. Сразу же донесут!..

Предсказатель растерянно глянул на Граиса, как бы извиняясь, изобразил на лице кривую полуулыбку и, приподняв руку, пошевелил пальцами в воздухе, — мол, не обращай внимания, не в себе стариик...

Граис, не дожидаясь дальнейшего развития событий, попятился от стола предсказателей и быстро смешался с толпой, вливающейся на рыночную площадь.

Он попытался сразу же выбросить из головы нелепое происшествие. Какой может быть спрос со старого, выжившего из ума человека? Ну, помнил он его... Что из этого?.. Перемешалось у него все в голове — Граис, Сирх, кахимский наместник, — вот и начал гнать его, словно врача... Но не давало покоя брошенное стариком слово «До-

несут!». Того же самого, должно быть, испугалась и женщина, которую он встретил у дома Амирата... Кем она, кстати, ему приходится? Наверное, жена... Но почему все они так боятся быть уличенными в связи с ним? Ведь ремесленник, которого он встретил по дороге, говорил о Граисе, которого он вовсе не знал, с уважением... Вот именно, что не знал! Как бы он еще повел себя, зная, что тот, о ком он говорит, стоит с ним рядом? А Килос? Сын Сирха не испугался даже разделить с ним трапезу за одним столом...

Ответ на все эти вопросы напрашивался сам собой, хотя Граису и не хотелось в него верить. Причиной всего был не кто иной, как Сирх. Именно он позаботился о том, чтобы в Йере боялись даже одного упоминания имени Граиса. Только это и оставалось преподобному после того, как он заявил о своих правах на учение о Пути к Поднебесному.

Глава 3

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЙЕР!

Время давно уже перевалило за полдень, а Граис все еще бродил по базару, среди пестрой толпы продающих и покупающих, выменивающих и обещающих, просящих и ворующих. Он еле продирался в этом плотном людском море, двигаясь узкими проходами между лавками торговцев. Пронзительные крики продавцов, расхваливающих свой товар, изрядно утомили его. Да, пятнадцать лет назад в Халлате тоже было шумно и многолюдно, но такого, как сейчас, он что-то не припомнит. Изменились времена, вне всякого сомнения.

Успокаивало Граиса одно: в этой толпе его никто не мог узнать. От бесконечно сменяющегося калейдоскопа

людских лиц даже у ксеноса, обладающего тренированной фотографической памятью, рябило в глазах. Да и как узнать! Пятнадцать лет — немалый срок. Сменились люди, каждодневные заботы о хлебе насущном выветрили память о прошлом. Да и пробыл он тогда в Халлате не так долго...

Граис вел себя так, чтобы ничем не выделяться из толпы. Переходя от одного лотка к другому и время от времени останавливаясь, чтобы взглянуть на тот или иной товар, ксенос играл роль дотошного и прижимистого покупателя, который точно знает, что ему нужно, и пытается найти намеченный для покупки товар по самой низкой рыночной цене.

В данный момент рынок представлял собой наиболее безопасное место, где, не привлекая к себе внимания, Граис имел возможность все тщательно обдумать и решить, каким должен быть его следующий шаг.

Стоит ли пытаться отыскать еще кого-то из своих учеников? Если их реакция на его появление будет такой же, как и со стороны родственников Амирата, то это совершенно бессмысленная затея. От насмерть перепуганных людей ничего путного не добьешься. Быть может, правильнее будет сразу же отправиться в Меллению на встречу с Сирхом? Конечно, сомнительно, чтобы бывший ученик испытал восторг от встречи со своим учителем — Сирх теперь фигура важная, но пугаться Граиса ему незачем. Вот только как добраться до Меллении? Конечно, ксеносу ничего не стоило приказать первому встречному отдать ему свой кошелек. И тот беспрекословно выполнил бы его приказ, а после долго ломал бы голову над тем, где это его угораздило оставить все деньги. Но поступать таким образом Граису не хотелось. Негоже проповеднику, вернувшемуся, чтобы наставить своего зарвавшегося ученика на путь истинный, начинать свою деятельность с карманной кражи. Психотехнику следовало оставить на самый крайний случай. А пока можно поискать и другие пути решения своих проб-

лем... Например, можно обратиться за помощью к Килосу. Он же сам предлагал...

Граис провел тыльной стороной ладони по мокрому лбу. Жара и духота вконец измотали его. Мысли начинали путаться в голове. Да и голод уже давал о себе знать. Теперь Граису хотелось только одного,— как можно скорее выбраться из базарной суеты, найти какое-нибудь тихое, прохладное место и немного там посидеть, чтобы привести мысли в порядок и решить наконец, что же делать.

Почти уже добравшись до выхода, Граис неожиданно заметил темнокожего, по пояс голого мальчика, который демонстрировал собравшейся вокруг него публике нечто, вызывавшее у нее бурный восторг. Граис невольно замедлил шаг, чтобы взглянуть, что там такое удивительное у мальчугана.

Сам маленький артист, судя по его почти черной коже, большим плоским губам и круглым кольцам, продетым в уши, был уроженцем Тирианского царства, лежащего далеко на севере, за Серединным морем. Путь оттуда до Йера был долг и непрост. Поэтому и гости из Тирианского царства бывали в Халлате нечасто. А показывал маленький тирианец собравшимся вокруг него йеритам удивительное существо, похожее на маленького мохнатого человечка с коротким и толстым хвостом, напоминающим усеченный обрубок. Повинуясь приказам своего хозяина, зверек прыгал через кольцо, стрелой шнырял по лесенке и кувыркался на потеху публики. Ротозеи сутились, бросая зверьку орехи и фрукты, которые тот с завидным аппетитом поедал в фантастических количествах.

Увлеченный диковинным зрелищем, Граис подошел совсем близко. И вдруг зверек ни с того ни с сего скаканул прямо ему на голову и сделал стойку на хвосте. Люди, стоявшие рядом с Граисом, отшатнулись в стороны, и ксенос оказался в центре плотного людского кольца.

Граис попытался стащить зверька с головы, но тот завизжал и всеми четырьмя лапами вцепился ему в волосы. Темнокожий мальчик что-то крикнул зверьку на своем языке и махнул тростиной, которую держал в руке. Спрятавшись в ту же секунду с головы Граиса, зверек перевернулся в воздухе и, проворно вскарабкавшись на лесенку, взмахнул лапой, требуя награды за свой головокружительный трюк. Однако на этот раз ни одно угощение не полетело в его сторону.

Смузенно улыбаясь, Граис посмотрел на окружающих его людей.

— Это же Граис из Сиптима,— негромко произнес кто-то в толпе, но в воцарившейся вдруг тишине эти слова были услышаны каждым.

И в ту же секунду мощная эмоциональная волна обрушилась на ксеноса. Преобладающим элементом был в ней страх, но также присутствовал и целый спектр других эмоций, простирающийся от благоговейного восторга до почти безумной ненависти. В лицо Граиса знал далеко не каждый, но не было йерита, ни разу не слышавшего о нем. И Граис был поражен, насколько же неоднозначным было отношение к нему. Он даже не сделал попытки вычленить какое-либо из эмоциональных состояний окружающих его людей в чистом виде, настолько плотно они переплетались и наславливались друг на друга. В такой мешанине не смог бы разобраться даже опытный телепат. Граис же просто чуть развел руки в стороны и тихо произнес:

— Я вернулся...

Толпа словно только и ждала этих слов.

Крича и размахивая руками, люди ринулись на него. Что они хотели, понять было невозможно.

Испуганно закричал маленький тирианец, прижимающий к груди своего дрессированного зверька. Не в состо-

янии понять, что происходит, он решил, что люди хотят наказать его за недостойную выходку его питомца.

Ксенос среагировал моментально. Оставив на месте себя фантома, который был создан на скорую руку, а потому и должен был вскорости исчезнуть, Граис одновременно с этим сделал шаг в сторону и, наклонившись, прикрыл собой мальчугана со зверьком на руках. Поток своего сознания он перевел в отрицательную fazu, создав тем самым вокруг себя психологический барьер, который делал его невидимым. Точнее, глаза людей фиксировали его образ, но в зрительных центрах мозга он отфильтровывался как фон, на который обычно никто не обращает внимания. Эффект исчезновения усиливало и то, что все внимание людей было приковано в данный момент к его фантому. Для непосвященных это может показаться странным, но обмануть таким образом толпу гораздо проще, нежели одного человека.

Маленький тирианец не принадлежал толпе, поэтому он видел Граиса. Испуганно прижавшись к груди незнакомого человека, он одновременно крепко держал визжащего и пытающегося вырваться зверька. Прикрывая мальчика спиной, Граис начал выбираться из толпы, в которой уже раздавались стоны и крики о помощи.

Обернувшись, Граис увидел, как с разных концов базарной площади к месту происшествия спешат вооруженные копьями шалеи. Те из них, кто уже был рядом, не разбираясь, что здесь, собственно, происходит, пытались навести порядок, орудуя тупыми концами копий и длинными бичами.

Один из имперских стражников протянул бичом по спине и Граиса, когда тот проходил мимо него. Ксенос только заскрипел стиснутыми зубами. Выход с базарной площади был уже совсем рядом, и, толкая перед собой перепуганного мальчика, Граис устремился в ближайший переулок.

— Что случилось?.. Что там происходит?.. — хватая за одежду, спрашивали его встречные люди.

— Вора поймали... Вора... — отвечал Граис, не останавливаясь.

Выбравшись наконец на относительно свободное пространство, Граис остановился. Поправив на себе помятую одежду, он накинул на голову свалившийся на плечи платок и улыбнулся темнокожему мальчику.

— Я надеюсь, ты здесь не один? — спросил он у него.

Мальчик смотрел на незнакомца по-прежнему испуганно. Он не понимал ни слова по-йеритски. Зверька, сидевшего у него на руках, мальчик прижимал к груди, как единственное родное существо.

Граис присел на корточки и, взяв мальчика за плечи, посмотрел ему в глаза. Сосредоточившись, он попытался передать маленькому тирианцу свой вопрос в виде простейших мысленных образов. Мальчик оказался весьма восприимчив к невербальному способу общения. Вскоре Граис уже знал, что караван тирианцев, прибывших в Халлат, чтобы торговать коврами, изделиями из желтого дерева и серебряными украшениями, остановился неподалеку от Восточных ворот столицы, а их палатки на базарной площади располагались совсем неподалеку отсюда. Выяснив, что мальчик знает, как до них добраться, Граис понял, что может без опасений отпустить его одного.

— Выше голову.— Граис, улыбнувшись, потрепал мальчика по плечу и поднялся на ноги.

Тирианец дернул его за подол и что-то произнес на своем языке. Потом он запустил руку в свою сумку, которую, несмотря на внезапный переполох, не бросил среди мятущейся толпы, и протянул Граису пригоршню монет.

— Нет.— Улыбнувшись, Граис отстранил протянутую к нему руку.— Ты сам заработал эти деньги, так что и оставь их себе.

Мальчик секунду недоумевающе смотрел на странного человека, отказывающегося от предложенных ему денег. Потом он лучезарно улыбнулся, показав свои великолепные белые зубы, и, бросив деньги в сумку, достал из нее большой красный акис.

— А вот за это спасибо.— Граис с улыбкой принял подарок.

Махнув на прощание рукой, юный дрессировщик побежал искать своих соотечественников.

Бросив взгляд в сторону толпы, среди которой теперь все чаще встречались кожаные шлемы шалеев, Граис направился прочь от базарной площади. Держась теневой стороны улицы, он направлялся к окраине города.

День клонился к вечеру, и нужно было уже подумать о ночлеге. Конечно, можно попробовать отыскать Килоса — тот наверняка будет рад ему помочь. Однако, подумав, Граис отказался от этого намерения. К Килосу он обратится по более важному делу — когда действительно его помощь будет жизненно необходима. Поэтому Граис решил было укрыться на ночь среди штабелей каменных блоков, которые он видел на месте недостроенной городской стены. Правда, поразмыслив, он пришел к выводу, что это место, скорее всего, давно уже облюбовано городскими нищими, которые вряд ли с радостью примут в свою компанию чужака. К тому же после утренней встречи у Граиса были большие сомнения на тот счет, что, уснув среди нищих, он утром проснется бы живым и невредимым. Ничего иного не оставалось, как только искать пристанища на одном из постоянных дворов. В обеденной комнате, которая на ночь превращалась в большую общую спальню, где постояльцы спали вповалку на полу, вечером можно было остаться незамеченным. А утром, когда хозяин начнет собирать плату за ночлег, придется снова прибегнуть к психотехнике, чтобы убедить его в том, что свои деньги он уже получил.

На ходу Граис съел подаренный ему акис. Но голод от этого не унялся, а, наоборот, закипел с удвоенной силой.

Ксенос искал постоянный двор поменьше и поближе, где останавливались не большие караваны, а одинокие странники, пришедшие в Халлат по какой-то своей нужде. Но в обеденных залах при постоянных дворах, в которые он заглядывал, вовсю бурлил безудержный веселый разгул. Заканчивая свои дневные дела, люди спешили сюда, чтобы отметить удачную сделку или же залить вином горечь неудачи.

Обойдя не меньше двух десятков постоянных дворов, Граис наконец нашел то, что ему было нужно. В небольшом обеденном зале с низким потолком стояли только два длинных стола. За одним из них, заставленным пустыми кувшинами из-под вина и тарелками с обедками, располагались трое йеритов. Двое из них, положив головы на стол, сладко похрапывали. Третий время от времени все еще предпринимал отчаянные попытки приподнять голову и затянуть какую-то песню, но дело у него не спорилось, и он снова ронял голову, гулко стукаясь лбом о гладкие доски стола.

За другим столом в углу в одиночестве сидел мужчина лет сорока с черными прямыми волосами, разделенными прямым пробором и зачесанными за уши. Его худое вытянутое лицо, в отличие от принятой в Йере традиции, было гладко выбрито. Мужчина неторопливо цедил какой-то напиток из большой глиняной кружки. Взгляд его беспечно и уныло блуждал по сторонам.

Увидев его, Граис замер на пороге. У него даже возникло желание развернуться и уйти, не дожидаясь, когда черноволосый обратит свой взор в его сторону. Но вместо этого он остался стоять на пороге, замерев в напряженном ожидании.

Взгляд черноволосого скользнул по лицу нового посетителя и равнодушно проследовал дальше. Но в следующую

секунду мужчина вздрогнул и, рывком развернувшись в сторону Граиса, уставился на него, едва не разинув от изумления рот. Кружка, выскользнув из его внезапно ослабевших пальцев, стукнулась дном о доску стола и накренилась, грозя опрокинуться. Граис успел поймать кружку психо-кинетической петлей и заставил ее вернуться в устойчивое положение. Мужчина, удивленно глядевший на Граиса, даже и не заметил, какой невероятный кульбит проделала его кружка. Наконец он взял себя в руки и, опершись руками о край стола, поднялся на ноги.

— Учитель?... — изумленно произнес он вполголоса.— Ты?..

— Да, это я, Фирон,— сказал Граис, делая шаг вперед.

Открытая и радостная улыбка, точно такая же, какой совсем недавно одарил Граиса маленький тирианец, озарила лицо Фирона. С ней он как будто даже помолодел лет на десять.

— Учитель...

Зацепившись за угол стола и едва не опрокинув его, Фирон кинулся навстречу Граису. Добежав, он схватил кессона за плечи и сдавил их пальцами, словно желая уdstовериться, что перед ним живой человек из плоти и крови, а не эфемерный призрак. Во взгляде его, устремленном в глаза Граиса, в одно мгновение, сменяя друг друга, промелькнули радость, надежда и боль.

— Живой я, Фирон, живой,— ласково улыбнулся Граис.— И мне даже больно от того, как ты в меня вцепился.

Фирон тут же отдернул руки.

— Давай-ка лучше присядем за стол,— предложил Граис.

— Да!.. Конечно, учитель!..

Фирон всполошенно взмахнул руками и, пропустив Граиса вперед, прошел к столу следом за ним.

— Хозяйка! — крикнул Фирон, после того как Граис опустился на лавку.

Из-за перегородки, откуда доносился грохот посуды, выглянула полная пожилая женщина с растрепанными седыми волосами.

— Подай нам еды! — потребовал Фирон.— И кувшин вина!

Хозяйка, кивнув, исчезла за перегородкой. А через минуту из-за нее выбежала молодая светловолосая девушка. Приветливо улыбнувшись, она поставила перед Граисом большую тарелку холодной овощной похлебки,— горячее ели в Йере только после захода солнца, когда спадала дневная жара.

— Вот это дело! — улыбнулся ей в ответ Граис и сразу же принялся за еду.

Снова сбегав за перегородку, девушка вернулась с блюдом, на котором лежали куски отварной рыбы, покрытые зеленью, кувшином вина и чистой кружкой. Взмахом руки отпустив прислугу, Фирон быстро разлил вино по кружкам.

— Учитель,— смахнув ладонью слезу, невольно выступившую в углу глаза, произнес Фирон,— если бы ты только знал, как я рад тебя видеть!..

— Я знаю, Фирон,— отодвигая в сторону полупустую тарелку, ответил Граис.

— Нет, учитель.— Фирон покачал головой и сделал большой глоток из своей кружки. Поставив кружку на стол, он внезапно с силой ударил себя кулаком в грудь.— Ведь это я, я один виноват в том, что случилось тогда!.. Я привел шалеев в дом, где ты ночевал!..

— Ты ни в чем не виноват, Фирон,— попытался успокоить его Граис.— Я же сам попросил тебя об этом. Мне нужно было встретиться с наместником, а иного способа попасть к нему просто не было.

— Но ведь, кроме вас и меня, об этом никто не знал,— скрученno покачал головой Фирон.— Все остальные назвали меня предателем.

— Фирон, ты был самым способным и самым преданным моим учеником. Поэтому я и попросил сделать это именно тебя.

Фирон на мгновение прижал к глазам ладони, а затем вскинул голову и попытался улыбнуться.

— Как бы там ни было, ты жив, учитель,— сказал он.— Не знаю почему, но я все эти годы ждал, что ты вернешься. Я верил, что ты не мог просто так уйти, навсегда оставив меня с клеймом предателя.

— И тебя даже не интересует, как мне это удалось? — немного удивленно спросил Граис.

— Нет,— прямо посмотрев в глаза Граису, уверенно ответил Фирон.— Ты жив — и это главное. Кто я такой, чтобы судить дела Поднебесного?

Какое-то время Граис молчал, глядя на своего ученика. Потом он поднял свою кружку и стукнул ею по кружке, которую все еще сжимал в руке Фирон.

— Давай-ка выпьем, Фирон.

Они выпили, и Фирон снова наполнил кружки вином.

— Как ты жил все эти годы? — спросил Граис.

— Потихоньку,— горько усмехнувшись, ответил Фирон.—

После того как ты исчез, все твои ученики разошлись по стране, проповедуя твое учение. Но мне этот путь был заказан. Меня ведь все считали пособником твоих убийц. Я остался в Йере — здесь я, по крайней мере, мог не опасаться того, что кто-нибудь из твоих отчаянных последователей перережет мне глотку... Хотя тогда мне это было безразлично... Я вернулся к прежнему занятию — снова стал гончаром. Работа не особенно прибыльная, но на жизнь хватает,— посуда то и дело бьется, и людям все время требуется новая. Через три года умерла моя мать, и я перевез в Халлат сестру... Теперь живем вместе... Когда твое учение подмял под себя Сирх, и остальным пришлось оставить миссионерскую деятельность. Она сделалась самой опасной профессией в Йере. Теперь проповедовать здесь имеет право

только преподобный Сирх!.. Кто-то ушел из Йера, кто-то вернулся в свои родные места... Амират и Глатис живут сейчас в Халлате...

— Я уже заходил к Амирату,— сказал Граис.— Какая-то женщина возле его дома меня даже на порог не пустила.

— Его жена,— кивнул Фирон.— Строгая женщина... Меня она тоже знать не желает... Так же как и сам Амират... А Минос перебрался в Меллению, поближе к Сирху. Они с ним, как и прежде, большие друзья. Только один друг теперь вытирает ноги о спину другого, который с готовностью ее подставляет.

— Минос пользуется доверием Сирха?

— Не знаю,— безразлично дернул плечом Фирон.— У них какие-то странные взаимоотношения. По-моему, Сирху просто нужен был кто-то, с кем он мог хотя бы иногда быть не преподобным Сирхом, а тем, кем был прежде.— Фирон взял с блюда кусок рыбы, разломил его надвое и принялся извлекать кости.— Мне кажется, Сирх сам прекрасно понимает, что то учение, которое он теперь проповедует, имеет только внешнее сходство с тем, чему в свое время учил нас ты. Но он ничего не может с собой поделать,— ему нужны слава, почет и уважение. Вспомни, учитель: даже в те годы, когда мы были вместе, Сирх всегда старался вырваться вперед, обозначить свое превосходство над другими. И только ты своим авторитетом мог поставить его на место.

— У него были неплохие способности,— заметил Граис.

— Конечно,— согласился с ним Фирон.— Но он — догматик. В его руках живое учение превращается в каменную глыбу с высеченными на ней постулатами. Это стало заметно сразу же после того, как он начал проповедовать самостоятельно.

— Но, как мне известно, в первые годы у Сирха было немало истых последователей.

— У него и сейчас последователей — весь Йер,— усмехнулся Фирон.— Вначале он воздействовал на народ силой твоего авторитета, теперь — мощью Кахимской империи.

— А сохранились ли в Йере последователи истинного учения о Пути к Поднебесному? — с затаенной надеждой спросил Граис.

— О да, учитель,— ответил Фирон.— Только теперь это маленькие тайные группы, передающие твои слова из уст в уста. После того как в Йере указом наместника были запрещены любые философско-религиозные учения, помимо учения самого преподобного Сирха, ты стал для людей символом борьбы против власти Кахимской империи.

— Как так? — удивленно поднял брови Граис.— В основе моего учения лежит идея о непротивлении злу. Я всегда был противником любого неоправданного насилия.

— В народе распространился слух, что ты был тайно казнен за то, что стоял во главе заговора, целью которого было убийство наместника, захват Халлата, а затем и освобождение Йера от владычества Кахимской империи. После этого во многих произнесенных когда-то тобою словах открыто зазвучали призывы к борьбе.

— Например?

— «Если народ не боится смерти, то что его смертью пугать?» — по памяти процитировал Фирон.

— Но я говорил еще и так: «Если народ не боится власти, тогда придет еще большая власть».

— Эти твои слова трактуются так, что на смену власти Кахимской империи должна прийти власть самого Йера.

— Любопытно... — Чуть склонив голову к плечу, Граис взглянул на Фирона немного лукаво.— И кто же будет осуществлять эту власть на практике?

— Народ Йера! — незамедлительно ответил Фирон.

— Храни нас Поднебесный от такого! — ужаснулся Граис.— Я вовсе не это имел в виду! Смысл моего высказывания

сводился к тому, что, если начать бунтовать против существующей власти, власть сделается еще более жесткой и жестокой по отношению к народу!

— Я это понимаю, учитель,— мягко улыбнулся Фирон.— Но простой народ, не имеющий тех знаний, которые в свое время ты дал нам, своим ученикам, видит в твоих словах только то, что хочет видеть.

— Так, значит, в народе зреет бунт?

— Похоже на то,— кивнул Фирон.— В горах скрываются отряды объявленных вне закона йеритов, называющих себя вольными. Пока они только копят силы и лишь время от времени для пополнения запасов провизии и оружия совершают нападения на караваны империи. Но, судя по тому, что в последнее время шалеев на улицах стало значительно больше, наместник уже воспринимает вольных как реальную угрозу для власти Кахимской империи.

— А что же Сирх?

— А что может Сирх?

— Он может предотвратить бунт, призвав людей к покаянию!

— Сирх? — Фирон едва не расхохотался.— Сирх уже ничего не может. Чего стоят слова проповедника, слушать которого народ сгнояют силой? Я удивляюсь, как еще наместник, который, как говорят, человек совсем неглупый, до сих пор не нашел Сирху замену? Учитель,— подаввшись вперед, Фирон навалился грудью на край стола,— тебе надо снова начать проповедовать! Народ пойдет за тобой!

— Куда он за мной пойдет? — чуть поморщился Граис.

— Да куда угодно! Хоть против Кахимской империи!

— Пойми, Фирон,— с болью в голосе произнес Граис,— Йер не имеет достаточно сил для того, чтобы выступить против империи. Это будет бессмысленная бойня, которая закончится уничтожением большей части йеритов.

— Да все я понимаю.— Тяжело вздохнув, Фирон снова откинулся на спинку стула.— Вот только невыносимо жить под пятой завоевателей. Порою думаешь: вот хотя бы раз вдохнуть воздуха свободы, а после можно и умирать.

— Так может говорить человек, который думает только о себе, а не о своем народе,— ответил ему Граис.— Нет большего преступления, чем попустительствовать стремлению. Я скажу тебе даже больше, Фирон: сейчас власть империи — благо для Йера. Завоеватели не раздавили эту страну, а, напротив, заставили сплотиться прежде разрозненные кланы йеритов, которые, должно быть, впервые за всю свою историю почувствовали себя единственным народом. Сегодня на базаре меня называли северянином, но это звучало не оскорбительно, как прежде, когда под словом «северянин» подразумевалось «дикарь». Теперь оно звучит, как слово «друг». Если бы Йер не захватила империя, то его растащили бы на куски воинственные соседи.

— И что же дальше? Так и жить с Кахимской империей, сидящей на загривке?

— Ни одна империя не может существоватьечно. Ее раздирают изнутри собственные противоречия. Кахимская империя, как и многие другие до нее и после нее, вскоре рухнет, и тогда Йер станет единственным сильным государством.

— И сколько же ждать падения Кахима?

— Все во власти Поднебесного,— развел руками Граис.— Возможно, что даже мы еще успеем это увидеть.

Фирон покачал головой и залпом осушил свою кружку.

— И что же ты собираешься делать? — спросил он Граиса после долгой паузы.

— Я должен помочь Сирху вернуть доверие народа,— сказал Граис.

— Неблагодарное занятие,— криво усмехнувшись, заржал на скамье Фирон.

— Быть может, ты слишком строго судишь Сирха,— мягко и даже немного вкрадчиво произнес Граис.

— Как уж заслужил,— резко отозвался Фирон, и глаза его злобно блеснули.

— Замените великого мастера-плотника — и вряд ли найдете такого, кто не поранит себе руку,— сказал Граис.

На это Фирон ничего не стал отвечать, только как-то неопределенно головой покачал.

— Пойми, Фирон, Сирх сейчас единственный в Йере, кто может свободно нести свое слово людям,— сказал Граис, словно бы оправдываясь за слова, произнесенные перед этим.— А время не ждет. Бунт, как ты сам говорил, может вспыхнуть не сегодня, так завтра. Поэтому приходится выбирать меньшее среди двух зол: возвышение Сирха или гибель Йера.

— Учитель,— преданно посмотрев на Граиса, сказал Фирон,— я пойду за тобой, куда бы ты ни приказал и что бы ты ни сказал.

— Ах, Фирон, Фирон,— с досадой покачал головой Граис.— Ты разве забыл, что я всегда требовал от своих учеников не слепой веры, а понимания моих слов.

— Умом я понимаю: то, что ты говоришь,— правильно. Но сердце мое,— Фирон всплеснул руками,— отказывается принимать такую правду!

— Через слабость побеждают силу,— сказал Граис.— Чрез мягкость побеждают твердость.

— Хорошо, учитель...— Фирон не успел закончить начатую фразу.

Дверь, распахнутая ударом ноги, с грохотом ударила о стену, так что один из троих пьяниц даже вскинул голову, которая, впрочем, через миг снова упала с глухим стуком на доски стола.

С улицы вошли трое шалеев. Уже ночной страж, понял Граис, заметив черные плащи, накинутые поверх их обычной формы. Он почему-то сразу догадался, что это пришли

за ним. Обмануть фантомом троих бдительных стражей вряд ли удалось бы. К тому же рядом был Фирон, который, не зная, что происходит, мог вмешаться в самый неподходящий момент.

Двое шалеев остались возле двери. Третий, окинув взглядом помещение, направился сначала в сторону пьяной троицы. Из всех троих его интересовал только один, светловолосый.

Схватив пьяницу за волосы, шалей приподнял его голову, чтобы взглянуть на концы его сползшего с плеч платка. Пьяница что-то недовольно замычал, но, получив по зубам, тут же затих.

Оставив пьяных, шалей подошел к столу, за которым сидели Граис и Фирон.

— Ты с севера? — спросил он, вытянув руку в сторону Граиса.

— Да,— спокойно ответил тот.

— Ты пойдешь с нами.— Шалей махнул рукой в сторону двери.

— В чем моя вина? — спросил Граис.

— Какой-то светловолосый северянин учинил сегодня беспорядок на рыночной площади,— безразличным голосом ответил шалей.— Видевшие его опознали в нем опасного бунтовщика.

— Этот человек не имеет никакого отношения к происшествию на рыночной площади,— быстро заговорил Фирон, испуганно глядя на шалея.— Он мой родственник. Я постоянно проживаю в Халлате и могу поручиться за него.

— После разбирательства все невиновные будут отпущены,— сказал шалей и, посмотрев на Граиса, снова махнул рукой в сторону выхода.

— Я пойду с ними,— сказал Граис Фирону.— Все будет в порядке.

Поднявшись на ноги, он накинул на голову платок.

— Но, учитель...

— Не волнуйся за меня,— сказал Граис.— Эти достойные стражи не причинят мне никакого зла. Им нужен бунтовщик. Ты же слышал: завтра все невиновные будут освобождены.

Пропустив Граиса вперед, шалей направился к выходу следом за ним. Фирон вскочил на ноги, опрокинув скамью. В глазах его пылала решимость.

— Нет, учитель! Я не могу допустить, чтобы с вами снова что-то случилось по моей вине! — крикнул он и, выдернув из-за пояса нож с узким лезвием, кинулся на сопровождающего Граиса шалея.

Оглянувшись, шалей увидел бегущего на него человека с ножом в руке и отшатнулся в сторону. Другой шалей, стоявший у двери, сдернул с плеча бич.

Конец бича, сплетенный из тонких кожаных полос, щелкнув в воздухе, захлестнулся на запястье руки Фирона, в которой тот сжимал нож. Шалей рванул бич на себя, сорвав с запястья Фирона широкую полосу кожи. Выпавший из онемевших пальцев нож закатился под стол.

Шалей, на которого попытался напасть Фирон, обнажил короткий обоюдоострый меч и, оскалившись, двинулся на йерита. Не дожидаясь удара шалея, Фирон подпрыгнул и обеими ногами толкнул противника в грудь. Шалей не успел на ногах, но успел зацепить острием меча бедро Фирона.

Увидев, как обагрились кровью белые штаны ученика, Граис выбросил руки в стороны, и стоявшие рядом шалеи, не издав ни единого звука, рухнули на пол. Бросившись к лежащему на полу Фирону, Граис на бегу провел раскрытой ладонью над затылком поднимающегося на ноги шалея с зажатым в руке мечом. На одно короткое мгновение в глазах кахимского солдата мелькнуло изумление, после чего он растянулся на полу, все еще продолжая тянуть руку с оружием в сторону Фирона.

Присев на корточки возле ученика, Граис приподнял его, обхватив за плечи.

— Ах, Фирон, Фирон,— с досадой произнес Граис.— Горячая голова... Что же нам теперь делать?

Он быстро провел рукой над распоротым бедром Фирона, чтобы хоть ненадолго снять боль и остановить кровотечение.

— Я не мог позволить им увести тебя, учитель,— едва слышно произнес Фирон.

— Да, Фирон,— погладил его по плечу Граис.— Я понимаю... Ты должен был это сделать...

— Здесь мой дом,— облизнув сухие губы, сказал Фирон.— Недалеко... Если ты поможешь мне, мы доберемся туда прежде, чем явится новый патруль.

Граис покосился в сторону перегородки, из-за которой испуганно, не рискуя выходить, выглядывали хозяйка постоянного двора и ее молодая помощница.

— Хозяева знают тебя? — спросил Граис у Фирона.

— Да,— кивнул тот.— Но они ничего не скажут шалеям.

— Поднимайся...

Перекинув руку Фирона через плечо, Граис помог ученику встать на ноги. Однако, лишь только попытавшись ступить на раненую ногу, Фирон застонал от боли и повис на Граисе.

— Не могу,— сквозь зубы прошипел он.

Граис дотащил Фирона до двери.

На улице уже была ночь. Лишь местами темноту рассекали косые, тусклые лучи света, вырывающиеся из-за шторок окон соседних домов. Но от них мрак вокруг казался только еще более глубоким и плотным.

— Куда идти? — спросил Граис.

— Туда,— взмахом руки указал направление Фирон.— А потом — налево, в проулок.

— Хорошо.

Фирон ничего не успел сказать, как вдруг Граис, приподняв ученика за пояс, взвалил его себе на плечи. Развернувшись в указанном Фироном направлении, Граис сделал два глубоких, медленных вдоха и побежал. Поступь его была пружинистой и легкой, хотя из-за груза на плечах двигался он не слишком быстро.

Свернув в проулок, Граис ненадолго остановился, чтобы повторить дыхательное упражнение, и побежал дальше.

— Здесь, учитель,— едва слышно прошептал у него за спиной Фирон.

Очертания дома, возле которого они остановились, тонали в темноте. Фонарь, висевший у порога, освещал только дверь, грубо сколоченную из неровных досок. Бродя по окраинам Халлата, таких дверей Граис повидал сотни, если не тысячи. За каждой из них ютилось семейство, едва сводящее концы с концами, живущее в каждодневном страхе перед стоящей у порога нищетой.

Граис осторожно поставил Фирона на ноги.

Привалившись плечом к дверному косяку, Фирон трижды коротко стукнул в дверь.

В соседнем дворе пару раз тявкнула собака.

Фирон быстро оглянулся. Граис увидел, что лицо его мертвенно-бледное — не то от боли, не то от страха.

Дверь чуть приоткрылась, и чей-то испуганный взгляд метнулся из-за порога в сторону поздних гостей.

— Это я, Мида,— сдавленным шепотом произнес Фирон.

Из-за двери выглянула девушка.

В неясном свете висящего над порогом фонаря Граис почти не видел ее лица. Быстро взглянув на брата, она скользнула настороженным взглядом по его спутнику.

— Он переноочует у нас,— тяжело опираясь рукой о косяк, произнес Фирон.

Освобождая проход, девушка отошла в сторону.

Обхватив Фирона за пояс, Граис помог ему войти в дом.

— Он ранен,— взглянув на девушку, ответил на ее немой вопрос Граис.— Ничего серьезного. Я обработаю рану. Фирону придется только полежать пару дней...

В доме была только одна большая комната. Легкая перегородка в дальнем углу обозначала место, отведенное под кухню. Потолок был настолько низким, что Граис инстинктивно втянул голову в плечи. Стены отражали безнадежную бедность,— никаких украшений, только крохотный коврик с незатейливым орнаментом, похожим на стаю странных треугольных птиц с острыми крыльями, висел на противоположной от входа стене. В центре комнаты стоял грубо сколоченный из неровных досок стол, на котором лежало несколько акисов и стояла зажженная свеча,— воск стекал на подставленную тарелку.

Мида расстелила на полу один из тюфяков, лежавших свернутыми в уголу, и Граис уложил на него Фирона.

— Нужна горячая вода,— сказал Граис Миде, помогая при этом Фирону стянуть штаны.— И чистая материя для перевязки.

Девушка молча кивнула и ушла за перегородку.

Негромко звякнула медная посуда. Затем послышался звук льющейся воды.

Граис осмотрел рану на бедре Фирона. Ведя пальцами вдоль кровоточащего разреза, он время от времени несильно надавливал на активные точки, чтобы вызвать местную анестезию. Рана была неглубокой, но длинной. Для эффективности заживления необходимо было наложить с десяток швов.

Закончив осмотр, Граис посмотрел на молча наблюдавшего за его действиями Фирона.

— Все в порядке,— улыбнувшись, сказал он.— Через десять дней только шрам останется.

— Спасибо тебе, учитель,— тихо произнес Фирон.

— За что? — удивленно вскинул брови Граис.

— За то, что не бросил меня.

— А разве могло быть иначе? — Граис сделал паузу, проведя рукой по бороде.— Это я должен благодарить тебя за то, что ты, рискуя собственной жизнью, попытался спасти меня. Поступок был, прямо скажу, безрассудный, но тем не менее заслуживающий признательности.

Из-за перегородки вышла Мида. В руках у нее был медный таз, над которым поднимались клубы пара. На плече висели чистые, хотя и сотканные из грубой материи полотенца.

Поставив таз на пол рядом с Граисом, она впервые взглянула на его лицо. В тот же миг глаза ее испуганно расширились. Отшатнувшись назад, девушка едва не упала на пол. С приоткрытых губ ее вот-вот готов был сорваться крик.

— Ты узнала его,— не зная, радоваться или огорчаться этому, прошептал Фирон.

— Это учитель,— так же тихо произнесла Мида.— Граис из Сиптима.

— Помнишь, учитель, странствуя по Йеру, мы как-то раз на несколько дней остановились в доме моих родителей? — повернулся к Граису Фирон.— Сейчас перед тобой та самая девочка, которую ты тогда держал на коленях. Я и не думал, что она запомнила тебя...

— Но его же казнили? — с ужасом в глазах прошептала Мида.— Так ты говорил, да и другие рассказывали...— Она испуганно посмотрела на Фирона.

— Это долгая история, Мида,— ответил за Фирона Граис.— Потом я все расскажу. Сейчас нам нужно помочь Фирону. Мне потребуется еще острые игла и прочная нить. Найдется у тебя?

Пока Мида рылась в кособоком шкафу, напоминавшем плохо сколоченный ящик, Граис разорвал полотенца на широкие полосы. Сложив одну из них, он смочил ее в воде и обмыл рану на ноге Фирона.

— Ну что?— обернулся он к девушке.— Нашла?

Стараясь не смотреть на Граиса, девушка подала ему большую иглу и моток ниток. Действуя быстро и уверенно, как будто он всю жизнь только этим и занимался, Граис наложил на рану двенадцать швов.

Девушка наблюдала за его действиями молча, не шевелясь.

— Дней через семь, когда рана полностью затянется,— сказал Граис, обращаясь к Миде,— просто перережешь узелки и вытянешь нитки.

Девушка молча кивнула.

— Ты разве не останешься у нас, учитель? — обеспокоенно спросил Фирон.

— Время не ждет, Фирон,— ответил Граис.— Мне нужно встретиться с Сирхом.

— Я должен быть рядом с тобой! — Опершись на локоть, Фирон попытался подняться.

Обхватив ученика за плечи, Граис заставил его снова лечь на тюфяк.

— Сейчас тебе нужен только отдых,— повелительным тоном произнес он.

Ладонь Граиса быстро скользнула по лицу ученика. Фирон закрыл глаза, и голова его медленно опустилась на подушку.

— Мне бы тоже нужно поспать,— обращаясь к Миде, сказал Граис.— Не волнуйся, утром я уйду.

Девушка молча указала ему на свернутый тюфяк в углу комнаты.

Глава 4

АРЕСТ

Граис проснулся, когда тонкий лучик солнца заглянул в крошечное окошко и принял щекотать ему веки. Граис отмахнулся от него, как от навязчивой мигаты, но все же открыл глаза.

Рядом на тюфяке сопел во сне Фирон.

Приподнявшись, Граис увидел Миду. Сестра Фирона сидела возле стола, держа на коленях какое-то шитье. Однако девушка только делала вид, что занята рукоделием, на самом деле она краем глаза настороженно следила за гостем.

Только сейчас, при свете солнца, Граис как следует рассмотрел ее — густые черные волосы, ниспадающие на плечи, темные глаза, худенькое лицико, изможденное постоянными переживаниями и тяжелой работой, невзрачное серое одеяние.

Граис встал, одернул на себе рубаху, подтянул шнурок на груди и, наклонившись, скатал тюфяк, на котором спал. Улыбнувшись Миде, он сделал шаг к столу. Девушка сжалась, словно бы в испуге. Голову еще ниже склонила — чуть не касаясь руки, в которой у нее была зажата игла.

— Можно, я возьму акис? — негромко, чтобы не разбудить спящего Фирона, спросил Граис.

Девушка, ничего не ответив, продолжала напряженно наблюдать за гостем.

Граис подошел к столу, взял акис и, положив его на ладонь, поднес к лучику света. Отблески солнца так изумительно красиво заиграли на глянцевой кожице румяного акиса, что Граису даже стало жалко есть его.

— Сколько тебе было лет, когда мы впервые встретились? — спросил он у Миды.

— Шесть,— все так же не поднимая головы, ответила девушка.

— Ты стала просто красавицей.

Ответа не последовало.

Волна догоняет ребенка,—

Граис вдруг начал говорить тихим голосом.

Который бежит по песку.
Ребенок похож на цыпленка,
Волна напевает незвонко
И навевает тоску.

— Что это? — глохо произнесла Мида, поеживаясь и по-прежнему не глядя на Граиса.

— Стихи. В одной далекой стране так пел бродячий музыкант.

Мида смотрела на Граиса настороженно.

— Цыпленок... — неуверенно произнесла она незнакомое для нее слово.

— Цыпленок — это лантак, — улыбнулся Граис.

Мида сделала шаг назад, бросила испуганный взгляд на Граиса и снова уставилась в пол.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

Девушка коротко и быстро кивнула.

— Ты боишься за брата?

Мида повторила свой жест.

— Ты знаешь, чему я учил Фирона?

— Да, — глохо ответила Мида. — Брат мне рассказывал. — Она резко вскинула голову — глаза ее горели лихорадочным огнем. — И не только мне. Первое время он всем пытался рассказывать о тебе... правду. Его дважды хватала стражи. Но отпускали... По приказу Сирха... Фирон искал гибели, считая себя виновным в том, что случилось с тобой. А Сирх... Сирх насмехался над ним. Он говорил: «Ты будешь жить со своими страданиями, и имя твое станет означать для людей лишь одно — предатель...» Только недавно Фирон успокоился, взялся за работу... И тут снова ты... Мертвцы должны лежать в своих могилах, а не тревожить живых...

— Я живой, — тихо ответил Граис.

Не выдержав пристального взгляда Граиса, Мида снова опустила голову.

— Уходи из Халлата,— сказала она, слепо втыкая иголку в шитье.— А лучше совсем уходи из Йера. У нас есть Сирх,— достаточно и его одного...

— Твой брат, по-моему, не очень-то жалует Сирха.

Девушка встряхнула головой, поправила рукой упавшие на глаза волосы и ничего не ответила.

— Не беспокойся, я сейчас уйду,— сказал Граис.

Надкусив акис, он окинул взглядом бедное жилище Фирона и вдруг понял, что ему страшно не хочется отсюда уходить. Как ни беден был этот дом, но в нем царил покой и согласие — именно то, чего всегда так не хватало Граису. И он не хотел ломать это убогое благополучие. Хотя и понимал... Да нет, ничего он сейчас не понимал. Он только коротко бросил Миде «Прощай» и, открыв дверь, переступил порог дома.

В дверях он обернулся.

— Передай от меня привет Фирону,— сказал он.— Я рад, что не ошибся в нем.

Решительно закрыв за собой дверь, Граис вышел на улицу.

Вчера вечером, лежа на тюфяке, он, прежде чем уснуть, успел обдумать, как ему добраться до Меллении. Одному пускаться в дальний путь было небезопасно, поэтому он решил присоединиться к каравану торговцев из Тирианского царства, который, как он узнал от маленького дресировщика, отправлялся сегодня в Дассатар, находившийся совсем неподалеку от Меллении. Лучше уж было использовать возможности психотехники для того, чтобы убедить тирианских купцов взять его с собой, не задавая лишних вопросов, чем снова драться с бандитами на большой дороге.

Размышляя таким образом, Граис неожиданно вспомнил о своем последнем разговоре с Кричетом. Вот что какой-то глухой болью, изредка напоминающей о себе, сидело в его мозгу — как пренебрежительно прошелся руководи-

тель проекта по неудачной попытке Граиса пятнадцать лет назад объяснить свои идеи кахимскому наместнику в Йере. Как будто неразумного школьера пожурил,— мол, куда тебе с твоими навыками в такое сложное дело было лезть, это под стать профессионалам высочайшего мастерства. Граис даже замедлил шаг. Из его доклада тогда всем было ясно, что случай помешал Граису реализовать вариант с наместником, случай, а не его непрофессионализм. Так зачем же Кричет старался его уколоть? Чтобы лишний раз подчеркнуть, что он, Кричет, один здесь самый мудрый? Да это никто и не собирался оспаривать. Никто. Именно Кричути принадлежала идея искать контактов с нынешним наместником через Сирха. Так это виделось из Центра. А вот здесь это уже видится по-другому. Теперь Граис считал, что, действуя напрямую, он мог бы значительно быстрее достичь желаемого результата. Да и подтвердить, что он не пешка в своем деле, а профессионал, знающий свою работу.

С улицы, по которой он шел, Граис свернул налево, чтобы, обогнув рыночную площадь, выйти как раз в том месте, где стоял караван тирианцев.

Люди, встречавшиеся ксеносу на пути, скользили по нему взглядами, словно по пустому месту, и проходили мимо. Должно быть, вчерашний переполох на рыночной площади не получил еще широкой огласки. Или же простым йеритам, занятых своими повседневными делами, просто не было никакого дела до облавы, устроенной шалеями на пришлого северянина.

Выйдя на небольшую площадь, Граис оказался напротив величественного храма Поднебесного, основательно и непогрешимо возвышающегося над окружающим пространством и уверенно и прямо устремляющим свои царственные формы в небо. Пятнадцать лет назад такого храма в Халлате еще не было. Граис даже засмотрелся на стрельчатые окна и ажурные перекрытия,— до

того было красиво... Нет, скорее даже не красиво, а грандиозно и смело, словно зодчие возвели не храм, а переход, соединяющий человека с небом. Невольная дрожь охватывала душу при взгляде на остроконечные шпили, устремленные в беспредельную даль, принадлежавшую до сих пор одному лишь солнцу.

Любясь изысканной и одновременно парадоксальной красотой удивительного строения, Граис начал неторопливо обходить храм по кругу. Но, сделав всего лишь несколько шагов в сторону, он вдруг увидел скопление людей у ограды, которое прежде было скрыто от его взора левым крылом храма. Людей было не так уж много, но все они так оживленно жестикулировали, так громко выкрикивали какие-то слова и так демонстративно хохотали, что создавали эффект присутствия целой толпы. Странное действие разворачивалось вокруг невысокого деревянного помоста, сооруженного возле самой ограды храма. Вдоль помоста возвышались пять толстых кольев в человеческий рост, возле трех из которых сейчас стояли люди со связанными за спиной руками. В центре находился старик с седыми, развеивающимися на ветру волосами и длинной белой бородой. Слева от него была привязана молодая женщина, безвольно уронившая голову на плечо. Справа — совсем еще маленький мальчик, лет двенадцати, не больше, затравленно сверкающий огромными, полными слез глазами.

По краям от помоста стояли четверо шалеев, вооруженные копьями. Возле ног их находились огромные корзины с тухлыми, расплывающимися кислой слизью курматами. Люди, суетившиеся вокруг, то и дело запускали руки в эти корзины и с гневными криками швыряли гнилые курматы в несчастных, привязанных к кольям.

Особенно усердствовал парень лет двадцати, коротко остриженный, как это и было принято в Кахиме. Он старался, чтобы каждый брошенный им курмат попал непре-

менно в лицо одной из жертв, и, если это у него не получалось, парень отчаянно ругался.

Неожиданно у Граиса возникла шальная идея. Сейчас ему было достаточно сказать несколько слов в защиту наказуемых, чтобы оказаться арестованным. А если при судебном разбирательстве он назовет свое настоящее имя, то дело его, несомненно, будет передано на рассмотрение самому наместнику. Слухи о возвращении Граиса из Сиптима наверняка уже начали расплзаться по Халлату. Сами обстоятельства как будто подталкивали Граиса к тому, чтобы по собственному усмотрению изменить ход операции — появлялась возможность повторить вариант, не удавшийся пятнадцать лет назад...

А собственно, почему бы и нет? Кто сказал, что Кричит лучше его знает, как нужно действовать в Йере при конкретных обстоятельствах?.. Кричит не был в Йере ни дня, а он, Граис, чуть не полжизни тут провел — если судить по тем событиям, которые произошли здесь пятнадцать лет назад.

Подойдя к помосту, Граис остановился возле шалея.

— В чем провинились эти люди? — спросил он.

— Отступники,— ответил сквозь зубы стражник.

— И что это означает?

Шалей тяжелым взглядом смерил Граиса с головы до пят.

— Это значит, что они совершили преступление против империи,— мрачно ответил шалей.

— Прости, но я не понял, в чем заключается их преступление?

— Они изучали и распространяли идеи, противоречащие учению преподобного Сирха! — зло рявкнул на Граиса шалей.— Что тебе еще надо знать? Бери и кидай в них курматы!

— Я не считаю, что изучение какого бы там ни было учения является преступлением,— развел руками Граис.—

И уж подавно не могу взять в толк, каким образом религиозно-философское учение может нанести вред великой Кахимской империи. Какие именно идеи распространяли эти несчастные?

— Откуда мне знать? — снова рявкнул шалей.— Мне нет никакого дела ни до Сирха, ни до его учения! Не нравится — проваливай своей дорогой!

— Эй, что за дела? — весело улыбнулся Граису парень, подбежавший к корзине за очередной порцией тухлых курматов.— Хватай гниль, пока еще осталась!

— Мне кажется, что эти люди не заслужили того унижения, которому их подвергают,— покачал головой Граис.

— Да ну? — изумленно вскинул брови парень. От удивления он даже забыл о курматах, которые были у него в руках.— Что же ты предлагаешь с ними сделать?

— Если они всего лишь изучали нечто, противоречащее учению преподобного Сирха, то сам Сирх или кто-то из тех, кто разделяет его взгляды, должны вступить с ними в открытый диспут, чтобы доказать свою правоту.

— Они не просто так вели душеспасительные беседы,— ткнул пальцем в стоящих на помосте людей парень.— Они утверждают, что учение Граиса из Сиптима, обвиненного пятнадцать лет назад за подстрекательство к бунту и до сих пор трусливо скрывающегося от справедливого возмездия, превосходит по своей глубине и логике учение преподобного Сирха! Оно, видите ли, более предпочтительно для простых жителей Йера!

— Я не вижу в этом никакого преступления,— спокойно возразил ему Граис.— Ведь, как известно, Сирх был учеником Граиса. Поэтому вполне резонно предположить, что он просто развивает идеи своего учителя.

— Да вы только послушайте, что он несет! — обращаясь ко всем, кто мог его слышать, заорал парень.— Преподобный Сирх сумел понять, что учение Граиса несет в себе бунтарскую заразу! — выкрикнул он в лицо Граису.— И он

создал свое собственное учение, развенчавшее демагогию Граиса!

— А мне кажется, что учение Сирха базируется именно на том, что говорил Граис,— все так же спокойно ответил ему Граис.

— Пустобрех! — выплюнул парень.

— А ты сам слышал что-нибудь из того, что говорил Граис?

— Эй! — Парень бросил курматы, которые держал в руках, на землю и уперся кулаками в бедра.— Да ты, я посмотрю, тоже из этих! — Он дернул головой в сторону помоста.— Да к тому же еще и северянин! А ты что стоишь? — повернулся он к стражнику.— Не слышал, что ли, о северянине, который учинил вчера беспорядки на рыночной площади?

— Да того вроде бы уже схватили,— не очень уверенно произнес шалей.

— Так, значит, этот тоже бунтовщик! — ткнул пальцем в Граиса парень.— Хватай его, пока не ушел!

Неожиданно он резко ударил Граиса кулаком в грудь.

Граис отшатнулся назад. От падения его спасла только рука шалея, схватившего его за шиворот.

Тут же вокруг образовалась толпа. Сбежались йериты, швырявшие курматы в отступников, подошли и двое других охранников.

— А и правда, похож на северянина, на которого был объявлен розыск,— сказал шалей, державший Граиса за ворот.

— Я не собираюсь бежать,— сказал Граис, пытаясь мягко освободиться от крепкой хватки шалея.— Я готов ответить перед властями как за свои собственные слова, так и за то, что вменяется в преступление этим несчастным, стоящим на помосте.

— Разберемся...

Шалей выдернул из-за пояса узкий кожаный ремешок и, заведя руки Граиса за спину, крепко перетянул их.

— Двигайся, — шалей несильно подтолкнул Граиса в спину.

Граис почувствовал, что лично к нему шалей не испытывает никакой неприязни. Он рад бы был отпустить странного чудака, готового вести душеспасительные беседы даже с охранниками, присутствующими при экзекуции. Однако собравшаяся вокруг толпа требовала от него конкретных действий.

Граис, не сопротивляясь, направился туда, куда вел его охранник. Следом за ними увязался и парень с короткой стрижкой, который без остановки балабонил о том, что это именно он опознал опасного бунтовщика.

Путь их не занял много времени. Вскоре они подошли к большому серому зданию с узкими окнами. Здание окружала неприступная стена высотою в два человеческих роста, утыканная поверху заточенными металлическими пиками. Ошибиться было невозможно — это была тюрьма.

Шалей стукнул кулаком в узкую дверцу, прорезанную в одной из створок массивных, окованных железом ворот. Дверца открылась. Они миновали широкий, посыпанный песком двор и вошли в здание. Парень, сыплющий проклятия в адрес Граиса, не отставал от стражников.

Войдя в здание, они сразу же повернули налево.

Гулко стукнула о стену деревянная дверь, и Граис оказался в небольшой полутемной комнате с низким потолком. Едва видимый свет проникал через узкую прорезь под самым потолком. Даже ребенок не смог бы пролезть в нее, и тем не менее она была перекрыта толстыми железными прутьями.

Граис едва успел окинуть взглядом небольшой стол, стул возле него и длинную скамью вдоль стены, как шалей втолкнул его за решетку, отделяющую примерно треть комнаты. Заперев за Граисом дверь, шалей направился к вы-

ходу. Парень увязался было за ним, но стражник схватил его за плечо и толкнул на скамью.

— Жди здесь,— сказал шалей и вышел, хлопнув дверью.

Дождавшись, когда в коридоре затихли шаги шалея, парень приподнялся со скамьи и осторожно потянул за ручку двери. Дверь была заперта. Парень нервно провел рукой по волосам. Похоже было, что, следуя за стражниками, он вовсе не рассчитывал оказаться под замком в здании городской тюрьмы. Чтобы хоть как-то избавиться от растерянности и страха, парень снова накинулся на Граиса.

— Что, добился своего, правдоискатель? — язвительным полушепотом забормотал он.— Теперь посидишь за решеткой!

Граис отошел в дальний конец клетки и оперся плечом о стену.

— Ты произносишь слишком много слов,— сказал он, не глядя на того, к кому обращался.— И при этом даже не задумываешься о том, какой смысл в них вкладываеть.

— Поговори, поговори пока,— быстро закивал головой парень.— Скоро тебе язык-то укоротят!

В коридоре снова послышались шаги.

Громыхнул дверной запор, и в комнату в сопровождении двух шалеев вошел одетый в синюю мантию судебный исполнитель. Он был толст и лыс и то и дело промокал потную лысинушелковым платком.

— Ну, что здесь у нас? — брюзгливым голосом, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил он, усаживаясь за стол.— Темнотища какая.— Ничего не видно.

Один из шалеев принес большую свечу и поставил ее на стол. Рядом со свечой пристроился писец. Чернильницу и писчие палочки он положил на угол стола, доску с расстеленным на ней свитком установил на коленях.

— Это он! — сорвавшись со своего места, парень направил руку в сторону Граиса.— Тот самый бунтовщик!..

— Сядь,— недовольно поморщился судебный исполнитель и посмотрел на стоявшего рядом с ним шалея.— Излагай.

— Неизвестный,— шалей дернул подбородком в сторону запертого за решеткой Граиса,— был задержан на площади возле собора за то, что пытался возражать против наказания отступников.

Писец аккуратно записал каждое его слово.

— Как твое имя? — обратился судебный исполнитель к Граису.

— Граис из Сиптима,— ответил тот.

— Знакомое имя.— Судебный исполнитель задумчиво почесал жирный подбородок, но, похоже, так и не вспомнил, где прежде слышал его.— Ты постоянно проживаешь в Халлате?

— Он самозванец! — вновь вскочив со своего места, закричал парень.— Граис из Сиптима, странствующий проповедник, подстрекавший людей к бунту, пятнадцать лет назад указом наместника был приговорен к казни!

— А ведь верно,— хлопнул ладонью по столу судебный исполнитель.— Слышал я эту историю. Что ж ты, милок,— с укоризной посмотрел он на Граиса,— не хочешь назвать нам свое настоящее имя?

— Мое имя Граис из Сиптима,— сказал Граис.— И я именно тот странствующий проповедник, о котором вы говорите. Пятнадцать лет назад я действительно был приговорен к казни. Но не за призывы к бунту, а по ошибке. Волей Поднебесного я остался жив и получил свободу.

— Да? — склонив голову к плечу, недоверчиво глянул на Граиса судебный исполнитель.— Что-то в таком случае давно о тебе не было ничего слышно?

— Я странствовал в других землях,— ответил Граис.— В Халлат я пришел только вчера.

— И сразу же начал нарушать законы.

— Я не совершал никаких противоправных действий,— покачал головой Граис.— Я всего лишь высказал сомнения по поводу того, заслуживают ли столь сурового и уничижительного наказания эти люди. Ведь вся вина их заключается только в том, что они способны подвергать сомнениям то, что остальные принимают безоговорочно. Как прописные истины.

Судебный исполнитель вопросительно взглянул на шалея.

Тот молча кивнул.

— Отступники не просто развиваются свой разум,— снова взглянув на Граиса, сказал судебный исполнитель.— Они выступают против учения преподобного Сирха, признанного единственное верным учением на территории Йера.

— Подвергать что-либо сомнению вовсе не значит вступать с этим в конфликт,— ответил Граис.

Судебный исполнитель откинулся на спинку стула и, недовольно поморщившись, махнул рукой:

— Не люблю я эту словесную канитель. Есть закон об отступниках, ты же пытался нарушить его.

— Всего лишь подверг сомнению,— улыбнувшись, поправил Граис.

— Он даже не оказал сопротивления при аресте,— подал голос шалей.

— Так.— Судебный исполнитель звучно припечатал влажные ладони к столу.— Давайте сначала: за что был задержан этот... Граис из Сиптима? Только за высказанные сомнения?

— Свидетель,— шалей указал на пришедшего вместе с ним парня,— утверждает, что этот человек принимал участие во вчерашних беспорядках на рыночной площади.

— Я ничего такого не говорил! — протестующе взмахнул перед собой руками парень.— Я только сказал, что этот,

называющий себя Граисом из Сиптима, похож по описаниям на объявленного в розыске северянина!

Судебный исполнитель устало потер пальцами виски.

— Я за вчерашний день столько этих северян повидал... К тому же, как выяснилось, беспорядки на рыночной площади были спровоцированы каким-то малолетним воришкой.

— А нападение на патруль на постоялом дворе? — напомнил писец.

— Да... Точно,— кивнул судебный исполнитель.— Но никто из того патруля не смог описать напавшего на них. Они даже не помнят, как и из-за чего, собственно, началась драка. При чем здесь этот северянин?

— Но он утверждает, что он тот самый Граис из Сиптима,— робко произнес писец.— Тот самый...

— Ну? — вперил в него свой взгляд судебный исполнитель.— Говори яснее.

— Граис из Сиптима был приговорен к казни... Нужно бы разобраться, каким образом ему удалось избежать наказания...

— Уф! — тяжко выдохнул чиновник.— Придется ведь поднимать архивы...

Писец беспомощно развел руками.

— Вот ты этим и займись! — ткнул в него пальцем судебный исполнитель.— Через три дня из Кахима вернется наместник — чтобы все необходимые бумаги к его прибытию были готовы! — Писец быстро кивнул.— Поскольку это дело касается непосредственно интересов Кахимской империи в Йере, мой чин не позволяет мне заниматься им. Рассматривать его должен сам наместник.

Обрадованный таким простым и изящным решением, судебный исполнитель расплылся в самодовольной улыбке.

— Все записал? — спросил он у писца.

Тот, продолжая водить писчей палочкой по бумаге, быстро кивнул.

— Постановляю до прибытия наместника содержать Граиса из Сиптима под стражей в городской тюрьме! — провозгласив свое окончательное решение, судебный исполнитель небрежно махнул рукой шалеям.— Отведите его в каземат.— Отыскав в складках мантии платок, судебный исполнитель провел им по взмокшей лысине.— Проклятие, не помню, чтобы когда-то прежде в Халлате стояла такая невыносимая жара... Все! На сегодня больше никаких дел!

Глава 5

СПОКОЙНАЯ ТЮРЬМА

Каземат, куда отвели Граиса шалеи, располагался в полуподвале того же здания.

Спустившись по крутой каменной лестнице, арестованный и конвоиры оказались в узком сводчатом проходе, освещенном тусклыми светильниками.

Глухо стукнул откинутый в сторону тяжелый кованый засов.

Шалей, тот, который давал показания при судебном исполнителе, приоткрыл низкую дверь и, приложив ладонь к спине Граиса, несильно подтолкнул его вперед.

— Эта камера как раз для тебя,— негромко произнес он при этом.— Спокойная...

Обернувшись через плечо, Граис бросил быстрый взгляд на своего конвоира. Загорелое лицо шалея оставалось спокойным и невыразительным, словно отлитое из темной бронзы. И все же Граис почувствовал, что охранник не испытывает по отношению к нему ни злобы, ни ненависти. Скорее наоборот — шалею было немного жаль странного чудака, пытающегося отстаивать свои взгляды.

— Спасибо,— так же тихо ответил шалею Граис.— Поднебесный знает обо всем, что делают люди. И ни один добрый поступок, так же как и злой, в конечном итоге не останется без воздаяния.

— И вот еще что...— Шалей неожиданно прихлопнул дверь камеры ногой.

Бросив быстрый взгляд на своего напарника, он протянул Граису большую кожаную флягу, висевшую у него на поясе.

— Пей.— Короткое слово, произнесенное шалеем, было похоже на приказ.

Граис поднес горлышко фляги к губам и осторожно сделал маленький глоток. Во фляге была обычная вода, теплая, но ксеносу она показалась необыкновенно вкусной. Сделав несколько глотков, Граис протянул флягу ее владельцу.

— Пей больше,— оттолкнул руку Граиса шалей.

Ксенос удивленно взглянул на охранника. Лицо его по-прежнему ничего не выражало.

Второй шалей молча стоял чуть в стороне, словно и не замечая того, что происходило между его напарником и арестантом.

Не видя никакого смысла в том, что приказывал ему сделать шалей, Граис тем не менее не стал спорить. Он снова поднес горлышко фляги к губам и выпил столько, сколько смог,— почти половину.

— Спасибо,— снова поблагодарил он охранника, хотя и не понимал, за что, собственно, его удостоили такой привилегии.

Шалей молча принял флягу из руки Граиса, прицепил ее к поясу и снова открыл дверь.

Едва только Граис, пригнув голову, переступил порог, за его спиной стукнула захлопнувшаяся дверь и лязгнул засов, загнанный в пазы сильной рукой шалея.

В камере царили невообразимая жара и духота, приправленная густым смрадом давно не мытых человеческих тел и испарениями нечистот. В первое мгновение Граис ничего не увидел. По сравнению с полумраком коридора, освещенного тусклыми огнями светильников, в камере, казалось, царила непроглядная мгла. Впечатление это еще более усиливала узкая полоска солнечного света, пробивавшаяся сквозь щель, прорезанную под самым потолком, и не освещавшая ничего, кроме ряда серых, покрытых пятнами не то копоти, не то плесени камней. Однако Граис ощущал присутствие в камере живых людей.

В подтверждение этого из темноты, откуда-то слева, послышался шелест и негромкое похрустывание.

— Пополнение прибыло,— услышал Граис густой, чуть хрипловатый бас.

Граис повернулся на звуки голоса. Глаза его, уже почти привыкшие к темноте, различили охапку сырой, свалявшейся соломы, на которой, привалившись спиной к стене, сидел человек. Если и рост его соответствовал ширине плеч, то в камере с низким, нависающим потолком он, наверное, вынужден был стоять, пригнув голову.

Окинув взглядом всю камеру, Граис насчитал в ней еще трех человек.

— Да прибудет с вами милость Поднебесного, добрые люди,— обращаясь одновременно ко всем, произнес Граис.

— И тебе того же,— усмехнувшись, ответил ему широкоплечий.— Давно уже никто не обращался ко мне столь уважительно.

— Каждый человек достоин доверия и уважения до тех пор, пока не докажет обратного,— ответил Граис.

Он по-прежнему стоял спиной к двери, не двигаясь с места, готовый в любую секунду отразить внезапное нападение. Он не знал, что за люди находились в одной с ним камере, а поэтому, несмотря на слова шалея, утверждав-

шего, что камера эта спокойная, был настроен на ожидание самого худшего.

— Судя по словам — так ученый,— подал голос невысокий, худой как жердь человек, лежавший на соломе по левую руку от широкоплечего. Когда он чуть приподнялся, Граис обратил внимание, что лицо его, с маленькой, невыраженной нижней челюстью, было сильно заужено книзу, что делало всю его голову похожей на грушу.— Из храма — не меньше.

— Да какое там из храма! — возразил ему широкоплечий. Теперь, присмотревшись, Граис заметил на его лице широкую черную бороду, свалившуюся и торчащую клочьями во все стороны.— Ты на его одежду посмотри,— бродяга какой-то... Да не стой ты как вкопанный,— обратился он к Граису.— Проходи, устраивайся. Не в гости же пришел.

Граис подошел к стене, собрал в кучу раскиданную по полу гнилую, влажную солому и, прихлопнув ее сверху ладонями, присел, подобрав под себя ноги.

Камера, похоже, действительно оказалась спокойной. Никто из ее обитателей не попытался сразу же указать Граису его место. Что ж, и на том спасибо шалею.

Граис прикрыл глаза и прижался затылком к неровному камню стены. Сейчас ему первым делом нужно было сосредоточиться и обдумать сложившееся положение. Сокамерники вели себя смирно, так что о них на время можно было забыть. Мешали только духота и вонь.

Возможно, все складывалось не так уж и плохо. Теперь, вместо того чтобы проделывать долгий путь в Меллению, Граису оставалось только дождаться прибытия в Халлат наместника. Беседа с ним может оказаться гораздо более полезной, чем встреча с Сирхом. Сирх — догматик, наместник же — человек, которого прежде всего беспокоят интересы империи. Граис же собирался предложить ему преобразования, которые укрепят его власть и успокоят вол-

нения среди коренного населения Йера. Хотя, с другой стороны, существовала незначительная возможность того, что... Граис даже открыл глаза. Эта мысль пришла ему в голову только сейчас. Наверное, для этого нужно было вновь окунуться в атмосферу Йера, почувствовать себя одним из рядовых юритов... Да, сейчас он понимал, что выступление его на стороне Сирха могло, вопреки ожиданиям Центра, привести не к мгновенному умиротворению Йера, а, напротив, к мощному всплеску волны негодования, за которой последует бунт, безжалостный и беспощадный. Кто бы мог подумать, что одни и те же слова, изрекаемые разными людьми, могут столь одинаково сильно и одновременно столь неподобно влиять на умонастроения народных масс...

От размышлений Граиса оторвал несильный толчок в бок. Справа, опираясь на локоть, к нему подобрался бородатый.

- Эй, ты чего притих? — негромко спросил юрит.
- Размышляю, — ответил ему Граис.
- Ну и как?
- Что «как»? — не понял Граис.
- Какие мысли в голову приходят?
- Разные, — неопределенно ответил Граис.
- Это хорошо, когда есть о чем подумать, — не стал настаивать на прямом ответе бородач. — Тебя за что взяли-то?
- На площади возле нового храма наказывали отступников, — сказал Граис. — Кидали в них тухлые овощи. Я усомнился в том, что их вина настолько велика, что заслуживает такого наказания.
- Даже так? — Бородач присвистнул и обернулся к остальным, как бы призывая их разделить свое удивление. — Ты что же, никогда прежде такого не видел?
- Я давно не был в Йере, — ответил Граис.

— И только из-за этого тебя в нашу камеру сунули? — подал голос йерит с грушевидной головой.

— Судебный исполнитель сказал, что мое дело должен рассмотреть сам наместник,— сказал Граис.

— Все мы здесь ждем суда наместника,— сказал бородач.— Да только твоя выходка того не стоит. Тебя бы следовало привязать к столбу рядом с теми отступниками, за которых ты вступился,— и все дела. Такие вопросы не наместник решает, а ми-шалей.

— Больно ты скор,— раздался со стороны старческий, скрипучий голос.— Раз мечом помахал, так сразу возомнил себя героем. А я тебе скажу, порою слово может оказаться покрепче стали. Давно ты слышал в последний раз, чтобы кто-нибудь открыто выступил в защиту отступников? Или хоть слово сказал против учения Сирха?..

Бородач ничего не ответил.

— Вот то-то! — Споривший с ним приподнялся со своего места, и Граис смог рассмотреть лысого старика с запавшим ртом.— Почему, по-твоему, преследуют отступников? Да потому, что протест в сознании людей для империи страшнее, чем открытый бунт, который легко можно подавить силой оружия!.. Что, кстати, и случилось с тобой, Грудвар... Или нет?

— Так ты хотел поднять бунт против империи? — удивленно глянул на бородача, которого старики называли Грудваром, Граис.

— Нет,— смущенно стал отнекиваться тот.— Какой там бунт... Так...

— Разбойник он,— громко произнес старики.

— А хоть и разбойник! — крикнул, повернувшись в его сторону, Грудвар.— Что с того? Я ведь не йеритов грабил! Мы со Слимом,— бородач кивнул в сторону сидевшего рядом с ним грушеголового,— пытались захватить караван с продовольствием, отправленный наместником в Кахим!

— Вдвоем? — изумился Граис.

— Десять нас было,— помрачнев, ответил Грудвар.— Остальных убили. Барин только вчера умер от ран в этой камере...

— Что вам — за целый караван, что мне — за авоську с едой,— все приговор будет один,— хихикнул старик.

— Как это — за авоську с едой? — не понял Граис.

— А вот так,— развел руками старик.— Хотел отнести своему сыну поесть, а меня по дороге схватили и сюда вот приволокли.

— Начал рассказывать, так говори все до конца,— обращаясь к старику, сказал Грудвар.

— А мне скрывать нечего,— ответил старики.— Мой сын тоже из отступников. После того как его приятелей арестовали да на соленые земли выслали, он сам из Халлата ушел. Скрывался у пастухов, а я ему время от времени поесть относил.

— Так если твой сын просто отступник, почему же ты ждешь суда наместника? — снова удивился Граис.

— Кто-то из соседей донес, что сын его не у пастухов прячется, а к вольным ушел,— объяснил Граису приятель Грудвара Слим.

— К вольным? — все больше удивляясь, переспросил Граис.

О вольных упоминал вчера в разговоре с ним и Фирон. Однако в расширенной памяти ксеноса не содержалось никакой информации, хоть как-то связанной с понятием «вольные».

— Да, приятель,— похлопал Граиса по плечу Грудвар.— Видно, далеко от Йера ты странствовал. Вольные — это и есть те самые бунтовщики, про которых твердят на каждом углу. Мы с приятелями тоже собирались к ним податься, да только дорогу отыскать не сумели.

— Так, значит, открытое сопротивление империи уже существует? — обращаясь одновременно ко всем, находящимся в камере, спросил Граис.

Он все еще не мог прийти в себя от изумления. Неужели подобная информация могла пройти мимо внимания работающих на Тессе-3 наблюдателей?

— Да какое там сопротивление! — поморщился старики.— Прячутся в горах несколько групп по пятнадцать — двадцать человек. По большей части — беглецы с ониксовых копей, отступники да прочий сброд, объявленный в розыске.

— Полегче, старики,— одернул его Грудвар.— Этот «сброд», как ты его называешь, когда-нибудь освободит Йер от деспотии империи!

— Да? —sarкастически усмехнулся старики.— И когда же, мил человек, это случится?

— Как только вольные накопят достаточно сил для решительного удара,— ответил Грудвар. Однако Граис заметил, что уверенности в его голосе значительно поубавилось.

— Так, значит, вольные пока еще не выступают открыто против империи? — спросил Граис у Грудвара.

— Порою нападают на караваны,— ответил тот.— На небольшие отряды имперских солдат. Но главным образом собираются с силами.

— Они еще двести лет будут собираться,— ехидно заметил старики.— Откуда им взяться-то, силам этим? Для того чтобы воду собрать, и то бочки нужны.

— Ох, старики,— строго покачал головой Грудвар.— Договоришься ты... Нам ведь вместе на ониксовых копях кайлом махать...

— А ты меня не пугай! — бодро ответил Грудвару старики.— Я-то жизнь свою прожил! А вот тебе на ониксовых копях жить останется всего пару месяцев!

— Я слышал, что ониксовые копи были закрыты,— сказал Граис.— Месторождение истощилось, и добыча камней сделалась дороже, чем даже невольничий труд.

— Снова открыли,— ответил Грудвар.— Начали копать глубже. Говорят, что теперь шахты доходят почти до самого огня земных недр. Поэтому и мрут там люди, как мигаты осеню.

— Пока есть империя, найдутся и бунтовщики вроде тебя, Грудвар,— снова усмехнулся старик,— которым не терпится в шахту забраться.

— Ну что ты с ним будешь делать? — обреченно посмотрел на Граиса бородач.— Так и балабонит весь день. Словно самого его завтра поутру домой отпустят.

— А может, и отпустят! — снова встярл в разговор неугомонный старик.— Вот вернется наместник, он с моим делом в момент разберется...

Речь его, грозившуюся затянуться, прервал сухой, надсадный кашель, раздавшийся с кучи соломы, лежащей возле дальней от двери стены, прямо под узкой, выходящей на тюремный двор щелью. Человек кашлял мучительно и долго, взахлеб, не останавливаясь.

— Снова у Митея приступ,— тяжело вздохнул Грудвар.

Старик, подавшись в сторону больного, пытался как-то облегчить его страдания. Но, как мог заметить Граис, все его действия сводились только к уговорам и попыткам удержать руки страдальца, которыми тот рвал у себя на груди рубашку.

Вскочив на ноги, Граис подошел к старику и опустился на колени возле несчастного Митея.

Больной, казалось, был в беспамятстве. Голова его, с закатившимися глубоко под веки глазами, была запрокинута назад. Из угла рта стекала слюна. На впалых щеках горели алые болезненные пятна.

Граис приложил руки ладонями к узкой, впалой груди несчастного. Затем быстро надавил пальцами несколько

активных точек на шее. Больной затих, тяжело, надсадно дыша.

— У него астма,— сказал Граис.— Следующий приступ он может не пережить. Ему нужен свежий воздух.

— Где ж его взять? — проворчал старик.

— Тогда дайте воды,— потребовал Граис.

— Нет воды,— ответил подошедший к ним Грудвар.— Воду дают только по полкружки утром и вечером.

Только теперь Граис понял, какую услугу оказал ему шалей, заставив напиться вволю прежде, чем затолкнуть в камеру. В маленьком душном помещении, разогретом, как коптильная печь, жажда являлась дополнительным средством мучения заключенных.

Граис надавил на активную точку возле ключицы больного, и тот затих, впав в спасительное беспамятство.

— Нужно сообщить охранникам, что в камере больной,— сказал Граис, взглянув на Грудвара.— Наверное, его можно перевести в другое, более подходящее для него помещение, обеспечить надлежащий уход...

— Ты что, смеешься? — мрачно глянул на Граиса бородач.— Да Митя затем и засунули в эту камеру, чтобы он скорее концы отдал.

— В чем его вина? — Граис переводил недоверчивый взгляд с одного обитателя камеры на другого.— Он тоже бунтовщик?

— Если бы,— горько усмехнулся старик.

— Митей неохотно рассказывал о том, за что здесь оказался,— медленно, как бы раздумывая, стоит ли продолжать, произнес Грудвар.

— Ну, так и ты помалкивай,— проворчал старик.

— Да какая теперь разница,— махнул рукой Грудвар.— Бедолаге теперь одна дорога — к Поднебесному.

— Так что же такое ужасное он совершил? — снова спросил у Грудвара Граис.

— Как я понял из речей Митея, он служил чиновником в каком-то из городских управлений,— сказал бородач.— И, кажется, имел неплохую должность. Да вот беда, оказался не в меру честным: отказался участвовать в какой-то махинации по перераспределению земельных наделов. Сам ворованных денег не взял, а на тех, кто всем этим занимался, обещал наместнику донести, как только тот из Кахима вернется. Ну, дружки его бывшие ждать, естественно, не стали, состряпали донос и упекли Митея в тюрьму. Должно быть, еще и судебному исполнителю приплатили, потому что тот делает все возможное, чтобы Митей не дождался возвращения наместника.

— Будь он не важной шишкой, а простым человеком, его бы уже давно в живых не было.— Слим красноречивым жестом провел ногтем большого пальца по горлу.— Государственного же чиновника просто так в темноте не придушишь: наместник непременно разбирательство назначит.

— Ну вот,— снова заворчал стариик,— теперь он все про каждого из нас знает. Все выложили.

— А ты чего так беспокоишься? — повернулся к нему Грудвар.

— Мне беспокоиться нечего,— демонстративно отвернулся в сторону стариик.— Мое дело маленькое. Наместник приедет — разберется. Невинного человека попусту в тюрьме держать не станут. О себе бы лучше подумал.

— А мне-то и подавно бояться нечего,— усмехнулся Грудвар.— Про меня все уже известно. У нас со Слимом теперь одна дорога — на ониксовые копи. Да только далеко меня не увезут — сбегу.

— А все же стариик прав,— посмотрел на Граиса Слим.— Ты, приятель, пока еще не представился. А мы здесь, похоже, не один день вместе проведем.

— За что меня арестовали, вам уже известно,— сказал Граис.— А зовут меня Граис. Граис из Сиптима.

— Что?! Ты Граис из Сиптима?!— Глаза у старика заскользились — казалось, еще миг, и они выпрыгнут и покатятся по полу.— Врешь, северянин! Я Граиса из Сиптима знал! Бывал на его проповедях!

— Ну так посмотри на меня внимательно,— спокойно ответил ему Граис.— Может быть, и признаешь.

Старик на четвереньках подполз к Грису и, положив руки на плечи, развернул его так, чтобы слабые отсветы солнечных лучей, проникающих в камеру через щель под потолком, падали ему на лицо. Подслеповато щурясь, старик какое-то время внимательно всматривался в черты лица Граиса. Неожиданно он отшатнулся назад и, припав спиной к стене, скжился в комок.

— Прости меня, прости меня, маловерного,— быстро забормотал он, не отрывая взгляда от лица Граиса.— Но... как же это... как это... не может быть... Ты... Хотя это ты... ты...

— Да что с тобой? — удивленно окликнул старика Грудвар.

— Это он! — указал на Граиса кривым, высохшим пальцем старик.— Он!

Грудвар недоумевающе посмотрел на Граиса, затем снова перевел взгляд на старика.

— Да кто он? Говори толком! — решительно потребовал ответа бородач.

— Граис из Сиптима,— тихо произнес старик,— исчезнувший пятнадцать лет назад и теперь снова вернувшийся.

— Тот самый Граис из Сиптима? — широко раскрыв глаза, глянул на Граиса Слим.

— Тот самый,— слегка наклонив голову, подтвердил Граис.

— Не слишком ли ты молод для того, чтобы быть тем самым Граисом? — недоверчиво спросил Грудвар.

— Видно, время не властно надо мной,— попытавшись обратить вопрос Грудвара в шутку, улыбнулся Граис.

— Умолкните, маловеры! — повелительным жестом вскинул руку над головой старики.— Я говорю вам: это тот самый Граис из Сиптима, проповеди которого я посещал много лет назад! Тот самый, чье учение о Пути к Поднебесному присвоил и извратил его бывший ученик Сирх, называющий себя преподобным!

— Эй, старики, что-то ты не в меру разошелся! — насмешливо одернул его Грудвар.— Да за такие слова тебя заодно с нами оникс добывать отправят! С чего это ты вдруг страх потерял?

— Ты, что ли, доносить пойдешь? — не смог удержаться от язвительного замечания старики.

— Ты ошибаешься по поводу Сирха,уважаемый,— обратился к старику Граис.— Он вовсе не извратил мое учение. Он в точности повторяет те же самые слова, которые когда-то произносил я сам. Люди просто не желают его слушать.

— И правильно,— негромко, но уверенно произнес Слим.— Сирх со своими проповедями служит нашим врагам.

— Слушай, что я тебе скажу, Граис.— Оттеснив Слима со стариком в сторону, к Граису почти вплотную приблизился Грудвар.— Ни в коем случае не называй судебному исполнителю своего имени. Выдумай любое — никто проверять не станет. Проступок твой не слишком серьезен, долго тебя здесь не продержат...

— Я уже назвал себя,— перебил Грудвара Граис.

— Ах ты!..— Грудвар с досады вцепился себе в бороду.— Ну кто же так поступает?!

— Я не вижу причин скрывать свое настоящее имя,— ответил ему Граис.— Я не совершил ничего дурного или противозаконного.

— Последователи твоего учения преследуются по всей стране. Ты думаешь, для тебя будет сделано исключение?

— Мое учение свободно, не подвергаясь никаким гонениям со стороны имперских властей, проповедует Сирх. Почему же я должен бояться?

— Потому что ты — не Сирх!

— В свое время я, так же как сейчас Сирх, призывал к покорности и смирению перед властью,— сказал Граис.— Власть поставил над народом Поднебесный. Без нее жизнь превратилась бы в хаос. Если власть жестока или несправедлива, значит, такую мы и заслуживаем. Не нам обсуждать волю Поднебесного, а тем более — противиться ей. Все, что мы можем,— это только смиленно ждать и надеяться на лучшее. Только очистив свои души, мы сможем сискать милость Поднебесного.

— Ты освободил наши души,— поддержал Грудвара старик.— Благодаря тебе мы поняли, что, даже находясь под властью Кахимской империи, мы можем оставаться свободными людьми. Сирх же в своих проповедях провозглашает полную покорность перед властью захватчиков. Он призывает покориться ей и телом, и душой. Поверь мне, Граис, я знаю что говорю. Я слышал и твои проповеди, и проповеди Сирха. Между ними нет ничего общего.

— Граис, вот что я тебе скажу,— вдруг медленно заговорил Грудвар, пристально глядя на ксеноса,— твое место на воле, а не в тюрьме. Там тебя ждут люди. Ты нужен им.

— В свое время я уже сказал им все, что мог,— покачал головой Граис.

— Времена изменились, Граис. Сейчас народ готов к борьбе с захватчиками. Благодаря тебе йериты уже смогли преодолеть межклановые разногласия. Им нужен только вождь, который сможет объединить разрозненные отряды вольных, привлечь на свою сторону новых бойцов и повести их за собой. Граис, твоя известность и авторитет в Йере не имеют себе равных. За годы своего отсутствия ты превратился в легенду...

— Я ничего не делал для этого,— ответил ему Граис.

— Ты поставил под сомнение могущество и власть Кахимской империи,— негромко произнес старик.

— При этом я никогда не призывал к неповиновению.

— «Имеющий уши да услышит» — разве это не твои слова, Граис? — усмехнулся старик.

— Ты услышал в моих словах то, чего никогда в них не было.

— Народ слышит в твоих проповедях то, что желает услышать,— снова горячо зашептал Грудвар.— Разве ты не йерит, Граис? Разве ты не хочешь, чтобы наша родина снова стала свободной?

— Йер будет свободной страной,— уверенно произнес Граис.— Но не сейчас.— Тяжело вздохнув, он сделал небольшую паузу.— Сейчас за свободу пришлось бы заплатить слишком большую цену.

— Свобода — превыше всего! — безапелляционно воскликнул Грудвар, сверкая глазами.— Я готов отдать за нее свою жизни!

— А жизнь других — с ней как быть?— тихо произнес Граис, пристально глядя на Грудвара.— Для других людей жизнь — это вещь более ценная, чем свобода.

— Жизнь без свободы — это не жизнь,— буркнул Грудвар, отводя взгляд в сторону.

— А свобода без жизни — это смерть, это ничто, это пустота.

Грудвар хмыкнул, заерзal нетерпеливо.

— Если ты встанешь во главе вольных...— начал он, но уже не так уверенно.

— Я не для того вернулся в Йер, чтобы вести людей на верную смерть,— не дослушав, оборвал Грудвара Граис.

Не желая продолжать этот разговор, он отошел в сторону и опустился на солому.

У дальней стены тяжело и хрипло закашлял Митеj. Старик наклонился над ним, чтобы приподнять больному голову.

Грудвар, что-то шепнув на ухо Слиму, снова подобрался поближе к Граису.

— Я понимаю тебя, Граис,— тихо, едва слышно, заговорил он.— Ты правильно делаешь, что не открываешь при всех своих намерений. Я не знаю, кто этот стариk...— Грудвар взглянул в сторону дальней стены камеры. Граис автоматически посмотрел туда же и увидел, что за стариком, склонившимся над больным, внимательно наблюдает приятель Грудвара.— Но мне и Слиму ты можешь довериться. Мы не бандиты с большой дороги. Мы напали на имперский караван только потому, что не хотели отправляться к вольным с пустыми руками... Я специально при старице говорил, что не знаю дороги до лагеря вольных... Ничего, до рудников нас не довезут — сбежим по дороге...

Граис слушал Грудвара не перебивая. Сознание его фиксировало услышанные слова, не вникая в их смысл. Речь бородача мало интересовала Граиса,— он уже узнал от него все, что ему было нужно. Теперь ему надо было собраться с мыслями и обдумать сложившуюся ситуацию, чтобы принять верное решение.

Однако взвешенному, всестороннему анализу мешало то, что Граис никак не мог понять, почему руководитель проекта Кричет счел нужным скрыть от него весьма важную информацию. Ксеносу должны были сообщить, что в Йере существует пока еще плохо организованное и малоэффективное, но уже пользующееся известностью — по крайней мере, в низших слоях общества — движение сопротивления. В то, что Кричет не знал об этом, поверить было невозможно.

В исключительных случаях руководитель проекта имел право скрыть от ксеноса ту или иную информацию, если считал, что она могла помешать выполнению его миссии. Подобное происходило крайне редко, только когда ксеносу предстояло самому изучить ситуацию на месте и, исходя из этого, принять то или иное решение. Но сейчас у Граиса

имелось совершенно определенное задание, для выполнения которого у него не было никакой необходимости выходить за границы собственных полномочий. Тогда в чем же дело? Что за игру ведет за его спиной Кричет?..

Упервшись руками в пол, Граис пододвинулся ближе к стене и прижался к ней спиной. Камни были горячими, чуть ли не раскаленными. Время за стенами тюрьмы, должно быть, уже перевалило за полдень, и духота в камере сделалась совершенно нестерпимой. Граис медленно и осторожно, словно боясь захлебнуться горячим смрадом, втягивал в себя воздух сквозь плотно стиснутые зубы.

Сидевший по правую руку от него Грудвар по-прежнему что-то говорил, время от времени стирая рукавом скатывающиеся по лицу крупные капли пота:

— ...А ты, когда поведут на допрос, не называй своего настоящего имени. Вали все на писаря, мол, он все перепутал в бумагах. Прикинься чудаком, не понимающим, в чем его обвиняют... Тебя выпустят, а судебный исполнитель еще и втык от наместника получит, за то, что сам не смог разобраться с таким плевым делом...

Грудвар продолжал говорить, но Граис заставил себя не воспринимать его льющуюся нескончаемым потоком речь. Все и так давно уже было понятно. Гораздо больше Граису досаждала духота, достигшая сейчас в камере своего пика. Чтобы отвлечься, Граис стал размышлять о конечной цели проекта. Он никак не мог понять, зачем Кричет скрыл от него факт существования в Йере отрядов вольных. Это факт очень важный для реализации проекта: зная об этом, Граис несколько иначе стал бы разговаривать с Сирхом, когда бы этот разговор состоялся. Но сейчас, похоже, на это не стоит тратить время. Да, теперь его задача сильно осложнялась. Во-первых, нужно нейтрализовать, остановить Сирху, утратившего в своем величии всякую связь с реальностью. А во-вторых, нужно приложить определенные усилия для развенчания собственного образа, из которого

за время его отсутствия народная молва создала символ борца за свободу и независимость. И в этом ему мог помочь не столько Сирх, сколько сам кахимский наместник. Судя по тому, что известно о Центии Офре, нынешнем наместнике Кахимской империи в Йере, человек он здравомыслящий и прагматичный, а следовательно, его нетрудно будет убедить в том, что Сирх своими проповедями уже не столько укрепляет авторитет имперской власти, сколько заставляет людей, забыв о воле Поднебесного, самостоятельно задумываться о своей дальнейшей судьбе.

— Что ты сказал? — внезапно повернулся Граис в сторону Грудвара, в словах которого, как ему показалось, промелькнуло знакомое имя.

— Я сказал, что знаю надежного человека, у которого ты сможешь найти пристанище, выйдя из тюрьмы. Он же поможет тебе и связаться с вольными...

— Имя,— нетерпеливо перебил Грудвара Граис.— Как, ты сказал, его имя?

Бородач посмотрел на собеседника с некоторой опаской, но все же повторил однажды уже произнесенное имя:

— Фирон из Сирдаха, гончар. Через него один из отрядов вольных узнает о том, что происходит в столице. Если ты скажешь Фирону, что пришел от меня...

— Фирон из Сирдаха,— не слушая далее Грудвара, изумленно произнес Граис.— Это ведь мой ученик!

— Вот уж не знал об этом,— развел руками бородач.

Глава 6

ПОБЕГ

Ближе к вечеру двое арестантов, облаченных в грязные, рваные рубища, почти не имеющие ничего общего с тем, что принято называть одеждой, втащили в камеру большую

жестяную бадью. Поставив свою ношу на пол, они сразу же скрылись за дверью, где их ожидали трое вооруженных охранников, один из которых, прежде чем запереть дверь, кинул в камеру полупустую кожаную флягу.

Старик первым кинулся к воде, но добежать до лежащей на полу фляги не успел — его поймал за ногу Слим. Флягу взял в руки Грудвар. Слим подал ему извлеченные из-под соломы грязные глиняные плошки с отбитыми краями. Наполнив первую плошку, Грудвар велел Слиму напоить больного Митея, после чего равномерно распределил оставшуюся воду между всеми обитателями камеры. Каждому досталось ровно по три глотка теплой, почти не утоляющей жажду воды.

Граис, сделав из предложенной ему плошки всего лишь один небольшой глоток, отставил посудину в сторону.

— Не хочешь пить? — удивленно глянул на него старик.

Рука его в то же время уже непроизвольно тянулась к наполненной влагой посудине.

— Вода может понадобиться больному,— сказал Граис, прикрывая плошку рукой.

Отдернув руку, старик спрятал ее за спину.

— Все равно ему уже ничто не поможет,— недовольно проворчал он, направляясь к бадье с едой.

Откинув в сторону громыхнувшую о пол крышку, он плошкой разогнал в стороны плавающую по поверхности рыбью чешую и зачерпнул жидкий, омерзительно пахнущий суп. Присев в углу, старик обхватил плошку обеими руками и начал торопливо, то и дело давясь и кашляя, глотать ее содержимое.

Следом за ним наполнили свои посудины и остальные.

— Не надейся, что этим можно хоть немного утолить жажду,— сказал, обращаясь к Граису, Слим.— Они нарочно пересаливают свое варево, чтобы после него пить хотелось еще больше.

Граис с опаской осмотрел дурнопахнущее содержимое своей плошки,— в серой, мутной, чуть теплой воде плавали рыбы хвосты, головы со страшно выпученными белесыми глазами и склизкие полупрозрачные лохмотья какого-то овоща, разварившегося до полной неузнаваемости.

— Выглядит неаппетитно,— усмехнулся Грудвар, присаживаясь рядом с Граисом.— Но приходится есть, чтобы не протянуть ноги. Выбор блюд на этом постоялом дворе на редкость однообразен.

Граис осторожно отхлебнул глоток тюремной баланды. Чрезмерное количество соли и острых приправ, присутствующее в растворе, полностью скрадывало первоначальный вкус рыбного бульона. Впрочем, это, наверное, было и к лучшему: рыба, использованная для приготовления варева, была явно не вчера поймана.

Граис отставил в сторону плошку с рыбной бурдой и, отодвинувшись чуть в сторону, сел, прижавшись спиной к стене. Подтянув согнутые колени и обхватив их руками, он снова мысленно вернулся к последнему разговору с Кричетом.

Интересно, какую еще информацию скрыл от него руководитель проекта? Каких же тогда действий он ожидал от него, если их общей задачей было восстановление буферной зоны на территории Йера? Если Кричет не вполне доверял Граису или опасался, что тот мог не справиться с порученным ему заданием, то мог просто отправить вместо него другого ксеноса. Однако ему почему-то был нужен именно Граис.

Ксеноса раздражало, что сам он, как ни старался, никак не мог понять, что же задумал Кричет. Каким образом он собирается переломить непростую ситуацию, сложившуюся в Йере, с тем чтобы не допустить окончательного разрушения буферной зоны?

Имея формальную возможность, сославшись на недоверие руководства, отказаться от дальнейшего выполнения порученной ему миссии, Граис тем не менее совсем не собирался этого делать. Он прекрасно понимал, что его отказ от участия в проекте практически перечеркнет огромную работу, проделанную десятками различных подразделений Центра, и в конечном счете поставит под удар иные миры, находящиеся на пути следования событийной волны, остановленной на территории Йера.

— Все думаешь,— прервал размышления Граиса старики.— А что толку? Думай не думай — конец один.

— Ты ошибаешься,— Граис даже не повернул головы,— конец у всех разный.

— Ну да!— недоверчиво и злобно буркнул старики.— Как это разный? Самый что ни на есть одинаковый: хлоп — и тебя уже нет.

Он что-то еще сказал, но Граис уже не слушал ворчуна.

Ишь обиделся, подумал Граис, и на что? Вот мне обижаться есть на что — после нескольких десятков успешно проведенных операций на четырнадцати планетах меня собираются использовать как разменную пешку в какой-то многоходовой комбинации, о которой я ничего не знаю. Что я, бездарность или новичок какой, непригодный к работе ксеносом? Граис вдруг услышал храп и повернулся голову: старики спал, привалившись к стене. Веки его слегка дрожали, чуть приподнимаясь, красные и нездоровые на вид. А ведь в такой ситуации, вдруг подумал Граис, можно уже не придерживаться разработанного в Центре плана. Это как раз те самые непредвиденные обстоятельства, которые позволяют мне действовать по своему усмотрению. А поэтому, как бы поды托жил он, нужно не союз заключать с Сирхом, а устраниТЬ его посредством кахимского наместника. Ведь через два дня, насколько он понял из случайно услышанного разговора шалеев, наместник должен прибыть

в Халлат и лично заняться рассмотрением дела вновь заявившего о себе Граиса из Сиптима.

Он сумеет найти общий язык с наместником и убедить его в том, что развенчание Сирха как официального идеолога сделает для восстановления порядка и спокойствия в Йере больше, чем вооруженная до зубов армия. Плохо организованное, не имеющее центрального командования движение вольных представляет собой угрозу для власти только до тех пор, пока его поддерживают, пусть даже хотя бы только на словах, жители городов и сел, сами не стремящиеся уйти в горы и взять в руки оружие. В тот момент, когда падет Сирх, превратившийся за годы своего самостоятельного проповедничества в одиозный и ненавистный всем йеритам символ имперской власти, исчезнет и угроза со стороны вольных.

Граис опять бросил взгляд на старика. Вот храпит, подумал он, разморила его духота. Всю жизнь трудился как вол, в земле копался, терпеливо тянул свою лямку и не думал, что может быть как-то иначе. Все они, йериты, такие — терпеливые, спокойные, чтобы там воевать или бунтовать — это не для них. Их больше устраивает вера в мудрость Поднебесного, чем желание решить все свои проблемы бунтом, к тому же обреченным на поражение. Поднебесный дарует им каждый новый день — ради него стоит и претерпеть все невзгоды и лишения. Поднебесный дает ответы на все вопросы — чего же еще надо человеку?! Поэтому-то они так щепетильны к своему Богу и от иноверцев требуют только одного — чтобы почтительно относились к Поднебесному. Тех, кто нарушал это требование, йериты не жаловали: не убивали — упаси Боже! — а просто исключали из своей жизни.

В этом смысле кахимский наместник оказался отнюдь не глупым начальником: понял, что религиозность порабощенного народа можно использовать в интересах империи. Однако, подумал Граис, ошибся наместник тогда, ког-

да приблизил к себе Сирха, желая уж слишком прямолинейно поставить Бога йеритов себе на службу. Этого йериты, конечно, ни принять, ни стерпеть не могли. И как Сирх ни старался повторять фразы Граиса, как ни пытался даже интонации Граиса воспроизводить, йериты провели между двумя проповедниками четкую границу.

Впрочем, сам наместник мог и не знать об особенностях религиозного мировосприятия населения Йера. Вина за эту ошибку полностью ложилась на Сирха. Поэтому проповедям Сирха следовало положить немедленный конец. Они могут привести лишь к взрыву всеобщего негодования, в результате которого вольные, которые по сути своей являются всего лишь кучкой бунтарей, превратятся в глазах простого народа в защитников истинной веры.

Всплеск воинственной религиозности, направленный в нужное русло, легко может перерасти во всеобщее восстание против империи. Результат же у подобного стихийного восстания мог быть только один — кровь и еще более жестокая тирания. И, что самое ужасное, Граис теперь отчетливо понимал, что его возвращение в Йер могло привести к еще большему обострению и без того напряженной обстановки в находящейся под диктатом Кахимской империи стране. Любой его неосторожный шаг, не до конца продуманное действие могли оказаться тем камнем, который, упав на чашу весов, нарушил бы неустойчивое равновесие между жизнью и смертью сотен тысяч ни в чем не повинных людей.

Граис медленно провел ладонью по влажному от нестерпимой духоты лицу.

Ему, несомненно, сопутствовала удача. Не окажись он в тюрьме, непременно отправился бы в Меллению искать встречи с Сирхом, которая, скорее всего, оказалась бы напрасной. Если в своей напыщенной самоуверенности Сирх не понимает, что своими проповедями подталкивает страну

к краю пропасти, то и слова нежданно вернувшегося учителя не смогут его ни в чем убедить. Открытая же поддержка Сирха Граисом, как предлагал сделать это Кричет, только ускорила бы неминуемую трагическую развязку...

Неужели руководитель проекта этого не понимал?..

Ночь не принесла с собой прохлады, которую с надеждой и вожделением ожидали изнывающие от духоты и смрада узники. Перед самым закатом прошел небольшой дождик, и влажные испарения, поднимающиеся над раскаленной землей, заполнили камеру.

Митей, который уже даже кашлять не мог, корчился на подстилке, хватая широко разинутым ртом удущивый воздух. Попытки Граиса снять астматический приступ успеха не возымели. Погружать же несчастного Митея в гипнотический сон он не решался, боясь, что во сне больной может задохнуться.

Старик и Слим, растянувшись на полу, пытались уснуть. Грудвар же по-прежнему не отходил от сидевшего рядом с больным Граиса.

— Послушай, Граис,— тихим шепотом произнес он, когда, напоив Митея остатками воды, ксенос устало привалился к стене.— Про тебя говорят, что ты можешь творить чудеса...

— Люди обычно называют чудом то, чему просто не могут найти объяснения,— ответил Граис.

— Ты возвращал здоровье безнадежно больным,— продолжал Грудвар.

— Как видишь, Митею я ничем не могу помочь,— с прискорбием вздохнул Граис.

— Но ведь были же и те, кого ты излечивал.

— Врачевание — это не чудо, а искусство, в котором я кое-что смыслю. Но, уверяю тебя, существуют целители и более искусные, нежели я.

— Я слышал, что во время одной из своих проповедей ты воспарил над землей. Это правда?

— Способность побороть тяжесть, приковывающую тело к земле, называется левитацией. Подобное умение демонстрируют за деньги фокусники из страны Гриз. У них я и выучился этому трюку.

— Что-то я прежде таких фокусов не видел,— с сомнением покачал головой Грудвар.— Еще я слышал, что ты можешь заставить человека видеть страны, которых не существует на свете.

— Ты хочешь там побывать? — спросил Граис.

— Не сейчас,— немного подумав, отказался Грудвар.— Сейчас я хотел бы оказаться на свободе.

— В этом я тебе помочь не могу,— ответил Граис.

— Не можешь или не хочешь? — уточнил Грудвар.

— Не пытайся играть со мной в слова,— устало улыбнулся в темноте Граис.— Я тебе ясно ответил — нет.

Грудвар как бы в недоумении хмыкнул.

— Разве ты сам, Граис, не говорил о том, что святой долг всякого человека помочь тому, кто взвывает о помощи?

— Я не в силах перенести тебя за стены этой тюрьмы,— ответил Граис.

У него не было никакого желания спорить с Грудваром. Сейчас он чувствовал одну лишь усталость,— слишком много сил уходило на то, чтобы поддерживать жизнь Митея. А стоили ли усилия того? Граис отчетливо осознавал, что Митея обречен. Для того чтобы спасти его, требовалась интенсивная терапия, которую невозможно было обеспечить в условиях Йера.

Уже в который раз на глазах Граиса умирал человек, которого можно было бы спасти, если бы только... Если бы что?.. Если бы Центр проводил политику открытого контакта с обитателями планет, входящих в Кольцо Миров... Кто дал право ксеносам решать, кому суждено жить, а кто должен умереть во имя жизни других? Возможно ли оценить жизнь одного человека, такого, как Митея,

чье имя никогда не войдет в исторические хроники, просто бросив ее на чашу весов вселенской целесообразности?..

— Ты ведь сумел в свое время убежать из-под стражи.— Это снова был Грудвар. Граис было решил, что бородач лег спать, однако он все еще сидел рядом, неподвижный и невидимый в кромешной тьме, царящей в камере.— Как тебе это удалось?

— Все было совсем не так, как ты думаешь,— не стал вдаваться в объяснения Граис.— Мой опыт вряд ли чем-то тебе поможет.

— И все же,— никак не желал отставать от него Грудвар.

— Ты ведь собирался бежать по дороге на ониксовые копи,— напомнил Граис бородачу его же собственные слова.

— А! — По легкому дуновению воздуха Граис решил, что его собеседник махнул рукой.— Это была пустая bravada. Перед отправкой на рудники каторжников заковывают в кандалы. Со скованными ногами, к каждой из которых к тому же подвешено по каменному ядру, не очень-то побегаешь. Бежать нужно сейчас, до вынесения приговора.

— У тебя есть какой-то план? — просто так, без особого интереса спросил Граис.

— Главное — выбраться из камеры,— наклонившись к самому уху Граиса, зашептал Грудвар.— На первом этаже только несколько человек охраны. При неожиданном нападении справиться с ними не составит труда. А уже с оружием в руках можно будет попробовать пробиться за ворота.

— План, достойный самоубийцы,— устало заметил Граис.

— Не скажи,— возразил ему Грудвар.— Ночью шалеи отдохивают, полностью полагаясь на надежность дверей и запоров.

— И каким же образом ты собираешься открыть замок?

— Дверь камеры закрывается только на засов.

— Какая разница, если он находится снаружи, а ты — внутри.

— Я подумал,— вкрадчиво начал Грудвар,— что если ты обладаешь способностью перемещать свое тело по воздуху, то, возможно, сумеешь и отодвинуть засов, не прикасаясь к нему руками.

Граис ничего не ответил.

А что он мог сказать Грудвару? Что жизнь одного йерита ничего не стоит по сравнению с теми проблемами, которые предстояло решить ксеносу? Ведь если он поможет Грудвару бежать, то уже не сможет рассчитывать на благожелательное отношение к себе наместника. А то еще и самому придется скрываться, чтобы не оказаться обвиненным в пособничестве бунтовщикам... А сколько еще охранников убьют Грудвар и Слим, прорываясь на свободу? Да и смогут ли сами они выбраться за тюремные стены?..

— Эй,— негромко окликнул Граиса Грудвар.— Ты что молчишь?

— У каждого свой Путь к Поднебесному, Грудвар,— ответил ему Граис.— И если уж ты встал на него, то иди следует до конца.

— Ты хочешь сказать, что у нас с тобой разные пути?

— Похоже, что так.

— Разве ты не хочешь увидеть Йер свободным?

— Сейчас не время говорить об этом,— тяжело вздохнул Граис.— Я очень устал... Мне нужно хотя бы немного отдохнуть...

— Ну-ну...

Граис услышал, как зашелестела солома,— Грудвар отодвинулся в сторону от него.

Ксенос выпрямил спину и, расслабив мышцы шеи, опустил подбородок на грудь. Скрестив ноги на полу, он положил руки между коленей. Сделав три глубоких вдоха, Граис погрузился в медитационный транс, который должен был помочь ему восстановить силы. Ему предстояло еще

два дня как минимум провести в этом жутком месте, в котором даже глизы, не брезгающие, казалось бы, вообще ничем, жить не желали.

Перед самым рассветом Граис вернул в реальность страшный предсмертный хрип, вырвавшийся из горла Митея.

Наклонившись, Граис приложил два пальца к шее страдальца и понял, что ему уже ничем нельзя помочь. Граис сложил руки Митея на животе. Проведя ладонью по лицу мертвого, он закрыл ему глаза. После этого он опустился на пол и, повернувшись лицом в сторону востока, где находилась гора Эртип, с вершины которой души умерших уходили в свой последний Путь к Поднебесному, вполголоса начал напевать слова традиционного прощального песнопения.

— Что там еще? — заворачался разбуженный старик.

— Митей умер,— закончив прощание с мертвым, ответил ему Граис.

— Ну вот,— забрюзжал старик.— Теперь у нас еще и покойник, которого неизвестно когда отсюда уберут.

— В чем бы меня ни обвиняли, я не должен находиться в одной камере с мертвецом! — закричал неожиданно вскочивший на ноги Грудвар.— Пусть убирают его немедленно! По такой жаре он к полудню завоняет — мы все здесь передохнем!

Грудвар бросился к двери и изо всех сил принялся колотить в нее кулаками.

— Эй, ты что это так разошелся? — удивленно повернулся в его сторону старик.— Плети захотел?

Словно не слыша обращенных к нему вопросов старика, Грудвар продолжал колотить в дверь камеры, пустив в дело и ноги. Гул от его ударов стоял такой, словно колотили в пустую бочку.

— Открывайте, поганцы! — надрывая глотку, орал Грудвар.— Открывайте, чтобы вам пусто было!..

Граис, как и стариk, не мог взять в толк, что вдруг случилось с уравновешенным и, как ему казалось, умеющим контролировать себя Грудваром. Что за бес в него вселился? Если шалеи и явятся на его крик, то явно не за тем, чтобы убрать мертвого, а живых наказать.

Граис поднялся на ноги, собираясь подойти и успокоить Грудвара, когда на дверь обрушился еще один тяжелый удар, теперь уже снаружи.

— Умолкните, твари! — рявкнул из-за двери шалей и снова ударил в дверь чем-то тяжелым.— Днем всех на солнцепек выставлю!

— У нас в камере покойник! — крикнул Грудвар.

— Вы все там покойники! — хохотнул в ответ шалей.— Утром придет ми-шалей, он и разберется, кого из вас уже пора отдать гаратам!

— Уберите мертвого из камеры! — заорал Грудвар и снова что было сил принялся колотить ногами в дверь.

— Ну, ты меня достал, отродье!..

Глухо стукнул откинутый в сторону засов, и дверь камеры распахнулась настежь. В тусклом свете масляных ламп, освещавших коридор, в дверном проеме возник силуэт высокого, широкоплечего шалея. Всклокоченные волосы и отсутствие шлема указывали на то, что, должно быть, шум, поднятый Грудваром, заставил охранника прервать отдых пусть даже и на не слишком мягкое топчане. Недовольный, заспанный вид шалея явно не сулил ничего хорошего.

— Ну что, тварь, хочешь оказаться вторым покойником в этой камере?

Шалей сделал шаг через порог, поигрывая концом толстой плети. Копье он держал на сгибе локтя левой руки, направив в сторону Грудвара широкий листообразный наконечник, способный с одного удара распороть человеку живот. За его спиной в коридоре, привалившись плечом к стене, стоял еще один охранник.

Окинув взглядом остальных находящихся в камере заключенных, шалей неожиданно взмахнул плетью, и левую щеку Грудвара распорола красная кровоточащая полоса. Шалей довольно хохотнул и не спеша занес плеть для нового удара.

Вопреки его ожиданиям, заключенный не отшатнулся в сторону, пытаясь руками прикрыть голову от удара. Вместо этого, приняв на шею новый удар плети, он кинулся на охранника. Шалей выбросил вперед руку с копьем, но Грудвар, нырнув под древко, в одно мгновение оказался рядом с противником. В руке у него была зажата длинная и острыя щепа, которую он давно уже выломал из дверного косяка. Коротким сильным ударом Грудвар вогнал кусок дерева шалею в горло.

Охранник, находившийся в коридоре, спросонья, должно быть, даже не успел понять, что произошло, когда Грудвар, подхватив из рук смертельно раненного шалея копье, направил его в сторону второго противника. Шалей захрипел и дико вытаращил глаза, когда плоский наконечник копья вспорол ему живот. Он открыл рот, чтобы закричать, но только кровь забулькала у него в горле.

Грудвар всем своим телом навалился на древко копья и остановился только тогда, когда метал наконечника заскрежетал по камню стены. Вырвав окровавленное копье из мертвого тела, он оперся на него, на мгновение опустил голову и так тихо, что никто не услышал, произнес:

— Кончено...

Рядом с ним уже стоял Слим, держа в руках копье второго шалея.

— Ах ты, сын потаскухи! — заскулил со своего места старики.— Теперь же нас всех из-за тебя живыми на куски разрежут!

— Что сделано, то сделано.— Грудвар посмотрел на старика, затем перевел взгляд на Граиса.— Решайте, вы с нами?

— А можно подумать, ты оставил нам выбор! — Прорвавшись вскочив на ноги, старики, ища поддержки, бросил взгляд на Граиса.— Нам что же теперь, оставаться здесь с тремя покойниками, двое из которых шалеи?

— Тогда пошли.— Грудвар решительно направился в сторону, где находилась лестница, ведущая наверх.— Нужно убраться отсюда, пока не прибыла утренняя стража.

— Стойте, дети лавахов! — снова подал голос старики.— Вы, видно, совсем разума лишились, если намереваетесь ломиться к выходу сквозь строй шалеев!

— Мы нападем неожиданно...

— Есть другой путь.— Старики, брызжа слюной, стал тыкать рукой в противоположную сторону коридора.— Пару раз шалеи брали меня разносить пищу по камерам... Пища...— Старики презрительно сплюнули на пол.— Если бы вы только знали, из чего готовится эта так называемая пища...

— Говори толком,— оборвал старика Грудвар.— У нас мало времени. Скоро кто-нибудь из шалеев спустится сюда посмотреть, куда запропастились их приятели.

— А я что делаю? — с вызовом глянул на бородача старики.— Я и говорю, в конце коридора находится дверь, ведущая на кухню... Там же рядом и мертвецкая находится... Ну, это я так, к слову... Пройдя через кухню, можно выйти на задний двор, прямо к мусорной яме.

— А что потом? — спросил Грудвар.

— Потом сам думай,— огрызнулся старики.— Как ты собирался перелезть через стену?

Грудвар неопределенно дернул плечом,— мол, это дело десятое.

— Выход через кухню не охраняется?

— Похоже, что нет,— ответил старики.— Дверь просто запирается с другой стороны на засов. Но если Граис сумеет ее открыть...

— Ах, старик,— с укоризной покачал головой Грудвар.— Выходит, ты ночью нас подслушивал.

— Не подслушивал, а слушал,— обиженно поправил его старики.— Ты не смотри, что я старый. Вижу я плоховато, зато слух у меня...

— Сможешь? — Грудвар посмотрел на Граиса.

Тот молча кивнул.

Не слушая более старика, Грудвар побежал по коридору в указанную им сторону. Остальные последовали за ним.

Слим, бежавший последним, то и дело оборачивался назад, чтобы убедиться, что погони за ними пока еще нет.

— Здесь,— указал старики на низкую тяжелую дверь, обшитую металлическими пластинами.

Грудвар толкнул дверь плечом и, убедившись, что она заперта, отошел в сторону, уступая место Граису.

Граис быстро сжал ладони в кулаки, а затем резко взмахнул ими в воздухе, словно сбрасывая с пальцев воду. Приложив ладони к двери, он, словно бы оглаживая ее, начал совершать руками плавные кругообразные движения. Ксенос отчетливо ощущал объем двери и плотность материалов, из которых она была сделана. Вскоре ему удалось определить и место расположения засова. Приложив левую ладонь к дверным доскам прямо напротив засова, он с силой прижал ее сверху другой ладонью. На мгновение задержав дыхание, Граис сосредоточил все свои органы восприятия на языке засова. Засов словно превратился в часть его тела, став продолжением руки. Резко выдохнув, Граис дернул руками в сторону и почувствовал, как, следуя за ними, чуть сдвинулся с места и засов. Граис снова повторил движение руками, и засов уже уверенно пополз в сторону, с негромким скрежетом выдвигаясь из тяжелой кованой петли на дверном косяке.

Теперь нужно было освободиться от незримых нитей, связывающих ладони с засовом. Резко отдернув руки от

двери, Граис сделал шаг назад и, болезненно поморшившись, потер ладони одну о другую.

— Готово? — тихо спросил Грудвар.

— Да,— кивнул Граис.

Все еще не веря тому, что произошло, Грудвар надавил ладонью на дверь. Тяжелая дверь подалась на удивление легко, даже петли не скрипнули. Из темноты потянуло застоявшимся запахом чада от очага и вонью несвежих продуктов.

— Хвала Поднебесному, который не только наделил тебя умением произносить речи, трогающие души людей, но и способностью творить чудеса,— с благоговением глядя на Граиса, произнес старик.

— Дай-ка лампу,— шепотом приказал Слиму Грудвар.

Слим снял со стены чадящую лампу и передал ее приятелю. Открыв дверь пошире, Грудвар выставил руку с лампой вперед и переступил порог.

В центре большого квадратного помещения с низким каменным потолком стоял широкий стол с рассыпанными по нему мисками, крышками и прочими предметами кухонной утвари. Слева от стола ровными рядами стояли перевернутые вверх дном бады, в которых пищу разносили по камерам, и огромные чугунные котлы с закопченными днищами. В глубине помещения, возле лестницы, располагался большой открытый очаг, выложенный грубо отесанными валунами. А рядом с ним стояла широкая скамья, на которой, поджав ноги и подложив сложенные вместе ладони под щеку, спал шалей. Охранник лежал на боку, повернувшись лицом к стене, и мирно посапывал. Оружие его было сложено на полу.

Сунув лампу старику, Грудвар перехватил копье обеими руками и скользнул вдоль стола.

Обогнув стол с другой стороны, Граис успел перехватить уже занесенное для удара копье Грудвара. Бросив гневный взгляд на Граиса, Грудвар дернул копье на себя, пытаясь

одновременно оттолкнуть ксеноса в сторону. Граис быстро согнул, а затем снова выпрямил руку, которой сжимал копье, и здоровенный йерит опрокинулся на пол, оставив оружие в руке ксеноса.

Падая, Грудвар задел рукой медную бадью, которая со звоном ударила о другую, стоящую рядом посудину. Шалей дернулся во сне. В ту же секунду оказавшийся возле него Граис прижал шалея к скамье и сильно надавил пальцем на шею чуть выше ключицы. Даже не успев проснуться, шалей потерял сознание. Тело его безвольно распростерлось на скамье, левая нога упала на пол.

— Хватит крови,— повернувшись к недоуменно взиравшему на него Грудвару, тихо сказал Граис и кинул бородачу копье.

Опершись на копье, недовольный Грудвар вскочил на ноги.

— Запри дверь,— грубо шепнул он Слиму и побежал вверх по лестнице, ведущей ко входу.

Проходя мимо скамьи, стариk подобрал с пола копье шалея и протянул его Граису.

— Мне оно не нужно,— отвернулся Граис.

Стариk молча пожал плечами и оставил копье себе.

Поднявшись по лестнице, беглецы оказались на заднем дворе тюрьмы.

Предрассветное небо было серо-стального цвета. Солнце еще не взошло, но было уже достаточно светло, чтобы отчетливо видеть все, что находилось вокруг.

Выбежавший во двор первым, Грудвар быстро огляделся по сторонам. В тридцати шагах от двери возвышалась не-приступная каменная стена. Прямо под ней красовалась огромная мусорная яма, рядом с ней была свалена груда патратовых клубней с налипшими на них комьями земли. Чуть левее находился широкий открытый навес, под которым, понурив головы, стояли четыре пегих чеклака. Это были не боевые чеклаки, а обычная рабочая скотина — ее

использовали для вывоза мусора и доставки на территорию тюрьмы необходимых грузов. Мерно пережевывая сено, которое они выдергивали из сваленных здесь же, под навесом, тюков, чеклаки без всякого интереса косили на людей свои большие грустные глаза.

— Ну? — дернул Грудвара за рукав старики.— Что теперь? Как ты собираешься перелезть через стену?

Грудвар поднял голову, чтобы взглянуть на острые, высотою в человеческий рост металлические колья, которыми заканчивалась стена. Даже если бы у беглецов была хорошая веревка, то, взобравшись на стену, они не смогли бы перебраться через частокол.

Тихо всхрапнул один из чеклаков. Грудвар машинальноглянулся в его сторону и вдруг довольно улыбнулся.

— Старики, ты говорил, что где-то здесь находится и мертвецкая? — спросил он.

— Мы прошли мимо нее, когда поднимались по лестнице,— ответил старики.— Тебе не терпится присоединиться к ее обитателям?

— Слим...

Взмахом руки велев приятелю следовать за собой, Грудвар поставил копье к стене и скрылся за дверью.

— Что он задумал? — недоумевающе посмотрел на Граиса старики.

Тот ничего не успел ответить.

Грудвар со Слимом снова вышли на двор. Каждый тащил на себе по покойнику.

— Сажайте их на чеклаков,— сбросив свою ношу на землю, велел Грудвар Граису со стариком и отправился в мертвецкую за следующим трупом.

— Что скажешь? — снова обратился к Граису старики.

— Сделаем так, как он велел,— ответил Граис, которому уже стал понятен замысел Грудвара. Удачи он не гарантировал, но все же мог дать беглецам шанс вырваться за стены тюремного двора.

Старик посмотрел на одного из покойников, совсем еще молодого парня.

— А не будет ли это проявлением непочтительности к мертвым? — с сомнением спросил он у Граиса.

— Мертвое тело все равно что старая одежда, которая уже ни на что не пригодна,— ответил Граис.— Тем людям, что когда-то существовали в этих телах, уже нет до них никакого дела.

Чеклаки вели себя спокойно, не выказывая ни малейшего недовольства по поводу того, что на спины им усаживали мертвецов.

Вытащив еще двоих покойников, Грудвар и Слим занялись тем же делом, что и старик с Граисом. Ноги покойников связали под брюхами животных обрывками веревок, сорванных с тюков сена, а руки прикрутили к гравам чеклаков.

— Ну...— Грудвар окинул взглядом своих товарищей.— Да поможет нам Поднебесный.

— Во веки веков,— трясущимися губами прошептал старик.

Грудвар вывел первого чеклака из стойла и подвел к углу тюремного здания. Осторожно выглянув за угол, бородач увидел утоптанную грунтовую площадку возле ворот, вдоль которых неспешно прохаживались двое одетых по полной форме шалеев. Рядом с воротами стояла деревянная будка, в которой находились остальные охранники.

— Грудвар,— негромко окликнул приятеля Слим и, когда тот обернулся, спросил: — Может быть, подпалить стойло?

— Каким образом? — так же тихо отозвался Грудвар.

Улыбнувшись, Слим показал ему стержни из огненного металла, которые он подхватил возле очага.

— Давай,— кивнул Грудвар.

И в этот момент со стороны центрального входа здания тюрьмы раздались громкие частые удары по медному гонгу. Ему тут же ответил второй гонг с крыши здания.

— Тревога,— подрагивающими губами произнес стариk,— мы пропали.

Грудвар увидел, как из здания выбежали человек пять шалеев.

— Четверо заключенных сбежали! — крикнул один из них, обращаясь к тем, что стояли у ворот.— Двое охранников убиты!

— Из здания никто не выходил! — ответили им от ворот.

Трое шалеев с копьями наперевес выбежали из сторожевой будки.

Со всех сторон доносились отрывистые приказы, отдаемые ми-шалеями своим подчиненным:

— Усилить охрану ворот!..

— Лучников на крышу!..

— Десять человек — за мной!..

— Перекрыть все лестницы в здании!..

Тем временем Слим, присев над развороченным тюком сена, резко, с нажимом провел одним огненным стержнем по другому. Сноп ярких искр упал на сухую траву. Нагнувшись, Слим принялся раздувать затлевшее сено. Сначала повалил дым, затем появились первые язычки пламени. Поднявшись на ноги, Слим принялся вырывать из занявшегося огнем тюка ключья горящего сена и разбрасывать его по сторонам.

— Давай!

Грудвар ладонью удариł чеклака по крупу. Тот, оглянувшись, удивленно посмотрел на человека, словно не понимая, что он от него хочет.

— Вперед, скотина!

Грудвар со злостью огrel чеклака копьем. Тот, обиженно захрапев, взбрькнул задними ногами и рванулся на пло-

щадь. Таким же образом Грудвар выгнал следом за первым и трех остальных чеклаков.

Четыре мертвых всадника неслись во весь опор в сторону ворот.

Четыре мертвых всадника...

Граису они напомнили четырех всадников Апокалипсиса, предвестников скорой и неминуемой гибели стран и народов.

Этот образ был незнаком обитателям Тессы-3, и все же Граис почувствовал, что находящиеся рядом с ним йериты так же воспринимают скачку мертвых как зловещее предзнаменование.

Старик трясущимся пальцем начертил у себя на груди стрелу, ведущую к Поднебесному, и тихо зашептал молитву. Глядя на него, Слим тоже быстро начертил на груди стрелу. Посмотрев на них, Грудвар криво усмехнулся. Но это был вовсе не вызов Поднебесному. Грудвар помнил, что тот, кто решился ступить на Путь, ведущий к небесному покровителю, не должен более взывать о помощи или снисхождении. Поднебесный ожидал его в конце Пути, вне зависимости от того, долгим или коротким он окажется.

— Вот они! — раздался крик со двора.

Появление на дворе скачущих во весь опор чеклаков было столь неожиданным, что в сером хмуром рассвете никто из шалеев, похоже, не заметил, что животные не подчиняются всадникам, восседающим у них на спинах. Испуганные чеклаки шарахались в стороны от пытавшихся остановить их шалеев, вставали на дыбы, норовя достать мечущихся вокруг них людей передними копытами. Лучники же, засевшие на крыше, не стреляли по тем, кого они принимали за беглецов, опасаясь попасть в своих.

Наконец кому-то из шалеев удалось ударить копьем одного из мертвых всадников. Мертвец соскользнул со спины

чеклака, который, не замечая этого, продолжал скакать вперед, волоча за собой по земле безжизненное тело.

С крыши тюремного здания снова послышались частые удары гонга.

— Пожар на заднем дворе!..

Кто-то из начальников, пытаясь прекратить неразбериху, стал отдавать приказы, и десяток шалеев, вооружившись баграми и ведрами, кинулись к пылающему стойлу.

К тому времени беглецы, обогнув здание тюрьмы, уже выбежали на двор с противоположной стороны. Пользуясь тем, что внимание всех находящихся на дворе было приковано к мечущимся из стороны в сторону чеклакам и отблескам пламени, озаряющим угол здания и часть тюремной стены, они побежали в сторону ворот, прижимаясь к черным камням стены, словно те могли укрыть их от случайно брошенного взгляда кого-нибудь из шалеев.

Первыми заметили беглецов стражи ворот.

Брошенное Грудваром копье пробило грудь одного из шалеев. Копье, брошенное Слимом, не достигло цели. Отпрыгнув в сторону, второй шалей выставил копье перед собой, готовясь встретить бегущего на него безоружного йерита. Грудвар же несся вперед сломя голову, словно и не видел нацеленного ему в живот широкого металлического наконечника.

Граис, вытянув левую руку, направил два пальца в сторону шалея. За одно мгновение, отделявшее Грудвара от неминуемой гибели, шалей неожиданно выронил из рук копье и, сдавив ладонями виски, заорал от дикой боли, взорвавшейся подобно шаровой молнии у него в черепе. Ударом корпуса сбив охранника на землю, Грудвар ногой наступил ему на горло. Тело шалея изогнулось дугой. Захрустели раздавленные хрящи.

— Бегите к воротам! — крикнул остальным Грудвар.— Я их открою!

Подхватив с земли копье, бородач устремился к открытым дверям сторожевой будки, где находился рычаг, поднимающий тяжелый деревянный брус, закрывающий ворота. Выбежавший навстречу ему шалей мечом отбил в сторону копье йерита. Чтобы не попасть под ответный удар меча, Грудвар отпрыгнул в сторону. Решив не вступать в поединок с бородачом, шалей отступил, захлопнув дверь будки. В бессильной яности Грудвар ударил по двери древком копья.

Рядом с ногой Граиса в землю вонзилась стрела. Граис обернулся, чтобы посмотреть, что происходит на дворе.

Двою из четырех мертвых всадников уже были сбиты на землю. Оставшихся чеклаки все еще носили на своих спинах, но шалеи уже поняли, что это обман. А лучники на крыше обнаружили настоящих беглецов и начали вести яростный обстрел. Летящие в сторону сторожевой будки стрелы указывали направление тем шалеям, что находились внизу. У беглецов почти на оставалось времени на то, чтобы открыть ворота и покинуть тюремный двор. Промешкай они хоть мгновение — и болтаться им на копьях разъяренных шалеев.

— Граис! — закричал Грудвар, пытаясь вогнать острие копья между краем ворот и косяком.— Нам нужно попасть внутрь! Иначе мы не сможем открыть ворота!

— К воротам, Грудвар! — крикнул в ответ Граис. Толкнув Слима в грудь, он заставил его отшатнуться, и очередная стрела пролетела над плечом йерита.— Все к воротам! — взмахнул рукой Граис.— Я смогу их открыть!

Подхватив с земли меч убитого шалея, он несколькими ударами перерубил тянувшиеся от сторожевой будки к воротам канаты.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.— Грудвар бросил быстрый взгляд на Граиса, затем на приближающихся к ним со стороны двора шалеев и, встряхнув головой, побежал к воротам.

Тяжелые, укрепленные широкими железными полосами створки ворот перекрывал брус квадратного сечения, продетый в кованые кольца, каждое из которых было толщиной в руку. Да и сам брус, как понял Граис, едва только коснувшись его, был вытесан из целого ствола дерева архатак, растущего лишь в Эребии,— немалых денег оно стоило в Йере. Прочностью своей древесина архатака не уступала железу, и даже огонь был против нее бессилен. Должно быть, полсотни невольников трудились не менее года, придавая стволу требуемую форму. Нечего было даже пытаться сдвинуть брус без помощи сложной системы блоков. Но Граис разрушил этот механизм, обрубив канаты, тянувшиеся от расположенного в сторожевой будке ворота.

Сейчас у Граиса не было времени для максимальной концентрации психокинетической энергии — не оставалось ничего иного, как только задействовать на полную мощность вживленный в левое запястье психопреобразователь. Крепко сжав запястье рукой, Граис приставил ладонь к гладкой холодной поверхности дерева архатак по самому центру бруса, где сходились вместе створки ворот. В тот момент, когда Граису начало казаться, что даже его физическая суть перетекает в бездонно-черную точку, он оторвал ладонь от бруса и задействовал психопреобразователь. Невидимый поток энергии вырвался из ладони человека и врезался в находящуюся всего в нескольких сантиметрах от нее преграду.

Удар получился настолько сильным, что обратный импульс отбросил Граиса назад и опрокинул на спину. Две половины переломившегося почти посередине бруса, вывернув удерживавшие их металлические кольца, пробили створки ворот.

Произошедшее заставило на мгновение замереть от изумления даже шалеев, которые находились уже совсем неподалеку от беглецов. Йериты же, видевшие, что Граис сломал

брус из архатакового дерева буквально одним прикоснением голой руки, взирали на приоткравшиеся створки ворот одновременно с благоговейным восторгом и ужасом.

Первым опомнился Грудвар. Схватив Граиса за руку, он рывком поставил его на ноги.

— Ты как? — с тревогой спросил он, заметив на левой руке Граиса кровоточащую рану.

— Нормально,— ответил Граис.

— Тогда быстрей.— Грудвар побежал, увлекая Граиса за собой.

Под градом стрел, сыплющихся на них с крыши, беглецы оказались за воротами.

Преследовавшие их шали, опасаясь оказаться в зоне обстрела, немного замедлили свой бег.

— Куда теперь, Грудвар? — на бегу спросил у бородача Граис.

— Нужно выбраться из города, пока не перекрыли все улицы,— ответил тот.— Возле Западных ворот есть участок недостроенной стены... Слушай, а где старик? — Бородач обернулся, тяжело дыша.

Остановившись, Граис помотрел назад. Старик неподвижно лежал неподалеку от ворот лицом вниз. В руке у него было зажато копье. Из спины торчала длинная стрела с широким красным опереньем. Граис бросился было назад, но Грудвар успел схватить его за руку.

— С ума сошел! — заорал как безумный бородач.— Ему ты уже ничем не поможешь!

— Мы даже не знали его имени,— тихо произнес Граис, не делая попытки вырваться из рук удерживавшего его бородача.

— О нем теперь позаботится Поднебесный,— так же тихо ответил Грудвар.

— Бежим! — визгливо вскрикнул Слим и, размахнувшись, закинул копье далеко в сторону.

Точно так же поступил со своим копьем и Грудвар. Теперь оружие им было ни к чему. Спасение беглецов зависело лишь от удачи и резвости ног.

Грудвар бежал впереди. Город он знал хорошо, поэтому и путь выбирал кратчайший, пользуясь исключительно небольшими, узкими улочками, вдоль которых стояли невзрачные одноэтажные дома мелких ремесленников да грязные кабаки, в столь ранний час закрытые. Здесь опасность встречи с патрулем шалеев была минимальной.

Если кто из местных обитателей, поднявшихся еще за темно, и замечал трех человек, бегущих по улице сломя голову, то, вместо того чтобы поднять шум, быстро задерживал занавески на окнах, руководствуясь правилом, что не в свое дело лучше не соваться.

Перепрыгнув через невысокую изгородь, беглецы пересекли небольшой скотный двор, заваленный навозом, и оказались прямо перед штабелями грубоотесанных камней, сложенными на месте недостроенной стены.

Остановившись на мгновение и переведя дыхание, Граис снял с плеч платок и перевязал им кровоточащую рану на руке. Жалкие нищие, выбравшие эти развалины для ночлега, испуганно жались к камням.

— Скорее же, Граис! — начал терять терпение Грудвар.— Нам бы до леса добраться — там и перевяжем. Где это тебя угораздило?

— Похоже, стрелой зацепило.— Граис завязал узел.— Все, я готов — идем дальше.

Наконец они выбрались из города. Невдалеке начинался лес, за которым поднимались горы — огромные, завораживающие.

Издав ликийющий крик, Грудвар звонко хлопнул Слима ладонью по спине и побежал вперед, высоко вскидывая колени. Следом за ним припустился и Слим. Впереди них по траве бежали длинные тени. Чуть поотстав от двух при-

ятелей, Граис обернулся назад и, приложив руку ко лбу, посмотрел на восходящее солнце. В его лучах оставшийся за спиной город казался окрашенным в зловещий кроваво-красный цвет.

Глава 7

УЧЕНИК И УЧИТЕЛЬ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Углубившись в лес достаточно далеко и решив, что погони уже можно не опасаться, беглецы остановились передохнуть. Первым делом они отыскали ручей и наконец-то напились вволю.

— Эх, теперь бы еще и пожевать что-нибудь! — Завалившись на траву, Слим блаженно похлопал себя по животу.

— Доберемся до вольных — там накормят, — сказал Гудвар.

Слова его были адресованы Слиму, но, произнеся их, бородач многозначительно покосился на Граиса.

Граис словно бы не услышал слов Гудвара. Присев возле ручья, он размотал пропитавшийся кровью платок и ополоснул раненую руку в воде. Кровь сочилась из не глубокого, но длинного разреза, пересекающего тыльную сторону запястья, там, где под кожей находился имплантированный психопреобразователь.

Преобразование психической энергии в кинетическую посредством имплантированного психопреобразователя всегда связано с риском, поскольку в момент выброса энергетического потока психотехник не может контролировать пространственное положение вторичного энергетического тора, образующегося в точке наибольшей концентрации энергии. На этот раз Граису, можно сказать, повезло. Повреждения тканей руки оказались незначительными, — на запястье только лопнула кожа. Развернись тор в иной плос-

кости — и он превратил бы лучезапястный сустав ксеноса в месиво из разодранной плоти и обломков костей.

Психопреобразоватю повезло меньше,— базовая матрица оказалась раздавлена энергетическим тором, и прибор полностью вышел из строя. Теперь ксенос мог полагаться только на собственные, посредственные, патрапсихологические способности. Без помощи психопреобразователя не могло быть и речи о демонстрации каких-либо экстраординарных возможностей человеческого организма. К тому же ксенос лишился своей главной защиты — способности отвлекать от себя внимание, создавая фантомы.

Снова обмыв руку водой, Граис раздвинул пальцами края раны и, подцепив ногтем, извлек из-под кожи тонкую металлическую полоску. Ополоснув поврежденную микросхему в воде, он спрятал ее в пустой кошелек.

— Держи.— Грудвар, внимательно наблюдавший за манипуляциями Граиса, протянул ему полоску материи, которую оторвал от края своей и без того изрядно подранной рубахи.

Поблагодарив бородача, Граис перевязал рану.

Никаких вопросов по поводу поврежденной руки Грудвар Граису задавать не стал. Бородач пребывал в некоторой растерянности: одно дело слушать рассказы о чудесах, которые демонстрировал в свое время Граис из Сиптима, и совсем другое — видеть их собственными глазами. После того как Граис одним прикосновением руки сломал на его глазах брус из архатакового дерева, Грудвар недоумевал, как он с такими возможностями мог позволить шалеям схватить себя и упрятать в тюрьму.

Впрочем, недоумевать-то Грудвар недоумевал, но не особенно расстраивался из-за того, что не мог найти ответ на этот вопрос,— у великих свои пути, и не ему, простому йериту, которого судьба нежданно свела с одним из тех, кому Поднебесный даровал особую милость, пытаться по-

стичь суть его поступков. А в том, что рядом с ним находился именно тот самый Граис из Сиптима, великий пророк и учитель, исчезнувший бесследно пятнадцать лет назад, у Грудвара теперь не оставалось ни малейших сомнений.

Граис выстирал свой испачканный кровью платок и повесил его сушиться на куст.

— Если мы хотим засветло добраться до лагеря вольных, то не следует здесь засиживаться,— услышал он за спиной голос Грудвара.

Обернувшись, Граис наткнулся на устремленный на него цепкий взгляд черных глаз Грудвара, которые были похожи на капельки вязкой черной смолы, стекающей в жаркий полдень по стволу дерева сан.

— Ты ведь пойдешь с нами, Граис...— не отводя взгляда, медленно произнес бородач.

Трудно было понять, прозвучало это как вопрос или утверждение.

— Нет,— не задумываясь, ответил Граис, опускаясь на траву.

— В лагере вольных мы будем в безопасности,— приподнявшись на локте, чтобы лучше видеть собеседника, сказал Слим.

Граис промолчал. Наклонив голову, он наблюдал, как по стеблю травы ползет букашка с красными пятнами на желтой спинке. Букашка двигалась вперед, размеренно и сосредоточенно переставляя лапки. Казалось, у нее есть какое-то свое, чрезвычайно важное дело. Внезапно из травы взметнулось вверх зеленое веретенообразное тельце стрекателя. Схватив упорную букашку передними лапами с острыми коготками, он снова исчез в траве. Дело, по которому ползла букашка, осталось невыполненным, зато стрекатель получил свой обед.

— Ты нужен вольным, Граис! — услышал ксенос голос Грудвара.

— Мой Путь предначертан Поднебесным,— не оборачиваясь, заученно ответил Граис.— И сейчас он ведет не в лагерь вольных.

Проще всего было убедить в чем-то йерита, сославшись на волю Бога. Вот и сейчас Грудвар не нашел что возразить.

— В столицу тебе возвращаться нельзя.— Грудвар присел рядом с Граисом.— Куда же ты отправишься?

— В Меллению.

— После бегства из тюрьмы и убийства нескольких шалеев на нас будет объявлен розыск по всему Йеру. В Меллении стоит большой гарнизон имперских войск. Там тебя непременно схватят.

— Если на то будет воля Поднебесного,— ответил Граис и, закинув руки за голову, растянулся на траве.

Прежде чем расстаться, Грудвар предпринял еще одну попытку уговорить Граиса идти вместе с ним и Слимом к вольным. Однако Граис лишь улыбнулся, выслушав бородача.

— С силой увести меня с собой ты не можешь,— сказал Граис.— А для того чтобы убедить меня, у тебя нет достаточно веских доводов.

— Некогда мне было учиться красиво говорить,— обиженно наморщил лоб Грудвар.— Но все равно — не миновать тебе вольных,— так и знай.

— Если на то будет воля Поднебесного...— промолвил ксенос.

Распрощались они сухо и скованно. Что тому было причиной, Граис толком не понял. Да и не было у него времени разбираться в настроении своих временных спутников, которые к тому же нарушили все его планы.

Ксенос забыл о своих недавних товарищах по несчастью, едва только деревья скрыли от него их спины. Эти люди, как и сотни других до них, прошли через его жизнь, подобно призрачным видениям из сна. Уделом ксеноса всегда оставалось одиночество. Долгие, прочные отношения с людьми

ми были для него непозволительной роскошью. Задача, стоящая перед ксеносом, постоянно требовала, чтобы между ним и людьми, среди которых ему приходилось работать, существовала некая полоса отчуждения. Играя свою роль, он не мог позволить себе быть с людьми до конца искренним,— никто не должен был даже подозревать о его подлинных целях. Во время выполнения операции ксенос носил чужое лицо и говорил чужие, заранее заготовленные слова. Стارаясь выглядеть так же, как и все вокруг, он подспудно плел хитрую паутину интриг. А потом он на всегда уходил из мира, который в результате его усилий претерпевал определенные изменения...

Да жил ли он когда-нибудь настоящей жизнью?.. Порою у Граиса возникали опасения, что он уже никогда не сможет стать самим собой. Граис уже почти не помнил себя прежнего, до того, как попал в Центр... Кем он был тогда?.. Ведь не всегда же он был ксеносом... Нет, он ни о чем не жалел, только иногда задумывался, кем бы он был сейчас, сложись его жизнь по-иному...

Граис резко встряхнул головой, прогоняя бесполезные мысли. Что об этом думать! Вот как поступать ему сейчас — ему, беглецу, убившему вместе со своими сокамерниками нескольких шалеев? Теперь они — государственные преступники. Их будут ловить, а если поймают, то ждет их серьезное наказание. Но даже и это не так было бы страшно — хуже всего, что из-за побега он не может встретиться с наместником. Граис даже остановился и закрыл глаза. Как ни крути, а приходится признать, что навязал ему Грудвар свой план действий. А он, Граис, на него поддался. Совсем не нужен был ему этот побег, совсем не нужен. Но ведь Грудвар не специально все подстроил — так сложились обстоятельства. Опять эти обстоятельства! И Кричет не упустит возможности с улыбкой развести руками — вот так, брат, недоработка, мол, с кем не бывает.

Граис открыл глаза. Прямо перед ним на ветке сухого дерева сидела огромная птица, сверкая желтыми глазами.

— Уже приготовилась? — то ли спрашивая, то ли утверждая, произнес Граис. — Не рановато ли?

Услышав голос человека, птица нехотя взмахнула крыльями и переместилась на другое дерево — подальше от человека и повыше от земли.

— Придется тебе подождать, — сказал Граис и двинулся дальше.

Поскольку встреча с наместником Кахимской империи в Йере сделалась невозможной, ему оставалось только идти к Сирху. Если ему и не удастся убедить преподобного в губительности для Йера проводимой им политики, то, по крайней мере, можно будет попросить Сирха устроить ему встречу с наместником.

Подумав о своем бывшем ученике, достигшем вершин государственной власти, Граис усмехнулся. Сирх, наверное, был первым йеритом, попытавшимся заставить служить себе Поднебесного. Сам Граис, проделавший в свое время нечто подобное, не в счет, — он был чужаком, хотя никто в Йере об этом не подозревал. И ведь у Сирха почти получилось задуманное! Подвела его только жажда земной славы. А ведь мог бы стать святым после смерти!

Направляясь в сторону Меллении, Граис умышленно избегал главных дорог, где можно было встретить имперский караван, сопровождаемый охранниками, а то и просто отряд шалеев, занятый поиском беглецов. Лесом же идти было хотя и труднее, зато спокойнее. К тому же в лесу легче было устроить себе ночлег и найти не слишком обильную и изысканную, но вполне съедобную пищу в виде плодов и кореньев, в которых Граис разбирался лучше любого йерита.

В первой половине третьего дня пути, когда по расчетам должна была уже показаться Меллении, Граис отыскал в лесу узкую тропинку, которая вскоре вывела его на зарос-

ший травой проселок. Лес вокруг был уже не тот, по которому шел Граис все это время. Теперь в нем ощущалось близкое присутствие человека. Кусты вдоль дороги были помяты. То и дело встречались свежие вырубки,— желтые спилы на пнях еще даже не успели потемнеть от дождей.

Проселок, круто изогнувшись, повернул в сторону. Чтобы не отклоняться от выбранного пути, Граис снова вошел в лес. Но очень скоро, продравшись через густой кустарник, он вышел на открытую местность.

Поросшая скучной растительностью каменистая равнина простиралась до виднеющейся неподалеку невысокой каменной гряды. Впереди среди камней бродили несколько серых лавах, вышипывая чахлую траву. Присматривал за ними пастушок, мальчик лет девяти, одетый в лохмотья, с копной нечесаных светлых волос.

Мальчик сидел в тени кустарника и, должно быть, спал, потому что появления Граиса он не заметил. Зато небольшая мохнатая гарата, лежавшая у его ног, завидев незнакомца, приподнялась с земли и, обнажив клыки, предупреждающе зарычала. Мальчик проворно вскочил на ноги и, осмотревшись по сторонам, испуганно уставился на Граиса.

— Извини, я разбудил тебя,— приветливо улыбнулся Граис, направляясь в сторону пастушки.

Наклонившись, он почесал гарату за ухом, и та, перестав скалиться, сладко зажмурила глаза и, как копье, подняла вверх длинный голый хвост.

— Я не слуга твоего хозяина и пришел сюда не для того, чтобы проверить, не спишь ли ты, вместо того чтобы присматривать за стадом,— посмотрев на мальчика, сказал Граис.— Я направляюсь в Меллению. Ты не укажешь мне дорогу?

— Конечно.— Чумазое лицо мальчугана расплылось в радостной улыбке.— Город там, за грядой,— махнул он рукой.

— Далеко до него?

— Нет,— завертел головой мальчик.— Если прямо сейчас отправишься, то к полудню будешь в городе.

— А может быть, ты знаешь, как мне отыскать в городе Сирха? — на всякий случай поинтересовался Граис.

Мальчишки,— они такие, везде шныряют, во все свой нос суют,— порою знают больше иного взрослого.

Услышав имя преподобного, пастушок даже руки вытянул по швам и выпрямился, лицо его приобрело выражение сосредоточенной серьезности.

— Ты спрашиваешь о преподобном Сирхе? — уточнил он с дрожью в голосе.

— Ну да,— кивнул Граис.

— Он живет в центре города, в большом доме из красного кирпича. Его ни с каким другим не спутаешь.

— Если я не ошибаюсь, прежде в этом доме располагалось городское собрание?

— Не знаю,— безразлично пожал плечами мальчик.— Сколько я помню, там все время жил преподобный Сирх. Если ты с какой просьбой к нему, то у ворот дома висит ящик, куда бросают послания для преподобного. А если ты писать не умеешь, то иди на постоянный двор «Казад», он там же неподалеку находится. В «Казаде» круглые сутки сидят грамотеи, готовые за пару дузов составить требуемую бумагу.

— Ну, спасибо.— Граис потрепал мальчика по волосам.— Смотри не проспи свое стадо.

Накинув на голову платок, он повернулся в сторону гряды,— за ней, по словам маленького пастушка, находилась Мелления.

— Эй,— немножко смущенно окликнул его мальчик, и когда Граис обернулся, пастушок, отводя глаза в сторону, спросил: — У тебя не найдется что-нибудь поесть?

— Извини,— развел руками Граис.— Я трое суток шел по лесу и сам был бы не прочь перекусить.

— Ладно,— с показным безразличием махнул рукой пастушок. Лицо у него было бледное и худое,— видно, неважно его кормили хозяева.

— Тебе обед сюда приносят? — спросил Граис.

— Нет,— буркнул мальчик.— Поем вечером, когда вернемся.

— Если хочешь, пойдем в город вместе со мной,— предложил мальчику Граис.— Я сумею достать пищу для нас обоих.

— Нельзя мне,— мрачно произнес пастушок.— У меня стадо... Если хозяин узнает...— Он бросил на Граиса быстрый испуганный взгляд.— Вообще-то хозяин у меня хороший... Он кормит меня... Правда, хорошо кормит...

— А кто твой хозяин? — просто так спросил Граис.— Наверно, какой-нибудь богатый и влиятельный горожанин?

— Мой хозяин, господин Минос, лично знаком с преподобным Сирхом,— гордо объявил мальчик.

Граис сначала даже не поверил такому везению. У него пока еще не было никакого плана, как встретиться с Сирхом. Ясно было, что всех подряд в дом к преподобному непускают. Называть же свое имя охранникам было опасно,— можно было угодить не в гости к Сирху, а снова в тюрьму. До Меллении наверняка уже дошла весть о его побеге из халлатской тюрьмы. Теперь же проблема, похоже, разрешалась сама собой,— в дом к Сирху его отведет Минос.

— Ну надо же,— удивленно покачал головой Граис.— Оказывается, мы с твоим хозяином старые друзья. Вот только не виделись давно. Уверен: если ты проводишь меня к нему, он будет так рад, что не только не станет ругать тебя

за то, что ты пригнал стадо домой прежде времени, но даже наградит за службу!

— Точно? — с некоторым сомнением посмотрел на Граиса мальчонка.

— Еще как точно,— заверил его Граис.— Пойдем поскорее.

Долго упрашивать пастушка не пришлось. Ему и самому давно уже надоело сидеть голодным на солнцепеке. А появившийся из леса незнакомец говорил уверенно и спокойно. Быстро собрав свое небольшое стадо, мальчик по гнал его в сторону города.

По дороге он между прочим сообщил Граису, что в Меллении сейчас полным полно шалеев, которых пригнали из гарнизона, располагавшегося в дальнем пригороде. А все из-за того, что в столице несколько разбойников, убив охранников, сбежали из тюрьмы. И теперь никому покоя не будет, пока беглецов не найдут. И ладно бы, просто бунтовщики были. Но говорят, что среди них был один чуть ли не главарь всех вольных. Пятнадцать лет назад он уже пытался поднять мятеж, но тогда его схватили и бросили в тюрьму. Да только ни одна тюрьма не может его удержать. Убежал он, долго скрывался, а вот теперь вернулся назад...

— И все для того,— прибавил мальчонка шепотом,— чтобы убить преподобного Сирха.

Слушая его, Граис только диву давался: насколько же быстро разлетаются по земле слухи. Однако, услышав последнее замечание пастушка, не смог удержаться от вопроса:

— А зачем же этому мятежнику понадобилось Сирха убивать?

— Не знаю,— пожал плечами мальчик.— Я это на кухне слышал.

Обогнув каменную гряду, Граис с мальчиком, погоняющим стадо, вышли почти к самым воротам города.

Как и предупреждал пастушок, возле ворот стояло десятка полтора шалеев, одетых, несмотря на изнуряющую жару, по полной форме, как перед боевым походом. И даже ми-шалей был поблизости — восседал на вороном чеклаке, героически не обращая внимания на заливающий лицо пот.

Охранник, оказавшийся ближе других, окинул Граиса внимательным взглядом. Но, видимо, человек, возвращающийся в город вместе с погонщиком лавах, подозрения у него не вызвал. А за вход в Меллению денег, к счастью, не взымали,— наверно, такой чести город был удостоен как обычный провинциальный населенный пункт. А может, Сирх таким образом добивается любви у простого люда, вдруг подумал Граис.

Сразу же за городской стеной пастушок свернул налево и повел Граиса по каким-то узким, кривым переулочкам, застроенным кособокими домишками со слепыми окнами. Мальчик объяснил, что по центральным улицам скот гонять не разрешают. Но к дому Миноса можно пройти и задворками — не намного дальше получится.

Покружиив по переулкам, они повернули к центру города. Дорога стала подниматься вверх, и вскоре они вышли к заднему двору роскошной усадьбы, в центре которой гордо возвышалось трехэтажное здание, облицованное розовым камнем.

— Мне сюда,— указал мальчик на низкие деревянные ворота, за которыми находился скотный двор.— Ты уж не забудь сказать господину Миносу, что это ты упросил меня проводить тебя,— напомнил он Граису.

— Не беспокойся,— подмигнул пареньку Граис и направился к центральным воротам усадьбы.

Подойдя к двери, он позвонил в висящий над ней колокольчик.

Ждать пришлось недолго. Дверь слегка приоткрылась, и сквозь узкую щель на незваного гостя уставился неприязненный взгляд.

— Чего нужно? — не очень-то дружелюбно поинтересовался голос из-за двери.

— Я к Миносу,— просто сказал Граис.

— Хозяин не говорил мне, что у него сегодня будут гости,— ответил прячущийся за дверью слуга.

— Мне нужно увидеться с Миносом,— все так же спокойно произнес Граис.

— Хозяин отдыхает и никого не желает видеть,— сказал охранник и попытался закрыть дверь, но Граис успел сунуть в щель ногу.

— Ты, видно, оглох,— сказал Граис и снова позвонил в колокольчик.— Доложи обо мне Миносу.

— Если ты сию минуту не уберешься, я спущу гарат! — рассерженno рявкнул охранник.

— Если ты сейчас не впустишь меня, то после всю жизнь будешь жалеть об этом,— спокойно ответил ему Граис.

Охранник резко распахнул дверь. Перед Граисом стоял здоровенный детина, голый по пояс и с лысым черепом. Он был явно не йерит, скорее всего — выходец из Эребии. Зло сверкнув глазами, охранник замахнулся на назойливого посетителя плеткой, которую выдернул из-за пояса. Его остановил голос, прозвучавший откуда-то сзади:

— Постой, Сул, не торопись.

Охранник обернулся и, увидев хозяина, направляющегося к воротам, отошел в сторону. Минос, мужчина лет сорока, чуть полноватый, с густыми выющиеся волосами почти черного цвета, не спеша подошел к двери и увидел стоящего у порога Граиса.

— Как?..— Лицо Миноса в одно мгновение сделалось мертвенно-бледным.— Это ты?.. Но ты же...— И он замолчал. Его правая рука, поднятая вверх, казалось, застыла в воздухе, едва заметно дрожа.

— Здравствуй, Минос,— сказал Граис.

Минос оторопело смотрел на ксеноса, не произнося ни слова в ответ.

— Солнце палит нещадно,— сказал Граис.— А в Меллении, как я заметил, почти нет зелени.

— Что? — бестолково переспросил Минос.

Он так медленно приходил в себя, что даже охранник-эрбиец счел возможным спросить:

— Пройдете в дом, хозяин?

— Да-да,— невнятно пробормотал Минос, не двигаясь при этом с места.

— Мальчика не ругай,— сказал Граис.— Это он привел меня к тебе. И накорми его.

— Какого мальчика? — Минос изумленно посмотрел сначала на Граиса, затем на охранника.

Слуга недоумевающе пожал огромными плечами.

— Пастушка своего,— пояснил Граис.— Я встретил его по пути.

— Господин...

Слуга выжидающе посмотрел на Миноса. Рука его сдавила рукоять плетки.

— Ты, давай... Зайди ко мне...— Минос боязливо огляделся по сторонам и сделал шаг в сторону, пропуская Граиса во двор.— Давай, зайди... Там поговорим...— Он зачем-то стал суетливо поправлять накинутый на плечи зеленый шелковый халат с вышитыми серебристыми нитями цветами и вдруг неожиданно накинулся на охранника: — Что встал? Иди разберись, что за пастух там у нас объявился!.. Иди же! Иди!..

Эрбиец потемнел лицом, скрипнул зубами, но ничего не сказал, а быстрым шагом направился в сторону строений, расположенных на заднем дворе усадьбы. Проходя мимо кустов, он в ярости хлестнул плеткой по веткам — листья так и полетели в стороны.

— Давай же, проходи! — нетерпеливо махнул рукой Минос и, когда Граис вошел, прежде чем закрыть дверь, еще раз осмотрел улицу. Потом он плотно закрыл дверь и запер ее на два внушительных засова — деревянный и металлический.

Войдя во двор, Граис огляделся по сторонам. Дорожка, посыпанная крупным желтым песком, вела от ворот к высокому каменному крыльцу центрального дома усадьбы. По краям дорожки, укрывая ее от солнца благодатной тенью, росли высокие развесистые кусты дикой зимисы. Большие желтые цветы ее наполняли воздух густым пряным ароматом, от которого кружилась голова. Чуть дальше, за кустами зимисы, красовались декоративные деревья с округлыми ухоженными кронами. Отовсюду веяло покоем и благополучием. Граис с наслаждением вдохнул полной грудью воздух, который в саду Миноса казался даже прохладнее, чем на улице.

— Пройдем в дом? — посмотрев на Миноса, предложил Граис.

Наклонив голову, Минос сцепил пальцы рук за спиной. Взгляд его был прикован к песчаной дорожке.

— Послушай,— не глядя на собеседника, медленно произнес Минос.— Я не знаю, зачем ты пришел ко мне... И откуда ты явился... Да и не хочу этого знать!

— Мы не виделись пятнадцать лет. Разве нам не о чем поговорить?

— О чем нам разговаривать! — Минос в отчаянии всплеснул руками.— Ты вместе с двумя сообщниками бежал из тюрьмы, убив охранников. Розыск на вас объявлен по всему Йеру! Ты видел, что творится в городе? Я не помню, когда в последний раз на улицах Меллении было столько шалеев!..

— В историю с побегом я оказался втянутым помимо своей воли,— сказал Граис.— Если бы я остался в тюрьме, то, скорее всего, сейчас меня уже не было бы в живых.

— Какая разница, что там произошло на самом деле,— поморщился Минос.— Я не могу прятать тебя в своем доме... У меня часто бывают гости. Кто-нибудь из них может случайно увидеть тебя... Тебя и так уже слуга видел!

Краем глаза Граис увидел, что на крыльце дома вышла молодая красивая женщина в ослепительно белом одеянии. В руках она держала изящную бутыль.

— Милый,— нежно пропела она, обращаясь к Миносу.— Сколько мне еще ждать?

— Да, да, я сейчас,— нервно дернувшись, повернулся в сторону женщины Минос.— Я скоро...

— Поторопись,— обворожительно улыбнулась женщина и, бросив любопытный взгляд на Граиса, скрылась в доме.

— Это твоя жена? — спросил Граис.

— Нет,— ответил, как отрубил, Минос, давая понять, что не собирается объяснять, кем ему приходится эта женщина.— Я прошу тебя,— по-прежнему не глядя в сторону Граиса, медленно выдавил из себя Минос,— я, наконец, требую: уходи отсюда... Уходи и забудь, что ты вообще приходил в этот дом...

— Я хотел попросить тебя помочь мне встретиться с Сирхом,— не двигаясь с места, сказал Граис.

— Ты понимаешь, о чем просишь? — Минос быстро посмотрел на Граиса и снова отвел взгляд в сторону.— Я же сказал, что тебя ищут... Не знаю, откуда ты явился спустя пятнадцать лет, но лучше уходи туда, откуда пришел. Так будет лучше для тебя... И для всех остальных.

— Значит, ты отказываешься мне помочь?

Дверь, ведущая в дом, снова распахнулась, на этот раз со стуком ударившись о стену. На крыльце выбежала все та же женщина. Края белой накидки развевались позади нее, как крылья растревоженной птицы. Красивые черты лица женщины портило выражение крайнего недовольства.

— Дорогой мой! — Голос женщины слегка подрагивал от еле сдерживаемого раздражения.— Ну сколько мне еще ждать?

— Ты что, не видишь, что я занят?! — рявкнул на женщину Минос.— Убирайся отсюда! Приду, когда освобожусь!

— Ах так!..

Взмахнув краями своего белого одеяния, женщина стремительно развернулась и убежала в дом.

— Ну, что тебе еще от меня надо? — нервно повернулся в сторону Граиса Минос.

— Похоже, что ничего,— покачал головой Граис.

— Ты понимаешь, что я ничем не могу тебе помочь? — бессильно уронил руки вдоль туловища Минос.

— Понимаю,— кивнул Граис.

— Ну так уходи! — задергался Минос.— Иначе я буду вынужден приказать слугам схватить тебя и сдать шалеям!

— Ты не сделаешь этого,— усмехнувшись, уверенно произнес Граис.

— Почему? — недоумевающе и одновременно с опаской посмотрел на него Минос.

— Потому что ты боишься, что судебный исполнитель спросит тебя, почему, едва только прия в Меллению, я явился в твой дом,— сказал Граис.— Разве я не прав, Минос?.. Ты всегда всего боялся. Тебе страшно оставить меня в своем доме, и не меньше этого ты боишься меня отпустить... Если бы не твой страх, Минос, то сейчас ты мог бы находиться на месте Сирха. Впрочем...

Не закончив фразы, Граис развернулся в сторону ворот.

— Стой! — неожиданно окликнул его Минос, когда ксенос уже отворил дверь, ведущую на улицу.

Граис обернулся.

— К Сирху не ходи,— дрожащими губами прошептал Минос.— Он все равно не станет с тобой разговаривать... Лучше уходи из Меллении... Уходи прямо сейчас...

— Спасибо за совет,— усмехнулся Граис и, выйдя на улицу, прикрыл за собой дверь.

Минос остался стоять перед закрытой дверью, кусая губы. Он не знал, что ему делать,— а в такие ответственные моменты он вообще терял голову, мучительно выбирая из сотни вариантов один более-менее приемлемый. И никак не мог выбрать.

Открыв дверь, Минос выглянул на улицу, чтобы посмотреть, в какую сторону пошел Граис. Потом он со злостью хлопнул дверью и, направившись к дому, снова увидел стоявшую на крыльце женщину.

— Уйди! — заорал на нее Минос и побежал по дорожке, ведущей на задний двор усадьбы.

Увидев среди кустов квадратные плечи своего слуги-эребийца, Минос всполошенно замахал руками.

— Сул! Ко мне! Скорее!

По тому, как был взъярен и взволнован его хозяин, слуга решил, что случилось что-то неладное. И скорее всего, связано это было с недавним гостем, приход которого так смущил господина Миноса. Подбегая к хозяину, он уже сжимал в руке плетку, готовый дать отпор всякому, покусившемуся на покой этого дома.

— Пошли за мной, быстро,— приказал слуге Минос, поворачиваясь в сторону ворот.

— Куда? — глухо пророкотал эребиец.

— Пошли! — закричал Минос, ускоряя шаг.

Не задавая более вопросов, слуга последовал за ним.

Выбежав на улицу, они свернули в ту же сторону, куда пошел Граис. Растигивая людей, Минос добежал до конца переулка и, не найдя Гриса, повернул обратно.

— Куда же он подевался? — растерянно произнес Минос, взглянув на слугу.

— Тот, что приходил к вам сегодня? — уточнил эребиец.

— Он самый — кивнул Минос.— Я видел, что он пошел в эту сторону.

— Он мог пройти между домами,— предположил слуга.— Если так, то искать его нужно на площади возле здания общественной защиты.

— Обогни квартал, чтобы выйти на площадь слева,— велел слуге Минос.— Я пройду напрямую... Как увидишь его, сразу же хватай!

— Может быть, позвать стражу? — спросил эребиец.

— Мы сами должны его схватить! — Минос кулаком толкнул слугу в грудь.— Действуй, Сул! Награда за мной!

Подобные слова слуге не нужно было повторять дважды. Едва только услышав обещание награды, он сразу же побежал в указанном Миносом направлении. Сам же Минос, пройдя между домами, вышел на площадь.

На противоположном конце площади возвышалось здание общественной защиты, вход охраняли пятеро шалеев. Неподалеку от того места, где стоял, оглядываясь по сторонам, Минос, как обычно, шла неспешная торговля. На продажу предлагались главным образом циновки, корзины и прочая плетеная домашняя утварь. Людей на площади было немного, и Минос сразу же заметил Граиса. Ксенос неторопливо прогуливаясь по рынку, с любопытством рассматривая все вокруг, останавливался возле некоторых лавок и о чем-то расспрашивал продавцов.

Быстро перебежав открытые пространство, Минос притаился за палаткой торговца, продающего невыделанные шкуры.

Он увидел, что Граис уже не заговаривает с торговцами, не оглядывается по сторонам, а уверенно двигается в сторону выхода с площади.

Минос смотрел то на Граиса, то в ту сторону, откуда должен был появиться Сул, который, как назло, где-то запропастился. От нетерпения Минос покусывал нижнюю губу. Видя, что Граис вот-вот ускользнет из поля его зрения, Минос рванулся вперед.

Он поймал Граиса за руку у самого выхода с площади.

Тот, похоже, совершенно не удивился, снова увидев Миноса, совсем недавно прогнавшего его из своего дома.

— Должно быть, Минос, ты вспомнил что-то весьма важное, если бросился следом за мной, даже не накинув на плечи платка? — насмешливо спросил Граис.

— Последний раз тебе советую,— зашептал на ухо Граису Минос.— Не ходи к Сирху... Не будет от этого добра...

— Лучше бы ты помог мне встретиться с ним,— ответил на это Граис.— Это не моя прихоть, а Путь, указанный мне Поднебесным. И я пройду по нему, вне зависимости от того, захочешь ты мне помочь или нет.

— Если бы и мой Путь был определен так же четко...— едва слышно произнес Минос.— Ты всегда точно знал, что тебе нужно делать, а нам, простым людям, каждый раз приходится мучиться, принимая решение... Да и после...

— Я не думаю, что тебе стало бы легче, если бы ты узнал все то, что известно мне,— покачал головой Граис.

Бросив взгляд поверх плеча Граиса, Минос наконец заметил на площади знакомую фигуру слуги.

— Сюда! — взмахнув рукой, закричал Минос и, как мигата-кровопийца, вцепился в руку Граиса.— Сюда, Сул!..

Эребиец кинулся на зов хозяина, обеими руками раскидывая в стороны прохожих, оказывавшихся у него на пути.

А Граис между тем даже и не попытался вырваться из не очень-то сильных рук Миноса. Он только улыбнулся и произнес:

— Спасибо тебе, Минос.

— Что?..— изумленно уставился на него йерит.

— Задержи меня на улицах Меллении обычный патруль,— Граис взглядом указал на шалеев у входа в здание общественного согласия, двое из которых, заинтересовавшись происшествием на площади, следом за Сулом нап-

равились в сторону Миноса,— и меня сегодня же отправили бы в ту же тюрьму в Халлате, которую я два дня назад покинул. Ты же влиятельный горожанин, Минос,— на губах Граиса появилась насмешливая улыбка,— ты знаком с самим Сирхом. И если уж ты самолично схватил на площади злоумышленника, то, следовательно, не позже сегодняшнего вечера я встречусь с преподобным.

Услышав это, Минос в первое мгновение онемел от изумления. Широко разинув рот, он смотрел на Граиса выпученными глазами, словно перед ним возник вестник смерти. Лицо Миноса, вначале сделавшееся мертвенно-бледным, начало покрываться багровыми пятнами. Казалось, невидимая рука сжимает ему горло, не позволяя вдохнуть воздуха.

Улыбка Граиса сделалась едва ли не самодовольной.

— Так, значит, ты...— с невероятным усилием выдавил из себя Минос.— Меня... Как и Фирона в свое время...

Минос бессвязно выбрасывал обрывки фраз, но Граис понял, что он хотел сказать.

— Я здесь ни при чем,— покачал головой ксенос.— Фирон в свое время сделал то, что хотел Поднебесный. Теперь настала твоя очередь, Минос. Только-то и всего.

— Да будь ты проклят! — Выпустив руку Граиса, Минос отшатнулся назад, словно боясь подхватить от него какую-нибудь неизлечимую болезнь.

— Нет, Минос,— спокойно ответил ему Граис.— С пути, указанного тебе Поднебесным, не свернешь.

Сзади на него навалился Сул и, вывернув руки за спину, стянул их веревкой.

— Что здесь происходит? — преувеличенно грубо и лениво спросил один из подошедших шалеев.

Другой зачем-то положил руку на плечо Сулу, словно собираясь потребовать от эребийца, чтобы он отпустил Граиса. Лысый слуга что-то невнятно промычал и указал под-

бородком на своего хозяина. Шалей перевел вопросительный взгляд на йерита.

— Мое имя Минос из Халлата,— кашлянув в кулак для того, чтобы прочистить горло, хрипловато произнес тот и, указав на Граиса, которого по-прежнему крепко держал за локти Сул, добавил: — Это он.

— Кто «он»? — не понял шалей.

Солдат только вчера пришел со своей ротой в Меллению, и имя Миноса ему ровным счетом ничего не говорило.

— Болван! — неожиданно истерично взвизгнул Минос.— Это тот самый бандит, которого ты должен ловить! Один из троицы, сбежавшей на днях из столичной тюрьмы!

Шалей, должно быть, решил, что мужик просто испачкал штаны со страха, нос к носу столкнувшись на площади с опасным преступником, а потому и не придал особого значения тому, что на него, гражданина великой Кахимской империи, повысил голос какой-то йерит.

— Ну-ну, хватит орать-то,— снисходительно кивнул он Миносу и, окинув взглядом Граиса, заметил: — А по виду и не скажешь, что убийца. Как тебе удалось его распознать?

Минос устало провел ладонью по мокрому лбу.

— Спроси об этом у преподобного Сирха,— едва слышно произнес он.

Глава 8

ПРЕПОДОБНЫЙ СИРХ, ТОЛКОВАТЕЛЬ ПУТИ К ПОДНЕБЕСНОМУ

— Ты уверен, что это Граис?

Сирх задал свой вопрос, даже не повернувшись в сторону Миноса.

— Это он,— пролепетал Минос.— Вне всякого сомнения.

— А может быть, обознался со страху? — усмехнулся Сирх.— Ведь пятнадцать лет прошло.

— Он совсем не изменился,— ответил Минос.— И говорит так же, как учитель...

— Он уже давно не учитель,— резко оборвал Миноса Сирх.— Забудь вообще это слово!

— Да, преподобный,— повинно склонил голову Минос, хотя Сирх по-прежнему не глядел в его сторону.

Минос прибежал к Сирху сразу же, как только шалеи увели арестованного Граиса. Преподобный принял его во внутреннем дворике своего огромного дома, где он, по своему обыкновению, пережидал полуденный зной. В центре дворика был расположен бассейн, заполненный прохладной, кристально прозрачной водой, стены его и дно были выложены мозаичными панно, изображающими невиданных морских рыб и фантастических тварей со множеством щупалец. Сам Сирх возлежал в шезлонге под шелковым балдахином. Рядом с ним стоял изящный круглый стол, уставленный графинами с любимыми винами преподобного и блюдами с холодными закусками. Для Миноса же слуга по приказу Сирха принес низкую скамеечку, которую поставил на самом солнцепеке. Сам Минос не решился передвинуть скамеечку в тень и теперь сидел по левую руку от преподобного, обливаясь потом и постоянно вытирая лицо носовым платком, давно уже превратившимся в мокрую мяту тряпку.

Преподобный Сирх был всего лишь на два года старше Миноса, однако если последний ничуть не отличался от зрелого йерита лет сорока, то преподобный выглядел как старец весьма преклонных годов. Тело Сирха было похоже на скелет, обтянутый сухой, шелушащейся кожей, синюшность которой отчетливо проступала даже на фоне характерной для йеритов плотной пигментации. Белки глубоко запавших глаз Сирха имели нездоровый желтоватый оттенок. Последние три года Сирха мучали страшные боли в

животе. Боль то отпускала его, то внезапно снова набрасывалась, словно голодный хищник, истосковавшийся по крови. Бывали случаи, когда внезапный приступ скручивал его во время проповеди, вынуждая преподобного быстро и скомканно заканчивать свою речь, чтобы убраться с амвона и упасть на кушетку, поджав колени к подбородку и обхватив руками терзаемый нещадной болью живот.

Сирх старательно пытался утаить свою болезнь от представителей имперской власти, опасаясь, что, узнав о его недуге, каихимский наместник тут же начнет подыскивать нового пастыря для подвластных ему йеритов. Он не обращался к местным врачам, а под различными предлогами совершал долгие и утомительные путешествия в другие страны, где, прикрывшись вымышленным именем, посещал тамошних целителей.

Светила различных школ врачевания подвергали немощное тело преподобного самым изощренным процедурам, зачастую похожим на утонченные истязания. Каких только снародий не испытал за это время на себе Сирх! За некоторые из предложенных ему лекарств он не задумываясь выкладывал баснословные деньги,— простой йерит не мог скопить такой суммы и за всю свою жизнь.

Но все было тщетно. Несмотря на все затраченные средства, болезнь уверенно брала верх над телом Сирха. И уже никакие ухищрения не могли скрыть того, что преподобный тяжело болен: ни плотный слой косметики, наложенной на его лицо, ни подкрашенные в каштановый цвет жидкие волосы, зачесанные так, чтобы попытаться скрыть лысину, ни нарочито широкие одежды с подкладками на плечах и груди, призванными скрыть нездоровую худобу Сирха.

Никто из врачевателей не решался открыто ответить на вопрос Сирха: сколько же еще лет или дней отпущено ему Поднебесным? Но преподобный и без того понимал,

что жить ему осталось не так уж долго. Именно предчувствие близкой кончины заставило Сирха вспомнить о сыне.

Смерть сама по себе не пугала Сирха. Как и все юериты, он свято верил в то, что земная жизнь — это всего лишь ожидание на пороге вечности. Сирх приходил в ярость от того, что должен был покинуть этот мир на взлете своей славы. Пост главного идеолога при дворе каихимского наместника, о котором в годы своих скитаний нищий проповедник по имени Сирх из Дрота не мог бы и мечтать, теперь расценивался преподобным Сирхом всего лишь как промежуточный этап в его карьере.

Не раз посещая вместе с наместником Каихимскую империю, Сирх прекрасно видел, что ее раздирают многочисленные внутренние противоречия: смуты при дворе императора, трудности с контролированием огромных территорий, войны, ведущиеся одновременно на нескольких фронтах. Все это подрывало могущество империи так же неумолимо, как неведомая болезнь подтачивала здоровье Сирха. Пока еще империя могла поддерживать порядок в своих многочисленных колониях, направляя туда войска для подавления мятежей, но среди наиболее молодых и дальновидных каихимских политиков, к числу которых принадлежал и наместник Йера Центий Офр, уже ходили разговоры о том, что усилия эти не оправдывают себя. Колossalные средства приходилось тратить на содержание многочисленной армии, обеспечивающей безопасность и порядок на территориях, которые зачастую почти ничего не давали, кроме народных восстаний и вооруженных мятежей. До Сирха доходили слухи о зреющем недовольстве среди высокопоставленных каихимских чиновников проводимой политикой и даже о существовании заговора, в результате которого империя либо откажется от ряда колоний, либо заключит с ними мирные договоры с предоставлением частичной самостоятельности.

Вот этот последний вариант не давал Сирху спать спокойно, так же как и боль в животе. Еще бы, стать первым правителем единого Йера — за это стоит все перетерпеть! А кто же, как не он,— единственный общенациональный лидер? Именно с ним империя может заключить договор. С ним, и больше ни с кем. Йеритов объединяет только вера, а эту веру несет лишь он один, Сирх. Сирх усмехнулся и покосился на Миноса. А ведь не так давно они, голодные и бездомные, скитались по дорогам Йера. А теперь сам каҳимский наместник недвусмысленно намекает Сирху о его блестящем будущем. И наследник здесь пришелся как нельзя кстати. Конечно, было бы лучше, если бы сынок относился к отцу с большим почтением, но тут уж выбирать не приходилось,— болезнь ударила Сирха не только в живот, но и ниже пояса, лишив столь любимых им когда-то радостей плотских утех. Что ж, если самому Сирху по причине болезни, грозившей смерти все его грандиозные планы, и не придется взойти на престол, то, по крайней мере, он войдет в историю Йера как родоначальник династии великих правителей.

При мыслях о сыне в душе у Сирха на мгновение потеплело. Он вспомнил о том, что не виделся с Килосом давно — более трех месяцев, и ощущил, как соскучился по нему, по его дерзким фразам, гордой интонации и даже, как это ни странно, грубостям. Пусть даже так, но ведь ни по кому другому он, Сирх, больше не скучал и скучать не мог. Была, правда, несколько лет назад одна женщина, которая приходила к нему, ласкала, но потом куда-то исчезла — ей сказали, что заболела она и умерла. И он какое-то время скучал по ней, но потом свыкся с потерей и успокоился.

Не вовремя, ах как не вовремя вернулся в Йер Граис! Его появление могло серьезно подмочить репутацию преподобного: совсем ни к чему было напоминать йеритам о том, кто именно создал учение о Пути к Поднебесному,

которое столь успешно проповедовал он в последнее время от своего имени. Да и не известно еще, как отнесется наместник к нежданному воскрешению канувшего, казалось бы, навсегда в небытие проповедника, слова которого до сих пор звучат по всему Йеру от столицы до самых глухих горных селений. Эти слова повторяют миллионы йеритов, зачастую ничего не понимающих в философской системе учителя, но свято верующих в мудрость Поднебесного, частицу которой он даровал своему посланцу... Черт бы его побрал, этого Граиса! Где он пропадал все эти пятнадцать долгих лет? Ведь он был в тюрьме и сбежал оттуда? Значит, прятался — так получается? А теперь вот объявился. Какого дьявола ему теперь понадобилось в Йере?!

— Где он пропадал все эти пятнадцать лет? — краем глаза глянув на Миноса, Сирх повторил вслух один из вертевшихся у него в голове вопросов.

— Не знаю....— растерянно развел руками Минос.— Честное слово, не знаю... Он ничего не говорил об этом...

Поморщившись, Сирх только рукой махнул. Чего иного можно было ожидать от такого растяпы, как Минос,— всегда долго думает, а в конце концов принимает самое худшее из всех возможных решений. Кем бы он сейчас был, если бы не преподобный, вспомнивший о старом приятеле в час своей славы? Наверное, все еще ходил бы по дорогам с осколком глиняной миски, собирая милостыню. А ведь когда-то был сборщиком налогов... Даже государственная служба ничему не научила простофилю. Потому он в свое время и пошел за Граисом, бросив все дела, что все равно рано или поздно оказался бы на улице без гроша в кармане... либо в тюрьме, обlapошенный своими же друзьями...

Сам Сирх решил стать учеником Граиса, потому что понял, что для него это единственный шанс вырваться из нищеты, покончить с жалким, убогим существованием,

складывающимся из ежедневной борьбы за хлеб свой на-
сущный. И ведь не ошибся же! Кем он был до встречи с
Граисом? — Нищим рыбаком, изо дня в день латающим
гнилую сеть, доставшуюся в наследство от отца. А ныне
он известен всему Йеру как преподобный Сирх! И, даст
Поднебесный, станет еще и первым правителем Йера!..

Да, многому научился Сирх у Граиса. Другие ученики
главным образом слушали слова Граиса, пытаясь постичь
скрытый в них смысл, чтобы потом суметь самим донести
его до паства. Сирх же, не пренебрегая учением, одновременно
перенимал у учителя его методы обращения с людьми. Ни с кем не делился Сирх своими наблюдениями,
но, оставаясь в одиночестве, подолгу тренировался, при-
меряя на себя образ учителя. Нелегкая это была работа.
Многие поступки и действия Граиса оставались непонят-
ными для Сирха. Однако главное он усвоил: настоящее —
это то, где ты находишься, будущее — то, где ты хотел бы
находиться. Если мысленно провести прямую линию между
этими двумя точками, то это и будет Путь, по которому
ты должен идти, чтобы превратить мечты в реальность.
Остальное — рабочий материал, мусор. Главное — Путь, всем
остальным можно пренебречь. Но было в Граисе и нечто,
навсегда оставшееся недоступным для Сирха,— его внут-
ренняя сила и убежденность в правильности совершаемых
им поступков. Без этого Путь становился во много раз
труднее и продолжительнее...

Граис... Граис...

— Ты говорил, он хотел встретиться со мной? — снова
обратился Сирх к Миносу.

— Да, преподобный,— быстро ответил Минос.— Он хо-
тел, чтобы я помог ему в этом.

— Что ему было нужно?

— Он не сказал...

— А ты конечно же не спросил...

Сирх скрипнул зубами от злости и тут же сморщился от неожиданной резкой боли,— зубы у преподобного начали крошиться уже давно.

Угораздило же Миноса схватить Граиса прямо на площади да еще и отдать шалеям! Ведь можно же было просто пригласить его к себе в дом, накормить, обласкать, поговорить, как ученик с учителем... И попытаться разузнать его намерения... Да и сам Сирх мог тайно прийти в дом Миноса, чтобы переговорить с учителем, узнать, что ему нужно... Наверняка с Граисом удалось бы договориться. Он же разумный человек... Можно было заплатить ему, чтобы убрался из Йера навсегда... Убить, в конце концов, если переговоры зайдут в тупик! Но все нужно было проделать тихо, без лишнего шума, чтобы никто ни о чем не узнал... Теперь же судебный вершитель Меллении, у которого оказался Граис, обязан отправить опасного государственного преступника в Халлат, на суд наместника. В данной ситуации даже Сирх с его влиянием и связями ничего не мог изменить. Граис встретится с наместником, и одному лишь Поднебесному известно, о чем он станет говорить. Наместник Центий Офр, не в пример своему предшественнику, не склонен принимать скоропалительных решений, продиктованных одними лишь эмоциями. А в умении убеждать людей Граис не имел себе равных...

Что ж, для того чтобы не выпускать ситуацию из-под контроля, нужно самому проявлять инициативу. Этому Сирх тоже научился у Граиса.

— Слушай меня внимательно, Минос,— негромко произнес Сирх.— Скоро сюда придет судебный вершитель. По моей просьбе он приведет с собой Граиса...

— Нет! — воскликнул Минос, сам удивляясь, как он посмел перебить преподобного.

Сирх недовольно сдвинул брови:

— Что значит «нет»?

— Ты не должен встречаться с Граисом, преподобный,— подавшись вперед и едва не падая со скамеечки на колени, умоляюще произнес Минос.

— Почему?

— Потому что он сам хотел этого.

— Ну и что это значит?

— Не знаю, преподобный.— Минос сжался от страха. Он и сам не смог бы ответить, чего боится больше: гнева Сирх или новой встречи с Граисом.— Не знаю... Но нам не следует поступать так, как он хочет...

— А он и не получит то, на что рассчитывает,— усмехнулся Сирх.

— Он всегда умел добиться желаемого...

— Но на этот раз у него ничего не получится,— слегка повысил голос Сирх. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Минос, опустив голову, умолк.— От тебя, Минос, на этот раз многое не потребуется. Ты должен будешь только соглашаться со всем, что я буду говорить судебному вершителю. Ясно?

— Да, преподобный,— тихо ответил Минос.

— Ну, вот и отлично,— натянуто улыбнулся Сирх.

— И все же, преподобный...

Начав фразу, Минос замялся, не зная, следует ли ему продолжать.

— Ну, что там у тебя еще? — недовольно проворчал Сирх.

— Граис знал обо всем, что произойдет,— быстро заговорил Минос.— Он знал, что я выгоню его из дома, что потом догоню и сдам шалеям... Он заставил меня сделать это для того, чтобы встретиться с тобой...

Минос умолк и быстро промокнул платком красное мокрое лицо.

— Договаривай,— потребовал Сирх.

— Не знаю, что за ловушку ты приготовил Граису, но уверен, что и о ней ему уже известно!

Откинувшись на спинку шезлонга, Сирх хрипло рассмеялся.

— А с чего ты вообще решил, что человек, явившийся в твой дом, не кто иной, как Граис из Сиптима? — отсмеявшись, спросил он у Миноса.

— Но как же... — недоумевающе развел руками Минос. — Я узнал его... Это конечно же Граис... Кто же еще?..

— Не знаю, — повторив жест Миноса, Сирх взмахнул руками. — Мы еще должны убедиться, что это тот самый Граис из Сиптима, которого мы когда-то знали. Существует мнение, что настоящий Граис был тайно казнен.

— Он жив!

— В таком случае почему он не давал знать о себе пятнадцать лет?

— Не знаю. Но сейчас он здесь! И я боюсь, что он вернулся для того, чтобы...

Взмахом руки Сирх заставил Миноса умолкнуть.

Из дома вышел слуга. Остановившись у края бассейна, он низко поклонился Сирху.

— К вам пришел судебный вершитель Меллении, преподобный, — не поднимая взгляда на хозяина, произнес он. — С ним четверо шалеев и арестант.

— Пусть войдут, — махнул рукой Сирх. — И передай Кусу, что пора накрывать на стол.

Как только слуга, снова поклонившись, скрылся в доме, Сирх повернулся к Миносу.

— Сколько я тебя помню, Минос, ты все время чего-то боялся, — зловещим шепотом произнес он. — О своих страхах расскажешь мне после. Сейчас все, что от тебя требуется, — внимательно следить за моим разговором с судебным вершителем и только повторять мои слова.

Нервно облизнув сухие губы, Минос быстро кивнул.

— Ну вот и отлично, — улыбнулся Сирх. — А теперь по-правь на себе одежду и прими достойный вид. Ты же ува-

жаемый горожанин, Минос! Не всякий удостаивается чести быть приглашенным к столу преподобного Сирха!

Проворные слуги быстро вынесли из дома большой круглый стол, поставили его в тени развесистых сарабовых деревьев и накрыли расшитой золотом белоснежной скатертью. Следом за столом появились высокие кресла с мягкими подлокотниками и балдахинами. Двое слуг, осторожно приподняв шезлонг, в котором сидел Сирх, придвинули его к столу.

К тому времени, когда в дверях дома в сопровождении слуги появился одетый в алую мантию судебный вершитель, все уже было готово к торжественному приему. Стол украсили искусно приготовленные блюда и изысканные напитки, кресла ждали гостей, а предупредительные слуги, готовые выполнить любое приказание хозяина, незаметно и изящно делали свою работу.

Сирх приподнялся из своего шезлонга навстречу гостю.

— Добро пожаловать, уважаемый Мистелий Глат,— радушно улыбнувшись, произнес он и почтительно поклонился кахимцу.

Что ж, пока еще Сирх не был правителем Йера и, как всякий йерит, должен был относиться с уважением к представителям имперской власти. Но придет время...

Кахимец, исполнявший обязанности судебного вершителя Меллении, имел чрезвычайно низкий рост. Верхушка его круглой остроконечной шапочки, покрывающей лысую голову, едва достигала плеча стоявшего рядом с ним слуги. Однако, несмотря на это обстоятельство, держался кахимец весьма надменно. В ответ на приветствие Сирха он степенно огладил свою длинную белую бороду, которая при отсутствии усов смотрелась как декоративная деталь туалета, и неторопливо приподнял руку в приветственном жесте кахимцев.

— Да будет славен твой дом, преподобный Сирх,— высоким писклявым голосом, соответствующим всему его внешнему виду, произнес он.

— Так же как и твой, Мистелий Глат,— еще раз поклонился Сирх и указал рукой на предназначеннное для гостя кресло.

Дождавшись, когда Мистелий Глат сел за стол, Сирх тоже опустился в свой шезлонг.

— Ты, должно быть, знаком с почтеннейшим Миносом из Халлата, возглавляющим совет горожан Миллении? — Сирх знаком позволил Миносу также занять место за столом.

— Слава тебе, Минос,— разглядывая выставленные на столе кушанья, быстро произнес кахимец.— Я слышал, что ты неплохо справляешься со своими обязанностями.

— В меру моих сил и способностей, почтеннейший Мистелий Глат,— подойдя к столу и все еще не решаясь сесть, дрожащим голосом произнес Минос.

— Садись,— нетерпеливо махнул ему рукой Сирх.

Минос робко опустился на краешек указанного ему кресла и, быстро проведя платком по лицу, сложил руки на коленях.

— У тебя, как всегда, замечательный стол, преподобный! — закончив осмотр блюд, восторженно высказался кахимец.— Где еще в Йере можно отведать заливное из дахута!

— Заливное приготовлено специально к твоему приходу, уважаемый Мистелий.— За столом, в неофициальной обстановке, Сирх имел возможность называть судебного вершителя, опуская его родовое имя.— Но тебя, должно быть, утомила прогулка по жаре...

Сирх сделал знак рукой, и двое слуг заняли места за спиной кахимца. Один из них наполнил стоящий перед судебным вершителем бокал желтым, как глаз дикой гараты,

вином. Другой серебряной ложечкой опустил в стакан два кусочка прозрачного льда.

— Восхитительно! — Кахимец поднял бокал, поболтал плавающие в нем кусочки льда и с наслаждением прижал запотевшее стекло к своей алой щеке.— Вино со льдом! Даже при дворе наместника лед подается к вину только по особо торжественным случаям!

Мистелий поднес бокал к губам и с наслаждением сделал глоток.

Минос с надеждой посмотрел на слуг, ожидая, что и ему будет подан холодный напиток, но слуги неподвижно стояли за спиной судебного вершителя. Лед быстро таял в прозрачной чаше, которую держал в руках один из них.

Мистелий, которому было известно о тайном пристрастии преподобного к крепким напиткам, с удивлением взглянул на Сирха, который на этот раз пригубил только стакан с акисовым соком.

Вино, как известно, обладает способностью лишать человека воли, а разум его — ясности. Порою это бывает приятно, но сейчас Сирх должен был соблюдать осторожность, чтобы ни в коем случае не потерять над собой контроль.

— Гонцы доставляют мне лед с гор два раза в неделю,— поставив стакан на стол, сказал Сирх.— И что удивительно, я даже не прошу их об этом. Правоверные йериты считают своим долгом заботиться о моем благополучии, ибо я вещаю им слово Поднебесного.

— Да, конечно,— коротко кивнул Мистелий, не имеющий ни малейшего желания сопровождать процесс вкушения изысканной пищи разговорами на теологические темы. Он и в кахимских-то богов толком не верил, вознося им благодарности по урочным дням только в силу укоренившихся традиций, а до йеритского Поднебесного ему и вовсе не было никакого дела. Пусть сидит себе на небесах, пусть указывает Путь йеритам... Но пусть проводником на этом

Пути остается преподобный Сирх, понимающий толк в тонких винах и вкусной еде.

Прекрасно понимая нетерпение каихмца, Сирх не стал затягивать начало трапезы. Сразу же, как только преподобный благословил пищу на столе, Мистелий принял за свое любимое заливное из дахута. Затем последовал салат с острым сыром, холодное запеченное мясо лавахи под красным соусом, яйца, фаршированные икрой субы, и десерт из пяти слоев фруктового желе, охлажденный на леднике. Трапеза сопровождалась дегустированием различных сортов вин, которые то и дело предлагали каихмцу предупредительные слуги.

Мистелий при своем небольшом росте и щедушном телосложении отличался феноменальной прожорливостью и не отказывался ни от чего. К концу трапезы вид у каихмца был несколько осоловелый, и ему приходилось долго собираясь с силами, прежде чем отправить в рот очередной облазнительный кусочек.

Минос тоже успел насытиться и выпить вина. А вот Сирх ел мало и прикладывался только к стакану с охлажденным соком. Он ждал момента, когда можно будет приступить к интересующему его вопросу.

Наконец, заметив, что у Мистелия Глата осталась способность поедать пищу только глазами, Сирх приказал принести чаши для омовения рук.

— А знаешь ли ты, почтеннейший Мистелий, что именно благодаря присутствующему здесь Миносу сегодня днем на площади был задержан объявленный в розыске опасный преступник? — как бы между прочим заметил Сирх, когда каихмец, вымыв руки, в блаженной истоме откинулся на спинку кресла с бокалом красного вина в руке.

— Ты проявил нелишнюю бдительность,— взглянув на Миноса, одобрительно наклонил голову Мистелий.

— Ничего удивительного,— не давая возможности Миносу произнести хотя бы слово, быстро сказал Сирх.— Управление общественного порядка весьма предусмотрительно распространило среди жителей Меллении листовки с описаниями преступников. Точно так же поступил бы на месте Миноса любой правоверный ёрит.

— Не сомневаюсь,— деликатно икнув в платок, ответил Мистелий.— Позволь спросить, преподобный, для чего ты попросил меня привести этого преступника в твой дом?

— Ну, мне просто хотелось на него взглянуть,— неопределенно и как бы даже равнодушно сказал Сирх.— Насколько мне известно, другого случая удачного побега заключенных из столичной тюрьмы не было.

— К тому же он называет себя Граисом из Сиптима,— лукаво взглянув на Сирха, заметил кахимец.

— Это тоже одна из причин, по которой я хочу на него взглянуть,— не стал возражать Сирх.— Как вам, должно быть, известно, одно время, до того как настоящий Граис из Сиптима был приговорен к смертной казни за подстрекательство к мятежу, мы с Миносом были в какой-то степени близко с ним знакомы...

Мистелий Глат удивленно посмотрел на Сирха. Ему было известно, что преподобный некогда числился в учениках Граиса из Сиптима, но он думал, что Сирх не станет сам касаться этого щекотливого момента своей биографии.

— По сведениям, переданным мне из Халлата, этот преступник утверждает, что он и есть тот самый Граис из Сиптима, исчезнувший пятнадцать лет назад,— сказал Мистелий Глат.— Да и Минос, как я понимаю, опознал его...

— Минос узнал по описанию беглого заключенного,— быстро вставил Сирх.— Но он сказал мне, что не узнал в нем Граиса, с которым когда-то был знаком.

— Это так? — повернулся кахимец к Миносу.

Тот быстро кивнул и посмотрел на Сирха, чтобы убедиться, что все правильно сделал.

— Самозванцы, выдающие себя за Граиса из Сиптима, и прежде появлялись в Йере,— продолжил свою речь Сирх.— Особенно много их было в первые два-три года после исчезновения Граиса... А теперь, как видно, появился новый ловкач, решивший воспользоваться популярным в народе именем.

— Значит, преподобный, ты полностью исключаешь возможность возвращения настоящего Граиса? — спросил Мистелий Глат.

— Надеюсь, так же как и ты, почтеннейший Мистелий,— заговорщицки улыбнулся кахимцу Сирх.

— Когда произошла та самая история, меня еще не было в Йере,— сказал Мистелий и сделал большой глоток вина — намек Сирха остался непонят им.

— Но мы же с тобой здравомыслящие люди,— все тем же доверительным тоном продолжал Сирх.— Не так ли, Мистелий?

Кахимец, мгновение подумав, кивнул в знак своего согласия с данным утверждением.

— Нам известно,— продолжил Сирх,— что Граис был заключен в халлатскую тюрьму и приговорен к смертной казни. Также нам известно, что до недавнего прискорбного происшествия удачных побегов из столичной тюрьмы совершиено не было. Пусть старая тюрьма в столице была похуже нынешней, но все же это была тюрьма, а не постоянный двор. А это значит...

Сделав таинственную паузу, Сирх выжидающе посмотрел на судебного вершителя Меллении.

— И что же это значит? — нетерпеливо спросил тот.

— А это значит, что Граис никогда и не покидал халлатской тюрьмы,— улыбнувшись, закончил Сирх.

— Что же в таком случае произошло? — все еще не понимая, куда клонит Сирх, задал вопрос кахимец.

Опустив уголки губ, преподобный развел руками. Его жест и мимика должны были изобразить, что он прекрасно понимает, почему судебный вершитель не желает сам ответить на этот вопрос.

— Я думаю,— медленно произнес Сирх,— что прежний наместник решил не устраивать публичной казни Граиса, дабы не вызывать ненужных волнений в народе. К тому же после казни Граис мог быть возведен в сан святого мученика, ведь, что греха таить, он призывал юеритов к мятежу, используя для этого слово Поднебесного. Поэтому, по моему мнению, наместник поступил весьма благородно, тайно казнив Граиса в тюремном каземате. Таким образом, возвращения настоящего Граиса ждать не приходится.

Мистелий с сомнением поджал губы.

— У меня на этот счет нет никаких сведений,— подумав, сказал он.

— И ничего удивительного,— кивнул Сирх.— Подобные дела обычно не придаются огласке. Но, следуя элементарной логике, без особого труда можно прийти к выводу, что Граиса из Сиптима, которого мы с Миносом когда-то знали, давно уже нет в живых.

— Хм...— Мистелий Глат допил свой бокал и тут же подставил его слуге, чтобы тот снова его наполнил.— Но, судя по тому, что рассказывают об этом...— кахимец усмехнулся,— нет, о том Граисе, он был способен творить чудеса. Быть может, его таинственное исчезновение также следует считать чудом?

— Чудеса? — Сирх презрительно фыркнул.— Кое-что из его фокусов непосвященные конечно же могли счесть чудом. Но мы с Миносом прекрасно знали, как все это делается, поскольку время от времени помогали Граису готовить его «чудеса»,— он повел рукой в сторону Миноса, призывая его в свидетели, и тот несколько раз поспешно кивнул, после чего залпом выпил бокал вина.— Граис был

всего лишь искусственным трюкачом. А я, признаться, не видел еще ни одного фокусника, который смог бы пройти сквозь каменную стену.

— А что ты скажешь насчет исцеления безнадежных больных? — спросил Мистелий.

— Скажу, что Граис действительно был неплохим врачевателем.— Сирх непроизвольно потер ладонью живот, который уже начал подавать первые сигналы приближающегося приступа боли.— Ну, наверное, и удача ему сопутствовала... Собственно, кого он лечил? Нищих да необразованных крестьян, для которых вовремя вправленная грыжа — чудесное исцеление, а серная пробка, извлеченная из уха,— возвращение слуха глухому... Так и рождались легенды о Граисе, поднимающем мертвых с одра.

Мистелий Глат понимающе кивнул.

— И все же ты хочешь увидеть этого беглого преступника, преподобный,— напомнил он.

— Хотя я и доверяю Миносу, но тем не менее хочу сам увидеть этого самозванца, чтобы уже не оставалось никаких сомнений. Это облегчит и твою работу, достопочтенный Мистелий.

— Да мне-то что,— безразлично пожал плечами судебный вершитель.— Моя задача простая — переправить задержанного в Халлат. Мне больше хлопот доставляют рыночные воришки да фальшивые деньги, появившиеся в последнее время... Скажи шалеям, пусть приведут этого Граиса,— махнул рукой слуге Мистелий,— или кто он там есть на самом деле...

Слуга кинулся исполнять приказание только после того, как Сирх незаметным жестом указал ему пальцем на дверь.

Сирх с первого же взгляда узнал Граиса, появившегося во дворе в сопровождении трех вооруженных шалеев. Руки Граиса были скованы кандалами, цепь от которых тянулась к металлическим кольцам, обхватывающим щиколотки. В первое мгновение лицо преподобного напряглось, пальцы

судорожно вцепились в подлокотники. Но, сделав глубокий вдох, Сирх снова взял себя в руки и безмятежно улыбнулся.

— Ну, вот он, наш красавец! — Судебный вершитель чуть повернул кресло, чтобы видеть арестованного, и, устроившись поудобнее, подобрал полы мантии.— Что скажешь, преподобный?

— Впервые вижу этого человека,— продолжая улыбаться, произнес Сирх.— Он такой же Граис из Сиптима, как я — каихмский наместник.

— Ты узнал меня, Сирх,— спокойно произнес Граис.

Он сделал попытку подойти ближе к столу, но шалей заставил его остановиться, схватив сзади за ворот.

— Обращаясь ко мне, следует говорить «преподобный»,— снисходительно заметил Сирх.

— Прежде я называл тебя просто Сирхом,— ответил Граис.— Но, если ты так хочешь, я могу обращаться к тебе «преподобный».

— Будь так любезен,— язвительно улыбнулся Сирх.— Ты говоришь, что мы с тобой знакомы, но мне даже неизвестно твое имя. Быть может, ты назовешь нам его?

— Кого ты хочешь обмануть, Сирх? — сказал Граис и, улыбнувшись, поправился: — Преподобный Сирх. Ты отлично знаешь, кто я такой.

— Тяжелый случай...— Сирх сокрущенно покачал головой и, наклонившись через стол к каихму, с усмешкой добавил: — Похоже, мы имеем дело не просто с самозванцем, а с безумцем, который и сам верит в то, что он Граис из Сиптима.

Мистелий Глат хотнул, дав тем самым понять, что оценил шутку преподобного.

— Итак,— снова обратился Сирх к Граису,— ты наставляешь, чтобы тебя называли Граис из Сиптима?

— Можешь называть меня, как тебе угодно,— ответил Граис.— Имя ничего не меняет ни в моем Пути, ни в твоем.

Но ты можешь попытаться изменить свой Путь, если согласишься выслушать меня.

— О чём ты собираешься со мной говорить? — насторожился Сирх.

— Ты хочешь, чтобы я при всех назвал конечную точку твоего Пути, к которой ты так стремишься? — с лукавой улыбкой спросил Граис.

Невольно вздрогнув, Сирх бросил быстрый испуганный взгляд в сторону Мистерия. Но тот, похоже, не придал никакого значения словам Граиса.

— Конечная точка моего Пути мне и самому известна,— быстро ответил Граису Сирх.— А знаешь ли ты, что ждет тебя в ближайшем будущем?

Граис улыбнулся, лицо его было торжественно и спокойно.

— Не пытайся играть со мной в слова, Сирх,— сказал он, взглянув прямо в глаза преподобному.— За истекшие годы ты не достиг больших успехов в риторике.

— Глупец.— Откинувшись на спинку кресла, Сирх небрежно стал помахивать руками.— Тебе бы следовало вести себя более почтительно. Или ты не понимаешь, что я имею возможность облегчить твою незавидную участь?

— Все, что ты мог бы для меня сделать, ты уже делаешь,— невозмутимо ответил Граис.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивленно поднял бровь Сирх.

— Поднебесный направил мои стопы к тебе для того, чтобы я услышал, как ты отрекаешься от своего учителя, чье учение ты пытаешься проповедовать. Но твоя ошибка, Сирх, заключается в том, что, говоря от имени Поднебесного, ты прежде всего думаешь о себе самом, а не о тех, к кому обращены твои слова. Именно поэтому ты никогда не сможешь встать даже вровень со мной.

— Врешь! — Сирх сдавил руками подлокотники так, словно бы уже вцепился в горло Граиса. Глаза его горели нена-

вистью.— Я уже достиг большего, чем когда-либо сможешь добиться ты!

— Преподобный,— удивленно посмотрел на Сирха кахимец,— ты, похоже, начинаешь принимать этого мошенника всерьез.

— Он попытался разозлить меня, и у него это, кажется, получилось.— Криво усмехнувшись, Сирх быстро провел ладонью по внезапно покрывшемуся испариной лбу.— Эй, ты,— небрежно махнул он рукой в сторону Граиса,— если ты выдаешь себя за Граиса из Сиптима, так, может быть, продемонстрируешь нам одно из его чудес? — Повернувшись к Мистелию Глату, Сирх весело ему подмигнул.— Сейчас увидим, что это за Граис.

— Это совершенно ни к чему,— спокойно ответил Граис.— Ты и без того знаешь, кто я такой.

— Но все же,— Сирх сделал приглашающий жест рукой,— мы просим тебя. Сделай что-нибудь простенькое, незатейливое... — Сирх огляделся по сторонам. Взгляд его остановился на заполненном водой бассейне.— Например, пройдись по воде! Граис подобное проделывал не раз.

— Кому, как не тебе, знать, что я никогда такого не делал,— ответил Граис.

— Минос, ты видел, как Граис ходил по воде, словно это была суша?

С того самого момента, как во дворе появился Граис, Минос сидел, зажав руки между коленей и не поднимая глаз от стола. Услышав обращенный к нему вопрос Сирха, Минос вздрогнул так, словно его коснулись раскаленным концом копья.

— Да,— не глядя в сторону Граиса, кивнул он.— Да, конечно... Конечно же видел... Все так, как ты говоришь, преподобный!..

Голос Миноса задрожал, не выдержав напряжения, и Сирх взмахом руки велел приятелю умолкнуть.

— Ну так что? — снова посмотрел Сирх на Граиса.— Если ты желаешь побеседовать со мной, то сначала про-демонстрируй что-нибудь, что убедило бы меня: да, ты имен-но тот, за кого себя выдаешь.

— Быть может, ты хочешь, чтобы я избавил тебя от страшных болей в животе? — усмехнувшись, спросил Гра-ис.

Сирх как ужаленный вскочил с кресла.

— Уберите этого самозванца из моего дома! — заорал он, взмахнув рукой.— Ты, несчастный безумец!.. Вместо того чтобы покаяться в своих прегрешениях, ты решил на-влечь на себя мой гнев?! Что ж, можешь считать, что тебе это удалось!..

— Успокойся, преподобный...

Не на шутку испугавшись столь мощной и внезапной вспышки эмоций со стороны Сирха, Мистелий Глат сделал шалеям знак немедленно увести арестованного и, схватив преподобного за руку, попытался усадить его на место. Сирх, почти не понимая, что делает, отбросил руку хакимца в сторону.

— Тебе это удалось! — снова крикнул он в спину уда-ляющемуся Граису.— Я буду требовать для тебя незамед-лительной и самой мучительной казни!..

— Успокойся, преподобный! — снова воззвал к Сирху Мистелий.

Сирх без сил упал в шезлонг. Боль в животе сделалась почти нестерпимой. Сирх выхватил из рук слуги кувшин с красным крепким вином, проливая на скатерть, до краев наполнил свой бокал и залпом осушил его. Откинувшись на спинку кресла, преподобный впился пальцами в под-локотники. Через пять вздохов боль в животе успокоилась. Напряжение понемногу исчезало с лица Сирха.

— Ну и напугал же ты меня, преподобный,— с сочув-ствием глядя на Сирха, спокойно произнес Мистелий Глат.

— Извини меня, почтеннейший,— через силу улыбнувшись, ответил Сирх.— Но этому безумцу действительно удалось вывести меня из равновесия.

— Стоило ли так волноваться из-за какого-то проходимца, которого через пару дней повесят? — В полнейшем недоумении Мистелий скрчил презрительную гримасу.

— Тебе, наверное, трудно будет это понять, Мистелий.— Сирх на ходу пытался придумать убедительный ответ на вопрос кахимца.— Но когда речь заходит о Поднебесном... Мы, йериты, весьма щепетильны в религиозных вопросах...

— Но разве речь шла о Поднебесном?

— Речь шла о Пути. А это, по сути, одно и то же.

— Похоже, этот безумец представляет собой угрозу для общества,— как бы размышляя, изрек Мистелий.— Во время побега из тюрьмы он со своими сообщниками убил четырех шалеев.

— Он, несомненно, опасен,— согласился с кахимцем Сирх.— Он не только убийца, но еще и смутьян. Я бы посоветовал тебе, Мистелий, не отправлять его в Халлат — дорога неблизкая, а в пути всякое может случиться,— а казнить его прямо здесь, в Меллении... Конечно же испросив на то разрешения у наместника!

Судебный вершитель, чтобы скрыть смущение, пару раз провел ладонью по бороде. Ему было неудобно отказывать человеку, столь радушно принимающему его в своем доме, но и лишние проблемы ему были ни к чему.

— Ты ведь знаешь, преподобный, что после реформы судебного права, проведенного недавно наместником, только он один имеет право выносить смертные приговоры на всей территории Йера. Поэтому всякого преступника, которому грозит смертная казнь, следует доставить в Халлат.— Мистелий посмотрел на Сирха и беспомощно развел руками.— Закон есть закон.

Сирх разочарованно дернул подбородком. Но возразить ему было нечего,— судебный вершитель был совершенно прав в своих действиях.

— Когда отправляется обоз в столицу? — спросил преподобный.

— Завтра на рассвете,— ответил Мистелий.

— Надеюсь, что на этот раз сбежать ему не удастся,— процедил сквозь зубы Сирх.

— Не беспокойся, преподобный,— кахимец успокаивающее похлопал Сирха по ладони.— За ним будут следить так, как еще не следили ни за одним арестантом. Ты сам видел, сколько солдат согнали в Меллению. Так что с охраной для обоза проблем не будет.

Глава 9

ЛЕКАРСТВО ОТ НЕИЗЛЕЧИМОЙ БОЛЕЗНИ

Видя, что преподобный Сирх пребывает далеко не в лучшем расположении духа, судебный вершитель Мистелий Глат поспешил удалиться. Тем более что обед был закончен, а день продолжался и впереди его еще ожидало множество важных дел, связанных с предстоящей отправкой в столицу опасного преступника.

Сирх приказал слугам оставить на столе только вино, фрукты и лед, а самим убираться.

— А ты останься! — строго глянул Сирх на Миноса, заметив, что тот тоже норовит ускользнуть следом за кахимцем.

— Но я...— На лице Миноса проскользнула робкая улыбка.— Я только хотел...

Сирх поморщился, как от кислого вина.

— Садись,— негромко произнес он.

С тех пор как Сирх стал официальным идеологом при кахимском наместнике в Йере, Минос всегда находился рядом с ним. Как верная гарата. Только очень трусливая. Плохо это или хорошо, трудно было понять.

«Слаб человек, слаб и безволен,— обреченно думал Минос, глядя на раскинувшегося в шезлонге Сирха.— Нужно было уйти прямо тогда, когда все только еще начиналось... Когда это еще было возможно сделать... Когда у меня хватило мужества сказать ему, что он присвоил себе славу учителя и его учение. Но подкупил он меня тогда спокойной и сътой жизнью. А что я? Я смалодушничал. А сейчас... Куда идти сейчас? Я превратился в тень Сирха, а разве может тень существовать отдельно от своего хозяина?..»

— Садись ближе,— сказал Сирх, и Минос поспешно исполнил приказ, пододвинув свое кресло к шезлонгу преподобного.

Сирх поставил рядом два больших бокала и до краев наполнил их крепким красным вином. На этот раз рука его была твердой и на скатерть не упало ни единой капли. Подцепив пальцами, преподобный бросил в каждый бокал по куску подтаявшего льда.

— Пей,— сказал Сирх, поднимая свой бокал.

Минос пил мало, отдавая предпочтение слабым сладким винам, похожим больше на сок, чем на алкогольный напиток. Порция вина, налитая в бокал, составляла его обычную дневную норму. Но, не посмев отказаться, Минос пригубил предложенное преподобным вино.

Сирх залпом осушил свой бокал. Боль, вновь начавшая было скреститься в животе, утихла, едва только алкоголь начал свое действие. Приятная истома разлилась по телу, голова слегка закружилась. Губы преподобного расплылись в довольноющей улыбке.

— Пей до дна,— строго сказал он, взглянув на Миноса, который все еще держал в руке бокал.

Обреченно вздохнув, Минос начал быстро глотать терпкую, чуть кисловатую жидкость, вкус которой не доставлял ему ни малейшего удовольствия. Опустошив бокал, он поставил его на стол и вытер губы тыльной стороной ладони.

На не привыкшего к ежедневным возлияниям Миноса спиртное подействовало в гораздо большей степени, нежели на Сирха. В глазах его появился бессмысленный блеск. Почувствовав себя легко и свободно, Минос непринужденно развалился в кресле, подставив под щеку кулак, чтобы удержать внезапно отяжелевшую голову.

— Закусывай.— Сирх бросил на колени Миносу ярко-красный акис.— А то совсем окосеешь.

Не наливая больше Миносу, Сирх выпил еще один бокал вина.

— Ну, что скажешь? — спросил он, прожевав ягоду белый и выплюнув косточку на мозаичный пол.

— Это был Граис,— слегка заплетающимся языком произнес Минос.

— Это я и без тебя понял,— усмехнулся Сирх.— Он почти не изменился с тех пор.

— Почему же ты не пожелал говорить с ним, преподобный? — спросил Минос.

— А что, собственно, он мог мне сообщить?

— Но ты же сам хотел узнать, для чего он вернулся в Йер.

— Ну, это и без того ясно,— махнул рукой Сирх.— Он вернулся, чтобы снова проповедовать... Как был, так и остался неисправимым идеалистом, верящим в то, что словом можно изменить мир. Если бы у него на уме было что-то иное, то и вел бы он себя по-другому.

— Но разве ты сам не веришь в силу слова? — с не свойственным ему лукавством спросил Минос.

— А ты хитрец, Минос.— Наклонившись, Сирх одобрительно похлопал собеседника по плечу.— Словом дей-

ствительно можно многоного добиться. Но только в том случае, если слово служит тебе, а не ты — слову, как это делает Граис.

— Граис хотел встретиться с тобой, и он добился этого, используя только слова,— заметил Минос.

— Ну и что из того,— хмыкнул Сирх.— Он, видно, рассчитывал, что я, как преданный ученик, паду к его ногам и вновь признаю его духовное лидерство... Времена Граиса прошли, друг мой Минос. Теперь в Йере есть только один духовный лидер — преподобный Сирх! И для другого здесь места нет. Граис не понял этого, потому что слишком долго отсутствовал.

— Почему же в таком случае ты сделал вид, что не узнаешь его?

— Потому что живой Граис не нужен никому в Йере.

— В первую очередь он мешал тебе...

— Ты не видишь дальше собственного носа, Минос. Граис мне не страшен. Я превратил религию в одну из структур, на которой держится государственная власть. И если Граис попытается предпринять что-либо против меня лично, то противостоять ему будет вся государственная машина, справиться с которой Граису не по силам, кто бы он там ни был. Но живой Граис — это угроза новой смуты в Йере, которая сейчас совершенно ни к чему. Нынешний порядок, существующий в Йере, устраивает далеко не всех, но тем не менее это порядок, без которого нормальная жизнь невозможна. Весть же о возвращении Граиса способна ввергнуть страну в хаос, единственным выходом из которого станет распад Йера и гибель юеритов как нации. Протекторат Кахимской империи, который к тому же не продлится вечно,— это не худший вариант для отсталой и раздробленной страны, какой Йер был до завоевания.

— Но в свое время учение Граиса объединило юеритов.

— И это был предел его возможностей. В то время народ был готов пойти за Граисом куда угодно, а он вместо этого исчез на пятнадцать лет. И вот сейчас, когда все волнения и страсти, которые он в свое время вызвал, улеглись, он надумал вернуться... Я не боюсь Граиса, но мне страшно за мой народ. Общество, во главе которого стоит идеалист, пусть даже проповедующий самые благие намерения, обречено на гибель. Идти за ним все равно что следовать за слепым поводырем.

Какое-то время Минос задумчиво жевал акис.

— Почему бы тебе не поговорить об этом с Граисом? — спросил он как бы между прочим.

— Ты разве забыл, кто был создателем учения о Пути к Поднебесному? — Сирх снова наполнил свой бокал вином.— Граис давно уже определил для себя конечную точку своего Пути, свернуть с которого для него все равно что предать самого себя. Нет,— Сирх поднял бокал и сделал из него большой глоток,— Граис никогда бы не признал своей ошибки. К тому же если бы я согласился побеседовать с Граисом, то это непременно вызвало бы определенные сомнения и подозрения у судебного вершителя Мистерия Глата. А так он вместе с Граисом отправит в Халлат письмо, в котором сообщит наместнику, что ни я, ни ты не признали в арестованном Граиса из Сиптима. Соответственно и наместник будет относиться к нему только как к разбойнику и самозванцу. Таким образом, участь Граиса фактически уже предрешена,— через несколько дней он будет казнен за побег из тюрьмы и убийство шалеев. Хвала Поднебесному, теперь мы навсегда избавили от него и себя, и Йер.

Сирх отсалютовал бокалом и допил вино.

— В принципе не могу не согласиться с такими рассуждениями,— произнес незнакомый голос за спиной Сирха.

Минос и Сирх одновременно вскочили со своих мест. Сирх, пошатнувшись, едва не опрокинул стол.

— Вот только вывод из них сделан совершенно ошибочный,— закончил свою мысль незнакомец, стоящий позади шезлонга, в котором только что сидел Сирх.

Незнакомец был высок и худ. Одет он был в странный, облегающий тело костюм черного цвета. Длинные темные волосы незнакомца были гладко зачесаны назад и перевязаны на затылке тонким шнурком. Губы его, чуть изогнутые ироничной ухмылкой, обрамляла полоска тонких черных усиков и полукруг небольшой, аккуратно подстриженной бородки. Нос незнакомца был слишком тонкий и длинный, а кожа слишком бледной для йерита. Но в целом он выглядел как обычновенный человек.

— Стражу звать не нужно,— предупреждая намерение Сирха, поднял руку незнакомец.— Я исчезну так же незаметно, как и появился, прежде чем она сюда явится.

— Ты кто такой? — с трудом выдавил из себя Сирх.

— Не имеет значения,— небрежно махнул кистью руки человек в черном.

Обойдя вокруг стола, он опустился в кресло, в котором до этого сидел судебный вершитель, и непринужденно закинул ногу на ногу. Взяв со стола графин с желтым каихским вином, незнакомец поиском взглядом чистый бокал и, не найдя такого, сделал глоток прямо из горлышка.

— Восхитительный букет! — произнес он, блаженно захмутив глаза.

— Кто ты такой? — опершись руками на стол, снова повторил свой вопрос Сирх.

Незнакомец вел себя удивительно спокойно и непринужденно, и это, как ни странно, вселяло уверенность и в самого преподобного. Если бы человек в черном был наемным убийцей, подосланным к нему врагами, то не сидел бы он вот так, закинув ногу на ногу, а делал бы свое дело.

Все же преподобный считал нужным задать еще один вопрос:

— Как тебе удалось пройти мимо стражи?

— На первый твой вопрос я уже ответил,— сказал незнакомец.— А что касается второго...— Он приподнял графин, который держал в руке, и стал любоваться, как играют, преломляясь в вине, солнечные лучи.— Попроси кого-нибудь из слуг принести бокал для меня. Это и станет ответом на твой второй вопрос.

— Я тебя не понимаю,— медленно покачал головой Сирх.

— Поймешь, когда сделаешь то, что я сказал.— Незнакомец бросил взгляд на застывшего столбом с испуганно вытаращенными глазами Миноса и коротко приказал: — А ты сядь.

Колени у Миноса подломились, и он без сил упал на свое кресло.

— А если я велю слуге позвать стражу? — наклонив голову к плечу, вкрадчиво спросил Сирх.

— Не думаю, что ты захочешь выглядеть в глазах слуги идиотом, перебравшим вина сверх всякой меры,— усмехнулся человек в черном.

— Ты думай, что говоришь! — От первоначального испуга Сирха не осталось и следа. Теперь глаза его метали яростные молнии, способные, казалось, испепелить наглеца.— Перед тобой стоит преподобный Сирх...

— Ты что, думаешь, я сам не знаю, к кому пришел в гости? — Человек в черном насмешливо покачал головой.— Кстати, можешь присесть. У нас будет спокойная, дружеская беседа.

Сирх приоткрыл рот, собираясь что-то ответить незнакомцу на его дерзость, но вместо этого сел в свой шезлонг и дважды звонко хлопнул в ладоши. Тотчас же из дома выбежал слуга и, в одно мгновение оказавшись рядом со столиком, изогнулся в почтительном поклоне.

— Что угодно господину?

— Принеси бокал для нашего нового гостя,— сказал Сирх, небрежно махнув рукой в сторону кресла, в котором сидел человек в черном.

Приподняв голову, слуга посмотрел на незнакомца, словно на пустое место. Затем перевел удивленный взгляд на Сирху.

— Простите, господин,— испуганно и подобострастно пробормотал он.— Я, кажется, не совсем понял ваш приказ...

— Что тут непонятного? — раздраженно взмахнул руками Сирх.— У нас новый гость, и ему нужен чистый бокал!

— Гость?..

Слуга снова посмотрел на то место, куда указывал преподобный. Взгляд его скользнул по обивке пустого, как ему казалось, кресла. Незнакомец же между тем, наблюдая за недоумевающим слугой и кипящим от гнева Сирхом, надувал щеки и едва сдерживался, чтобы не разразиться безудержным хохотом.

— Сколько мне еще ждать! — в ярости взревел Сирх.— Ты что, не можешь просто принести чистый бокал?

— Да-да, конечно, чистый бокал,— пролепетал слуга и, сорвавшись с места, скрылся в доме.

Сирх не успел после крика даже дух перевести, а слуга уже вернулся с бокалом в руке. Стоя перед преподобным, он снова странным взглядом посмотрел на кресло, в котором, по словам Сирха, должен был сидеть новый гость, но которое, как он видел, на самом-то деле было пустым.

— Поставь на стол и убирайся! — рявкнул на слугу Сирх.

Слуга исчез, должно быть, прежде, чем Сирх закончил фразу.

— Ну и что все это значит? — нетерпеливо спросил Сирх у человека в черном.

— Это значит, что ваш слуга меня не видел,— улыбнувшись, ответил тот и, взяв в руки графин, наполнил принесенный слугой бокал.

— Ты его видишь? — настороженно спросил Сирх у Миноса.

Тот, судорожно сглотнув, уверенно кивнул.

— Ты призрак? — спросил Сирх у незнакомца.

— Ни в коем случае! — возмущенно взмахнул свободной рукой тот.— Я человек из плоти и крови, такой же, как и вы! Просто я обладаю некоторыми способностями, которые вы, наверное, назвали бы сверхъестественными.

— Ты можешь становиться невидимым?

— Я могу заставлять людей не замечать меня.

— Хорошо,— благосклонно наклонил голову Сирх.— Ты объяснил, как тебе удалось попасть в дом. Теперь, может быть, скажешь, зачем ты сюда пришел?

— Я пришел для того, чтобы дать тебе дальний совет, Сирх.

— Преподобный Сирх,— поправил незнакомца хозяин.

— Оставь свои игры,— поморщился тот.— Давай лучше поговорим о деле.

— Разве у нас с тобой есть какие-то общие интересы? — Сирх придал лицу удивленное выражение.

— Есть,— уверенно кивнул незнакомец.— Граис из Сиптима, с которым ты сегодня встретился после пятнадцатилетней разлуки.

— А, ты о том самозванце...

— Хватит, Сирх.— Лицо незнакомца сделалось строгим, взгляд — жестким и волевым.— Мы оба прекрасно знаем, о ком идет речь. И он тоже,— кивком указал незнакомец на Миноса.

— Понятно,— злорадно улыбнулся Сирх.— Ты подслушал наш разговор и теперь собираешься шантажировать меня. Но у тебя нет никаких доказательств...

— Мне нет нужды подслушивать, о чем ты болтаешь со своим прихвостнем,— прервал Сирха человек в черном.— Обо всей этой истории я знаю больше тебя. Я знаю, кто

такой Граис, где он пропадал пятнадцать лет и зачем снова вернулся в Йер.

— Ты хочешь продать свою информацию?

— Я уже сказал, что хочу дать тебе совет. И, заметь, совершенно бесплатно.

— Хорошо,— натянуто улыбнулся Сирх.— Говори.

Незнакомец не спеша допил вино и поставил пустой бокал на стол.

— Ты совершенно напрасно думаешь, что навсегда покончил с Граисом.— Откинувшись на спинку кресла, он сложил руки на груди.— Ты считаешь, что очень ловко поступил, отказавшись беседовать с ним, но на самом деле, если бы Граису было нужно, он заставил бы тебя сделать это. Ведь и в твой дом он попал с помощью Миноса, хотя тот на словах отказался помочь ему в этом. Граис не стал разговаривать с тобой, Сирх, потому что ему оказалось достаточно только взглянуть на тебя, чтобы понять, что ты уже не тот, каким он тебя помнил. Ты уже не боец... Не спорь со мной! — Человек только приподнял руку, и слова возмущения, готовые уже сорваться с языка Сирха, застыли у него на губах.— Твоя ошибка, Сирх, заключается в том, что ты не заручился поддержкой никакой реальной силы, помимо кахимского наместника. Должно быть, ты забыл слова Граиса: «Единый корень может разделиться на десять тысяч ветвей, а десять тысяч ветвей могут сойтись в одном корне». Ты же подобен старику, опирающемуся на клюку. Выбей палку у него из рук — и он упадет. Лшившись поддержки наместника, ты, Сирх, станешь полнейшим ничтожеством. А Граис для того и отправился в Халлат, чтобы убедить наместника лишить тебя своей милости.

Сирх, в начале речи незнакомца пытавшийся еще вставить какие-то свои замечания и комментарии, теперь внимал ей как завороженный. И по мере того как человек в черном говорил, Сирх словно бы становился меньше и

незаметнее. Странный незнакомец внушал ему дикий, подсознательный страх, который невозможно было контролировать. Сирх ненавидел его и в то же самое время боялся, что он вдруг исчезнет, не сказав до конца, зачем пришел.

— Твои мысли, Сирх, сделались медленными и неповоротливыми из-за непомерного употребления вина,— продолжал человек в черном.— Твои проповеди, на которые народ приходится сгонять насильно, внушают людям только раздражение и разочарование. А что останется от йеритов, если они и веру в Поднебесного утратят? Подумай, Сирх, на что способен человек, лишенный свободы и веры?.. И кроме всего прочего, ты смертельно болен, хотя даже самому себе не желаешь в этом признаться. Вот основные аргументы, которыми воспользуется Граис во время беседы с наместником.

— Наместник не станет разговаривать с убийцей,— сдавленно прошептал Сирх.

— Ты ведь и сам не веришь в то, что Граис мог кого-то убить.

— Но наместник...

— Граис сможет убедить в этом и наместника. Ты ведь знаешь, как он умеет убеждать людей. К тому же если наместник и не поверит ему до конца, то для него как для прагматика не составит большого труда закрыть глаза на прошлое, если Граис предложит ему вариант реформирования религиозно-идеологической политики, проводимой империей в Йере, результатом которой станет упрочение положения наместника и долгие годы покоя и мира на подвластной ему территории.

— Нет! — Сирх протестующе взмахнул руками, словно пытаясь отбросить от себя слова странного незнакомца.— Сущий бред! Ты хочешь сказать, что Граис попытается занять мое место?

— Тебя это удивляет?

— Нисколько. Я знаю, что такого просто не может быть. Граис учил людей смиренно принимать власть такой, какая она есть, но сам он никогда не станет служить никакой власти.

— Ты вновь допускаешь ошибку.— Подавшись вперед, человек в черном поставил локти на стол.— Ты оцениваешь Граиса по меркам пятнадцатилетней давности. А с тех пор многое изменилось.

— Но Граис...

— При чем здесь Граис! — Не дал договорить Сирху незнакомец.— Дело не в Граисе, а в Пути, предначертанном для него Поднебесным.

— Ты хочешь сказать, что тебе этот Путь известен?

— Вот именно.— Незнакомец снова откинулся на спинку кресла.— Наконец-то ты кое-что начал понимать, преподобный.

Сирх в задумчивости потер руки. Незнакомцу, несомненно, было известно многое. Однако Сирх все еще не мог решить, заслуживает ли то, что он говорит, доверия.

— Мне не нужно твоего доверия,— словно прочитав мысли преподобного, улыбнулся человек в черном.— У нас с тобой нет никаких общих интересов, и никаких дел с тобой я вести не собираюсь. После нашего сегодняшнего разговора ты меня больше никогда не увидишь. Но так случилось, что сейчас наши Пути пересеклись в одной точке, и мы можем извлечь из данной ситуации обоюдную выгоду.

— Я так понимаю, что задавать вопрос о твоих целях не имеет смысла? — на всякий случай все же спросил Сирх.

— Совершенно верно,— кивнул незнакомец.— Могу лишь заверить тебя, что мои цели ни в какой степени не затрагивают твоих интересов. Они, скажем так, лежат в совсем другой плоскости мироздания.

— Понятно,— сказал Сирх, хотя, собственно, ничего так и не понял.

Сирх посмотрел на Миноса, который сидел ни жив ни мертв и не сводил с незнакомца заледеневшего бездумного взгляда.

— Минос,— негромко позвал его Сирх.

Минос медленно, словно совершая титаническое усилие, повернул голову в сторону преподобного. На Сирха глянули остекленевшие, словно у покойника, глаза.

— С ним все в порядке,— заверил Сирх незнакомец.— Он все видит, все слышит и все прекрасно понимает. Я просто счел нужным на время нашего разговора несколько снизить порог его нервной возбудимости. Иначе он перенервничает так, что станет абсолютно ни на что не годен. А в моем плане Миносу отведена немаловажная роль. Как только я покину твой дом, Минос сразу же вернется в свое обычное состояние.

— А что ты еще умеешь, кроме того, что становиться невидимым и превращать людей в живых мертвецов? — спросил Сирх.

Человек в черном улыбнулся:

— Я могу многое. Вот это, например...

Он только щелкнул пальцами, и вода в бассейне вспыхнула, как масло. Стена ослепительного пламени взметнулась едва ли не к самому небу. Сирх невольно отшатнулся и прикрыл глаза рукой. Хотя от языков огня, тянувшихся в сторону преподобного, и не веяло жаром, но это был настоящий огонь, способный уничтожить все, чего коснется. Губы Сирха мелко задрожали, беззвучно изрекая покаянные слова, обращенные к Поднебесному...

Человек в черном скрестил пальцы на руке, и пламя, упав на дно бассейна, растворилось в воде.

— Или это...

Человек в черном снова сделал какое-то неуловимое движение пальцами, и на краю бассейна возникла обнаженная рыжеволосая красавица лет двадцати. Томно вздохнув, девушка призывающе протянула руки в сторону Сирха...

Одним взмахом руки незнакомец уничтожил пленительный образ.

— Но, как мне кажется, Сирх, тебя интересует нечто совсем иное...

Человек в черном поставил правую руку локтем на стол. Между большим и указательным пальцами была зажата небольшая серебристая пилюля.

— Что это? — внезапно севшим голосом спросил Сирх, хотя уже догадывался, что именно предлагает ему незнакомец.

— Это лекарство от твоей болезни. Держи... — Незнакомец кинул пилюлю Сирху.

Подпрыгнув, словно гарата, которой хозяин бросил кость, преподобный поймал пилюлю и зажал ее в кулаке. Из груди его вырвался облегченный вздох. Незнакомец презрительно усмехнулся.

Разжав кулак, Сирх посмотрел на лежащую на ладоне серебристую пилюлю так, словно это была величайшая драгоценность на свете.

— Откуда мне знать, что это не яд? — недоверчиво посмотрел он на человека в черном.

— Если бы я хотел убить тебя, то давно бы уже сделал это,— ответил тот.— Чего тебе бояться, Сирх? Без этого лекарства ты не протянешь и полгода.

Сирх снова посмотрел на пилюлю.

— Я должен принять ее прямо сейчас? — спросил он.

— Как хочешь,— безразлично дернул плечом незнакомец.— Но не советую тебе слишком с этим тянуть.

Сирх сделал глубокий вдох и затаил дыхание. Сердце преподобного отбивало учащенный ритм. Сейчас Сирх не испытывал боли, но он знал, что она вернется, едва только начнет ослабевать действие алкоголя.

— Не делай этого,— услышал он вялый, бесцветный голос Миноса.

— Заткнись,— не глядя на Миноса, ответил Сирх и, дабы больше не испытывать никаких сомнений, решительно бросил пилюлю в рот.

Судорожно дернув подбородком, он проглотил предложенное странным незнакомцем лекарство. Прикрыв глаза, Сирх ждал, что произойдет дальше.

— Ты ничего не почувствуешь,— произнес человек в черном.— Но лекарство уже начало свое действие.

Сирх натянуто улыбнулся и потянулся за графином с вином, чтобы запить лекарство.

— Прекрати пить вино как воду,— одернул его незнакомец.— Иначе тебе никакое лекарство не поможет.

Рука Сирха изменила направление и уцепилась за кувшин с соком. Человек в черном удовлетворенно улыбнулся.

— И что теперь? — спросил Сирх, выпив сока.

— Теперь мы поговорим о моем плане,— сказал незнакомец.— Надеюсь, я смог убедить тебя в том, что не в твоих интересах допустить, чтобы Граис встретился с наместником...

— Я уже пытался договориться с судебным вершителем Меллением...

— Ты, как всегда, действовал слишком поспешно и необдуманно. Убить Граиса — проще всего. Но гораздо выгоднее использовать его в собственных интересах.

Сирх взглянул на чужака с плохо скрытым недоверием.

— Я слушаю тебя,— сказал он.— У меня лично на этот счет нет никаких идей. По-моему, проще заключить договор со стражем преисподней, нежели с Граисом.

— А никто и не говорит о договоре,— улыбнулся человек в черном.— Ты можешь использовать Граиса в своей игре так, что он и сам не будет знать об этом. Правда, времени для этого у тебя осталось совсем немного. Если ты хочешь успеть, то должен сегодня же еще до вечера отправить Миноса в Халлат. Дай ему самого лучшего чеклака, и пусть

скакет всю ночь без остановки, чтобы к утру быть в столице. Там он должен найти Фирона...

— Фирона? Того самого Фирона? — удивленно переспросил Сирх.

— Да, того самого, из вашей старой компании. Тебе, наверное, неизвестно, что Фирон связан с одним из отрядов вольных, базирующимся в горах неподалеку от столицы.

— Откуда,— развел руками Сирх.— Я не видел Фирона более десяти лет.— Вспоминая подробности своей последней встречи с Фироном, Сирх приподнял левую бровь и приложил указательный палец к подбородку.— Да, именно так. Я не виделся с ним с того самого года, как его первый раз посадили в тюрьму.

— Между прочим, по твоему доносу,— усмехнувшись, заметил человек в черном.

— Это имеет какое-то отношение к нашему делу? — недовольно сдвинул брови Сирх.

— Ни в коем разе,— обворожительно улыбнулся его собеседник.— Найдя Фирона, Минос должен рассказать ему об аресте Граиса — при этом ему совсем не обязательно уделять внимание тому, какую роль в этом сыграл он сам,— и об обозе, который должен доставить арестованного в столицу. Ты сам тем временем должен приложить максимум усилий к тому, чтобы задержать отправку обоза,— у Фирона должно быть достаточно времени, чтобы связаться с вольными и передать им новость. Вот и все, что тебе предстоит сделать.

— Ты рассчитываешь, что вольные попытаются отбить Граиса?

— Так оно и будет,— наклонил голову человек в черном.— За то, чтобы нападение вольных на обоз прошло успешно, отвечаю я.

— Значит, бандиты освободят Граиса?

— Именно.

— Я уже не спрашиваю о твоих интересах, но ответь, какую выгоду от этого буду иметь я?

— Учись мыслить глобально, преподобный. Во-первых, что для тебя, пожалуй, самое главное, Граис не встретится с наместником и твоя репутация в глазах Центия Офра останется безупречной. Во-вторых, Граис не сможет рассчитывать на встречу с наместником в будущем. Тот факт, что вольные совершают нападение на имперский обоз с единственной целью — отбить Граиса, будет совершенно однозначно свидетельствовать о его связях с бунтовщиками. И, наконец, в-третьих, Граис нужен бунтовщикам как символ борьбы против Кахимской империи, способный сплотить разрозненные отряды вольных. Однако, поскольку Граис является противником любого насилия, им не удастся найти общего языка. Вместо объединения Граис внесет в ряды вольных окончательный разлад.

— И что же произойдет с Граисом в итоге?

— Он снова покинет Йер, чтобы больше никогда не возвращаться.

— Ты как будто даже и не сомневаешься в том, что все произойдет именно так, как ты описываешь, — подумав, сказал Сирх.

— А ты в этом сомневаешься? — усмехнулся незнакомец.

— На словах все складывается очень удачно. Но как все произойдет на деле, известно только Поднебесному.

— План, который я тебе предлагаю, построен не на вере в удачу, а на точном расчете, — заверил преподобного человека в черном. — И если ты начнешь действовать безотлагательно, то, уверяю тебя, никаких проблем не возникнет.

— А если я откажусь? — на всякий случай поинтересовался Сирх.

Незнакомец усмехнулся и покачал головой:

— Надеюсь, что у тебя сохранилось достаточно здравого смысла для того, чтобы поступить так, как я тебе советую.

Человек в черном плеснул вина себе в бокал и не спеша, с наслаждением выпил. Поставив пустой бокал на стол, он поднялся на ноги.

— Что ж, я сказал все, что хотел. Теперь тебе, Сирх, решать, как поступить.— Тонкие губы незнакомца изогнулись в саркастической усмешке.— Провожать меня не нужно, я сам найду дорогу.

Коротко кивнув преподобному и даже не взглянув в сторону оторопело взирающего в пустоту Миноса, человек в черном быстрой и решительной походкой направился в сторону галереи, ведущей через дом к выходу из поместья Сирха.

Неподвижно сидя в своем шезлонге, Сирх как завороженный, не отрываясь, провожал взглядом удаляющегося таинственного незнакомца. Он даже не попытался задержать его, чтобы задать все те вопросы, которые, словно мигаты в жаркий полдень, роились у него в голове.

Кто был сей загадочный визитер?.. Пытаясь проникнуть в эту тайну, придишь только к тайне... Но почему-то Сирх был твердо уверен в том, что больше никогда не увидит этого поразительного человека. Несомненно, его сегодняшний гость был куда сильнее и мудрее самого Граиса... Да и человек ли он был?..

Как только дверь скрыла от взгляда Сирха человека в черном, преподобный почувствовал, как к нему снова возвращается способность двигаться. Проведя ладонями по влажному лицу, Сирх встярхнул головой и потянулся было к графину с вином, чтобы с его помощью окончательно избавиться от нервозного напряжения. Однако, вспомнив слова, сказанные незнакомцем относительно чрезмерного употребления алкоголя, преподобный вместо столь заманчивого графина взял в руку чашку с ягодами белт.

Кидая ягоды одну за другой в рот и выплевывая обсо-саные косточки на пол, Сирх наблюдал, как постепенно приходит в себя и Минос. Вид у него был словно после трехдневной непрерывной пьянки: помятое лицо, блужда-ющий взгляд, вялые движения.

— Выпей вина,— посоветовал приятелю Сирх.

Минос отрицательно потряс головой.

Поставив чашку с ягодами на стол, Сирх взял другую, наполовину наполненную водой, в которой еще плавало несколько небольших осколков льда, и опрокинул ее над головой Миноса. Охнув, Минос со свистом втянул в себя воздух сквозь крепко стиснутые зубы.

— Ну как? — усмехнувшись, поинтересовался Сирх.— Очухался?

Минос наклонился вперед и потер ладонью мокрую шею.

— Проклятье...— тяжело выдохнул он.— Что этот тип со мной сделал?..

— Ты слышал, о чем шел разговор между нами? — не обращая внимания на причитания Миноса, спросил Сирх.

— Да,— кивнул тот.

— В таком случае, ты знаешь, что тебе предстоит сде-лать?

— Послушай, преподобный,— Минос посмотрел на Сир-ха,— неужели ты и в самом деле собираешься последовать совету этого...— Не найдя нужного слова, Минос неопре-деленно взмахнул рукой в воздухе.— Ты же видел, на что он способен... С ним опасно иметь дело!

— Тебе предстоит иметь дело не с ним, а со мной,— подавшись вперед, негромко произнес Сирх.

— Нет,— решительно тряхнул головой Минос.— Я от-казываюсь в этом участвовать.

— Не смеши меня, Минос,— похлопал приятеля по плечу Сирх.— Ты, может быть, и трус, но не безумец же? Тебе ведь хорошо известно, что последует за твоим отказом... Ну?..

Обеими руками Минос откинул назад мокрые волосы и посмотрел в бездонное, ослепительно голубое небо. Во взгляде его, пронзающем пустоту, была только отчаянная обреченность пойманного в ловушку зверя.

— Когда я должен отправляться? — не глядя на преподобного, спросил Минос.

— Ты уже должен быть в пути,— ответил ему Сирх.

Глава 10

НАПАДЕНИЕ

В тюрьме Граиса заперли не в каземат, а в железную клетку, толстые прутья которой были завязаны в перекрестьях узлами, словно над созданием ее потрудился некий титан, оставшийся неизвестным. Клетка была квадратной, вдоль каждой из ее стенок можно было сделать три небольших шага. Кандалов с Граиса не сняли, поэтому он просто сел в углу, поджав под себя ноги. Трое шалеев, сменявшиеся так часто, что Граис даже не успевал привыкнуть к их лицам, не спускали с пленника глаз, как будто опасались, что он может исчезнуть прямо из клетки.

Одним несомненным преимуществом клетки, по сравнению с камерой, в которой содержался Граис в столичной тюрьме, было то, что в ней не царили изнуряющая духота и смрад. К тому же и покормили пленника совсем неплохо — той же кашей с мясом, которую ели и сами стражники,— после чего позволили вдоволь напиться воды.

Из разговоров шалеев Граис узнал, что на рассвете следующего дня его должны отправить в Халлат, где сам наместник вынесет ему приговор. Ксенос был спокоен: времени у него в запасе имелось достаточно. Хотя из-за глу-

пейшей истории с побегом из столичной тюрьмы четыре дня ушло только на то, чтобы добраться до Меллении, увидеть Сирха и убедиться в том, что его бывший ученик превратился в слабого, больного старика. Граису было достаточно одного взгляда, чтобы по внешним признакам определить, что у Сирха цирроз печени в последней стадии. Нелепо было делать ставку на человека, жить которому осталось от силы полгода. Кроме того, Сирх не произвел на Граиса впечатления сильной, увереной в себе личности, способной взяться за осуществление преобразований, ко-нечных результатов которых ему самому увидеть не суждено. Скорее, наоборот,— Сирх, считая, что в настоящее время положение его достаточно стабильно, будет до последнего цепляться за то, что имеет.

Теперь ксеносу оставалось только вернуться к осуществлению своего плана,— избавиться от Сирха, используя для этого кахимского наместника в Йере. О том, кто сможет занять место Сирха, Граис особенно не задумывался,— за два месяца он из любого сможет сделать проповедника, ни в чем не уступающего преподобному. Наиболее сложным моментом, по его мнению, могло стать разрешение проблемы существующих разрозненных отрядов вольных. Любое выступление вольных могло заставить наместника взять в руку кнут вместо пряника. Наилучшим выходом из сложившейся ситуации стало бы объявление бессрочной амнистии всем, кто скрывается в горах. Однако Граис сомневался, что ему удастся убедить наместника пойти на такой шаг...

Граис не замышлял побега и все же, по привычке готовясь к любым неожиданностям, провел объективную оценку своих возможностей. Осторожно и незаметно опробовав на своих сторожах некоторые простейшие приемы психокинетического воздействия, ксенос смог убедиться, что даже при отсутствии психопреобразователя его собственных возможностей вполне достаточно для того, чтобы

заставить шалеев открыть клетку и снять с него оковы. Но это дало бы ему возможность всего лишь выйти за пределы комнаты, в которой размещалась клетка. Воздействовать одной только силой внушения на большое число людей, находящихся во внутренних помещениях тюрьмы, Граис был не в состоянии. И, что самое главное,— без психопреобразователя он не мог создавать фантомов, успешно отвлекающих внимание преследователей от реальной цели.

Утром пленника в оковах вывели во двор, где его уже ожидала повозка, на которой, укрытая полукруглым матерчатым пологом, была установлена такая же, как и в тюрьме, железная клетка. Однако неожиданно выяснилось, что у повозки сломалась задняя ось. Пленника снова отвели в здание тюрьмы, а спешно доставленные мастера принялись за ремонт. Изрядно провозившись, мастера заявили, что проще будет переставить клетку на другую повозку, чем исправить сломанную. Получив согласие судебного вершителя, который уже начинал нервничать из-за того, что отправка арестанта затягивается, мастера взялись за дело. Несмотря на заявления, что работа не займет много времени, они провозились до обеда.

На центральной площади Меллении повозку с арестантом ждал уже полностью сформированный обоз. Возницы дремали, спрятавшись от солнца под пологи своих повозок. Чеклаки, уныло опустив морды к земле, где среди серой пыли не пробивался ни единый зеленый росток, меланхолично отгоняли хвостами надоедливых миграт. Шалеи, стоявшие в охране обоза, изнывали от жары,— начальник конвоя, ежеминутно ожидая команды к отправке, не позволял им укрыться в тени.

Команда «разойтись!» прозвучала только тогда, когда стало ясно, что отправка обоза в очередной раз откладывается. Когда в новую повозку, на которой была установлена клетка для пленника, начали впрягать чеклаков, выясни-

лось, что оба потеряли подковы на задних копытах. Йерит, заботам которого были вверены чеклаки, недоумевающее разводил руками и твердил, что вчера вечером копыта обоих животных были в полном порядке. Он знал, что утром чеклаки понадобятся, и специально проверил, чтобы не возникло заминки... Судебный вершитель только раздраженно махнул рукой, не желая слушать оправданий насмерть перепуганного йерита.

Срочно доставленные на тюремный двор кузнецы спешно принялись за работу.

Шалеи из обозного конвоя получили возможность недолго покинуть свои посты, чтобы отдохнуть и пообедать в казарме.

День уже перевалил далеко за полдень, когда повозка с арестантом, сопровождаемая десятью верховыми шалеями, присоединилась к обозу, с самого утра ожидающему ее на площади.

За сутки обоз не мог преодолеть все расстояние от Меллении до Халлата. Примерно на середине пути между двумя городами находился небольшой поселок Тиграт, где путники обычно и проводили ночь. После захвата Йера Кахимской империей Тиграт, обнесенный оборонительными сооружениями, превратился в место постоянной дислокации имперского гарнизона численностью в сотню шалеев, не считая старших командиров и гражданских служащих.

Если бы обоз выехал, как и планировалось, рано утром, то еще засветло достиг бы Тиграта. Теперь же людям из обоза предстояло либо двигаться всю ночь без остановки, либо с наступлением темноты разбить временный лагерь где-нибудь у обочины.

Судебный вершитель Меллении начал даже подумывать о том, чтобы отложить отправку обоза на день. Однако посетивший Мистелия Глата преподобный Сирх осторожно высказал предположение, что проблемы с расковавшимися

чеклаками и сломавшейся повозкой возникли, возможно, не сами собой. Вполне вероятно, сказал преподобный, что эти действия были совершены кем-то из сообщников вольных специально с целью задержать отправку арестанта. В таком случае можно ожидать, что вольные этой же ночью попытаются напасть на тюрьму, чтобы освободить своего сообщника. Мистелий Глат про себя подумал, что с таким же успехом вольные могут напасть и на обоз, но на словах согласился с Сирхом. Ему не терпелось скинуть с себя тяжкую ношу ответственности за опасного преступника, переложив ее на плечи бан-шалея, отвечающего за безопасность обоза во время всего пути следования.

Командующий конвоем бан-шалей был явно недоволен таким решением судебного вершителя, однако изменить что-либо было не в его власти. Он только бросил ненавидящий взгляд на шалея, доставившего ему от Мистелия Глата письменное предписание, и что было сил хлестнул плеткой чеклака, на котором сидел. Возмущенный такой вопиющей несправедливостью, чеклак захрапел и взвился на дыбы. Однако крепкая рука опытного всадника мгновенно урезонила его и направила вперед, к началу обоза.

Обоз, состоящий из восьми крытых повозок, загруженных главным образом ценными товарами, собранными налоговой службой и подлежащими отправке в метрополию, тронулся в путь.

Выбравшись за пределы городской черты, повозки выстроились в линию и покатились быстрее. Застоявшиеся без дела чеклаки проворно отбивали копытами свой обычный ритм в дорожной пыли. Шалеи, ехавшие верхом по краям дороги, расслабленно покачивались в седлах. Бан-шалей, понимая, что добраться до Тиграта засветло им все равно не удастся, не особенно усердствовал, подгоняя возниц.

Большинство солдат, спасаясь от палящих лучей солнца, по примеру йеритов, накинули на головы белые платки.

В городе за такое нарушение формы можно было получить строгое взыскание от командира. Но здесь, среди камней и чахлых деревьев, бан-шалей смотрел на вольности своих подчиненных сквозь пальцы.

Он и сам прекрасно понимал, что с кожаным шлемом на голове по жаре долго не попутешествуешь. Да, честно признаться, вся военная форма шалеев мало подходила для такого знойного климата, царящего в Йере едва ли не круглый год. Гражданские служащие, прибывающие в Йер из Кахима, сразу же облачались в одежду, которую носили богатые йериты. А вот шалеи были вынуждены таскать на себе свои тяжелые кожаные доспехи, защищенные нашитыми поверх них металлическими пластинами. Что ж, жаловаться не приходилось — за это им и деньги платили.

Больше всего шалеи радовались в Йере периоду дождей, когда вода падала с неба сплошным потоком, превращая дороги в непролазные топи. На улицу лучше было и вовсе не высываться, потому что на расстоянии вытянутой руки невозможно было ничего разглядеть. Пока шел нескончаемый ливень, жизнь в Йере замирала. Даже вольные не беспокоили имперских подданных. Шалеям оставалось только сидеть в казармах, пить вино, играть в треугольники да время от времени поглядывать в окно, чтобы убедиться, что ливень пока еще не превратился во всемирный потоп.

Миновав окружающую Меллению каменистую равнину, обоз, не сворачивая с основной дороги, углубился в лес.

Повозка с клеткой, в которой находился Граис, ехала четвертой от начала колонны. Матерчатый полог, делавший повозку неотличимой от остальных, одновременно укрывал Граиса от жары и солнца. Двое шалеев, наблюдавшие за пленником, сидели в конце повозки. Настроенные вполне благодушно, они делились с арестантом припасенной водой, а один из них даже попытался заговорить с Граисом.

Солдата интересовало, каким образом Граису с сообщниками удалось сбежать из столичной тюрьмы. Граис отвечать отказался, сославшись на то, что план побега принадлежал не ему, а сам он так перепугался, что толком-то ничего и не помнит.

— А в Меллению зачем пришел? — спросил шалей.— Знал ведь, наверное, что здесь тебя могут схватить?

— Мы не выбираем свой Путь, а следуем тем, который указывает нам Поднебесный,— ответил на это Граис.

— Не пойму я этих йеритов с их Поднебесным,— обратился шалей к своему напарнику.— Какой толк в Боге, который все решает за тебя? Вот я, например, обращаюсь к богам только в том случае, когда мне требуется помочь в каком-то конкретном деле. Да и то особенно на нее не рассчитываю. Как будто у богов других дел нет, как только следить за тем, чем мы здесь занимаемся.

— Все Пути, ведущие к Поднебесному, были начертаны еще до сотворения мира,— сказал Граис.— Рождаясь, мы оказываемся в начале того или иного Пути, и наша задача — сделать его как можно прямее и короче.

— Это что же, значит, скорее помереть? — удивился шалей.

— Смерть — это еще не конец Пути,— возразил ему Граис.

— Нет, здесь ты меня своими учеными штучками не проведешь,— хитро улыбнувшись, погрозил Граису пальцем шалей.— Умер — значит, все! Слышал я рассказы о мертвцах, встающих из могил, да только сам ни одного не видел. И не знаю никого, кто видел бы такое своими собственными глазами. А за свою жизнь мертвцов я по-видал немало.

— Да и почему-то не торопится никто умереть,— поддержал его другой шалей.

— Я говорю не о теле человека, которое по сути своей всего лишь бренная оболочка,— сказал Граис,— а о заключенном в ней бессмертном духе.

— Ну, если говорить о бессмертии, то я предпочел бы вечное существование в своем собственном теле,— улыбнулся шалей.— Дух, как мне кажется, имеет некоторые существенные недостатки.

— Например?

— Например, он не может насладиться стаканчиком доброго вина. Кроме того, будучи бесплотным, дух не сумеет обнять и прижать к себе приглянувшуюся ему красотку.

— Ты судишь о способностях и недостатках духа с точки зрения чисто человеческих потребностей,— возразил Граис.

— Естественно,— кивнул шалей.— Ведь я — человек.

— Духи испытывают наслаждения совершенно иного рода, нежели люди.

— Возможно,— не стал спорить шалей.— Но мне нравится мое нынешнее телесное существование. А что там будет после смерти — никому не известно. Поэтому лучше туда не спешить.

— Никто и не говорит о том, что нужно стремиться к смерти,— сказал Граис.— Но не надо и бояться смерти.

— Я видел немало смертей,— задумчиво произнес второй охранник.— Но, вместо того чтобы привыкнуть, после каждой новой смерти я боюсь ее все сильнее. Смерть ужасна и безобразна.

— Я не видел еще ни одного человека, умершего с улыбкой на губах,— добавил его напарник.— Каждый умирающий до последнего вздоха отчаянно цепляется за жизнь.

— Так умирают только те, кто не постиг великой истины Пути к Поднебесному,— ответил на это Граис.— Смерть следует рассматривать как естественный процесс развития духа. Просто тело выполнило свою миссию, и пришла пора с ним расстаться. Разве мы плачем, выбрасывая старую, износившуюся одежду?

— Ну, если надеть больше нечего,— улыбнулся разговорчивый шалей.

— Но для чего, в таком случае, человеку дается земная жизнь, если главное заключено в духе? — спросил его напарник.

— Земная жизнь — это испытание, которое мы должны пройти с честью и до конца, — ответил ему Граис. — Именно поэтому мы не можем самовольно оборвать свою жизнь.

— А если все же смерть наступает преждевременно? Не в результате самоубийства, а по какой-то иной причине?

— Такая смерть — это жертва. А тот, кто приносит жертву, становится богоизбранным. Чем больше страданий выпадает человеку в его земной жизни, тем прямее и короче его Путь к Поднебесному.

— Не нравится мне такая философия, — поморщился один из охранников. — По мне, так лучше собственными силами пытаться добиться того, что ты хочешь, чем проконвоести всю жизнь в выгребной яме, надеясь на счастье после смерти. Не обижайся, йерит, но мне кажется, что все ваши беды из-за вашего Бога, который лишает вас права выбора.

— А многочего ты добился в жизни? — спросил шалея Граис.

— Я служу в лучшей армии мира, — без лишней гордости произнес шалей. — И мне это нравится. Когда своей службой я заработкаю достаточно денег, чтобы купить хороший дом, то уйду в отставку и обзаведусь семьей.

— Если прежде тебя не убьют в бою.

— Я приложу все усилия для того, чтобы остаться в живых, — улыбнувшись, ответил шалей.

— Послушай, йерит, — обратился к Граису другой охранник. — Ты ведь знаешь, что тебя везут в Халлат для того, чтобы казнить. Неужели при мысли об этом ты не испытываешь ни малейшего страха?

— Я не думаю о смерти, — ответил Граис. — Мой земной Путь пока еще далек от завершения.

— Человек предполагает,— вздохнул шалей,— а судьба играет им, как куклой.

— Постижение истины о Пути к Поднебесному делает человека хозяином собственной судьбы,— сказал Граис.

— Это что же получается? — удивился шалей.— Поднебесный одновременно и определяет твой Путь, и освобождает тебя от него? Так, что ли?

— Знание о том, что Путь существует, делает движение по нему осмысленным,— ответил Граис.— Тот же, кто не желает принять великую истину о Пути к Поднебесному, обречен всю свою жизнь блуждать в темноте.

— А после смерти?

— Начинать Путь заново.

Разговор между арестантом и его охранниками протекал вяло. Ни одна из сторон не испытывала к нему особого интереса, поскольку изначально имела сложившееся мнение по обсуждаемому вопросу и не собиралась его менять. У каимцев, в повседневной жизни не придававших большого значения даже собственным богам, склонность йеритов сверять каждый свой шаг с предписаниями Поднебесного могла вызвать разве что только недоумение и усмешку. Граис же, излагая шалеям основные положения собственного учения о Пути к Поднебесному, прекрасно понимал, что философская концепция учения, разработанная специально для социально-бытовых условий Йера, вряд ли заинтересует каимцев.

Впрочем, возможно, со временем к учению о Пути к Поднебесному, завоевавшему сердца и умы всех без исключения йеритов, обратятся и подданные Каимской империи. Но произойдет это не раньше, чем сама империя переживет свой кризис и упадок. Вот тогда, когда каимцы уже не станут ощущать себя избранным народом, призванным повелевать всем остальным миром; когда радость бытия сменит тяжкая работа, не приносящая ни удовлетворения, ни достаточных средств к существова-

нию; когда власть имущие будут петься не о благосостоянии своих подданных, а лишь о собственном кармане; когда воры и проходимцы станут жить лучше и спокойнее, чем честные труженики,— тогда каимцы почувствуют, что почва повседневной реальности ускользает у них из-под ног. Видя то, что происходит вокруг них, они будут отказываться верить собственным глазам. Даже солнце покажется им слишком тусклым. И, не видя иного выхода, они обратят свои сердца к единому Богу, обещающему спасение души в обмен на земные страдания. Только тогда, но не раньше.

А пока разговор между Граисом и присматривающими за ним шалеями был не более чем обычной дорожной беседой, цель которой — помочь путешествующим скротать время в пути.

Когда солнце наполовину скрылось за деревьями, бан-шалей дал команду возницам сворачивать с дороги,— пора было искать место для ночлега.

Шалеи, посланные на разведку, отыскали неподалеку от дороги поляну, достаточно большую, чтобы на ней могли разместиться все восемь повозок.

Двух десятков хорошо вооруженных солдат было вполне достаточно для того, чтобы отбить охоту нападать на обоз у бродяг, промышляющих грабежом вдоль дорог, поэтому командир конвоя не стал предпринимать никаких особых мер предосторожности. Как было принято у каимцев, семь повозок установили кругом. В центр, поближе к разведенному костру, поместили повозку с арестантом и стреноженных чеклаков. Пятерых человек бан-шалей отправил в дозор: троих — в лес, двоих — наблюдать за дорогой, откуда, по его мнению, скорее всего можно было ожидать появления незваных гостей. Остальные шалеи занялись обычными бивачными делами: одни таскали дрова для костра, другие уже подвешивали на срубленной жердине закопченный походный котел, третьи с кожаными ведрами

отправились за водой к журчащему неподалеку ручью. Шалеи, не занятые приготовлением пищи, проверяли надежность осей и колес повозок и осматривали подковы на копытах чеклаков,— командиру конвоя очень не понравилась сегодняшняя задержка с отправкой обоза и он не хотел, чтобы завтра утром повторилась та же самая история.

Двух разговорчивых шалеев, присматривавших за пленником, сменили другие охранники. Эти были уже не такими словоохотливыми. Время от времени то один, то другой из них бросал мрачный взгляд на Граиса, спокойно сидевшего в углу клетки. Остальное же время они, откинув матерчатый полог повозки, глазели на возню вокруг костра.

Котел на огне закипел, когда уже совсем стемнело.

Шалеи, за исключением часовых, расположились вокруг костра и, негромко переговариваясь, принялись за еду.

Один из охранников молча просунул плошку с кашей в клетку Граиса.

— Спасибо,— принимая горячую посудину, поблагодарил его ксенос.

Шалей что-то неразборчиво буркнул в ответ и уселся на краю повозки спиной к Граису.

Поев, Граис постучал пустой плошкой по решетке.

— Я бы не хотел причинять тебе лишнее беспокойство,— сказал он, возвращая посудину охраннику,— но я, как и всякий другой человек, испытываю определенные потребности... Ты понимаешь, о чем я говорю?

Стянув с головы шлем, шалей задумчиво поскреб в затылке. Так ничего и не ответив пленнику, он отправился докладывать о возникшей проблеме командиру.

Вернулся он в сопровождении троих вооруженных шалеев и самого бан-шалея.

Бан-шалей взобрался на повозку и вставил ключ в замок, запирающий клетку. Прежде чем снять замок, он сурово посмотрел на Граиса и строгим голосом предупредил:

— Чтобы никаких штучек у меня!

— Не более, чем обычно,— улыбнулся Граис.

Бан-шалей открыл дверцу клетки и отошел назад. Четверо шалеев направили на Граиса свои копья.

Спрятав с повозки на землю, Граис сделал несколько приседаний, чтобы размять затекшие ноги.

— Здесь,— указал бан-шалей на заднее колесо повозки.— И поторопись.

— Благодарю, много времени мне не потребуется,— снова улыбнулся Граис.

Справив нужду под пристальными взглядами шалеев, Граис еще раз поблагодарил их командира и, забравшись в клетку, сам прикрыл за собой дверцу. После того как бан-шалей повесил на дверцу замок и, проверив, надежно ли он заперт, спрыгнул с повозки, Граис поудобнее устроился в углу клетки и, накинув на лицо платок, приготовился отойти ко сну. Возможно, уже завтра он встретится с наместником. Чтобы провести беседу с ним на должном уровне, он должен быть свежим и бодрым,— теперь, без психопреобразователя, он мог рассчитывать только на собственные силы.

Шалеи, за исключением тех, кому первую половину ночи предстояло дежурить, тоже постепенно разошлись по повозкам и улеглись спать.

Охранники, наблюдавшие за пленником, дремали, прислонившись спинами к деревянным дугам внутри фургона, на которых был растянут матерчатый полог. Временами то один, то другой шалей, вскинув голову, бросал быстрый взгляд в глубь повозки и, удостоверившись, что пленник на месте, снова опускал подбородок на грудь.

Ночь была тихой и безветренной. Духота, заполнившая воздух, словно бы придавила к земле все, даже звуки. На деревьях не шевелился ни один лист. Время от времени негромко всхрапывали стреноженные чеклаки.

Тroe дежурных сидели на корточках возле костра, их копья лежали на земле подальше от огня. Двое негромко и вяло о чем-то спорили. Взгляд третьего шалея, сидевшего чуть в стороне, был устремлен вверх, где на черном бархате ночного неба мерцали звезды, похожие на шляпки серебряных гвоздиков. Прямо над головой кахимца крутой дугой изгибалось созвездие Серпа. А чуть левее звездный Чеклак, встав на дыбы, вскидывал передние копыта, словно стараясь отбросить ими подальше от себя скопление звезд, похожее на занесенное для удара копье.

Что за неведомый мастер создал эти фантастические рисунки? Почему они так завораживают смотрящего на них человека? Какая тайна скрыта в них и удастся ли ее когда-нибудь разгадать?..

Непостижимая красота звездного неба увлекала душу наблюдавшего за ней человека в свою бездонную глубину. Казалось, тому, кто проникнет в нее, она сулила покой, блаженство и вечную жизнь. Жизнь...

Именно в тот момент, когда человек думал о жизни, смерть настигла его, слепая и неотразимая. Вылетевшая из темноты стрела вонзилась шалею между лопаток, раздробив наконечником позвонок. Разум человека даже не успел понять, что же именно произошло, но в последние мгновения своей жизни он отчетливо понял, что умирает. И еще он успел испытать ужас, который не дано понять никому из живущих, перед бездной небытия, в которую он вот-вот должен был упасть и из которой уже не существовало выхода.

Почти без вскрика шалей упал лицом в горящий костер. Двое его товарищей вскочили на ноги. Один из шалеев схватил мертвого за ноги и вытащил из костра.

— Тревога! — закричал другой.— На нас напали!

Крикнув, шалей сам испугался собственного голоса, прозвучавшего так, словно он находился один на краю света и взвывал о помощи к тем, кого уже не было. Но состояние

необъяснимой жути, охватившее вдруг солдата, длилось не больше двух ударов сердца. С третьим ударом у ног его в землю вонзилась стрела, посланная, должно быть, не слишком умелой рукой.

— Тревога! — снова закричал солдат и, дабы не оставаться неподвижной мишенью для невидимого стрелка, отпрыгнул в темноту.

Пространство внутри круга, очерченного повозками, ожило. Из повозок с оружием в руках высакивали разбуженные криком часового шалеи. Опытные солдаты были готовы к бою, но врагов не было видно.

— Что случилось? — Бан-шалей подбежал к часовым, сжимая в руке обнаженный меч.

— Тринтина убили! — Шалей копьем указал на тело мертвого солдата.

— Больше огня! — крикнул бан-шалей.

Двое шалеев кинули в костер по охапке заранее присасенных сухих смолистых веток.

Пламя, взметнувшееся едва ли не до неба, озарило окружающие поляну деревья. И сразу же из темноты со всех сторон полетели стрелы.

По тому, под каким углом стрелы вонзались в землю, можно было догадаться, что стреляли люди, затаившиеся на деревьях.

Пронзительно вскрикнул шалей, которому стрела вонзилась в плечо.

Чеклаки, напуганные криками и беготней людей, заметались по поляне, пытаясь порвать путы на ногах, не позволяющие им прорваться сквозь кольцо повозок и унести远远.

— В укрытия! — взмахнув над головой мечом, крикнул бан-шалей.— Занять круговую оборону!

Рассредоточившись по кругу, шалеи залегли под повозками, готовые отразить атаку прячущихся в темноте врагов.

Шалеи, сторожившие Граиса, оставив пленника в одиночестве, вместе с остальными готовились обороныть лагерь.

Граис, не видевший ничего из-за накрывающего повозку полога, лишь по звукам, доносящимся до него, мог догадываться о том, что происходит снаружи.

На какое-то время на поляне воцарилась тишина. Шалеи неподвижно лежали в своих укрытиях. Нападавшие, прекратив обстрел лагеря из луков, более никак не проявляли себя. Даже чеклаки успокоились, сбившись в кучу возле одной из повозок.

Как будто сама смерть накрыла лагерь и окружающий его лес своим черным крылом, уничтожив всякое движение, звуки и даже время — своего извечного врага и союзника. Казалось, что теперь рассвет уже не наступит никогда. Ночь будет тянуться вечно, если только для пустоты, лежащей по ту сторону границы жизни и смерти, приемлемо такое понятие, как вечность. Вечность — это всего лишь понятие, придуманное человеком для того, чтобы как-то обозначить невообразимо долгий отрезок времени.

Какой-то глупец или сумасброд сказал как-то, что после смерти перед человеком раскрывается вечность... Бред, облеченный в красивые слова! Смерть — это вещь в себе, постичь которую можно только в одно последнее мгновение, уже падая в бездну. Но постижение это приносит не облегчение, а ни с чем не сравнимый ужас, и счастье человека, что испытывает он его лишь однажды и длится это ощущение мгновение, короче вздоха.

— Кто бы это мог быть? — шепотом произнес бан-шалей, скосив глаза на лежащего рядом с ним под повозкой шалея.

— А кто их разберет,— так же шепотом ответил солдат, тот самый разговорчивый охранник, ехавший в одной повозке с Граисом.— Но я бы не стал ставить на то, что это

просто разбойники с большой дороги. Те бы не начали обстреливать лагерь, а попытались бы незаметно забраться в повозки и унести что удастся.

— Кто бы ни были эти поганцы,— прощедил сквозь зубы бан-шалей,— они наверняка не ожидали, что в лагере окажется так много солдат. Должно быть, они уже оставили свою затею и убрались подобру-поздорову.

— Как знать,— ответил шалей.— Быть может, они только и ждут, чтобы мы покинули свои укрытия.

— Так что же, ждать рассвета под повозками?

— Я думаю, что Тринтин, который сейчас лежит мертвый возле костра, сказал бы, если бы мог, что это не самое плохое место в мире.

Бан-шалей довольно хмыкнул,— в ситуации, когда ничего хорошего ждать не приходилось, мрачноватый и незатейливый солдатский юмор пришелся как нельзя кстати.

Дрова, подброшенные в костер, быстро прогорели. Пламя костра опало, и окружающие поляну деревья вновь начали погружаться во мрак.

По приказу бан-шалея двое солдат выбрались из-под повозок, чтобы вновь распалить огонь. Двигались они осторожно, но опасения их оказались напрасными,— из темноты леса не вылетела ни одна стрела.

— Может быть, и в самом деле ушли? — с надеждой и все же с сомнением произнес лежащий рядом с бан-шалеем солдат.

— Как бы не так,— отозвался шалей из-под соседней повозки.— Все только еще начинается.

Вспыхнувшее с новой силой пламя костра осветило деревья на краю поляны и заросли невысокого кустарника между ними. В кустах происходило какое-то движение. То и дело над переплетением ветвей и листвы возникали и снова исчезали головы и руки людей, занятых какой-то активной деятельностью.

Вскоре все разъяснилось. Несколько человек вытолкнули из кустов толстый ствол дерева, очищенный от ветвей. Оставшиеся сучки люди использовали как рукояти, за которые держали ствол. С нарастающим криком люди побежали вперед, толкая перед собой бревно как таран, направленный на одну из повозок, составляющих кольцо обороны лагеря.

— Лучники! — крикнул бан-шалей.

Разъяснений солдатам не требовалось, каждый из них отлично знал, что ему нужно делать в той или иной ситуации. Четверо шалеев с луками встали в полный рост между повозками и открыли стрельбу по атакующим. Солдаты были более искусными стрелками, нежели разбойники. Лишь две стрелы, выпущенные шалеями, не попали в цель. Те из разбойников, что остались живы, не в силах удержать бревно, бросили его на землю.

Но они, похоже, даже и не помышляли о том, чтобы спасаться бегством. Вместо того чтобы бежать в лес, они залегли за бревном, а из кустов на помощь им выбежала новая группа людей. Трое из них упали, сраженные стрелами шалеев, но остальные добежали до бревна, подняли его на руки и снова направили на кольцо повозок.

— Они как будто ищут смерти,— недоумевающе произнес бан-шалей.

— Должно быть, именно это йериты и называют жертвенностью,— сказал лежащий рядом солдат. И, отвечая на удивленный взгляд командира, добавил: — Они считают, что таким образом быстрее окажутся рядом со своим Богом.

— Идиоты,— сквозь зубы процедил бан-шалей.

— Точно,— мрачно кивнул солдат.— Однако эти идиоты, похоже, скоро добьются того, чего хотят.

Третья группа нападающих, выбежав из кустов, вновь подхватила упавшее на землю бревно и устремилась вперед, на стоящую прямо перед ними повозку.

Солдат, лежавший под телегой, попятился назад.

Находившийся рядом с ним бан-шалей на какое-то время замешкался, словно отказываясь верить тому, что вот-вот должно было произойти.

Пятеро несущих на руках бревно людей замертво упали на землю, сраженные стрелами бьющих теперь уже почти в упор шалеев. Но оставшиеся из последних сил, вопя от непомерного напряжения, дотащили бревно до цели.

Конец бревна ударили в борт повозки. Затрещали ломающиеся доски. Повозка накренилась и завалилась набок,— дорога в лагерь обороняющихся была открыта.

Бан-шалей, придавленный дугой перевернувшейся телеги, уперся в нее руками, пытаясь приподнять и выбраться из ловушки, в которой оказался. Один из разбойников, вскочив на борт повозки, обнажил короткий меч и, оскалившись по-звериному, наискосок разрубил лицо кахимца.

То, что рубеж обороны вокруг лагеря оказался прорван, а командир убит, вовсе не повергло шалеев в смятение или панику. Опытные бойцы, кахимцы знали, что рассчитывать на милость врагов следует только в том случае, когда ничего иного уже не остается. Пока же у них в руках было оружие, они готовы были сражаться за собственные жизни. Сомкнув ряды, они ударили по нападающим, выставив вперед свои длинные, тяжелые копья. На стороне шалеев была отличная боевая выучка и умение обращаться с оружием. Противники же могли противопоставить им только отчаянное презрение к смерти.

Шалеям удалось отбросить за пределы линии обороны первую волну нападавших, но на помочь им, размахивая топорами и мечами, уже бежали из леса новые бойцы.

Проломившись сквозь частокол направленных на них копий, йериты ворвались в лагерь. Сражение рассыпалось на десяток отдельных схваток, в каждой из которых шалеям

противостояли противники, втрое превосходящие их числом.

Граис, вцепившись руками в прутья клетки, пытался рассмотреть, что происходит за пределами его темницы. Он слышал лязг металла, крики дерущихся и вопли раненых, но не мог понять, кто напал на лагерь и на чьей стороне преимущество.

Огромный широкоплечий верзила с топором в руке за-прыгнул на край повозки, и Граис инстинктивно отшатнулся в тень. Верзила, нагнувшись, забрался под полог и чертыхнулся, ударившись в темноте лбом о клетку.

— Эй, Граис, ты здесь? — негромко окликнул он пленника.

Граис сразу же узнал голос Грудвара, бородача, вместе с которым бежал из халлатской тюрьмы.

— Что происходит? — спросил он, сделав шаг к решетке.

— Битва,— коротко ответил Грудвар и, размахнувшись, ударил обухом топора по замку на двери клетки.— Крепкий, зараза,— недовольно буркнул он и ударил снова. Замок остался висеть на месте.— Помог бы,— обратился бородач к Граису.

— Здесь я бессилен,— развел руками тот.

— Ладно.— Грудвар выглянул из-под полога повозки.— Слим! Лехий! Давайте сюда чеклаков!

Йериты быстро впряжены в повозку двух чеклаков. Грудвар прыгнул на спину одного из них и что было сил ударил его своей огромной ладонью.

— А ну-ка, быстро вперед!..

Чеклаки, всхрапнув, понесли повозку в сторону пролома в линии обороны.

— Давай!.. Давай!..— погонял их Грудвар.

Повозку подбросило так, что Граис, чтобы не разбиться, был вынужден обеими руками вцепиться в прутья решетки.

Едва не перевернувшись, повозка с арестантом проскочила между перевернутой повозкой и той, что стояла

рядом с ней. Сорванный полог остался висеть на обломке дуги.

— Давай!.. Давай!.. — неистово нахлестывал чеклака Грудвар, правя в лес, прочь от кипевшей на поляне схватки.

Глава 11

СРЕДИ ВОЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Грудвару стоило немалых усилий остановить осатаневших от бешеной скачки чеклаков.

Как только повозку перестало бросать из стороны в сторону, Граис обессиленно опустился на пол своей клетки.

— Грудвар,— негромко позвал он.

Бородач спрыгнул с чеклака и забрался на повозку. Потерев зажигательные палочки, он подпалил пучок соломы.

— Ну как? — Лицо бородача сияло радостной самодовольной улыбкой.— Не растряслось?

— Что все это значит, Грудвар? — спросил Граис.

— Пришлось порубить шалеев, чтобы вытащить тебя,— ответил бородач.

— Кто эти люди, напавшие на лагерь?

— Вольные,— коротко ответил Грудвар.— Нам пришлось поторопиться, чтобы не упустить обоз.

— Откуда вольным стало известно, что меня везут в Халлат?

— Сообщил верный человек из столицы.

— Значит, нападение на лагерь было устроено с единственной целью — освободить меня? — едва ли не с возмущением воскликнул Граис.

— Ты нужен вольным, Граис,— ответил Грудвар.— Ты просто необходим нашему движению. Без тебя разрозненные отряды вольных никогда не смогут объединиться.

— При чем здесь я?

— Ты живой символ сопротивления.

— Я уже говорил тебе, что не собираюсь принимать участия в борьбе!

— Поговорим об этом позже.— Грудвар бросил на землю догоревший пучок соломы и сел на место возницы.

— А что теперь?

— Теперь мы отправимся в лагерь вольных. Он расположен в горах, неподалеку от столицы. Командует им человек по имени Касат из Сумия. Он тебе понравится.

Грудвар взялся за вожжи.

— Ты так и собираешься меня везти — в клетке? — возмущенно спросил Граис.

— Будем возиться с замком — только время потеряем.— Грудвар посмотрел на все еще темное ночное небо и, слегка взмахнув вожжами, тронул чеклаков.— Хорошо было бы затемно добраться до лагеря. Там и вытащим тебя из клетки.

Граис устало опустился на пол и, забившись в угол, обхватил голову руками.

Еще никогда у него не было столь неудачной операции. Что бы он ни пытался предпринять, все время находились какие-то посторонние внешние силы, которые, вмешиваясь в самый неподходящий момент, полностью спутывали все его планы. Словно некто, заинтересованный в провале его миссии, наблюдал за каждым шагом ксеноса и всегда успевал совершить ответные действия, сводящие на нет все его усилия... Но такого просто не могло быть!.. Следовательно, слепой случай играл ксеносом?.. Тоже маловероятно... Тогда в чем причина всех его неудач? Анализируя их, Граис не мог найти своих ошибок. Он действовал абсолютно правильно, и тем не менее результаты были совершенно противоположны тем, которых он ожидал.

Теперь, после того как Граис вторично бежал из-под стражи, хотя, как и в первом случае, в том не было ни его заслуги, ни его вины, рассчитывать на встречу и мирные

переговоры с кахимским наместником уже не приходилось. Сам того не желая, Граис превратился в самого опасного и тщательно разыскиваемого преступника Йера. Теперь наместник просто-таки обязан был отдать приказ о том, что всякий, узнавший Граиса из Сиптима, должен собственоручно казнить его, предоставив в качестве доказательства голову преступника, за которую, наверное, будет объявлена далеко не символическая награда.

Впору было сворачивать операцию и возвращаться в Центр. Тем более что имелся и вполне благовидный повод — вышедший из строя психопреобразователь...

Помимо желания и воли у ксеноса складывалось абсурдное впечатление, словно кто-то заранее протоптал для него закрученную кольцами тропинку, а теперь внимательно следил за тем, чтобы он с нее не сворачивал... Полнейший бред!.. Направлять действия ксеноса так, чтобы он даже не замечал этого, смог бы только ксенос, превосходящий его по уровню квалификации. Те же работники Центра, что по имеющимся у него данным находились сейчас на Тессе-3, были всего лишь наблюдателями, в задачу которых входил только контроль ситуаций в тех или иных регионах. Значит, все же следовало искать ошибки в собственной работе...

С повозки был сорван матерчатый полог, и теперь, когда начало светать, Граис мог видеть, в каком направлении правит Грудвар. Они уже выехали из леса и теперь двигались на север по каменистой дороге, которой, похоже, редко кто пользовался.

Грудвар искоса поглядывал на светлеющее небо и что-то недовольно ворчал в бороду. С Граисом они больше не разговаривали. Йерит, должно быть, обиделся на то, что пленник, вместо того чтобы благодарить за освобождение, сразу же накинулся на него с упреками.

Дорога все время поднималась в гору и становилась все уже и круче. Граис даже начал опасаться, что скоро повозка

не сможет по ней пройти. Но Грудвар правил чеклаками уверенно,— дорога была ему хорошо известна.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, и начало припекать, так что и Грудвару, и Граису пришлось накинуть на головы платки, чтобы укрыться от палящих лучей, когда дорога пошла под уклон и вскоре нырнула в глубокое и длинное ущелье, заросшее колючим кустарником.

Ущелье вывело их к небольшому плато, попасть на которое можно было только по незаметному для чужих глаз проходу в скале или же по висячему мосту, переброшенному через стремительный горный поток, огибающий площадку с двух сторон.

Возле прохода в скале дорогу преградили четверо охранников.

По мнению Граиса, на воинов эти люди были мало похожи. Скорее они напоминали юнцов, впервые взявших в руки оружие и оттого очень гордых и довольных собой. Несмотря на их разномастную одежду и вызывающее улыбку вооружение, вид у великолепной четверки был непомерно серьезный.

Грудвара охранники знали в лицо и не стали задерживать повозку. Один из них махнул рукой в сторону прохода, а остальные проводили любопытными взглядами клетку с пленником.

— Ты меня решил на посмешище выставить? — спросил у Грудвара Граис.— Люди смотрят на меня, как на дикого зверя.

— Да нет же,— не оборачиваясь, несколько раздраженно ответил Грудвар.— Сейчас доедем и вытащим тебя из клетки.

Лагерь вольных состоял из двух десятков лепящихся к скале кособоких домиков, на строительство которых, судя по их нелепому внешнему виду, пошло все, что попадалось под руку. Возле домов, как обычно, бестолково размахивая

крыльями, копошились в пыли тощие, облезлые труквы. Чуть дальше, на небольшой лужайке, паслись чеклаки, лавахи и еще какая-то четвероногая живность. Люди, которых мог видеть Граис, были заняты самыми что ни на есть прозаическими делами: кто-то прибивал доску к стенке дома, кто-то вытрясал пыльную одежду, кто-то помешивал варево в котле, установленном на чахлом костерке, кто-то занимался стиркой... Поселок показался Граису более похожим на бедную деревеньку, нежели на разбойничий лагерь.

Возле крыльца одного из домов собралась группа оживленно обсуждающих что-то людей. Именно к этому дому и направил повозку Грудвар. Заметив гостей, люди сразу же притихли, обратив свои взоры на запертого в клетке пленника.

— Учитель!..

Выбежав вперед, на повозку запрыгнул Фирон. Руками он схватился за прутья клетки, словно намеревался разорвать их.

— И ты здесь, Фирон? — удивился Граис, увидев ученика.— Что ты здесь делаешь?

— Я прибежал в лагерь вольных сразу же, как только узнал, что тебя везут в столицу на казнь.

— Так это был ты? — с нескрываемым удивлением уставился на ученика Граис.

— Да! — радостно кивнул тот.— Я знал, что вольные спасут тебя!..

— Меня они не спасли, Фирон,— грустно заметил Граис, глядя на ученика,— а тебя погубили.

— Погубили?— Фирон даже перестал держаться за прутья.— Как это?

— Дважды в реку войти нельзя,— сказал загадочно Граис и отвернулся.

Он окинул быстрым взглядом окружающих повозку людей и заметил стоящую чуть в стороне от основной группы

сестру Фирона Миду. Девушка смотрела не на повозку с клеткой, а куда-то в сторону. Ее, казалось, совершенно не интересовало, что происходило вокруг.

— Как? И Мида тут? — Граис снова обернулся к Фирону. — А ей то что нужно?

— Сестра всегда со мной, — еле слышно произнес Фирон, все еще находясь под впечатлением слов Граиса. — Она в городе не осталась бы одна.

Мелькнуло и знакомое грушевидное лицо Слима, приятеля Грудвара, бежавшего вместе с ним из тюрьмы. Заметив, что Граис смотрит на него, Слим быстро улыбнулся, приветственно взмахнул рукой и в одно мгновение куда-то исчез.

Когда Грудвар остановил повозку, вперед вышел невысокий мужчина лет сорока с острым подбородком и длинным носом. Глаза его были похожи на узенькие щелки, сквозь которые он словно бы не смотрел на мир, а подглядывал за ним. Длинные рыжие волосы, выдававшие уроженца севера, были зачесаны назад и стянуты шнурком на затылке — так, по рассказам стариков, поступали в прежние времена йериты, дававшие обет убить десять врагов за одного мертвого родича.

Такие же прически были еще у нескольких человек, что обступили повозку.

Из-под сомкнутых в щелочку век рыжий йерит окунул внимательным, изучающим взглядом всю троицу на повозке.

— Это он? — спросил йерит, обращаясь одновременно к Грудвару и Фирону.

— Да! — не сводя восхищенного взгляда с учителя, выдохнул Фирон.

Грудвар молча наклонил свою косматую голову.

— Так почему же он все еще в клетке? — недоумевающе спросил рыжий.

— Мы не смогли открыть замок, — ответил Грудвар.

— Позовите кузнеца,— ни к кому конкретно не обращаясь, сказал рыжий.

Сразу трое человек бросились выполнять приказание своего предводителя. Судя по тому, как уверенно держал себя рыжий, это и был тот самый Касат из Сумия, предводитель вольных, о котором говорил Граису Грудвар.

Пришел кузнец со своими инструментами и, пару раз ковырнув замок каким-то замысловато изогнутым крючком, без особых усилий открыл его.

— Добро пожаловать в лагерь вольных, Граис из Сиптима,— приветственно вскинул руку рыжеволосый, когда Граис спрыгнул с повозки на землю.

— Ты, должно быть, Касат из Сумия,— посмотрев на него, уверенно произнес Граис.

— Да.— Касату почти удалось скрыть свое изумление такой осведомленностью Граиса.— Я командую этими людьми.

— И кто же дал тебе это право? — Сделав шаг вперед, Граис подошел к Касату почти вплотную и теперь смотрел на него сверху вниз.

Ксенос готов был поклясться, что успел заметить недоумение и испуг, мелькнувшие за узкими щелками глаз Касата. Однако рыжий йерит быстро сумел взять себя в руки.

— Ты, должно быть, желаешь отдохнуть.— Приветливо улыбнувшись Граису, Касат сделал рукой приглашающий жест в сторону дома. Вопроса, который задал ему Граис, он словно бы и вовсе не услышал.

— Для начала я хотел бы узнать, как и почему я здесь оказался? — не двигаясь с места, задал новый вопрос Граис.

— Об этом мы тоже поговорим.— Рука Касата зависла в воздухе, по-прежнему указывая на дверь.— Хотя мне казалось, что тебе известно гораздо больше моего.

— Не придавай слишком большого значения слухам,— усмехнулся Граис, направляясь к двери.

Касат, повернувшись к людям, стоявшим вокруг крыльца, высоко вскинул руки с раскрытыми ладонями.

— Вы видели Его! — громким, но при этом вибрирующим от показного волнения голосом произнес он.— Так расскажите об этом остальным! Пусть узнают все, что великий учитель Йера Граис из Сиптима присоединился к нам! — Опустив руки, Касат поманил к себе одного из юритов и уже без ложного пафоса, негромко и по-деловому отдал распоряжение: — Пошли гонцов с известиями к Туркану, Аствиру и Малтуку.

— Два замечания ко всему сказанному,— развернувшись в дверях, громко произнес Граис.— Во-первых, я вовсе не великий. Велик один лишь Поднебесный. А я всего лишь помогаю людям найти самый короткий и прямой Путь к нему. Во-вторых, я оказался в этом лагере совершенно случайно и не знаю, надолго ли задержусь здесь.

— Твоя скромность, Граис, заслуживает наивысшей похвалы,— приложив руку к груди, учтиво поклонился ему Касат.

— Так же, как и твоя самоуверенность, Касат,— поклонился в ответ ему Граис и вошел в дом.

Там было темно и неуютно от сваленных кое-как вещей и кособокой самодельной мебели. Тусклый свет проникал в помещение через единственное окно, затянутое белой промасленной тряпицей. Посреди комнаты стоял большой квадратный стол, сколоченный из трех толстых досок. Вместо стульев — деревянные чурбаки. В дальнем левом углу чадил очаг, сложенный из больших закопченных камней. В другом углу — стопка истертых, выцветших циновок, служивших постелями для тех, кто здесь ночевал. Даже для временного убежища обстановка в доме была невероятно убогой.

— Присаживайся,— Касат указал Граису на один из чурбаков и сам сел на соседний.— Судя по тому, как тебя

охраняли, ты действительно тот самый Граис из Сиптима, о котором говорил Фирон.

— У тебя в этом есть какие-то сомнения? — спросил Граис.

Касат усмехнулся и покачал головой.

— Дело не только во мне,— вновь взглянув на Граиса, сказал он.— Нужно, чтобы и у остальных не было в этом ни малейшего сомнения.

— Ты говоришь о людях из этого лагеря? — взглядом указал в сторону двери Граис.

— И не только о них. Ты нужен мне для того, чтобы объединить отряды вольных.

— Большинство из которых — просто разбойники, промышляющие на больших дорогах,— заметил Граис.

— Какая разница,— не смутившись, ответил Касат.— Пока разбойники грабят караваны империи, они делают одно с нами дело.

В помещение вошел мальчик лет десяти с двумя деревянными плошками в руках. Подойдя к столу, он поставил свою ношу и мгновенно удалился. Теплый запах еды быстро распространился по дому.

— Угощайся,— Касат пододвинул одну из плошек Граису.— Еда не ахти какая, но что уж есть...

В плошках был отварной патрат с мясом — еда, которую в домах бедняков подают на стол не чаще одного раза в год, только в праздник Благодати Поднебесного.

— Прежде всего я хочу понять, как и почему я оказался здесь,— не притрагиваясь к еде, сказал Граис.— Кто сообщил вам о том, что меня арестовали и везут в столицу?

— Фирон,— коротко ответил Касат, помешивая ложкой горячую еду.

— А откуда об этом стало известно ему?

Касат молча пожал плечами.

— Ну так позови сюда Фирона! — воскликнул Граис.— И Грудвара тоже. Я и ему хочу задать пару вопросов.

— Хорошо,— хмуро сказал Касат и не спеша, как бы неохотно встал.

Приоткрыв дверь, он высунул голову наружу и что-то крикнул. Вернувшись к столу, Касат снова принялся помешивать еду в своей плошке.

— Если я правильно понял то, что рассказывали о тебе Грудвар и Фирон,— ты не поддерживаешь движение вольных. Так? — сказал йерит, обращаясь к Граису.

— Нет,— сухо ответил ксенос.

Ему вовсе не хотелось вести долгие разговоры на тему, которая казалась ему не стоящей даже гнилого ореха. К тому же сейчас его больше интересовало то, что расскажут Фирон и Грудвар, нежели мнение Касата о движении вольных.

— Может быть, скажешь — почему? — снова задал вопрос Касат.

— Не сейчас,— сказал Граис.

— Что ж,— усмехнулся Касат,— времени у нас предостаточно.

Дверь распахнулась, и в дом вошли Фирон и Грудвар.

— Присаживайтесь, правоверные,— сказал им Касат, указав на свободные чурбаки.

Граиса удивило то, как робко и неуверенно держались Фирон и Грудвар. Неужели этот рыжий коротышка внушал им такое почтение?

— Фирон, расскажи мне, каким образом ты узнал о том, что меня арестовали и везут в столицу? — спросил Граис.

— Мне рассказал об этом Минос, учитель,— ответил Фирон.— Он специально для этого прискакал из Меллении. Не знаю уж, откуда ему стало известно о том, что я связан с вольными...

— Минос?! — удивленно переспросил Граис.

— Да, учитель,— поспешило кивнуть Фирон.

Час от часу не легче! Сначала Минос сдает его шалеям, а после садится на чеклака и несется во весь опор в Халлат, чтобы предупредить Фирона об аресте учителя. Где же здесь логика — даже пускай не логика, а обыкновенный здравый смысл?..

— Где сейчас Минос? — спросил Граис у Фирона.

— Не знаю,— развел руками Фирон.— Он уехал сразу же, как только рассказал мне, что ему было известно о твоем аресте.

— А он не говорил о том, что сам указал на меня шалеям?

— Минос? — искренне удивился Фирон.

— Тебе же было известно, что Минос близкий друг Сирха. Почему же в таком случае ты поверил ему?

— Мне было известно, что ты собирался встретиться с Сирхом,— словно бы оправдываясь, залепетал Фирон.— Я слышал о побеге из тюрьмы троих заключенных, одним из которых, по слухам, был ты... А потом уже здесь, в лагере, Грудвар подтвердил, что, расставшись с ним, ты отправился в Меллению.

Граис внимательно посмотрел на Грудвара.

— А в чем, собственно, дело? — поежился под его ключим взглядом бородач.— Все ведь и произошло именно так, как предупреждал этот ваш Минос.

— Фирон,— снова перевел взгляд на своего бывшего ученика Граис,— ты давно знаком с Грудваром?

— Да уже года три,— быстро глянув на бородача, ответил тот. И, что-то прикинув в уме, быстро кивнул: — Да, точно, три года.

— А когда ты последний раз виделся с Миносом? — спросил Граис.— Я имею в виду, до последней вашей встречи.

— Точно и не помню,— озадаченно покачал головой Фирон.— Очень давно...

— Так с чего же он вдруг прискакал к тебе за помощью? Откуда ему было знать, что ты связан с вольными?

— Вот этого не знаю,— снова покачал головой Фирон.

— Что, собственно, тебя беспокоит, Граис? — вмешался в разговор Касат.— К чему этот допрос? Ты на свободе — и это главное.

— Да,— иронично усмехнулся Граис.— Вот только свобода моя ограничена пределами этого лагеря. Охота на меня уже, наверное, объявлена по всему Йеру.

— Но, если бы мы не освободили тебя...

— Не бери на себя роль Поднебесного! — резко оборвал Касата Граис.— Только ему одному известно, что было бы в том или ином случае!

Касат не нашелся что на это ответить.

Грудвар негромко хмыкнул и, откинув голову назад, поскреб ногтями шею под бородой.

— Послушай,— сказал он, не глядя на Граиса,— ты что, действительно думаешь, что будешь жить вечно?

Граис ничего не ответил, а только безнадежно покачал головой.

— Учитель,— тихо произнес Фирон,— ты отказываешься помочь тем, кто взвывает к тебе о помощи?

— Нет, Фирон,— уверенно посмотрел в глаза своему ученику Граис.— Я пытаюсь спасти тех, кто собирается совершить самоубийство.

— Каждый из нас готов умереть за свободу Йера! — с пафосом произнес Касат.

— Конечно,— саркастически усмехнулся Граис.— Нет ничего проще, чем умереть. Должно быть, особенно приятно, когда умираешь за некую высокую идею.

— Тебе доставляет удовольствие смеяться над нами? — Грудвар неприязненно посмотрел на Граиса из-под черных мохнатых бровей.— Быть может, тебе известен другой путь к спасению нашей страны от захватчиков?

— Конечно, известен,— без тени сомнения ответил ему Граис.— Точно так же, как и любому здравомыслящему

человеку. И вам в том числе, хотя вы не хотите признаться в этом даже самим себе.

— Только не мне,— решительно тряхнул кудлатой головой Грудвар.

— Для того чтобы победить, нужно прежде всего оставаться живым,— негромко произнес Фирон.— Ты это имел в виду, учитель?

— Именно, Фирон,— одобрительно улыбнулся ему Граис.— И еще: посредством нормального упорядочивают государство. Посредством аномального применяют оружие.— Граис повернулся к Касату.— Вольные, взявшись за оружие, сразу же встали на неверный путь. Но, кроме этого, они еще и не умеют сражаться, поэтому единственное, что им остается,— умереть, веря в то, что они идут по Пути к Поднебесному. Но смерть, которой можно было бы избежать,— это всегда поражение. Это говорю не я, а Поднебесный.

— Граис,— Касат отодвинул в сторону деревянную плошку с едой и, подавшись вперед, навалился грудью на стол,— таких проповедей мы уже наслушались от Сирха. Поэтому и ушли в горы, чтобы начать свою борьбу. Сейчас йериты нуждаются не в призывах к смирению, а в таких речах, которые позовут их в бой!

— Это тебе сказали сами йериты? — наивно вскинув брови, спросил у Касата Граис.

— Мы не в игры здесь играем! — крепко стиснул кулаки Касат.— Мы готовимся к войне с Кахимской империей! И если ты, Граис, йерит, если ты любишь свою страну и свой народ, ты должен быть с нами!

— Грудвар еще в тюрьме просветил меня насчет моего долга перед йеритами,— кивнул в сторону бородача Граис.— Почему вы все считаете, что именно я смогу объединить йеритов, сплотить и поднять их на борьбу?

— Потому что в Йере нет ни одного человека, который не знал бы твоего имени,— сказал Фирон.

— Лучше бы они так же хорошо помнили мое учение,— заметил Граис.— Я призывал людей только к смирению перед властью, а не на борьбу с ней.

— Как бы там ни было, Граис, хотел ты этого или нет, но для всего Йера ты стал символом борьбы против власти империи,— неожиданно убедительно и веско произнес Грудвар.— Я бы сказал, что ты уже не принадлежишь только самому себе. Ты уже стал частью истории. Право решать, как поступать и что делать дальше, безусловно, принадлежит тебе. Но помни о том, что сейчас ты стоишь не только на собственном Пути к Поднебесному, но и на Пути, по которому идет весь Йер.

Граис устало прикрыл глаза и тяжело вздохнул. Казалось, еще немного — и от непомерной печали он покернеет.

— Если бы ты только мог себе представить, Грудвар, насколько ты прав,— медленно произнес он.— И именно поэтому я не стану предпринимать ничего, что могло бы подтолкнуть йеритов к восстанию. Война, начатая йеритами против Кахимской империи, будет проиграна, даже не начавшись.

— Откуда такая уверенность? — презрительно скривил губы Касат.

— Лучше всего будет, если все вы соберете вещи и разойдетесь по домам,— не вдаваясь в долгие объяснения, сказал Граис.

— Я считал, что ты любишь свою родину, Граис,— с грустью в голосе произнес Касат.

— Родину?— Граис пристально посмотрел на Касата.— Это смотря что понимать под этим словом. Я лично понимаю под ним судьбу мальчишки-пастушка, которого встретил в лесу несколько дней назад, жизнь такой прекрасной девушки,— он повернулся к Фирону,— как Мида. Ей же матерью предстоит быть, детей воспитывать — вот что значит для нее счастье единственное. А здесь? Как сложится ее жизнь здесь? Под стрелами и копьями шалеев?

— Ты нас пытаешься разжалобить, Граис,— в голосе Касата прозвучали угрожающие интонации.— А вот я так скажу: если любишь родину, то не призывай сдаваться еще до начала битвы!

— Тот, кто любит свой народ, не посыает его на смерть.

— У меня такое впечатление, Граис, будто мы с тобой говорим об одном и том же, но на разных языках, а поэтому и не понимаем друг друга,— разочарованно произнес Касат.

— Возможно,— Граис приподнялся.— Я очень устал и хотел бы отдохнуть. Куда мне можно пройти?

Если Касат был прост и понятен Граису, то Грудвар озадачил его даже больше, чем в тюрьме. Тогда Граис подивился тому, как расчетливо и точно действовал бородач, словно все детали побега были ему заранее известны. Сейчас же Грудвар был единственным человеком в комнате, который слушал Граиса с неподдельным интересом. И, как чувствовал Граис, слова его находили у Грудвара понимание. Нетрудно было сообразить, что бородач не отличался широкой образованностью, однако живой и быстрый ум позволял ему легко схватывать и воспринимать совершенно новые для него идеи. Про себя ксенос отметил: притом, что Грудвар пользовался еще и несомненным авторитетом среди вольных, такой союзник был бы ему весьма кстати.

Фирон, почти не принимавший участия в беседе, сидел ссутулившись, зажав руки между коленей. Он растерянно переводил взгляд с одного говорившего на другого и жалко улыбался. Граис никак не мог понять, чем так сильно сумел привязать к себе далеко не глупого Фирона пустослов и демагог Касат, однако отчетливо осознавал, что Фирон разрывался между учителем и предводителем вольных. На его помошь рассчитывать не приходилось.

— Вот и отлично.— Касат сложил вместе ладони с широко расставленными пальцами.— У нас еще будет время

поговорить. Ты ведь не собираешься покидать наш лагерь прямо сейчас?

— Мне некуда идти,— развел руками Граис.— Поэтому сейчас я вынужден воспользоваться вашим гостеприимством.

— Пожалуйста. Конечно, тебе надо отдохнуть. Мида проводит тебя.— Касат посмотрел на Фирона, и тот сразу же вышел за дверь.

— Да пребудет с тобой милость Поднебесного, Граис из Сиптима,— сказал, прощаясь, Касат.

— Так же, как и с тобой, Касат из Сумия,— ответил Граис и направился к двери.

Он вышел из дома. Через некоторое время скрипнула дверь, послышались чьи-то шаги. Граис не сомневался — следом за ним идет Грудвар.

— Что произошло с Фироном? — спросил Граис, обернувшись к бородачу.

— А что с ним произошло? — сделал удивленное лицо бородач, хотя прекрасно понял, о чем его спрашивал Граис.

— Ты говорил, что и прежде знал Фирона,— сказал Граис.

— Верно, знал,— кивнул Грудвар.

— Прежде, насколько я помню, он не был таким скованым и замкнутым, как сегодня.

Грудвар, прищурившись, искоса глянул на Граиса.

— Ответь мне на один вопрос,— сказал он.

— Я слушаю тебя...

— Это правда, что пятнадцать лет назад Фирон, твой ученик, сдал тебя шалеям?

— Правда,— ответил Граис.— Но правда и то, что я сам его об этом попросил.

— Это действительно так? Ты не пытаешься сейчас оправдать Фирона?

— Мне нужно было встретиться с наместником,— сказал Граис.— А другого способа попасть к нему, кроме как позволить схватить себя, у меня тогда не было.

— Почему ты не сдался сам?

— В то время по Йеру бродило множество странствующих проповедников. Кое-кто из них называл себя моим именем. А мне нужно было, чтобы наместник не сомневался, что перед ним истинный Граис из Сиптима. Поэтому я и попросил Фирона указать шалеям место, где я ночевал.

— Понятно,— кивнул Грудвар.— Теперь, наверное, смогу объяснить тебе поведение Фирона. Он прожил пятнадцать лет, нося клеймо предателя. Вольные тоже далеко не сразу поверили ему. С твоим возвращением он связывал надежду на воскрешение своего доброго имени. А вместо этого...— Грудвар замолчал, потом как бы неохотно продолжил: — Если бы сегодня Фирон выступил в твою поддержку, это выглядело бы как предательство по отношению к вольным.

— Я бы не хотел, чтобы так получилось,— сказал после небольшой паузы Граис.— Но поступить иначе я тоже не могу... По-видимому, рассчитывать на Фирона мне теперь не приходится...

— Тебе нужна помощь? — быстро спросил Грудвар.

— Пока нет,— ответил Граис.— Но всегда неплохо иметь человека, на которого можно положиться.

— Если бы ты кое-что объяснил мне...— не закончив фразы, Грудвар умолк, ожидая, что скажет Граис.

Граис посмотрел на бородача с некоторой долей недоумения. Грудвар смутился и отвел взгляд в сторону,— хитрость была не самой сильной его стороной.

— И что же ты хочешь узнать? — спросил Граис.

— Да я и сам толком не знаю,— дернул плечом Грудвар.— Да только, когда ты разговаривал с Касатом... ты словно бы и не сомневался в том, что все будет точно так, как ты скажешь.

— А известно ли тебе, друг мой Грудвар,— улыбнулся Граис,— что во многом знании сокрыто много печали?

Бородач задумчиво почесал затылок.

— Да у меня и так в жизни радостей не много,— сказал он, тщательно обдумав и взвесив слова Граиса.— Так что терять-то мне вроде нечего.

— Не думал я, что снова обзаведусь учеником,— Граис оценивающе посмотрел на Грудвара и решительно добавил: — А впрочем, почему бы и нет...

— Граис!

Они оба обернулись — в нескольких шагах от них стояла Мида.

Девушка смотрела настороженно, но уже не так испуганно, как тогда в Халлате, в своем доме. Больше того, Граису показалось, что какое-то любопытство сквозило в ее взгляде.

— Она тебя проводит,— заторопился Грудвар,— она знает здесь все хозяйство.

И бородач быстро исчез.

— Идем за мной.

Мида развернулась и направилась вперед. Обогнув стоящую на пути скалу, они оказались около трех маленьких строений, возведенных, судя по их виду, наспех и совсем недавно. Мида подошла к крайнему домику, выглядевшему поприличнее остальных, и открыла дверь.

— Тюфяк с соломой и одеяло,— тихо сказала она.— Воду я принесу.

Девушка хотела было уйти, но, взглянув на Граиса, остановилась в нерешительности.

— Я буду здесь один?— спросил Граис.

— Здесь живут дозорные — сегодня их смена — они охраняют вход в лагерь.

Граис неторопливо опустился на тюфяк, вытянул ноги.

— Я завтра уйду отсюда,— как бы разговаривая сам с собой, произнес Граис.— Я об этом сказал Касату.

— Почему?— спросила Мида. Она стояла у порога и с интересом рассматривала Граиса.— И как ты будешь один? Тебя поймают и убьют.

— Ты раньше так не говорила,— теперь уже Граису пришла очередь удивляться.— А уйду я потому, что борьба вольных приведет к трагедии: какимцы перебьют весь Йер. Так уже было много раз, поверь мне.

Она молчала, но не уходила, потом присела на корточки и стала водить пальцем по грязным камням.

— Я слышала ваш разговор,— вдруг сказала она.— Касат перед тобой трепетал.

Она произнесла это с каким-то тайным злорадством — Граис даже пододвинулся чуть ближе к двери.

— Он командир,— начал говорить Граис,— он преследует свои цели — ради этого он и сидит в этих горах. Но вот Фирон...

— О Фироне не надо говорить.— Мида вдруг поднялась, стряхнула грязь с ладоней и вышла за порог.— Воду я принесу.— И закрыла дверь.

Глава 12

ИНТРИГИ СИРХА

— Я погиб!.. Погиб безвозвратно!..

Судебный вершитель Меллени Мистелий Глат с сумешедшим блеском в глазах метался от столика до края бассейна. Два раза он чудом не упал в воду.

Преподобный Сирх, наблюдавший за ним со стороны, с интересом ожидал, когда же наконец коротышка оступится и упадет в бассейн. То и дело Мистелий Глат в отчаянии вскидывал вверх руки, и тогда полы его мантии взлетали, словно крылья безобразной и неуклюжей птицы.

— Я червь, извивающийся во прахе!.. Я гниль смердящая!.. Нет мне спасения во веки вечные!..

Сирх подивился тому, что даже свое отчаяние Мистелий Глат умудрялся облачать в пышную, красочную форму.

— Успокойся, уважаемый Мистелий,— Сирх шагнул к судебному вершителю и приподнял руку в умиротворяющем жесте.— Не стоит до такой степени предаваться унынию. Лучше отведай красного тирианского вина! Его лишь вчера доставили из-за моря!

Сирх подошел к столу, наполнил бокал красным, похожим на кровь вином и, с тоской взглянув на дарующую забвение и радость влагу, протянул бокал кахимцу.

Сам преподобный с того самого дня, как неизвестный в черном даровал ему чудесную пиллюю, к вину не прикасался, утоляя жажду лишь соками и настоями. Волшебное лекарство в совокупности с воздержанием от алкоголя делали свое дело,— буквально день ото дня преподобный чувствовал себя все лучше, а о болях в животе, мучавших его едва ли не ежедневно, он уже и не вспоминал.

Выхватив бокал с вином из руки Сирха, Мистелий Глат залпом осушил его.

— Наместник распнет меня,— хрипло произнес он, вытерев губы рукой. Несколько алых капель вина упали на его роскошную мантию. Мистелий Глат сквозь зубы покахимски выругался.— Пятеро шалеев и бан-шалей, командовавший конвоем, убиты. Преступник номер один в Йере скрылся бесследно... Нет мне спасения!..

На лице Сирха было изображено глубочайшее сочувствие, однако в душе преподобный ликовал. Все произошло именно так, как предсказал человек в черном! Разбойники напали на обоз и освободили Граиса. Теперь за голову Граиса была объявлена награда — десять тысяч дузов тому, кто доставит — живым или мертвым — преступника, которому уже дважды удалось бежать из-под стражи.

— Не волнуйся, благородный Мистелий,— елейным голосом произнес Сирх.— Я как раз собираюсь отправиться в Халлат, чтобы повидаться с сыном, и непременно замолвлю за тебя слово перед наместником. Я готов засви-

дете́льствовать, что тобо́й были предприняты все возможные меры безопасности и в том, что разбойники освободили своего сообщника, нет ни малейшей толики твоей вины.

— Благодарю тебя, преподобный,— буркнул кахимец, не очень-то обнадежденный обещанием Сирха.— Но, уверяю тебя, все это бесполезно!

Он рухнул в кресло и обхватил голову руками.

Сирх с едва заметной усмешкой посмотрел на чиновника. Будет он, Сирх, за этого кахимца заступаться — держи карман шире! Наоборот, представит этого Мистелия как растяпу, мечтающего о старых временах. Это пойдет в его, Сирха, копилку — в вопросе наделения Сирха полномочиями единого правителя Йера. С сыном нужно поговорить об этом, одернул он вдруг себя, не откладывать разговор на следующую встречу. Тем более что неизвестно, когда она будет, эта встреча. Сирх тяжело вздохнул. Ну почему, почему единственный близкий ему человек во всей этой выжженной солнцем стране так невнимателен к нему, холoden и сторонится с ним встреч?!! Ведь Килос — это его единственная и последняя надежда на то, что жизнь прожита не зря и что в жизни он добился и еще добьется многого, сын продолжит его дело и тогда не страшно будет умирать.

Сирх вздрогнул: «Умирать? Это сейчас совсем, мягко говоря, ни к чему. Это невозможно, этого не должно быть. Именно сейчас, когда появилась реальная надежда на выздоровление».

— Твоя работа на посту судебного вершителя Меллении выше всяких похвал, досточтимый Мистелий. Но...— сделав трагическую паузу, Сирх развел руками.— То, что произошло, должно было случиться рано или поздно. Наместник, да продлит Поднебесный его годы, не вправе предъявлять тебе какие-либо претензии, поскольку часть вины за случившееся лежит и на нем самом.

— Что ты такое говоришь?! — Мистелий Глат в ужасе вскинул руки, словно пытаясь укрыться от Сирха полами своей необъятной мантии.

— То же самое я скажу и самому наместнику,— усмехнулся Сирх, подумав про себя, неужели Мистелий считает его настолько глупым, что ожидает от него голословных обвинений в адрес наместника.— Разве не сам наместник издал указ, по которому всех приговоренных к смерти должны доставлять в Халлат для того, чтобы он лично мог разобраться с их делами? Разве ты сам, уважаемый, не мог вынести приговор по делу этого самозванца Граиса, причиняющего всем столько беспокойства? — Мистелий молча кивнул.— А разве не указ наместника, разрешающий йеритам свободно, без каких-либо дорожных документов, перемещаться из города в город, развязал руки разбойникам, бесчинствующим на дорогах? Прежде они сидели в горах, боясь шаг ступить на равнину. А ныне способны напасть на имперский обоз, идущий по центральной дороге между Халлатом и Мелленией! Неслыханная дерзость!

— Да,— тяжко вздохнул Мистелий Глат.— При прежнем наместнике было куда как спокойнее. Я не хочу сказать ничего плохого о Центии Офре...

— Я прекрасно тебя понимаю, достопочтенный Мистелий,— успокоил кахимца Сирх.— Центий Офр — прекрасный наместник и преданный слуга императора. Все, что ему требуется,— это дружеский совет добрых товарищ. Поэтому, я думаю, уважаемый Мистелий, тебе следует в письменном виде изложить свои соображения по поводу того, каким образом нынешнюю нервозную обстановку в Йере можно было бы сделать более спокойной. Я передам твоё письмо наместнику, сопроводив его собственными соображениями по данному вопросу.

— Ты считаешь, что это было бы уместно? — неуверенно спросил кахимец.

— Более чем уместно! — горячо заверил его Сирх.— Это будет не оправдание и не покаяние в собственных грехах, а рабочий документ, после ознакомления с которым у наместника не останется ни малейшего сомнения в том, что на должности судебного вершителя Меллении находится именно тот человек, который для нее и требуется!

— Ах, Сирх! — широким носовым платком Мистелий Глат вытер взмокший лоб.— Честно признаться, мне совсем не хочется возвращаться в Кахим. Я уже так долго живу в Йере, что привык и к местной пище, и к людям... И даже к этой ужасающей жаре! Мне нравится жизнь в Йере, спокойная и неторопливая, замирающая на время полуденного зноя. Я боюсь, что уже не смогу снова приспособиться к тому, как ведутся дела в Кахиме, где все построено исключительно на личных связях, интригах и подкупах...

— Ну, мы тоже не без греха,— смущенный столь неожиданным признанием, улыбнулся Сирх.

— Это совсем другое дело! — махнул рукой кахимец.— В Йере, если ты хочешь поскорее решить какую-то свою проблему, ты платишь, сколько и кому считаешь нужным. В Кахиме же для этого существуют специальные люди и твердые расценки. Без поддержки в той или иной форме самое простое дело будет годами пылиться в какой-нибудь канцелярии самой низшей инстанции... Да и не в этом даже дело...— Мистелий Глат подошел к столу, сам налил себе вина и бросил в бокал два кусочка подтаявшего льда.— В Йере я научился ценить такие, казалось бы, совершенно ничего не стоящие радости жизни, как этот кусочек льда, брошенный в вино...— Он сделал глоток и вдруг, без всякой связи с предыдущим, сказал: — Я ведь вынес всего лишь два смертных приговора за все время, что нахожусь в должности судебного вершителя Меллении. И оба они были утверждены наместником и приведены в исполнение. Пер-

вый — поджигателю, едва не спалившему всю Меллению, второй — Кровавому Изу, убивавшему всех, включая младенцев, в домах, которые он грабил.

— Это были, несомненно, справедливые приговоры,— не понимая, к чему клонит кахимец, кивнул Сирх.

— Как ты думаешь, преподобный, я мог бы вместе с семьей остаться жить в Йере, в случае, если мне придется оставить государственную должность? — держа в руке недопитый бокал, спросил Сирха кахимец.

— Я не думаю, что из-за случая с Граисом наместник отстранит тебя от должности,— совершенно искренне заверил судебного вершителя Сирх.

— Дело тут не в наместнике.— Так и не допив вино, Мистелий Глат поставил бокал на стол.— Я и сам начинаю подумывать о том, не пора ли оставить государственную службу.

— Как? — недоуменно уставился на кахимца Сирх.

— А вот так,— натянуто улыбнулся Мистелий Глат.— Куплю собственный дом, заведу небольшое хозяйство... Я кое-что скопил себе на старость. Меня больше волнует, сумеют ли мои дети найти в Йере свое место в жизни, будут ли они приняты йеритами как свои.

— Подожди-ка, уважаемый.— Чтобы собраться с мыслями, Сирх на мгновение прикрыл глаза.— Но ведь твои дети — кахимцы!

— Ты считаешь это непреодолимым барьером?

— Я привык считать, что кахимцы в Йере — это высшее сословие.

— Уважение ничего не стоит, когда оно держится на копьях солдат. Как только армии не станет, тех, кому недавно кланялись, повесят первыми. Я хочу, чтобы мои дети жили в Йере не как пришельцы, которых терпят только потому, что на их стороне власть и сила, а как...— Мистелий щелкнул пальцами, подбирая нужное выражение.— Как настоящие йериты, в конце-то концов!

— Ты прямо-таки ошарашил меня, уважаемый Мистелий.— Сирх опустился в шезлонг. Рука его непроизвольно потянулась к графину с вином. Вовремя уловив это движение, Сирх быстро отдернул руку и положил ее на колено.

Мистелий Глат сел в кресло напротив Сирха.

— Разве я совершил хоть что-то, чем мог заслужить презрение и ненависть тех, кто меня знает, будь то каҳимец или йерит? — спросил он.— Не я привел войска империи в Йер. И не моя вина в том, что йериты не смогли отстоять независимость своей страны. Я же хочу только одного — покоя. И для себя лично, и для всего Йера. За разбой я одинаково покараю и йерита, и каҳимца... Преподобный, ты слышал хотя бы об одном преступлении, совершенном шалеями на территории Йера? (Сирх молча повел головой из стороны в сторону.) И это не потому, что имперские власти скрывают подобные факты. Солдаты Каҳимской империи знают, что такое дисциплина и как жестоко можно поплатиться за ее нарушение. Но главное...— Мистелий Глат снова промокнул платком потное лиц,— главное заключается в том, что сама атмосфера Йера не располагает к применению насилия. Естественно, защищая свою жизнь или выполняя приказ, шалеи не задумываясь возьмутся за оружие и станут убивать. Но только потому, что это их работа, за которую император платит им деньги, а не потому, что это им нравится... Насколько мне известно, подобного не происходило ни в одной стране, завоеванной Каҳимской империей... Будь добр, преподобный, добавь мне льда в бокал...

Сирх, с интересом слушавший то, что говорил ему каҳимец, не сразу отреагировал на его просьбу. Только увидев протянутый в его сторону бокал, Сирх поспешно схватил серебряную ложечку и подцепил из чаши с талой водой кусочек льда побольше.

— И чем же ты все это объясняешь, уважаемый Мистелий? — спросил Сирх, кинув лед в бокал каимца.

— Я бы сам хотел получить ответ на этот вопрос.— Поболтав лед в вине, Мистелий Глат сделал глоток.— Но почему-то именно здесь, в Йере, несмотря на вашу жуткую жару, мы, каимцы, чувствуем себя как дома. В хорошем смысле этого слова,— нам не хочется ничего здесь разрушать и перестраивать на свой лад. Это я говорю тебе, основываясь не только на собственном опыте, но и на впечатлениях от посещения Йера многих каимцев, с которыми мне пришлось беседовать... И, как мне кажется, именно с этим связана и некоторая, порою не всегда оправданная мягкость, проявляемая наместником.

— Я сам йерит, и тебе, должно быть, кажется странным слышать от меня слова, призывающие к усилению мер контроля за местным населением. Меня и самого это, признаюсь, смущает... Особенно после того, что я только что от тебя услышал... Но, как я понимаю, наша общая цель — это сохранение в Йере мира и спокойствия...

Последняя фраза Сирха прозвучала как утверждение и одновременно как вопрос, обращенный к судебному вершителю Меллении.

— Совершенно с тобой согласен, преподобный,— слегка наклонил голову Мистелий Глат.— В особенности после недавних событий, связанных с самозванцем, выдающим себя за Граиса из Сиптима. После его побега из халлатской тюрьмы можно было еще сказать, что преступнику просто несказанно повезло. Но теперь, когда его сообщники напали на обоз, перевозивший арестанта, следует признать, что мы в значительной степени недооценили опасность, которую представляют собой разбойники, именующие себя «вольными». Своим бездействием мы дали им возможность сплотиться и почувствовать себя силой, способной противостоять кому бы то ни было.

— Думаю, что вольные сильно переоценивают свои силы и возможности,— заметил Сирх.

— Согласен с тобой,— кивнул Мистелий Глат.— Какие бы цели ни провозглашали их вожаки, по сути своей отряды вольных остаются разбойничими бандами. Для того чтобы стать армией, им не хватает организованности, дисциплины и единого руководства. Но в том и заключается главная опасность, что вольные не могут открыто противостоять имперским войскам и в то же самое время, чувствуя собственные силы, рвутся в бой. Следовательно, они изберут тактику нанесения стремительных ударов по жизненно важным центрам Йера с последующим быстрым отходом на защищенные позиции. Реальных успехов такая тактика принести им не сможет. Единственным результатом ее будет кровь, пролитая как солдатами империи, так и мирными гражданами Йера. А кровь, как известно, порождает новую кровь...— Кахимец тяжело вздохнул.— Боюсь, что, если в Йере начнется партизанская война, сюда будут направлены не вольнонаемные шалеи, а регулярные войска, способные за короткий срок потопить любое народное восстание в крови.

— Проклятие,— тихо произнес Сирх.

Перспектива, столь живо и убедительно описанная Мистелием Глатом, кроме всего прочего грозила еще и разрушить личные планы преподобного. Если в Йер войдут регулярные войска империи, то, естественно, и речи никакой не может быть о мирном договоре между Кахимской империей и Йером. А это означает только одно,— ни самому Сирху, ни его сыну никогда не стать правителями Йера.

Не подозревая о тщеславных планах преподобного, кахимец решил, что потрясенный вид Сирха объясняется его озабоченностью судьбой страны.

— Мне тоже не хотелось бы увидеть, как имперская армия вновь марширует по земле Йера,— сказал он.— И я думаю, у нас есть возможность предотвратить это.

— Как?! — Взгляд Сирха буквально пригвоздил кахимца к спинке кресла, заставив испуганно сжаться.

— Одно из двух,— искоса глядя на взъянного сверх всякой меры Сирха, ответил Мистелий Глат.— Либо одним стремительным ударом уничтожить основные силы вольных, что лично мне представляется трудноосуществимым, либо каким-то образом договориться с ними... Постарайся при встрече объяснить это наместнику, преподобный. От его действий в самое ближайшее время будет зависеть дальнейшая судьба Йера.

— И наша тоже,— с двусмысленной многозначительностью добавил Сирх.

Глава 13

СТРАННАЯ СВОБОДА

Грудвар неслышно подошел к Граису — ксенос сидел на плоском валуне, вросшем в землю у самой кромки воды.

— Мириады сущностей действуют одновременно,— не оборачиваясь, произнес Граис. Взгляд ксеноса плавно и неторопливо скользил по поверхности проносящихся у его ног потоков воды.— Сущностей беспорядочно много, а каждая возвращается, приходя к своему корню. Моя сущность — для того, чтобы наблюдать возвращение.

— А при чем здесь вода? — тихо спросил Грудвар.

— Вода в своем совершенстве приносит пользу мириадам сущностей, не соперничая при этом. Поэтому она близка Пути к Поднебесному.— Граис обернулся, чтобы взглянуть на собеседника.— Ты задал вопрос почти автоматически. Тебя беспокоит что-то иное.

— В лагерь прибыли предводители трех отрядов вольных, расположенных неподалеку.— Грудвар присел на корточки и, сорвав травинку, прикусил ее губами.— Касат просит и тебя присутствовать на их встрече.

— Я не вижу в этом смысла,— пожал плечами Граис.— Я уже высказал Касату свое мнение по всем интересующим его вопросам. Для других он может повторить мои ответы сам.

Несмотря на заверения предводителя отряда вольных о желании продолжить знакомство, Касат не искал новой встречи с Граисом. Ксенос этому был только рад,— не хотелось снова и снова повторять одни и те же слова, не находящие ни малейшего отклика у собеседника.

Обо всем, что происходит среди вольных, Граис узнавал от Грудвара, который много времени теперь проводил рядом с ним.

Вначале Граис даже решил, что это Касат велел бородачу присматривать за ним, но вскоре убедился, что интерес Грудвара к общению с ним был неподдельным.

Для своих бесед Граис и Грудвар выбрали около горной речки небольшую, поросшую травой площадку, на которой лежало три плоских валуна. Граис обычно садился на тот, что был ближе к реке, и, глядя на переливающиеся радужными всполохами струи прозрачной воды, начинал излагать Грудвару суть учения о великом Пути к Поднебесному. Задачу его в значительной степени облегчало то, что Грудвар, как и все йериты, был знаком с основными догмами учения. Однако, когда дело доходило до отдельных положений, служащих логическими обоснованиями главных постулатов учения, Грудвар начинал задавать такие въедливые вопросы, каких в свое время ксеносу не приходилось слышать даже от своих самых способных учеников. Ни одно понятие Грудвар не желал принимать просто на веру. Каждое слово, по его мнению, должно стоять точно

на своем месте и четко определять вкладываемый в него смысл.

Беседуя с Грудваром, Граис размышлял о странностях и перипетиях жизни. Пятнадцать лет назад Месс-ди-Месс и Граис были довольны, наблюдая результаты своей работы. Воздвигнуть мощную буферную зону на пути следования разрушительной событийной волны, используя для этого всего лишь словесные формулы,— такого в практике Центра прежде не бывало. Поздравляя ксеноса и его руководителя, кое-кто в шутку даже говорил, что все, произошедшее на Тессе-3, сильно смахивает на магию...

И вот, спустя пятнадцать лет, то, что когда-то казалось несомненной удачей, обернулось серьезной проблемой. Учение о великом Пути к Поднебесному, объединившее в свое время жителей Йера и даровавшее им возможность пусть нескорого, но тем не менее бескровного выхода из противостояния с Кахимской империей, теперь стало источником конфликта, грозящего перерасти в кровавую бойню в самом Йере. Возможность многогранного толкования постулатов учения привело к тому, что каждый видел в них именно то, что ему хотелось. Сирх во время своих проповедей произносил те же самые слова, что и отступники на своих тайных собраниях. И тем не менее в первом случае они призывали к преклонению перед властью империи, а во втором — к бунту.

Возможно, надо было тогда в беседах с учениками конкретно и четко расставлять акценты при объяснении постулатов учения, чтобы избежать двойного толкования основополагающих мыслей. Тогда бы и не понадобилось вновь в Йере создавать буферную зону.

— Я бы на твоем месте был более осмотрительным,— заметил Грудвар.— Если хозяева просят гостя присесть с ними за стол, то отказывать по меньшей мере невежливо.

— У меня нет иного хозяина, кроме Поднебесного,— ответил Граис.— И только он может указывать мне, что я должен делать.

— Ну, ты мог бы поприсутствовать на встрече хотя бы из чистого любопытства,— почесав бороду, сказал Грудвар.— Неужели тебе не интересно, о чем станут говорить между собой вожди?

— Ты же сумеешь завтра разузнать это для меня,— улыбнулся Граис.

Грудвар в ответ тоже хмыкнул.

— Ладно. Пойду узнаю, какие там дела.

Бородач встал и направился в сторону лагеря.

Проводив его взглядом, Граис зашагал к своему временному жилищу.

Багровое солнце, похожее на огромный переспелый курмат, насаженный на острые пики горного хребта, было великолепно — Граис даже остановился, любуясь этой красотой. Что нравилось Граису здесь, так это закаты. Он наблюдал уже четвертый, и ни один из них не был похож на предыдущий. Всякий раз цветовой оттенок предзакатного солнца был несколько иной. Должно быть, причиной этого явления были потоки теплого воздуха, поднимающиеся к вечеру из долины...

— Граис!

Он обернулся — Мида стояла рядом с его домиком, прячась в тени.

— Я еды тебе принесла.— Она смотрела на него с какой-то печалью.— И второе одеяло: сегодня будет холодная ночь — ты замерзнешь.

— Спасибо.— Граис подошел к Миде.— Но я уже ел.

— Где?— встрепенулась вдруг Мида.— У Касата?

— У Касата я никогда не ем,— заметил Граис.

— Но сегодня к нему прибыли вожди других отрядов — будет застолье.

Последние слова она произнесла сухо и неприязненно.

— Ты знаешь, Мида,— Граис внимательно посмотрел ей в глаза,— я еще в тот раз заметил, что ты не очень-то жалуешь Касата, да и других вольных. Я тебя правильно понял?

— Зайдем в дом,— Мида отворила дверь и прошла в домик.

Граис вошел вслед за ней и прикрыл дверь.

— Я ведь уйду отсюда, Мида,— произнес Граис,— и хочу, чтобы ты знала об этом.

— Я понимаю.— Она наклонила голову.— Я слышала твои слова.— Девушка вдруг вскинула голову.— Эти вожди — они, они... каждый борется за свое место под солнцем, каждый хочет власть на себя перетянуть...— Мида замолчала и отвернулась к стене.

— Я представлял себе это,— тихо сказал Граис.

— Но ведь вольные... они ведь за народ, за свободу. Ты ведь видел, как мы с Фироном живем...

Она даже всхлипнула, и тут же лицо ее стало замкнутым и неприступным — как тогда, в Халлате.

— Тебе Касат сможет дать хорошую жизнь?— спросил Граис.— Ты веришь в это?..

— Но ведь Фирон... он так много страдал, он искренне верит в вольных, да и я... Нет, я не знаю, Граис, что мне делать.

Граис развязал узелок, который принесла Мида, вытащил лепешку и кусок вяленого мяса и подал девушке.

— Поешь,— сказал он,— ты устала сегодня.

— Нет-нет,— отшатнулась она от еды.— Я не хочу.

— Тебе надо уходить отсюда,— твердо произнес Граис.

— Уходить...— обреченно проговорила Мида,— а как же Фирон?

— Фирон?— переспросил Граис.

— Это его последняя надежда.

— Надежда на что?

— Ну как? Он ведь хочет стать...— Она замялась.

— Мида,— Граис сделал шаг к ней,— ты должна вернуться в Халлат.

Девушка подняла голову — какое-то отчаяние блеснуло в ее глазах. Ни слова не говоря, она бросилась из домика, хлопнув дверью.

Граис, чуть помедлив, тоже покинул свое жилище. Миды уже не было видно. Постояв, он двинулся туда, где сегодня сидел с Грудваром и рассуждал о тонкостях учения.

Ему неожиданно пришла в голову мысль, поразившая его: все те события, которые в конечном итоге привели его в лагерь вольных, не могли являться результатами естественного стечения обстоятельств.

Ксенос, обладающий меньшим, нежели Граис, опытом работы, анализируя ход операции, несомненно, пришел бы к заключению, что причинами его неудач были случайности, которые невозможно ни предугадать, ни предотвратить. Граису же его опыт подсказывал, что если случайностей слишком много, то в проявлениях их следует искать некую общую закономерность. В данной ситуации все события, произошедшие с ним, имели общую направленность,— как можно дальше отвести ксеноса в сторону от выполнения его непосредственного задания. Из этого сам собой наращивался вывод, что все «случайности» были искусно спланированы и имели единый источник.

Каждый шаг неизвестного противника был выверен настолько тщательно, что даже сейчас, уже практически не сомневаясь в том, что кто-то, стоящий у него за спиной, управляет его действиями, Граис не мог с уверенностью определить те временные и пространственные точки, в которых на него было оказано воздействие. Любое из событий, произошедшее с ним в Йере, можно было отнести к разряду случайностей, однако суммирование их привело к тому, что ксенос так и не встретился с наместником, а оказался вместо этого в лагере вольных, в полной изоляции.

Впрочем, он мог оказаться среди вольных и на несколько дней раньше, если бы после побега из тюрьмы поддался уговорам Грудвара. Первая попытка провалилась, но вторая оказалась удачной — ксеноса привезли в лагерь вольных в железной клетке. Выходит, что этого и добивался неизвестный противник Граиса? Но какова в таком случае была его конечная цель?.. И кто же он, в конце концов?..

Предводитель вольных Касат, который, несомненно, собирался извлечь собственную выгоду из того, что Граис находился в его отряде и не имел возможности покинуть его, вряд ли стал бы проделывать для этого столь сложные манипуляции. Скорее он попытался бы просто похитить нужного ему человека. Да и не знал Касат о возвращении Граиса в Йер до тех пор, пока в его отряде не появился сбежавший из халлатской тюрьмы Грудвар...

Кстати, оба раза в побегах Граиса самое активное участие принимал Грудвар. Но если он и был как-то связан с неизвестным противником ксеноса, то являлся всего лишь марионеткой в его руках. Слишком уж бесхитростен и прямолинеен был бородач... Или же очень хорошо играл отведенную ему роль?..

Наиболее странным казалось Граису поведение Миноса. Сначала он сдал его шалеям, а затем прискакал к Фирону, чтобы через него предупредить вольных, которые имели желание и возможность освободить пленника. Поверить в то, что Минос действовал по собственной инициативе, Граис не мог,— слишком труслив был для этого его бывший ученик. А приказать Миносу мог лишь один человек — Сирх...

Здесь снова концы не сходились с концами. Сирх обладал достаточным умом и властью для того, чтобы превернуть подобную операцию. Он достаточно хорошо знал Граиса, чтобы суметь предугадать его поступки. Однако у Сирха не было никаких мотивов поступать подобным об-

разом. Он уже сказал свое слово, когда назвал Граиса са-
мозванцем, и тем самым, как сам считал, обрек его на
смерть...

А вот и валун, где он сидел с Грудваром. Граис присел
на камень и как завороженный стал рассматривать проно-
сившиеся по речушке щепки и листья.

— Граис!..

Голос, принадлежащий Касату, звучал громко и властно.

Граис медленно отвел взгляд от потока воды и, повернув
голову, посмотрел через плечо. В нескольких шагах от него
стояли четыре человека. Впереди — Касат, одетый в тра-
диционную одежду йеритов и, как всегда, с зачесанными
назад и перехваченными на затылке шнурком волосами.
Трех человек, пришедших вместе с ним, Граис видел впер-
вые. Должно быть, это и были те самые предводители от-
рядов вольных, прибывшие на совет.

— Граис... — под взглядом ксеноса Касат несколько сту-
шевался. Вид у него сделался не такой самоуверенный,
как вначале. Да и голос его зазвучал спокойнее и мягче.—
Граис, позовь представить тебе моих друзей.

— Прошу вас, присаживайтесь,— Граис рукой указал
на большие камни, во множестве разбросанные по берегу
реки.

Самый молодой из пришедшей с Касатом троицы криво
усмехнулся, вышел вперед и присел на камень напротив
Граиса. Остальные продолжали стоять не двигаясь.

— Меня зовут Аствир,— сказал молодой йерит.— Я пред-
водитель отряда вольных. Наш лагерь расположен у Эр-
типского перевала.

— Рад знакомству с тобой, Аствир,— уважительно на-
клонил голову Граис.

То, что Аствир, называя свое имя, не сказал, откуда
он родом, свидетельствовало о том, что он не принадлежал
ни к одному из кланов. Подтверждением тому служил и
платок, наброшенный на его плечи,— абсолютно белый,

без каких-либо орнаментов. Поверх традиционной йеритской рубашки на Аствире был надет кожаный жилет с нашитыми на него металлическими пластинами, как у имперских солдат. Левую щеку молодого йерита от уха до рта рассекал тонкий шрам. Граис отметил, что лекарь, зашивавший разрубленную щеку, проявил немалое искусство, чтобы сделать шрам почти незаметным. И все же, стягивая кожу, шрам уродовал улыбку Аствира, делая ее похожей на язвительную усмешку.

Аствиру было не больше тридцати лет, но при этом он не испытывал ни малейших признаков неуверенности или робости, находясь в компании более старших товарищев. Даже, скорее, наоборот, трое других предводителей вольных, пусть и с некоторой неохотой, все же признавали первенство Аствира. По крайней мере, ни один из них не высказал возражений по поводу того, что Аствир взялся вести переговоры с Граисом от их имени. И вел себя Аствир при этом как хозяин, принимающий в своем доме гостей.

— Ну, с Касатом ты уже знаком,— кривая улыбка вновь пересекла лицо Аствира,— а рядом с ним стоят Малтук из Кузала и Туркан из Дастамаха.

Малтук был мужчиной среднего возраста, с мелкими чертами лица, маленьkim острым носом и жиidenькой светлой бороденкой. Волосы у него также не отличались густотой, и тем не менее, подобно Касату, он по-боевому зачесывал их на затылок. Руки Малтука находились в постоянном движении,— он то прятал их за спину, то складывал на груди, то, сжимая ладони в кулаки, упирал в бока, то засовывал большие пальцы за широкий наборный пояс. На поясе у Малтука висел кинжал в ножнах, аляписто разукрашенных самоцветными камнями, что сразу же выдавало полное отсутствие художественного вкуса у его обладателя. Но зато выглядел кинжал богато.

Туркан был самым старшим из четырех предводителей вольных. Его прямые, заботливо и аккуратно расчесанные волосы, так же как и ухоженная борода, были почти седыми. Лицо его с высокими скулами, широко расставленными глазами и крупными чертами говорило о благородном происхождении. По орнаменту и расцветке кистей платка, наброшенного на плечи Туркана, было видно, что он принадлежит к роду Тан — одному из самых крупных и могущественных кланов.

— Да пребудет с вами вечно милость Поднебесного, благородные люди,— не поднимаясь с камня, учтиво приветствовал всех троих одновременно Граис.

— Я узнаю тебя,— не ответив на приветствие, произнес Туркан.— Много лет назад я был на одной из твоих проповедей.

— Не исключено,— улыбнулся Граис.— К сожалению, я не мог запомнить всех тех, кто приходил слушать меня.

Аствир чуть приподнял левую руку и сделал серьезное лицо.

— Нам нужна твоя помощь, Граис,— сказал он.

— Разве Касат не передал вам содержание нашей с ним беседы? — удивился Граис.

— Для Касата характерно проявлять необдуманную поспешность.— Аствир бросил быстрый, отнюдь не дружеский взгляд в сторону Касата.— Он не принял во внимание того, что тебя давно не было в Йере. Тебе конечно же требуется время: нужно осмотреться и разобраться в том, что происходит сейчас в стране. Я не сомневаюсь, что скоро ты не только поймешь необходимость назревших перемен, но и примешь их всем сердцем. Ведь мы, вольные, на деле осуществляем то, к чему ты призывал людей в своих проповедях.

— Серьезно? — Граис удивленно поднял бровь и обвел взглядом всех присутствующих.— Может быть, кто-нибудь и пример привести сможет?

— «Сила оружия ведет к уничтожению», — процитировал по памяти Туркан. — Это твои слова, Граис.

— Мои, — не стал возражать ксенос. — Но пока я еще не улавливаю никакой связи.

— Сила нашего оружия уничтожит власть Кахимской империи в Йере, — пояснил свою мысль Туркан.

— Я имел в виду, что сила оружия ведет к уничтожению того, кто взялся за него, — возразил Граис.

— Как же ты представляешь себе борьбу без оружия? — воскликнул Малтук, положив ладонь на рукоять кинжала.

Граис улыбнулся и, наклонившись, зачерпнул ладонью воду из реки.

— Нет ничего мягче и слабее воды, — произнес он, глядя на то, как вода капля за каплей вытекает у него между пальцев. — Но при столкновении с твердостью и силой никто не способен победить ее. Через слабость побеждают силу. Через мягкость побеждают твердость. Человек в жизни — мягкость и слабость. В его смерти — твердость и сила. Твердость и сила — это попутчики смерти. Мягкость и слабость — это попутчики жизни.

— «Верные речи не красивы. Красивые речи не верны», — произнес Туркан. — Это тоже говорил ты, Граис.

— Верно, — улыбнулся ксенос. — Но познание — не речь, а речь — не познание. И если ты заметил противоречие в моих речах, так скажи мне об этом.

Туркан хотел было что-то ответить, но Аствир жестом велел ему молчать.

— Если уважаемый Малтук и досточтимый Граис по-желают продолжить свой философский спор, — сказал он, — то смогут вернуться к нему чуть позже. Сейчас я бы хотел перейти к просьбе, с которой мы все собирались обратиться к тебе, Граис.

— Я готов выслушать тебя, — учтиво ответил Граис. — Но не могу обещать, что выполню то, о чем ты собираешься меня просить.

— Я не стану просить тебя взять в руки меч,— лицо Аствира вновь исказила кривая улыбка,— я хочу только, чтобы ты помог нам узнать: правду говорит человек или лжет.

Ксенос впервые за весь разговор с интересом посмотрел на йерита.

— Ты говоришь о каком-то конкретном человеке? — спросил он.

— Да,— наклонил голову Аствир.— Вчера вечером мои воины поймали в окрестностях нашего лагеря человека. Это был молодой йерит, по виду весьма состоятельный. Когда его задержали, он сказал, что сам искал вольных, чтобы сообщить им весьма важную информацию. То, что он рассказал, действительно может спасти всем нам жизнь. Но только в том случае, если человек говорит правду. Если же он лжет, мы рискуем угодить в хитрую ловушку, из которой вряд ли кому-то удастся выбраться живым. Как раз в это же время прискакал гонец от Касата с известием о том, что в его лагере находится знаменитый Граис из Сиптима. Я много слышал о твоих удивительных способностях, а потому и прихватил этого информатора с собой, надеясь, что ты сможешь распознать, содержится ли правда в его словах.

Аствир умолк, ожидая ответа.

Какое-то время Граис так же молча смотрел в глаза Аствира. Затем он медленно провел влажной ладонью по лицу.

— Я должен знать, о чем именно идет речь,— сказал Граис.

— Конечно,— поспешил кивнуть Аствир.— Он рассказал...

— Я хотел бы услышать это от него самого,— перебил Аствира Граис.— Так мне будет легче его понять.

— Ты будешь разговаривать с ним здесь? — спросил Аствир.

— Если никто не имеет ничего против... — Граис по очереди посмотрел на каждого из присутствующих.

Аствиру согласие остальных, похоже, не требовалось. Он сунул два пальца в рот и звонко свистнул. Тотчас же из-за кустов выбежал человек и кинулся к Аствиру.

— Давай сюда пленника! — махнул рукой Аствир.

Человек на бегу развернулся и бросился в сторону лагеря.

— Мне нужно немного времени, чтобы сосредоточиться, — сказал Граис.

Аствир молча кивнул.

На мгновение прикрыв глаза, Граис сделал глубокий вдох. Затем, подавшись вперед, он устремил взгляд на воду.

Граис реально оценивал свои возможности. Даже при его средних телепатических способностях не составляло особого труда определить, говорит человек правду или лжет. Конечно, если испытуемый не попытается выставить мысленный блок. Сосредоточиться ксеносу нужно было для того, чтобы еще до появления пленника проверить мысли своих собеседников. Граис не хотел рисковать, а поэтому должен был заранее убедиться в том, что предстоящий допрос не является очередной ловушкой, подготовленной для него таинственным противником.

Сделать это оказалось проще, чем он думал. Ни один из предводителей вольных не имел ни малейшего представления о психотехнике. Мысли каждого из них были открыты любому, кто мог проявить к ним интерес. Ксеносу этого оказалось достаточно, чтобы убедиться в том, что рассказ Аствира соответствует действительности.

— Я готов, — сказал Граис, оборачиваясь.

Пленник, доставленный посыльным Аствира, стоял недалеку. Руки его были связаны за спиной, но плечи он держал широко расправленными, а голову — гордо вскинутой вверх.

Едва только увидев его, Граис поднялся с камня и, сделав шаг вперед, назвал пленника по имени:

— Килос...

Вздрогнув от неожиданности, пленник пристальнее всмотрелся в лицо Граиса, который до этого был для него всего лишь одним из многих других окружающих его странных людей.

— Граис? — не веря своим глазам, удивленно произнес Килос.— Граис из Сиптима?.. Вот уж кого не ожидал здесь увидеть!

— То же самое я могу сказать и про тебя, Килос,— улыбнулся Граис.

— Я вижу, вы знакомы? — Поднявшись на ноги, Аствир удивленно посмотрел сначала на Килоса, а затем повернулся в сторону Граиса.— Ты знаешь, кто этот человек?

Широко расставив ноги и засунув руки глубоко в карманы, он стоял напротив ксеноса, ожидая ответа.

В первое мгновение Граис решил было скрыть, что Килос является сыном Сирха. Но, едва только взглянув в холодные глаза Аствира, он понял, что тому уже все известно про пленника,— Килос сам назвал себя. Вопрос был задан Граису с целью удостовериться в его лояльности.

— Это Килос, сын преподобного Сирха,— сказал Граис и после короткой паузы добавил: — Развяжите его.

— Разве в этом есть необходимость? — быстро спросил Касат.

— Развяжите его, или я ничего не стану делать,— не повышая голоса, повторил свое требование Граис.

— Развяжи,— приказал Аствир своему подручному, указав взглядом на Килоса.

Йерит незамедлительно выполнил распоряжение предводителя.

Согнув руки, Килос с наслаждением потер затекшие запястья.

— Присаживайся,— Граис указал Килосу на камень и сам сел напротив.

Чуть в стороне от них присел на валун и Аствир.

— Твое имя сейчас произносится в Йере чаще, чем имя самого Поднебесного,— Килос обращался только к Граису, демонстративно игнорируя присутствие вольных.— Но отец, на днях приехавший в Халлат, говорил, что человек, бежавший из столичной тюрьмы, а затем схваченный в Меллении, это самозванец, выдающий себя за Граиса из Сиптима.— Килос изучающе посмотрел на Граиса.— А может быть, ты и в самом деле самозванец?

— У тебя есть какие-то основания так думать? — спросил Граис.

— Отец не узнал тебя. А он в свое время был близко знаком с Граисом.

— Скажем так: он узнал меня, но не хотел, чтобы кому-то стало об этом известно. Так же, как узнал меня и Минос, который тоже был моим учеником. Иначе зачем он предупредил вольных о том, что меня схватили в Меллении и везут в Халлат?

— Это сделал Минос? — не смог скрыть своего изумления Килос.— Этот трус и размазня, все время отирающийся возле ног отца?

— Разделяю твоё удивление,— наклонил голову Граис.— Но именно так все и было. А как ты сам прекрасно понимаешь, Минос не стал бы действовать по собственной инициативе. У него для этого просто не хватило бы храбрости и силы воли. А вот приказа Сирха он ослушаться не посмел бы.

— Пожалуй, что так,— согласился с доводами Граиса Килос.— И все же мне странно видеть тебя среди вольных.

— Почему? — спокойно спросил Граис.

— Мне кажется, что методы борьбы, исповедуемые и используемые вольными, полностью противоречат твоему

учению, в основе которого лежат идеи ненасилия и не-противления злу,— ответил Килос.

— Надо же,— одобрительно кашнул головой Граис.— По-моему, ты первый, кто обратил на это внимание. Все остальные, похоже, считают, что могут свободно брать из моего учения только те фрагменты, которые отвечают их запросам.

Как и в первую встречу с Килосом, Граис отметил, что юноша отличался живым и пытливым умом, а также наблюдательностью, способностью к анализу и самокритичностью — сочетание качеств, дающее возможность обладателю их достичь невиданных высот при условии, что он изберет для себя верный путь. Килос, общение с которым доставляло ксеносу истинное удовольствие, пока еще, как видел Граис, находился на распутье. Его разум все еще имел сильных конкурентов в лицах врожденной эмоциональности и некоторой нервозной импульсивности, присущих юноше.

Аствир, внимательно слушавший разговор Граиса и Килоса, ни коим образом не проявлял своего нетерпения, в отличие от Малтука, который, как обычно, никак не мог найти места для своих рук и от раздражения, вызванного этим фактом, едва ли не подпрыгивал на месте.

— Так как же тебя угораздило попасть в плен? — спросил Граис у Килоса.

— Я сам искал встречи с вольными,— сказал Килос и, бросив взгляд в сторону Аствира, специально для него добавил: — Не знал, что у них принято держать друзей под замком со связанными руками.

— Тебя хотя бы накормили? — спросил Граис.

— Да, тут жаловаться не приходится,— кивнул Килос.

— Для чего ты искал вольных? — спросил Граис.

Аствир едва заметно двинул плечами, словно пытаясь освободиться от сковавшего их напряжения. Быстро глянув в его сторону, Килос улыбнулся:

— Я хотел предупредить их о том, что наместник готовится в ближайшее время провести крупномасштабную операцию по уничтожению лагерей вольных, местоположение которых ему прекрасно известно...

— Почему же в таком случае он не нападал на нас прежде?! — не смог удержаться от вопроса Малтук.

— Потому что в этом не было необходимости,— по-прежнему обращаясь к одному лишь Граису, ответил Килос.— Прежде он не воспринимал вольных как реальную угрозу.

— Что же заставило наместника изменить свое мнение? — спросил Граис.

— Беседа с отцом, который, как я уже сказал, на днях приехал в Халлат,— сказал Килос.— От отца же я и узнал о готовящейся операции.

— О чём же Сирх беседовал с наместником?

— Точно не знаю. О беседе мне известно только со слов отца. Но, насколько я понял, именно факт твоего побега из халлатской тюрьмы, а затем и нападение вольных на конвой, сопровождавший тебя в столицу, сыграли решающую роль. Наместник согласился с выводами Сирха, что действия вольных в ближайшее время могут принять необратимый и неконтролируемый характер.

— Неконтролируемый? — тут же переспросил Аствир.— Что ты хочешь этим сказать? Каким образом наместник может осуществлять контроль за вольными?

— Не знаю,— покачал головой Килос.— Но, судя по всему, наместник неплохо осведомлен обо всем, что у вас здесь происходит. Вольных он использовал так же, как и проповеди Сирха,— в качестве клапана, через который время от времени можно сбрасывать злость и протест, скапливающиеся в народных массах.

— С Сирхом он палку перегнул,— заметил Граис.

— Лично мне ситуация видится следующим образом,— сказал Килос.— До недавних пор Сирх и вольные пред-

ставляли собой две стороны одной медали. Ни одна из сторон не была способна реально влиять на обстановку в Йере, но любая из них давала возможность йеритам либо смиренно надеяться на лучшую жизнь, либо выражать гневный протест по поводу своего существования. Наместнику же оставалось лишь контролировать это равновесие. Сейчас наместнику кажется, что вольные начинают перетягивать канат, поэтому он и хочет восстановить равновесие.

— Выходит, что среди нас находятся люди, служащие наместнику? — спросил у Килоса Аствир.

— Попробуй сам ответить на этот вопрос, — даже не посмотрев в сторону Аствира, сказал Килос.

— Да что мы его слушаем? — негромко, но уверенно и веско произнес Туркан. — Мальчишку подослали специально, чтобы посеять между нами склоку. Если наместник и планирует что-то против нас, то только не военную операцию, — он хочет, чтобы мы сами перегрызли друг другу глотки.

— А тебе не кажется, уважаемый Туркан, что использовать для этой цели сына самого преподобного Сирха было бы слишком уж неразумно? — задал вопрос Граис.

— О том, что парень сын Сирха, мы знаем только с его собственных слов, — заметил Касат.

— Для чего же ему нужно было называться сыном преподобного?

— Чтобы придать своим словам убедительность. Слуге, подающему вино, Сирх вряд ли стал бы рассказывать о разговоре с наместником.

— Я могу подтвердить то, что Килос действительно является сыном Сирха, — сказал Граис.

— Ты тоже ненадежный свидетель, — мрачно пробурчал Туркан. — Кто поручится за то, что ты сам не служишь наместнику?

— В таком случае мне здесь, наверное, больше нечего делать,— спокойно произнес Граис, поднимаясь на ноги.— Какой вам смысл выслушивать мое мнение, если оно не внушиает доверия?

— Останься! — Аствир вскочил на ноги одновременно с Граисом.— Туркан не хотел тебя обидеть. Его невольная грубость объясняется только несдержанностью. Если ты пожелаешь, он принесет тебе свои извинения.

— Я сказал, что думал!..

— Заткнись, Туркан! — Не дав Туркану закончить фразу, Аствир стремительно развернулся в его сторону. Подняв левую руку, он направил указательный палец Туркану в грудь.— Если потребуется, ты будешь на коленях просить прощения!

— Да кто ты такой, чтобы указывать мне, Туркану из Дастамаха, что я должен делать? — Широко расставив ноги, Туркан положил ладонь на рукоять сабли, готовясь бросить вызов обидчику.

— Я владею саблей, быть может, не так искусно, как ты, Туркан, но мне известно множество более простых и эффективных способов лишения человека жизни,— усмехнулся Аствир.

Туркан вздрогнул, когда его горла коснулась холодная сталь остро отточенного лезвия ножа.

— Не советую тебе двигаться, Туркан,— совершенно серьезно произнес Аствир.— Иначе мой телохранитель перережет тебе горло.

Туркан замер, боясь шевельнуть хотя бы пальцем. Кожей он чувствовал горячее дыхание человека, находящегося у него за спиной.

— Он не посмеет,— сдавленно прохрипел Туркан.— Если он хотя бы тронет меня, его разорвут на куски.

— Он уже трогает тебя, Туркан,— снова усмехнулся Аствир.— И он не боится казни. Мои люди готовы умереть только по одному моему слову.— Посмотрев на Граиса,

Аствир добавил: — Таков их Путь к Поднебесному. Если ты не веришь мне, Туркан, попытайся вытащить саблю из ножен.

Рука Туркана судорожно сдавила рукоять сабли.

— Прекрати этот спектакль, Аствир! — вскрикнул Малтук.

— Пожалуйста,— разведя руки в стороны, заверил его Аствир.— Туркану всего лишь следует извиниться.

— Мне не требуются его извинения,— сказал Граис.

Аствир указал рукой на камень, и Граис снова сел на прежнее место.

Почувствовав, что лезвие ножа больше не щекочет ему кожу, Туркан резко обернулся. За спиной у него никого не было. Что-то злобно прошипев сквозь стиснутые зубы, Туркан потер ладонью занемевшую шею.

Кривая безобразная улыбка исчезла с лица Аствира. Он больше не смотрел на Туркан, предоставив ему возможность в одиночестве бороться с бессильной злобой и строить планы ужасной в своей неотвратимости мести.

— Итак,— Аствир взглядом указал на Килоса,— что ты можешь сказать по поводу услышанного?

— Я хочу услышать ответ еще на один вопрос,— сказал Граис и снова обратился к Килосу: — Ответь мне, Килос, что заставило тебя отправиться на поиски вольных? Ты ведь знал, что подвергаешь свою жизнь опасности. И, насколько я понимаю, ты не являешься сторонником их движения.

— Я — йерит. И у меня, как у всякого йерита, свой Путь к Поднебесному,— со сдержанной гордостью ответил Килос.— Одна жизнь ничего не стоит, когда есть возможность спасти тысячи других. Я решил предупредить вольных о готовящейся операции, потому что знал, что отговорить наместника от задуманного мне не удастся.

— Неплохо сказано.— Губы Аствира дернулись в улыбке, но что она должна была выразить, сказать было трудно.

— Килосу, как он и сам говорит, известно далеко не все из того, что обсуждали Сирх и наместник,— сказал Гравис.— Но то, что он нам рассказал,— чистая правда. В этом у меня нет ни малейшего сомнения.

— Так,— Аствир задумчиво потер ладонью изуродованную шрамом щеку.— Значит, нужно готовиться к серьезной битве. Что скажете, командиры? — посмотрел он на стоящих чуть в стороне трех предводителей.

— Если наместник намерен уничтожить наши лагеря, значит, нам нужно объединить свои силы,— сказал Касат.— Вместе мы сможем дать бой имперским войскам.

— Ты так считаешь? — прищурившись, глянул на него Аствир.

— По крайней мере, наши шансы на победу увеличиваются в несколько раз,— нервно произнес Малтук.— По отдельности каждый отряд будет уничтожен в два счета.

— На нашей стороне знание местности и осведомленность о планах противника,— сказал Касат.

— А на стороне кахимцев — хорошее вооружение, отличная подготовка и дисциплина,— заметил Аствир.— То, чего нам как раз очень сильно недостает.

— Так что же ты предлагаешь? — спросил Малтук.

— Пока ничего,— покачал головой Аствир.— Я только констатирую тот факт, что в открытом бою против кахимцев мы обречены на поражение. Для того чтобы победить, у нас недостаточно опыта и сил.

— Вы что, собирались обсуждать свои планы прямо здесь? — недовольно буркнул Туркан.

— А почему бы и нет? — с совершенно наивным видом Аствир развел руками.— Ты ведь уверен, что среди нас нет предателей. Не так ли, Туркан?

— Я отвечаю только за себя,— не глядя на Аствира, сказал Туркан.

— Послушайте,— обращаясь одновременно ко всем четверым предводителям отрядов, произнес Граис.— Вы подходите к решению проблемы не с той стороны. Подумайте о том, что даже если вам удастся одержать победу над войсками, которые собирается послать против вас наместник, то это будет ваша первая и последняя победа. Если в Йер будут переброшены регулярные войска империи — а так и произойдет, если наместник не сможет справиться с проблемой собственными силами,— то это станет концом не только для вольных, но и для всей нашей страны. После подавления восстания те, кто останутся живы, будут вспоминать нынешнюю жизнь как неосуществимую мечту.

— Мы и сейчас находимся под властью империи,— глухо произнес Туркан.

— И чего же тебе недостает, Туркан? — обратился к нему Граис.— Свободы?

— Власти,— глянув в глаза Граису, уверенно ответил Туркан.

— Я рад, что ты ответил честно,— сказал Граис.— Следовательно, ты признаешь, что ради собственной жажды власти готов посыпать на смерть тысячи людей?

— А вот им-то как раз нужна свобода,— ответил за Туркана Аствир.

— Нет,— уверенно возразил ему Граис.— Они не могут реализовать себя даже в рамках той свободы, которую предоставляет им империя. Зачем же им большая свобода?

— Тогда почему же все новые люди приходят к вольным? — спросил его Килос.

— А почему пришел к ним ты? — вопросом на вопрос ответил Граис.

— Я — йерит...

— Вот именно,— не дав закончить фразу, оборвал Килоса Граис.— И они тоже йериты. И хотят ощущать себя йеритами. Вы все,— широким взмахом руки Граис обвел

людей, находящихся рядом с ним,— отказываетесь воспринимать то, что, как вам кажется, пытается навязать Йеру империя. Вы будете кричать «нет» и морщить носы даже в том случае, если наместник приподнесет вам на блюде ту самую свободу, о которой вы сейчас ратуете. Потому что вам нужна не свобода, как таковая, а битва за свободу.

— Прежде йериты никогда не воевали со своими соседями,— спокойно возразил Граису Аствир.— Мы взялись за оружие только тогда, когда в этом возникла необходимость.

— Прежде каждый йерит в первую очередь определял свою принадлежность к тому или иному клану и только после мог сказать: «Я — йерит». Что объединяло представителей одного и того же клана? Совместное землепользование и общие родовые корни. После вторжения Кахимской империи клановая система на территории Йера рухнула главным образом потому, что, в соответствии с законами империи, все родовые земли были национализированы. Каждый, работающий на земле, должен был платить государству налог.

— Империя растоптала наши вековые традиции,— комментируя слова Граиса, произнес Туркан.

— Согласен,— кивнул Граис.— Но так ли важны были эти традиции, если, подобно путам на ногах чеклаков, они не позволяли Йеру двигаться вперед? Разве не по причине приверженности традициям мы оказались не готовы к вторжению кахимцев? И разве сейчас мы сами не отказываемся от традиций, забыв о клановых противоречиях и пытаясь осознать себя как единый йеритский народ?

— Но ведь это и есть движение вперед,— заметил Килос.

— Верно. Но, сами того не замечая, мы движемся по пути, проложенному для нас Кахимской империей. Нравится нам это или нет, но именно вторжение кахимцев объединило Йер в единое государство. И пугает нас вовсе

не власть Кахимской империи, а то, что в новом Йере кахимцы становятся большими йеритами, чем коренные жители.

— Как это понимать? — удивленно поднял брови Аст-вир.

— Кахимцы обладают потрясающей способностью к ассимиляции. Они легко и непринужденно перенимают тот образ жизни и те традиции, которые характерны и, что самое главное, целесообразны для территории, где они проживают. В Йере кахимцы едят нашу пищу, носят одежду, похожую на ту, что носим мы. Все они, от государственного чиновника до последнего шалея, говорят на нашем языке, в то время как самые образованные из йеритов понимают в лучшем случае две-три простенькие фразы на кахимском. Плюс к этому — веротерпимость кахимцев. Им все равно, в каких богов верить, лишь бы только эти боги не мешали им жить так, как они хотят. Через два-три поколения кахимцев, живущих в Йере, невозможно будет отличить от коренных йеритов. В то время как мы, не имея подлинной национальной идеи, способной объединить всех йеритов, находим себя только в противопоставлении всему остальному миру. И все движение вольных держится на утверждении, что подлинный йерит лишь тот, кто готов сражаться с Кахимской империей. Йеритов влечет к вольным не жажда битвы, а необходимость ощущать свое единение со всем остальным народом.

— В отсутствии других, национальная идея, предложенная вольными, мне кажется не такой уж плохой,— заметил Туркан.

— С таким же успехом можно было предложить йеритам идею всеобщего самоубийства,— ответил ему Граис.— Мы должны не учиться убивать, а учиться жить рядом с кахимцами, перенимая у них все самое лучшее и ни в чем не уступая им. Они занимают главенствующее положение в общественно-политической жизни Йера не потому, что

на их стороне власть и сила, а потому, что мы сами не имеем ни малейшего представления о принципах государственного устройства.

— Ничего, жили как-то и без этого! — Полусогнутой левой рукой Малтук изобразил над головой замысловатую кривую.

— Вот именно, что «как-то»! — повернулся к нему Граис.— Теперь так уже не получится. Мир изменился, и мы должны либо измениться вместе с ним, либо как нация уйти в небытие.

— По-моему, мы слишком уж далеко отклонились от первоначальной темы,— громко произнес Аствир.— Граис, ты начал с того, что, поскольку силовое противостояние вольных и имперской власти может разрешиться не в нашу пользу, следует искать иное решение проблемы. У тебя есть какие-то конкретные предложения или идеи?

— Наместник рассчитывает покончить с вольными одним неожиданным и сильным ударом,— говорил Граис, обращаясь одновременно ко всем.— Он, так же как и мы, не заинтересован в том, чтобы в Йер были введены регулярные войска империи. В этом случае он будет вынужден уступить большую часть своей власти временному военному коменданту, который прибудет в Йер вместе с армией. Если военные действия затянутся надолго, то временный комендант станет постоянным наместником, сменив на этом посту либерала Центия Офра. В результате Центий Офр теряет синекуру, которой является для него Йер, и отправляется в Кахим, где невозможно получить хорошую должность, не погрязнув при этом в дворцовых интригах и склоках. Мы же взамен либерального правителя, ограничивающего наши права и свободы ровно настолько, насколько мы сами вынуждаем его делать это, получаем военную диктатуру. Таким образом, для того чтобы каждый остался при своем, нам остается только убедить наместника

в том, что вольные не представляют для него никакой угрозы.

Откинувшись назад, Аствир оперся руками о камень и протяжно свистнул.

Малтук ударил ладонью о ладонь, словно мигату прихлопнул, и по-глупому хохотнул.

— Ничего себе предложенъице,— высказал мнение всех присутствующих Касат.

— Наместник, так же как и мы, не заинтересован в крупномасштабных боевых действиях на территории Йера,— медленно, чтобы эта мысль дошла до каждого, повторил Граис.— План его операции по уничтожению вольных основан на стремительности и неожиданности нападения шалеев на их лагеря. В противном случае шалеи встретят организованное сопротивление. Наместник должен понимать, что даже в том случае, если вольные проиграют сражение, сам факт начала боевых действий послужит сигналом для народных волнений и стихийных бунтов по всей стране.

— Так это же только нам на руку! — Касат воинственно потрясал кулаком.— Бросим в бой с шалеями часть своих отрядов, а основные силы отведем за перевал! Нам останется только копить силы и ждать, когда страна забурлит, чтобы нанести новый удар по кахимцам!

— Мы еще не дослушали, что хочет предложить нам Граис,— не глядя в сторону Касата, произнес Аствир.

— Я предлагаю отправить к наместнику парламентеров, которые и поставят его в известность о том, что вольные готовы встретить посланных им солдат.

— И тогда он изменит свои планы,— мрачно буркнул Туркан.

— Совершенно верно,— согласился с ним Граис.— Именно этого мы и добиваемся. Понимая, что использование военной мощи империи приведет к нежелательным для

него последствиям, наместник будет вынужден пойти на переговоры с вольными.

— Бред! — уверенно воскликнул Туркан.— Наместник никогда не пойдет на переговоры с нами!

— Ни на какие официальные переговоры с вольными наместник конечно же не согласится,— спокойно продолжал Граис.— Но заключить сделку, о которой будут знать только договаривающиеся стороны, наместник, как я думаю, не откажется.

— И о чём же ты думаешь договориться с кахимским наместником? — спросил Граиса Аствир.

— Это вам решать,— широким жестом Граис раскинул руки в стороны.— Ради чего, собственно, вы собираетесь сражаться с кахимцами?

— Ради того, чтобы ни одного кахимского выродка не осталось на земле Йера,— процедил сквозь зубы Туркан.

Граис усмехнулся и покачал головой.

— Подобное условие, как мне кажется, наместник откажет обсуждать.

— Так что же мы можем у него потребовать? — спросил Касат.

— Начинать нужно с малого,— ответил Граис.— Нужно выдвигать реальные требования. Во-первых, наместник должен иметь возможность выполнить их, а во-вторых, выполнение требований вольных не должно компрометировать его перед императором.

— Один момент,— Аствир поднял руку с растопыренными пальцами.— Поправьте меня, если я ошибаюсь. Я так понимаю, что если мы что-то собираемся требовать от наместника, то должны и взамен что-то предложить? Или нет?

— На то и переговоры, чтобы попытаться достигнуть взаимовыгодных соглашений,— ответил ему Граис.

— И все же, чем мы собираемся заинтересовать наместника?

— Главное сейчас просто начать эти переговоры,— уверенно сказал Граис.— Значимой является сама попытка найти мирный выход из сложившейся ситуации. Для начала, в ответ на согласие наместника не проводить операции по уничтожению лагерей вольных, предводители могут дать обещание прекратить грабежи на дорогах.

— А что же мы тогда будем есть? — тут же задал вопрос Малтук.

— Да нет же, все это глупо до безумия,— тряхнул головой Касат.— Мы что, собираемся торговаться своими принципами, так же как и Сирх? Во что мы превратимся, если заключим договор с наместником?

— А по-моему, в предложении Граиса есть смысл,— неожиданно произнес Туркан.— Переговоры с наместником, даже если и не принесут никаких результатов, помогут нам выиграть время для того, чтобы собрать силы.

— Послушайте! — Граис сделал несколько шагов.— Вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что наместник считает вольных борцами за свободу и независимость Йера! Нет! Для него вы просто разбойники, промышляющие на больших дорогах! А то, что вы сумели объединиться и наладить взаимодействие между отрядами, делает вас лишь опаснее! И не только для наместника, но и для всего мирного населения Йера! Переговоры должны в первую очередь убедить наместника в том, что вольные в своих действиях преследуют политические цели!

— Мне нет никакого дела до того, что думает обо мне наместник! — рявкнул Туркан.— Единственное, что я могу ему предложить,— пусть убирается из Йера вместе со всеми остальными кахимцами! И тогда, может быть, ему удастся оставаться в живых!

— Впечатляющая речь,— посмотрев на Туркана, спокойно произнес Аствир.— Вот только достаточно ли у тебя сил, Туркан, для того, чтобы осуществить свои угрозы?

— У меня достаточно решимости...

— Замолчи, Туркан,— досадливо поморщился Аствир.— По-моему, ты сегодня уже имел прекрасную возможность убедиться, что со своей решимостью ты рискуешь оказаться с перерезанным горлом.

— Если бы у тебя хватило мужества выступить против меня в честном поединке!..— Туркан схватился за рукоять сабли, но, вспомнив о проворном убийце Аствира, оставил клинок в ножнах.

Слова Туркана не произвели на Аствира ни малейшего впечатления. Он даже не двинулся с места.

— Для того чтобы победить, одного мужества недостаточно,— сказал он, обращаясь к сидящему напротив него Граису.— Нужен еще и ум. Не так ли, Граис?

— Справедливые слова, Аствир,— согласился Граис.

— Так о чем же, по твоему мнению, мы можем договориться с наместником?

— Для начала о прекращении каких-либо действий как с одной, так и с другой стороны. Если подобное соглашение удастся заключить, то это уже будет означать, что наместник признает вольных как реально существующую силу, с которой необходимо считаться. В дальнейшем может быть создана постоянно действующая комиссия по подготовке соглашения о принципах мирного сосуществования йеритов и кахимцев на территории Йера.

При последних словах Граиса Туркан злобно скрипнул зубами, но вслух ничего не произнес.

— Принципы мирного сосуществования,— вслед за Граисом задумчиво повторил Аствир и медленно провел пальцем по шраму на щеке.— Признаться, я тоже мало верю в такую возможность. Но тем не менее считаю, что нужно попытаться использовать и этот шанс.

— Я против! — рыкнул Туркан.

— Понятное дело,— не глядя на него, кивнул Аствир.— Малтук, что скажешь ты?

— Если ты считаешь, что стоит попытаться...

Малтук умолк, не закончив фразы. Руки его, не находя покоя, двигались безостановочно, скользя то по плечам, то по бедрам, то по волосам. Создавалось впечатление, что Малтук пытается сам себя успокоить и приласкать.

То, что он не станет возражать Аствиру, было понятно всем присутствующим.

— Касат?..— Аствир скосил взгляд на последнего из предводителей вольных, пока еще не высказавшего своего мнения.

Сцепив руки за спиной, Касат носком сандалии ковырнул землю.

— Мой лагерь ближе остальных к столице,— сказал он.— Поэтому и первый удар, скорее всего, будет нанесен именно по нему... Я согласен на переговоры, но только в том случае, если в мой лагерь будут переброшены дополнительные силы.

— Это я тебе обещаю,— кивнул Аствир.— Даже если Туркан решит остаться в стороне, мы с Малтуком сможем выделить воинов для обеспечения безопасности твоего лагеря.

— В таком случае у меня возражений нет,— слегка развел руками Касат.— Вопрос только в том, кто отправится в Халлат, чтобы встретиться с наместником. Лично я от такой привилегии отказываюсь...

— К наместнику пойду я,— сказал Граис.

— На тебя объявлен розыск по всей стране,— попытался возразить ему Аствир.— Если ты и сможешь увидеться с наместником, то сам при этом будешь в кандалах.

— Моя печальная знаменитость может и службу мне сослужить,— улыбнувшись, ответил Граис.— По крайней мере, никто не станет требовать у меня доказательств того, что я действительно говорю от лица вольных. Ну а чтобы не оказаться в кандалах, я вначале нанесу визит преподобному Сирху, который, как сообщил нам Килос, в настоящее время находится в Халлате. Он-то и поможет мне встретиться с наместником.

— Сирх и разговаривать с тобой не станет,— заметил Касат.— Забыл, чем закончилась ваша встреча в Меллении?

— На этот раз Сирх выслушает меня очень внимательно,— возразил Граис.— И сделает все, что я ему скажу.

— Откуда такая уверенность? — настороженно поинтересовался Аствир.

— У нас же находится сын Сирха,— протянув руку, Граис положил ее на плечо Килоса.— Если ты не откажешься написать соответствующее письмо своему отцу, то я смогу представить дело так, словно вольные держат тебя в заложниках и моя свобода является гарантией твоей жизни.

— Ну, в общем-то, так оно и есть на самом деле,— криво усмехнулся Килос.

— Ни в коем случае,— протестующе взмахнул рукой Граис.— Я никуда не пойду, если мне не будет обещано, что, вне зависимости от того, как закончится моя миссия, с тобой ничего не случится.

— Естественно,— тут же поспешил заверить Граиса Аствир.— Мы держали парня связанным только потому, что опасались, не шпион ли он.— Повторяя жест Граиса, Аствир положил руку на плечо Килоса.— Теперь ты наш гость.

— Я напишу письмо,— сказал, обращаясь к Граису, Килос.— Но, боюсь, ты сильно переоцениваешь родственные чувства, которые испытывает ко мне отец.

— Быть может, ты просто пока еще не готов принять его любовь,— ответил, улыбнувшись, Граис.

Глава 14

ПОСЛАННИКИ

Вместе с Граисом отправиться в Халлат вызвался Грудвар.

— Ну, если Граис считает, что письмо от сынка Сирха послужит для него надежной защитой,— сказал бородач,—

то, наверное, и меня не тронут.— После чего он почесал затылок и смущенно добавил: — Бес его знает, когда еще представится возможность повидаться с кахимским наместником, не боясь, что после этого тебя передадут в заботливые руки палача.

Грудвар уговорил идти вместе с ними и своего приятеля Слима, известного Граису еще по халлатской тюрьме.

Четвертым в группе был йерит из сопровождения Аствира, которого все называли Бурдюком. Лицо его и впрямь было похоже на старый, потертый кожаный мешок для воды. Однако простоватый вид Бурдюка был обманчив. Граис сразу же обратил внимание на то, как внимательно и хитро посматривают его маленькие серые глазки, прячущиеся среди плотных складок кожи на помятом, оплывшем лице.

Бурдюк Граису не понравился, но Аствир заверил его в надежности йерита, сообщив также, что тому известны тайные места для передачи сообщений в окрестностях Халлата. Поскольку связь с основными силами вольных была необходима, возражать против присутствия Бурдюка в группе Граис не стал.

На рассвете четверо путников верхом на чеклаках покинули лагерь вольных. К полудню они спустились в долину и углубились в лес.

Путь был неблизкий, а потому всадники и не погоняли своих чеклаков, зная, что засветло им до Халлата все равно не добраться.

По дороге они почти ни о чем не разговаривали. Бурдюк ни с кем не был знаком и, похоже, заводить новых приятелей не собирался. Он ехал позади остальных, все время глядя в одну точку. Слим держался тоже как-то напряженно и скованно, что, в общем-то, было вполне объяснимо,— не каждый день простой йерит отправляется в путь, чтобы встретиться с самим кахимским наместником. Один только Грудвар то и дело пытался разговорить Граиса. Но на все

его вопросы ксенос отвечал однозначно и с явной неохотой, так что надолго усилий бородача не хватало. Самому же Граису хотелось какое-то время побывать в одиночестве, чтобы еще раз тщательно взвесить все «за» и «против» весьма сомнительного предприятия, в которое он по собственной же инициативе и ввязался.

Граис и сам удивлялся тому, с какой легкостью ему удалось убедить предводителей вольных согласиться с планом, который возник у него случайно по ходу разговора с Килосом, принесшим неожиданную весть. Все было построено на допущениях, предположениях и догадках. В том, что Сирх на этот раз согласится выслушать его, Граис не сомневался. Но как поведет себя наместник, тут уж он не имел ни малейшего представления. Оставалось надеяться только на то, что он хотя бы из чистого любопытства захочет увидеть наглеца, предлагающего ему вести переговоры с бандой разбойников, каковыми считал Центий Офр вольных. Но для Граиса это был, пожалуй, последний шанс добраться до наместника.

Однако как все запуталось и усложнилось за те несколько дней, что он провел в Йере! Первоначально предполагалось, что ему нужно всего-то заставить умолкнуть Сирха, раздражавшего народ своими проимперскими проповедями. А теперь он едет к наместнику, чтобы убедить того не начинать военных действий против вольных. Кахимцы обладают достаточной силой для того, чтобы полностью уничтожить несколько лагерей повстанцев. И даже то, что вольным стало известно о замыслах наместника, вряд ли сыграет какую-то роль. Это будет даже не война, а уничтожение плохо вооруженных и не имеющих практически никакого боевого опыта отрядов йеритов. Но после этого уж никто — ни наместник, ни император, ни даже сам Поднебесный, существуй он на самом деле,— не сможет остановить волну насилия, которая захлестнет Йер... Стра-

на, которая могла бы стать родиной для двух народов, станет кладбищем для одного из них.

Впрочем, и такой результат был вполне приемлем для Центра. Диктаторского режима, который, вне всяких сомнений, будет установлен на территории Йера по приказу императора после жесткого подавления народных волнений, будет вполне достаточно для того, чтобы судьба буферной зоны на Тессе-3 более не вызывала волнений у аналитиков Центра. Однако подобное решение проблемы стало бы поражением для Граиса. И для всей школы ксеносов, созданной Месс-ди-Мессом, в основе которой лежал принцип минимального вмешательства в исторические события.

Путники переночевали в лесу и с первыми лучами солнца снова оседлали своих чеклаков. Вскоре они выехали на дорогу, ведущую к Западным воротам столицы. По пути они встретили два больших военных лагеря. В каждом было не меньше полутора тысяч шалев. На проезжающих мимо них путников шалеи, занятые приготовлением еды и обустройством лагеря, не обращали никакого внимания.

— Похоже, парень не соврал,— негромко произнес ехавший бок о бок с Граисом Грудвар.— Наместник стягивает отряды шалеев к столице, чтобы в случае надобности иметь их под рукой.

Ксенос молча кивнул. Достоверность того, что рассказал Килос, с самого начала не вызывала у него сомнений.

Когда впереди показались городские стены, Граис, Грудвар и Слим слезли с чеклаков и отдали их Бурдюку. Ведя чеклаков в поводу, Бурдюк направился в сторону ворот, чтобы, заплатив пошлину, войти в город. Троє остальных пешком направились вдоль городской стены, пока не дошли до того места, где стену заменяли груды камней.

Нищие, использующие это место для ночлега, давно уже находились на своих рабочих местах, поэтому можно

было свободно занимать любую из нор, вырытых среди камней, где царили жуткая грязь, зловонный смрад и насекомые-кровососы. Местечко было далеко не привлекательным. Но зато и шалеи, патрулирующие улицы города, обычно сюда не заглядывали, боясь подцепить какую-нибудь дурную болезнь или, чего доброго, получить камнем по голове. Давно уже в городском совете шли разговоры о том, что пора очистить столицу от нищих, но наместник откладывал решение этого вопроса до того времени, когда будет достроена городская стена. Какой смысл было отлавливать нищих и выставлять их за ворота, если ночью они снова пробирались в город через прорехи в недостроенной стене. Строительство же стены постоянно затягивалось не потому, что в городской казне не хватало на это средств. Король нищих платил подрядчикам вдвое больше того, что им предлагали за работу, в том случае, если они от нее отказывались. Через дыры в городской стене вместе с нищими, пробирающимися в столицу, в его руки стекались сотни, тысячи дузов. Пусть грязные, затертые и воносящие отвратительно, но это были деньги, на которые можно было купить все, включая те самые дыры в городской стене.

Граис с двумя своими спутниками, найдя относительно чистое местечко в тени, устроились поудобнее и подготовились ждать возвращения Бурдюка.

Тем временем Бурдюк, войдя в Халлат через Западные ворота, нашел небольшой постоянный двор, где, заплатив хозяину, оставил под его присмотром чеклаков.

Присев за стол, Бурдюк угостил хозяина вином. Представившись крестьянином, приехавшим в столицу для того, чтобы узнать, стоит ли везти сюда свой будущий урожай он завел разговор, какой обычно ведут приезжие,— о ценах, о том, где и что можно купить подешевле и кому выгоднее сбыть свой товар. Заодно он узнал и все городские новости. Услышав, что на днях в столицу прибыл преподобный

Сирх, «крестьянин» Бурдюк страшно разволновался. Ему ужасно хотелось увидеть преподобного хотя бы издалека, чтобы было о чем рассказать, вернувшись в свою деревню. Посмеиваясь про себя над неотесанной деревенщиной, хозяин постоянного двора указал ему, как пройти к дому Сирха.

Бурдюк без особого труда отыскал трехэтажный дом, облицованный плитами редкого в Йере серого с серебристыми прожилками мрамора. Во всем мире существовало лишь одно месторождение этого удивительного камня, сияющего под лучами солнца, подобно таинственной паутине снов, и находилось оно в безводной каменной пустыне, раскинувшейся на самой дальней границе некогда свободного государства Буссар, захваченного и растоптанного Кахимской империей. Дом окружал огромный сад, который, в свою очередь, был обнесен стеной, выглядевшей гораздо надежнее и неприступнее городской.

Обойдя вокруг дома преподобного Сирха, Бурдюк обнаружил в стене только двое ворот. Одни выходили в небольшой кривой переулок и служили для доставки в дом провианта и прочих необходимых вещей. Должно быть, этими же воротами пользовались и слуги. Другие же ворота выходили на широкую, мощенную бурым кирпичом дорогу, ведущую к храму. По краям от ворот, в тени возведенного над ними навеса, стояли двое шалеев в полной боевой форме, с копьями и при мечах.

Пройдя пару раз по улице на глазах у стражников, Бурдюк наконец остановился возле одного из них и сделал ему знак рукой.

— Проваливай,— не двинувшись с места, сквозь зубы прощедил шалей.— Преподобный будет принимать прошения и жалобы в храме после вечерней проповеди.

— У меня не жалоба.— Бурдюк ощерил свои кривые, желтые зубы в уродливой улыбке.— У меня подарок для преподобного. Взгляни-ка, это не твой хозяин потерял?

Бурдюк поднес к самому носу шалея небольшой круглый медальон на тонкой золотой цепочке. На медальоне, который отдал Граису вместе с письмом Килос, была изображена священная Стрела Бытия, указывающая на вершину горы Эртип.

— Красивая вещица.— Бурдюк покрутил медальоном перед носом шалея.— Не особо дорогая, зато памятная. Отнеси хозяину — глядишь, и тебе награда перепадет. А я здесь подожду...

— У меня нет хозяев,— прощедил сквозь стиснутые зубы шалей.

— А как же ты без них? — удивленно уставился на него Бурдюк.— Кто ж тебя здесь поставил?

— У меня есть командир,— со сдерживаемой ненавистью ответил шалей.— Хочешь увидеть слуг преподобного — пожалуйста.— Стражник тупым концом древка копья с силой ударил в ворота.— Только не говори потом, что хотел пройти мимо.

В левой створке ворот открылась небольшая дверца. Огромный лысый эребиц, с трудом протиснув свое обнаженное по пояс мускулистое тело сквозь узкий проход, вышел на улицу. Понимая, что с таким верзилой, да еще к тому же вооруженным бичом, шутки плохи, Бурдюк сразу же показал ему медальон Килоса. Эребиц медальон узнал.

— Откуда это у тебя? — страшно коверкая слова, выпавшие из его рта, словно гравий из камнедробилки, проговорил эребиц.

— Нашел,— быстро ответил Бурдюк.— А если преподобному интересно, могу и место показать.

Не говоря больше ни слова, эребиц сгреб Бурдюка за шиворот и втащил во двор.

Как только рука, державшая его, несколько ослабла, Бурдюк ловко вывернулся и отпрыгнул назад, прижавшись спиной к воротам.

— Ты что! — испуганно заорал он, глядя на полуголого великана.— Я ведь сам пришел!

— Давай,— эребиец протянул к Бурдюку свою огромную лапищу.

Отступать было некуда, и Бурдюк положил медальон на широкую ладонь, которая тут же сжалась в кулак, похоронив в себе золотую вещицу.

— Жди здесь,— сказал Бурдюку эребиец и направился по тропинке к дому.

Бурдюк быстро огляделся по сторонам. Сад, которым окружил свой дом преподобный Сирх, был поистине великолепен. Можно было подумать, что в нем собраны растения со всего мира. Даже самые обыкновенные деревья и кусты, ухоженные и аккуратно обрезанные, казались удивительными творениями природы, созданными в единственных экземплярах. Однако внимание йерита сразу же привлекли странные деревья, стоявшие на равных интервалах вдоль проложенных по саду аллей. Бурдюк даже и не подозревал, что могут быть такие деревья, у которых вместо листьев на веточках мелкие кожистые чешуйки темно-зеленого цвета. Ветви этих удивительных деревьев росли прямо от корня и, изгинаясь подобно тугу натянутым лукам, образовывали в центре просторные беседки, защищенные от солнца и дождя. А поверху каждая такая живая беседка была усыпана огромными белыми цветами с широкими продолговатыми лепестками, источающими медовый дурманящий аромат, от которого кружилась голова.

Бурдюк словно зачарованный сделал шаг в сторону ближайшего к воротам дерева-беседки. Его неудержимо тянуло войти внутрь, чтобы, полностью погрузившись в изумрудный свет и пьянящий аромат, забыть обо всем на свете...

Тяжелая ладонь легла сзади на плечо йерита.

Вздрогнув от неожиданности, Бурдюк стремительно обернулся. Позади него стоял слуга-эребиец, точно такой же,

как и тот, что ушел с медальоном,— по пояс голый, лысый и с коротким кожаным бичом в руке. И где только мог прятаться такой гигант?

— Куда идешь? — пробубнил эребиец.

— Никуда.— Дернув плечом, Бурдюк безрезультатно попытался скинуть давящую на него руку.— Жду, когда меня в дом пригласят.

Эребиец шутки не понял.

— Стой на месте, когда ждешь,— сказал он, отпуская плечо йерита.

— Понял,— буркнул Бурдюк, возвращаясь к воротам.

Эребиец встал рядом с йеритом — массивный и неподвижный, как скала.

Вскоре вернулся первый эребиец. Не говоря ни слова, он схватил Бурдюка за запястья и вздернул руки йерита вверх. Другой эребиец, подойдя к Бурдюку сзади, так же молча облапил своими огромными ручищами его тело.

— Эй, вы что задумали?! — попытался было протестовать Бурдюк, но тут же приумолк, сообразив, что, раз уж его обыскивают, значит, собираются допустить к преподобному.

Вытащив из-под рубашки йерита лист серой бумаги, на котором было написано письмо Килоса, эребиец внимательно осмотрел его с обеих сторон. Сочтя странные закорючки неопасными, он сунул бумагу Бурдюку.

— Открой рот,— велел йериту громила, находившийся перед ним.

— Это еще зачем? — удивился Бурдюк.

Эребиец, находившийся позади него, обхватил шею йерита и слегка сдавил. Нижняя челюсть Бурдюка сама собой отвалилась вниз. Засунув толстый палец в рот Бурдюку, эребиец обшарил ее всю, словно рассчитывал найти спрятанную за щекой жемчужину.

Когда его наконец отпустили, Бурдюк первым делом сплюнул на землю и обтер губы рукавом. Он так и не

понял, что искал у него во рту эребиец, а тот конечно же ничего объяснить не стал. А искал он крошечные древесные шипы, которые частенько используют наемные убийцы из Зурган-Ба. Когда не существует иного способа подкрасться к намеченной жертве с оружием в руках, они прячут за щеку шип, смазанный ядом, чтобы, оказавшись рядом, вынуть его в лицо своей жертве через сложенные трубочкой губы. Бывало, что и сами убийцы гибли, поцарапав отравленным шипом язык, но это не останавливало новых наемников, зарабатывающих деньги на умении виртуозно убивать.

Тяжелая рука эребийца снова легла на плечо Бурдюка и развернула его в сторону дорожки, ныряющей в зелень сада и ведущей к дому.

— Иди,— коротко приказал эребиец.

И Бурдюк пошел. Дорога была одна, и рано или поздно она должна была вывести его к назначенней цели. Вот только что ожидало его в конце пути? Вопрос этот не очень уж сильно беспокоил Бурдюка, но все же вселял в него некоторую нервозность. Засунув руку под одежду, он сжал в руке письмо Килоса — свое единственное оружие... Интересно, что предпримут трое его соратников, если в условленный срок он не явится на место, где они договорились встретиться? Вернутся в лагерь вольных, чтобы, как и обещано в письме, отрезать голову сынку Сирха?.. Возможно, Сирха это и опечалит, а вот Бурдюку, скорее всего, будет уже совершенно безразлично... Остается только надеяться на то, что Сирху действительно небезразлична судьба сына...

— Стой,— услышал Бурдюк за спиной голос эребийца: оказалось, что слуга все это время неслышно двигался позади него.

Бурдюк замер на месте и огляделся по сторонам. До широкого парадного крыльца дома, к которому, как думал

Бурдюк, они как раз и направлялись, оставалось еще метров пятьдесят.

— Что случилось? — не оборачиваясь, буркнул Бурдюк.

Как он и думал, ответа не последовало. Слуга молча протянул руку и отвел в сторону ветку дерева на уровне плеча Бурдюка. Чуть пригнувшись, Бурдюк заглянул под полог густой листвы и увидел узенькую тропиночку, тянущуюся в сторону от основной дороги.

— Туда, что ли? — с сомнением посмотрел на сопровождающего Бурдюк.

Потайная тропинка показалась йериту подозрительной. Одно дело, когда тебя ведут к парадному крыльцу дома, как почетного гостя, и совсем иное, когда предлагают лезть неизвестно куда и зачем среди кустов... Впрочем, с похожим на бесчувственный обломок скалы эребийцем спорить было бессмысленно. Бурдюк тяжко вздохнул и, наклонив голову, шагнул в указанном направлении.

Впрочем, тропинка, по которой шагали Бурдюк и не-отступно следующий по пятам за ним эребиец, почти сразу же свернула направо и потянулась далее параллельно главной дороге. Неподалеку от дома она вильнула влево и вывела людей к небольшой дверце в стене, скрытой от посторонних глаз густой растительностью. Бурдюк не успел даже как следует подумать, стоит ли ему входить в эту потайную дверь или для начала потребовать все же каких-то объяснений, как, сопровождаемый мощным толчком в спину, уже влетел за порог. Слуга, оставшийся снаружи, захлопнул дверь.

— Эй, постой!..

Бурдюк кинулся к двери и навалился на нее всем телом. Открыть ему не удалось. Развернувшись, Бурдюк затравленно прижался спиной к двери и окинул взглядом помещение, в котором по собственной глупости оказался.

То, что помещение совершенно не было похоже на каземат или комнату пыток, несколько успокоило йерита.

Скорее уж это место напоминало гнездышко для тайных любовных утех: голубые портьеры на стенах, ковры на полу, широкая низкая кровать со множеством маленьких подушечек, расшитых гладью... Бурдюк скабрезно усмехнулся и, подойдя к широкому окну, постучал согнутым пальцем по мутному стеклу, пропускающему в комнату достаточно света, но не дающему ни малейшего шанса увидеть, что происходит по другую его сторону. Окно было достаточно широким, чтобы в случае опасности попытаться бежать через него...

Услышав за спиной тихий шелест материи, Бурдюк стремительно обернулся. Отодвинув в сторону одну из голубых портьер, в комнату вошел человек. Должно быть, он воспользовался еще одной потайной дверью, на этот раз ведущей в дом. Бурдюк сразу же узнал в высоком, худом мужчине преподобного Сирха. Правда, сейчас преподобный был не в алой мантии, в которой видел его во время проповеди Бурдюк, а в широком, раскрытом до пояса домашнем халате, но тем не менее выглядел он так же внушительно, как и стоя в храме.

Бурдюк почувствовал, как у него невольно дрогнуло правое колено. Заложив руки за спину, он вскинул голову и расправил плечи, давая понять, что в данный момент падение ниц перед преподобным вовсе не входит в его намерения. Сирх понял это и едва заметно улыбнулся.

— Что это значит? — горьким голосом выкрикнул Сирх, выставив вперед руку со сжатым кулаком, пальцы которого оплетала цепочка с медальоном Килоса.

— Это значит... — Чтобы вернуть голосу уверенность, Бурдюк кашлянул в кулак и начал заново: — Это значит, преподобный, что твой сын попал в беду.

— Кто ты такой?

Второй вопрос Сирх задал не о сыне. Но сделал он это умышленно, чтобы не дать незнакомцу понять, насколько сильно взмолнован и обеспокоен исчезновением Килоса.

— Имя мое тебе ничего не скажет,— негромко произнес Бурдюк.— Но тебе следует знать, что я из отряда вольных.

— Что? — Левая бровь Сирха приподнялась вверх.— Я не ослышался? Ты из того сброва, что, засев в горах, не дает спокойно жить мирному населению Йера? Ты разве не знаешь, как правосудие поступает с разбойниками и бандитами?

— Судьба твоего сына тебя не интересует? — перебил преподобного Бурдюк.

Взгляд Сирха уперся в переносицу вольного.

— Что с Килосом?

— Он в нашем лагере. Мы схватили его, когда он охотился в лесу...— От внимания Бурдюка не укрылось, как побелели суставы на кулаке Сирха, в котором он сжимал медальон Килоса.— Он жив, преподобный.

Сделав шаг вперед, Бурдюк протянул Сирху письмо.

Сирх быстро развернул бумагу и пробежал глазами по строчкам. Складка между его бровями на мгновение расправилась, после чего сделалась еще более глубокой.

— Откуда мне знать, что вы не убили его сразу же после того, как заставили написать это письмо? — снова перевел он взгляд на вольного.

— Зачем же нам убивать его? — как будто удивившись такому вопросу, слегка развел руками Бурдюк.— Мертвый он ровным счетом ничего не стоит.

— Что вы хотите в обмен на его жизнь?

— Нам известно об операции по уничтожению лагерей вольных, которую готовит наместник. И мы хотим, чтобы ты убедил его повременить.

— Как долго?

— Пока не завершатся переговоры.

— Какие еще переговоры? — недоуменно и нервно спросил Сирх.

— Между наместником и представителями вольных,— спокойно ответил Бурдюк.

— Это ты, что ли, представитель? — Вообразив Бурдюка за одним столом с наместником, Сирх не смог удержаться от смешка.

— Я пришел только для того, чтобы договориться с тобой о встрече,— невозмутимо ответил ему Бурдюк.— Человек, который будет вести переговоры с тобой, а затем и с наместником, находится здесь же, неподалеку. Если ты готов встретиться с ними, то должен позаботиться о том, чтобы тайно доставить его и еще двоих наших спутников в свой дом.

— Почему они не могут прийти открыто, так же как и ты? — недовольно взмахнул рукой Сирх.— Или же твоя жизнь по сравнению с их жизнями вообще ничего не стоит?

— Моя жизнь в данный момент оценена в жизнь твоего сына,— спокойно напомнил Сирху Бурдюк.— Так что можешь сам решить, насколько это дорого.

Заложив руки за спину, Сирх быстро прошелся от стены до кровати и обратно. Как ни крути, а хозяином положения все же оставался этот разбойник с безобразно оплывшим лицом.

— Допустим, я проведу твоих приятелей в свой дом,— снова повернувшись к Бурдюку, сказал Сирх.— Сделать это будет совсем несложно. Допустим, я переговорю с ними и найду, что их предложения вполне обоснованы и реалистичны. Но я не могу сказать заранее, как отнесется к идеи таких переговоров наместник. Он может приказать казнить этих людей, даже не взглянув на них.

— Это станет смертным приговором и для твоего сына,— сказал Бурдюк.

Сам того не ожидая, Сирх сорвался на крик:

— Но при чем здесь Килос?!

— Совершенно ни при чем,— спокойно и невозмутимо развел руками Бурдюк.— Ему просто не повезло.

— Не повезло...— Сирх заскрежетал зубами.— Когда мне вернут сына?

— Об этом ты сможешь поговорить с главой нашего посольства,— ответил Бурдюк.

— С главой посольства...— криво усмехнулся Сирх.— С таким же вахлаком, как и ты?

— Ты с ним знаком,— все так же спокойно, пропустив оскорбление мимо ушей, сказал Бурдюк.— Это Граис из Сиптима.

— Что?! — Остановив свое бесконечное кружение по комнате, Сирх в изумлении уставился на Бурдюка.— Граис сейчас в Халлате?

Едва заметная улыбка, тронувшая губы Бурдюка, потонула в кожных складках его лица. Ему доставляло несказанное удовольствие, как легко и просто он беседовал не с кем-нибудь, а с самим преподобным Сирхом.

— Граис из Сиптима будет представлять интересы вольных на переговорах с наместником,— многозначительно произнес он.

— Граис будет выступать от имени разбойников, которые, чтобы добиться своего, приставили нож к горлу невинного юноши? — В голосе Сирха звучало одновременно недоумение и недоверие.— А как же его излюбленный принцип «Не убий»?

Бурдюк молча пожал плечами.

— Куда катится этот мир! — всплеснул руками Сирх.

Глава 15

ДВА ФИЛОСОФА

— Тихо! Кто-то идет.— Грудвар поднял руку, и Граис замер на полуслове.

— Бурдюк?— Он пытался заглянуть Грудвару через плечо.

Раздался условный свист, и Грудвар, соблюдая осторожность, вылез из дыры, где они прятались.

— Мы здесь,— окликнул он Бурдюка.

Ловко пробираясь среди обломков, Бурдюк через мгновение оказался в объятиях друзей.

— Ну как там?— нетерпеливо спросил Грудвар, осторожно выглядывая наружу.

— Полный порядок,— снова широко улыбнулся Бурдюк.— Сирх готов предоставить нам кров и даже прислал повозку, чтобы доставить дорогих гостей в дом.

— А как насчет еды? — спросил Слим.— Я чертовски голоден.

— Все будет,— заверил его Бурдюк.— Сирх, как выяснилось, в своем сыночке души не чает. В лепешку расшибется ради него.

— Ты сказал ему обо мне? — спросил Граис.

— Конечно,— кивнул Бурдюк.— Как и договаривались, не сразу.

— Ну и что Сирх?

— Он согласился принять нас и попытаться устроить нам встречу с наместником еще до того, как узнал о тебе. Правда, с оговоркой, что за исход дела он не ручается. Но когда он услышал твое имя...— Наклонив голову к плечу, Бурдюк посмотрел на Граиса так, словно видел его впервые.— Не пойму, что в тебе такого, что одно твое имя способно внушить ужас самому преподобному Сирху?

— Продолжай,— нетерпеливо махнул рукой Граис.

— Ну, сначала он, значит, испугался. Аж побледнел. Но потом...— Бурдюк снова глянул на Граиса как-то странно. Впрочем, на этот раз ничего не спросил.— Потом мне показалось, что он даже обрадовался, что увидит тебя. Сразу же позвал слугу и велел не мешкая отправлять за вами повозку.

— Ты уверен, что Сирх не хитрил с тобой? — настороженно поинтересовался Грудвар.

— Я же говорю: ребенку даже ясно, что судьба сына ему далеко небезразлична,— ответил Бурдюк.— И он прекрасно понимает, от чего зависит, будет его сын жить или умрет.

— Может быть, все же тебе стоит пока оставаться здесь? — обратился Грудвар к Граису.— Мы вернемся за тобой, когда убедимся, что Сирх не готовит нам ловушку.

— Не стоит,— махнув рукой, ответил Граис.— Я уверен, что все будет в порядке.

— Откуда такая уверенность? — поинтересовался Слим.

— Я хорошо знаю Сирха,— сказал Граис.— Если бы его не интересовала судьба Килоса, то он даже не стал бы разговаривать с нашим посланником, а просто приказал бы схватить его, посадить под замок и только после этого — допросить.

— У вас всякие сомнения исчезнут, когда вы увидите, какого возницу дал мне Сирх,— усмехнулся Бурдюк.

— Какого? — тут же спросил Грудвар.

— Пойдемте, сами увидите.— Указывая направление, Бурдюк первым двинулся в сторону городских застроек.

Небольшая крытая повозка, запряженная парой чеклаков, стояла в конце улицы, упирающейся в свалку строительных материалов, которые, судя по всему, превратятся в городскую стену не раньше, чем умрет последний государственный чиновник, отвечающий за ее возведение.

Понурый возница сидел на передке повозки, придерживая вожжи, и дремал. Он был худ настолько, что казался похожим на игрушечного человечка, каких делают ребяташки, связывая вместе несколько палочек. Но это была не болезненная худоба. Так выглядели все уроженцы Буссара. Вернее сказать, те из буссарцев, кто уцелел после бойни, учиненной в Буссаре армией Кахимской империи после подавления вспыхнувшего там восстания.

Увидев приближающихся к повозке людей, возница приветливо кивнул им.

— Я не знаю, как его зовут,— сообщил Бурдюк.— Он понимает по-йеритски, но молчит.

— Не хочет с тобой говорить,— усмехнулся Грудвар,— значит, не внушаешь ты ему доверия.

— У него нет языка,— ответил, забираясь в повозку, Бурдюк.

Все одновременно посмотрели на возницу. Тот, подтверждая сказанное Бурдюком, выразительно кивнул.

Как только все четверо оказались в повозке, возница взмахнул вожжами.

— Насколько я смог его понять,— взглядом указав на спину буссарца, сказал Бурдюк,— язык ему за что-то вырвали каихмы. А Сирх его спас и в результате получил идеального слугу. Такому можно поручить любое секретное дело — не проболтается.

— А не хочет ли Сирх и с нами так поступить? — как бы ни к кому не обращаясь, спросил Грудвар.— Будет у него на несколько слуг больше.

— Ты погромче об этом кричи,— одернул бородача Бурдюк,— тогда небось твою идею возьмут на вооружение.

Так разговаривая, они и не заметили, как прибыли на место.

Повозка подъехала к воротам заднего двора усадьбы Сирха, которые уже были предупредительно открыты ожидающими гостей слугами. Здесь же находились и двое внушительного вида эребийцев, которые сразу же, не давая йеритам оглядеться, повели их в глубь усадьбы и тайной тропой доставили к потайной комнате, в которой уже побывал Бурдюк.

— И что теперь? — спросил Слим, когда дверь за ними закрылась.

— Будем ждать, что предпримет Сирх,— сказал Граис.— Если бы в его намерения входило сразу же сдать нас властям, то мы уже были бы в кандалах.

— А так — всего лишь под замком.— Грудвар стукнул кулаком по запертой двери.

— Будем ждать,— повторил Граис.

— А ты обещал роскошный обед,— с укором посмотрел на Бурдюка Слим.

— Я что,— развел руками тот.— Мне преподобный обещал, что все будет в порядке...

Бурдюк хотел сказать еще что-то по поводу того, стоит ли верить словам Сирха, но внимание его отвлекла едва заметно колыхнувшаяся портьера, за которой, как ему было известно, скрывалась еще одна потайная дверь.

Откинув портьеру, в комнату вошли двое слуг-йеритов с огромными подносами, на каждом из которых находилось несколько серебряных блюд, накрытых блестящими, подобно зеркалам, крышками. Поставив свою ношу на низкий обеденный столик и так и не произнеся ни слова, слуги быстро удалились.

— Похоже, у Сирха все слуги немые,— буркнул Грудвар, проводив мрачным взглядом скрывшихся за портьерой слуг.

Слим, отодвинув рукой портьеру, дернул дверную ручку.

— Закрыто,— спокойно констатировал он.

— Ну, что я вам говорил! — с видом победителя прогласил Бурдюк, приподняв крышку над одним из блюд.

На украшенном вычурной резьбой серебре лежала заряженная, с коричневатой хрустящей корочкой тушка какой-то небольшой птицы в обрамлении аккуратно уложенной зелени.

— Ничего себе,— присвистнул Слим, откинув крышку с другого блюда.— Как наместнику подают...

— Ты теперь с наместником, считай, на одном уровне.— Усевшись на пол, Грудвар зажал тушку птицы в кулак и зубами вырвал огромный кусок мяса.

— Если только нас не на убой откармливают,— усмехнувшись, заметил Бурдюк.

Граис устроился чуть в стороне от остальных, поставив себе на колени блюдо с мелко нарубленным мясом с тушенными овощами.

У ксеноса не было ни малейшего сомнения в том, что Сирх согласится принять и выслушать странных послов. Одинокие пожилые люди, чувствующие, что вестник смерти уже приближается к порогу их дома, либо превращаются в мизантропов, либо, что бывает гораздо чаще, становятся необычайно сентиментальными. Сейчас Сирх просто выдерживал паузу, подобающую преподобному, роль которого он, несмотря ни на что, все еще продолжал играть. Граису даже было любопытно, на сколько хватит у Сирха выдержки. Как долго он продержит послов в одиночестве, прежде чем встретиться с ними?..

— Да, славная была еда.— Отвалившись от опустевшего стола, Бурдюк вытер руки об атласное покрывало на кровати.— Так бы и остался здесь на всю жизнь.

— А если еще и девочек приведут...— скабрезно усмехнулся Слим.

Хохотнув, Грудвар упал на спину и закинул руки за голову.

— Странно, что нас не обыскали,— размышая вслух, произнес Бурдюк.— Меня, прежде чем привести в эту комнату, обшарили всего. Даже в рот заглянули.

— Мы — послы,— гордо произнес Грудвар и удовлетворенно провел ладонью по тугому животу.

— Сирху об этом только с моих слов известно,— сказал Бурдюк с сомнением.— Так почему бы кому-то не предположить, что это посольство только с тем и затеяно, чтобы Сирх убить?

— Да кому он нужен,— безразлично махнул рукой Грудвар.— Если было бы нужно, то и без нас давно бы убили.

Слушая разговор двух йеритов, Граис невольно задумался. А ведь действительно странно, почему не было ни единого случая покушения на жизнь преподобного, которого за глаза поносит едва ли не каждый второй в Йере? Почему не было попыток убить наместника, ни прежнего, ни нынешнего? Должно быть, сознание йеритов, свято верящих в то, что жизнь и смерть каждого отдельного человека всецело находится в руках Поднебесного, просто не приемлет подобных методов воздействия на существующую действительность. Но почему в таком случае Грудвар и Слим бежали из тюрьмы, а не остались там дожидаться приговора, препоручив свои жизни все тому же Поднебесному?..

От размышлений Граиса оторвал появившийся в комнате слуга-эрбиец.

— Ты,— указал он зажатой в руке плеткой на Граиса.— Идем со мной. Преподобный хочет говорить с тобой.

— Мы должны держаться вместе,— тут же вскочил на ноги Грудвар.— Может быть, Сирх собирается расправиться с нами по одному...

— Все в порядке,— приподняв руку, остановил его Граис.— Он и со всеми разом мог бы расправиться, если бы хотел того. Сирх знает меня и поэтому хочет первым делом переговорить со мной.

Последовав за эрбийцем, Граис вышел из комнаты. Короткий узкий коридор вывел их к винтовой лестнице с ажурными перилами. Поднявшись на второй этаж, эрбиец подвел Граиса к огромным дверям из черного дерева. Приоткрыв одну из створок, он сделал шаг в сторону, предлагая Граису войти. Сам же слуга при этом остался за дверями.

Сделав несколько шагов, Граис увидел, что находится в длинном прямоугольном зале. Настолько огромном, что ксенос не сразу отыскал в нем Сирха.

Преподобный, одетый в простую серую мантию, сидел в кресле с высокой прямой спинкой. Руки его были сложены на коленях.

Кресло стояло спинкой к окну, занимающему почти всю стену, и яркий солнечный свет, слепивший Граису глаза, не позволял ему разглядеть черты лица Сирха.

— Не верил, что ты снова решишься прийти ко мне,— негромко произнес Сирх,— до тех самых пор не верил, пока сам не увидел тебя идущим по тропинке.

— Я и сам не думал, что нам предстоит новая встреча,— в тон ему ответил Граис.— Но такова уж, видно, воля Поднебесного.

— Присаживайся,— предложил Сирх, указав рукой на стул, который был поставлен рядом с его креслом, должно быть, специально к приходу Граиса.

В знак благодарности Граис коротко кивнул и сел на стул чуть боком, положив руку на спинку.

— Так, значит, ты теперь и в самом деле стал одним из вольных? Или, может быть, ты у них даже за главного?

В голосе Сирха Граис уловил едва заметную насмешку.

— Тебе не хуже, чем мне самому, известно, что среди вольных я оказался случайно,— ответил он.

— Откуда же мне это известно? — Голос Сирха прозвучал чуть более резко, чем ожидал Граис. Ксенос сразу же сделал для себя заключение: предположение о причастности Сирха к его освобождению было вполне обоснованным.— Я не пророк и не провидец...

— Ты послал Миноса к Фирону...

— Нет!

— Я и не ожидал другого ответа,— не стал спорить Граис.

Своим резким однозначным ответом Сирх и без того выдал себя с головой. Оставалось только выяснить, для чего ему понадобилось сначала сдавать своего бывшего учителя кахимским властям, а затем освобождать его, используя для этого вольных?

— Меня сейчас меньше всего интересует, что за игру ведешь ты, Сирх,— спокойно продолжил Граис.— Меня

волнует судьба Йера. Надеюсь, что и тебе она также не- безразлична.

— В Йере все было спокойно до тех пор, пока ты здесь не появился,— с вызовом произнес Сирх.

— Это было кажущееся спокойствие, готовое в любой миг взорваться. Я пришел только для того, чтобы попытаться предотвратить неизбежное.

— Наверное, я поглупел,— с иронией произнес Сирх.— Но я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о неизбежном столкновении отрядов вольных с кахимскими войсками,— ответил Граис.— Вольным известно о готовящемся нападении на их лагеря, так что встретят они шалеев во всеоружии.

— У них нет ни малейшего шанса на победу.

— Естественно. Но кто сможет остановить смуту, которая всколыхнет после этого весь Йер?.. Ответь мне, преподобный, сможет ли наместник в такой ситуации удержаться от вызова регулярных войск из Кахима?.. А в случае введения на территории Йера военной диктатуры, подумай, Сирх, нужен ли будет новым властям проповедник, вещающий слово Поднебесного?..

— Знаешь, Граис, что смущает меня больше всего во всей этой истории? — произнес после некоторого молчания Сирх.— То, каким образом ты начал воплощать в жизнь свои дела. Прежде, насколько я знал тебя, тебе и в голову не пришло бы брать заложников.

— Твой сын не заложник,— отрицательно покачал головой Граис.— В настоящее время он действительно находится в лагере вольных, но жизнь его вне опасности. Он будет отпущен на свободу вне зависимости от того, какое решение ты примешь. Только на этом условии я согласился возглавить посольство вольных. А написанное им письмо было нужно мне только для того, чтобы быть уверенным, что ты согласишься встретиться со мной.

— Как я могу убедиться в истинности твоих слов?

— Прежде ты не сомневался в том, что я говорил.

— Я верю тебе, но не доверяю сброду, людям, называющим себя вольными. Быть может, уже сейчас Килос мертв, а тебе даже не известно об этом.

— Ты можешь написать сыну письмо. Завтра утром оно будет ему передано. Через день ты получишь ответ. Если хочешь быть уверенным, что с Килосом все в порядке, можешь писать ему ежедневно.

— Когда я получу своего сына назад?

— Как только я смогу переговорить с наместником,— сказал Граис и для полной ясности добавил: — Это не мое условие.

— Понятно,— кивнул Сирх.— Но устроить встречу с наместником, как ты понимаешь, будет не просто.

— Скажи ему, кто я такой.

— Ты хочешь, чтобы я сказал наместнику, что с ним хочет встретиться тот самый Граис из Сиптима, который дважды бежал из-под стражи? — удивленно переспросил Сирх.— И ты не боишься, что, узнав об этом, он сразу же прикажет схватить тебя и предать казни?

— Я надеюсь, что в душе наместника любопытство победит негодование,— улыбнулся Граис.— К тому же по правилу, утвержденному им же самим, наместник должен хотя бы выслушать приговоренного к казни, прежде чем утвердить приговор. Я думаю, что при личной встрече мне удастся убедить наместника в том, что все произошедшее было всего лишь досадным недоразумением.

— Недоразумением...— Сирх хмыкнул и кашнул гло-вой.— Хорошо, допустим, я сумею устроить тебе встречу с наместником. Какие вопросы ты собираешься с ним обсуждать?

— Я буду говорить с ним о будущем Йера. В первую очередь необходимо предотвратить конфликт, результатом которого станет ввод регулярных кахимских войск на территорию страны и репрессии в отношении мирных жителей.

Я думаю, что наместник вовсе не заинтересован в подобном развитии событий...— Граис сделал паузу, после чего спросил: — Или я ошибаюсь?

— Ты считаешь, что уже сделал меня своим сторонником? — усмехнулся Сирх.

— Я считаю, что ты отнюдь не глупый человек и умеешь верно соотносить свои намерения и возможности. То, что я сейчас пытаюсь сделать, соответствует и твоим интересам.

— В какой-то степени,— соглашаясь с этим утверждением, наклонил голову Сирх.— Но, с другой стороны, в результате твоей встречи с наместником я рисую потерять все, что имею в настоящее время.

— Я не собираюсь тебя обманывать, Сирх. Твоя трактовка учения о Пути к Поднебесному вносит раскол в среду йеритов, и я обязательно скажу об этом наместнику. Если между наместником и представителями вольных будет заключен мирный договор, то одним из пунктов в нем будет устранение тебя с поста официального идеолога Йера. Лучшее, что ты можешь сделать,— это уйти сам. При этом сохранив то, что имеешь.

— И кто же в таком случае займет мое место?

— Я на него не претендую. Я покину Йер сразу же, как только вопрос о мире будет решен. Вопрос о твоем преемнике придется решать наместнику. Но лично я мог бы порекомендовать ему на это место твоего сына Килоса. Я думаю, что после всего случившегося между тобой и Килосом установятся более прочные доверительные отношения. И ты мог бы помочь сыну избежать тех ошибок, которые совершил сам.

Какое-то время Сирх задумчиво молчал. Затем он оперся руками о подлокотники и резко поднялся из кресла. Выпрямившись, он отодвинул кресло и медленно подошел к окну. Сложив руки на груди, Сирх глянул на буйствующую за стеклом зелень.

Граис поднялся со своего места. Сирх даже не обернулся, когда, подойдя сзади, Граис остановился рядом с преподобным.

— В последние несколько лет я думал о смерти чаще, чем о чем бы то ни было,— негромко, задумчиво произнес Сирх, обращаясь словно бы не к стоящему у него за спиной Граису, а к своему тусклому, едва различимому отражению на стекле.— Как философ я понимал, что смерть — это неизбежный и закономерный процесс. Как сказано в священной книге Поднебесного: «Человек, не познавший смерти, не может сказать, что он жил». Но именно как просто человек я не мог смириться с тем, что Поднебесный уже выслал за мной своего вестника смерти. Во всем Йере я ближе всех находился к Поднебесному, но даже я не мог сказать ему: «Повремени!» От сознания собственного беспомощия я то приходил в неистовую ярость, то, глуша боль вином, впадал в полнейшую апатию, то в отчаянной решимости кричал вестнику смерти, который, как мне казалось, уже стоял на пороге моего дома: «Вот он я! Возьми меня! Что же ты медлишь!» Я нарушил одну из основных заповедей учения о Пути, сосредоточив все свое внимание не на конечной точке намеченного к преодолению маршрута, а исключительно на том месте, где я находился сейчас... Ты единственный, кому я в этом признаюсь, потому что только ты можешь это понять.

— И что же помогло тебе понять наконец, что ты был не прав? — спросил после небольшой паузы Граис.

— Что?..— Сирх со скрипом провел пальцем по стеклу и неожиданно повернулся к Граису.— То, что я уже не провожу свои дни в ожидании вестника смерти.

Впервые за все время разговора Граис смог отчетливо рассмотреть лицо Сирха. И то, что он увидел, повергло его сначала в крайнее удивление, а затем едва ли не в панику.

Лицо Сирха по-прежнему было землистого цвета, с резко выступающими скулами и челюстными углами. От углов глаз и рта разбегались густые сетки морщин. Это было лицо преждевременно состарившегося человека. Но на нем уже не было того отчетливого клейма близкой смерти, которое видел Граис, когда разговаривал с Сирхом в его доме в Меллении.

Нет, он не мог ошибиться! Признаки смертельной болезни, разъедающей тело Сирха, были настолько явными, что обмануться было попросту невозможно! Да и сейчас часть из них еще присутствовала, но в стертой, притушенной форме. Исходя из внешнего наблюдения можно было сделать вывод, что Сирх выздоравливал... Но такого просто не могло быть! Не было отмечено ни единого случая самоизлечения больного, умирающего от цирроза печени. Те же средства лечения, которые существовали на Тессе-3, могли только продлить жизнь умирающему, но не более того...

Не говоря ни слова, Граис схватил Сирха за запястье и нашупал пальцами пульс. Затем так же быстро приподнял ему веко, чтобы осмотреть белок и радужную оболочку...

Вне всяких сомнений, Сирх выздоравливал! И произошли столь кардинальные изменения в состоянии здоровья преподобного всего за какую-то неделю!..

Сирх не высказывал никаких возражений по поводу беглого осмотра, который учинил ему Граис. Ему было любопытно видеть выражение недоумения и растерянности на лице бывшего учителя,— прежде он никогда не видел Граиса столь взволнованным. И вместе с тем Сирху не терпелось услышать диагноз, который поставит ему Граис,— несомненно, лучший из всех известных ему лекарей. Не считая, конечно, того человека в черном.

— Что скажешь, учитель? — Губы Сирха изогнулись в натянутой, напряженной усмешке.

Прежде чем ответить, Граис медленно провел ладонью по лицу, словно бы пытаясь стереть с него выражение недоумения и растерянности.

— Во время нашей последней встречи я понял, что твой организм практически полностью разрушен тяжелой неизлечимой болезнью. По моим оценкам, жить тебе осталось не более года... Ошибки быть не могло, признаки болезни были слишком явными... И тем не менее сейчас состояние твоего здоровья значительно улучшилось... Но я не знаю, чем это можно было бы объяснить.— Граис поднял взгляд и посмотрел Сирху в глаза.— Быть может, ты сам дашь мне ответ на этот вопрос?

Сирх сделал три шага назад и оперся согнутым локтем о спинку кресла.

— Есть многое в этом мире, Граис, что недоступно нашему пониманию,— медленно, почти что нараспев произнес Сирх. В его словах не было даже намека на насмешку или иронию.— Существуют вещи непознаваемые, которые так навсегда и останутся за пределами восприятия нашего сознания и возможностей нашего разума. Большинство называют подобные явления чудом. Но нас-то с тобой такой ответ не устраивает — не так ли, Граис?..— Сирх помолчал, ожидая ответа, и, не получив его, продолжил: — С некоторых пор я начал подозревать, что за пределами мира, в котором мы существуем, находится иной мир, недоступный нашим органам восприятия. Быть может, даже не один мир, а целая вереница миров, границы которых местами накладываются друг на друга. В таких местах и происходят явления, которые принято называть чудесами. На самом же деле мы имеем дело с событиями, выплеснувшимися в наш мир из соседнего, а потому и кажущимися нам противоречащими законам природы и здравому смыслу... Как тебе нравится такая теория, Граис?

— Продолжай,— с трудом сохраняя самообладание, тихо произнес Граис.— Я еще не до конца уяснил, что именно ты хочешь сказать.

— Ах так! — Сирх усмехнулся.— В таком случае я скажу, что через границу между мирами могут проникать и их обитатели. Возможно, именно существа из иных миров, случайно оказавшиеся в нашем мире, послужили причинами рассказов моряков о морских змеях, способных утащить на дно целый корабль, и об островах, на которых живут двухголовые люди.

— Моряки — мастера сочинять небылицы,— заметил Граис.— Если верить им, то наш мир представляет собой не платформу, покоящуюся среди бескрайних вод Мирового океана, а шар, неизвестно каким образом подвешенный в пустоте на незримой опоре.

— А если я скажу тебе, что сам встречался с человеком из иного мира? — чуть подавшись вперед, полушепотом произнес Сирх.

— Ты шутишь,— не поверил ему Граис.

— Но ты ведь сам знаешь, что в нашем мире средства против болезни, которой я страдал, не существует,— напомнил ему Сирх.— Выходит, то, что произошло со мной, по меркам людей нашего мира является самым настоящим чудом и полностью согласуется с моей теорией о множественности миров.

Граис нервно провел кончиком языка по верхней губе. Разговор с Сирхом неожиданно резко отклонился в сторону от той темы, что планировал обсудить с ним Граис. Теперь хозяином положения сделался Сирх, хотя, похоже, он и сам пока еще не подозревал о том, какой скрытой от собеседника тайной он владеет.

Слушая Сирха, Граис пребывал в полнейшем недоумении. Теория множественности миров — откуда вдруг могла возникнуть столь странная идея? Была ли она всего лишь внезапным озарением, точно угодившим в цель, или же,

внимательно и тщательно анализируя разрозненные события и факты, Сирх сумел сделать правильный вывод? Была ли это только догадка, или же Сирху каким-то непостижимым образом стало известно о существовании Кольца Миров и контролирующего его Центра?..

— В Великой Книге Поднебесного ни слова не говорится о множественности миров,— сказал Граис, пытаясь понять, насколько уверенно чувствует себя на позициях своей новой теории Сирх.— Если самому Поднебесному не было ничего известно об иных мирах, то не является ли с твоей, Сирх, стороны дерзостью попытка поставить свой разум выше воли Поднебесного?

— В Великой Книге Поднебесного нет ни слова о иных мирах не по той причине, что Поднебесному ничего не было о них известно, а лишь потому, что он не счел нужным сообщать об этом людям.

— Кто тебе сказал об этом? — Граис невольно повысил голос.

Чуть прищурив левый глаз, Сирх с интересом глянул на собеседника.

— Ты как будто взмолнован? — невинным тоном поинтересовался он.— Быть может, приказать слуге принести бокал вина для тебя?

— Нет,— быстро взмахнул рукой Граис.

— Тебя что-то беспокоит?

— Та непочтительность, с которой ты высказываешься о Поднебесном!

— Разве сомнение есть непочтительность? — Сирх в недоумении развел руками.— Я не узнаю тебя, Граис!

— Подвергать сомнению мудрость Поднебесного имеет право лишь тот, чей разум возвысился до уровня того, с кем решил соперничать.

— А ты сам, Граис,— наклонившись вперед и пристально глядя в глаза собеседнику, полушепотом произнес Сирх,— ты сам считаешь себя равным Поднебесному? Или же ты

уже возвысился над ним? Кто ты такой? Откуда ты пришел в Йер?

— Не изрекай скверну, Сирх,— покачал головой Граис.— Это недостойно служителя Поднебесного, каковыми ты, должно быть, себя считаешь.

Сирх обошел кресло и присел боком на широкий подлокотник. Качнув ногой, он посмотрел на носок кожаной сандалии. Затем взгляд его скользнул по полу, поднялся по оконной раме и растворился в океане зелени за окном.

— Послушай, Граис,— негромко, но отчетливо произнес преподобный. Голос у него был ровный и спокойный, словно бы он разговаривал с самим собой.— Ты конечно же понимаешь мои мотивы гораздо лучше, чем я твои, и тем не менее ни один из нас, похоже, не может реализовать свои намерения без помощи другого. Тебе не кажется, что в сложившейся ситуации мы должны быть откровенны друг с другом?

— Обещание говорить только правду не может являться гарантией того, что сказанное в конечном итоге не окажется ложью,— ответил Граис.— Или полуправдой,— добавил он.

— Ты пытаешься уйти от ответа,— с укоризной заметил Сирх.

— Именно так,— слегка наклонил голову Граис.

— Хорошо.— Сирх хлопнул себя по колену и, снова поднявшись на ноги, заложил руки за спину.— В таком случае начну я. Ты был прав, Миноса к Фирону отправил я. Но это была не моя инициатива. Об этой услуге, в обмен на лекарство, попросил меня человек из иного мира, явившийся в мой дом в Меллении вскоре после того, как ты его покинул...

— Он сам сказал тебе о том, что он из иного мира? — тут же, перебив Сирха, спросил Граис. Заметив, как блеснул при этом взгляд преподобного, он быстро добавил: — Не стоит принимать на веру слова человека, которого ты не знаешь.

— Он дал мне лекарство, которое, как ты видишь, оказалось эффективным против болезни, считающейся в нашем мире неизлечимой,— усмехнулся Сирх.— Кроме того, этот человек мог творить чудеса, на которые даже ты не способен.

— Вы встречались с ним снова?

— Нет. Мой удивительный гость сказал, что больше я его никогда не увижу.

— О чем вы говорили?

— Я вижу, тебя интересует эта тема. И, кроме того, мои слова не вызывают у тебя недоверия,— улыбка Сирха сделалась чуть лукавой.— Следовательно, тебе тоже известно о пришельцах из иных миров.

— Чушь! — решительно отмахнулся от подобного утверждения Граис.— Я просто пытаюсь постичь истинный смысл произошедшего: кто и каким образом смог излечить тебя?

— Ну, если тебе так хочется, можешь назвать случившееся чудом.— Сирх качнулся с носков на пятки и искоса глянул на Граиса.— Однако этого чудотворца интересовал совсем не я. Ему почему-то был нужен ты.

— Чего он хотел?

— Чтобы вольные освободили тебя и ты оказался в их отряде. Таким образом, по его мнению, ты должен был превратиться в глазах наместника в заурядного разбойника.

— Что дальше?

— Не знаю,— пожал плечами Сирх.— Он, как и ты, не пожелал поделиться со мной своими планами на будущее.

Граис подошел к окну. Повернувшись к Сирху спиной, он приложил ладонь к стеклу и негромко стукнул по нему ногтями.

Слетев с соседнего дерева, на подоконник села небольшая птица с малиновым опереньем. Склонив голову к крылу, птаха посмотрела на человека своим маленьким, похожим на блестящую черную бусину глазом. Она словно бы ожидала ответа на вопрос, который задавала уже не в первый раз.

Взмахнув рукой, Граис согнал птицу с окна.

— Почему ты вдруг решил рассказать мне о своем таинственном госте? — повернувшись к Сирху, спросил Граис.

— Меня никто не просил хранить тайну,— ответил Сирх.— Наверное, незнакомец был уверен, что мы с тобой больше никогда не увидимся. Однако мы все же встретились, и, более того, теперь нам предстоит действовать сообща. Именно поэтому я считаю, что тебе будет полезно знать о человеке, который за твоей спиной плетет против тебя какие-то интриги. Он ведь мог зайти не только ко мне...

— Что?..

— Тебя что-то смущает? — Сирх смотрел на Граиса выжидавше.

— Нет,— уверенно тряхнул головой тот. Но после небольшой паузы решился все же уточнить: — Так, значит, ты берешься помочь мне встретиться с наместником?

— Да,— коротко кивнул Сирх.— Мне нужен мой сын, живой и невредимый. Кроме того, я согласен с тем, что мятеж, чем бы он ни закончился, приведет только к полному распаду той общественной структуры, которая только-только начала складываться на территории Йера... Наместник также понимает, что рост напряженности в Йере не в его интересах. И, как мне кажется, в ситуации, когда на скверную победу рассчитывать не приходится, он предпочтет боевым действиям тайные переговоры с предводителями мятежников.

Глава 16 ПОДОЗРЕНИЕ

— Ну наконец-то!— вырвалось у Грудвара, как только Граис перешагнул порог комнаты.— Мы уже ждать устали.

— А мне показалось, что прошло какое-то мгновение.— Граис не спеша опустился на стул.— Миг как луч света.

Три приятеля переглянулись с недоумением.

— Что-нибудь случилось, Граис? — обеспокоенно спросил Грудвар.

— То, что он здесь, это уже хорошо, — не дожидаясь ответа Граиса, произнес Бурдюк, стараясь казаться веселым.

— Все в порядке, — коротко произнес Граис.

— Что значит «в порядке»? — Подскочив к Граису, Грудвар оперся коленом о край стула. — Говори толком!

С другой стороны на Граиса дохнул запахом гнили изо рта Бурдюк:

— Тебе удалось ухватить преподобного за хвост?

— Что сказал Сирх? — навалился сзади на плечи Грудвару Слим.

— Сколько мы еще будем сидеть в этой комнате? Кто мы: официальные лица, ведущие переговоры, или пленники?..

Граис болезненно поморщился и поднял руки, призывая к тишине. Затем он медленно провел ладонью по затылку, пытаясь снять болезненную тяжесть, мешающую сосредоточиться и собраться с мыслями. В первую очередь ксеносу нужно было осмыслить полученную от Сирха информацию, чтобы вычислить своего таинственного противника и понять логику его действий. Без этого ксенос в любой момент рисковал вновь угодить в очередную хитроумную ловушку, стоящую у него на пути. Однако и спутникам своим Граис должен был что-то сказать: если они почувствуют, что он не договаривает, — конец всей его посольской миссии.

Граис посмотрел в лицо каждому из йеритов. На мгновение у него мелькнула мысль, а не является ли один из них тем самым таинственным пришельцем, поставившим своей целью расстроить все планы ксеноса? Но почти сразу же Граис отбросил эту гипотезу как абсолютно несостоятельную. Его неведомый противник предпочитал действовать на расстоянии, создавая затейливую сеть интриг с по-

мощью людей, зачастую даже и не подозревающих о том, что они становятся разменными фигурами в чьей-то мудреной игре.

— Какое-то время нам предстоит пожить в этой комнате,— обращаясь к находящемуся ближе всех к нему Грудвару, сказал Граис.— Для пользы дела и для нашей же безопасности. Сирх не хочет, чтобы о гостяших в его доме вольных наместник узнал от какого-нибудь доносчика.

— И когда же Сирх собирается сам рассказать о нас наместнику? — недоверчиво спросил бородач.

— Завтра Сирх завтракает с наместником,— сказал Граис.— Помимо них, за столом будут присутствовать еще трое-четверо каихских чиновников, пользующихся доверием Центия Офра. В приватной беседе Сирх попытается отговорить наместника от проведения карательной экспедиции против отрядов вольных...

— Попытается! — перебил Граиса Грудвар.— Нам нужны твердые гарантии!

— Сирх может обещать все, что угодно, чтобы затянуть время и лишить нас возможности собраться с силами для отражения удара,— поддержал Грудвара Слим.

— У нас в руках сын Сирха,— возразил им Граис и поморщился. Как ни убеждал он Сирха, что Килос не является заложником вольных, а сам же сейчас и подтвердил это — невольно конечно, но подтвердил.

Спорить ему сейчас вовсе не хотелось, а потому и слова его прозвучали не достаточно убедительно.

— Сирху на сыночка плевать,— подал голос Бурдюк.— Что ему родня, если он весь Йер продал каихцам!

— Ты же говорил, что Сирх в сыне души не чаит,— обернулся к Бурдюку Граис.— Да и сам Килос мне говорил, что папаша готов за него все отдать. Поэтому я уверен, что с нами Сирх играет по-честному.

— Почему ты так думаешь? — спросил Грудвар.

— Потому что я знаю Сирха,— ответил ему Граис.— А он, в свою очередь, прекрасно понимает, что не сможет переиграть меня один на один.

Бурдюк как-то неопределенно хмыкнул.

Грудвар молча покачал головой, как будто дивясь наивности Граиса.

Граис на мгновение прижал кончики пальцев к вискам. Тупая боль, вначале гнездившаяся в затылочной части, теперь расползлась по всему мозгу. И не было ни малейшей возможности хотя бы ненадолго отключиться от окружающей действительности и полностью сконцентрироваться на психотерапии... Хотя бы пару минут в полном одиночестве, и ксенос сумел бы привести свой мозг в рабочее состояние...

— А чего вы, собственно, ожидали? — устало произнес Граис.— Торжественного приема во дворце наместника?.. Цветов и фанфар?.. Сирх сумеет убедить наместника приостановить военные действия — это главное...

— И что дальше? Как долго будет продолжаться перемирие?

— Об этом я и буду разговаривать с наместником, когда Сирх договорится о нашей с ним встрече. Произойдет это не раньше, чем Сирх получит подтверждение о том, что его сын все еще жив.— Граис достал из внутреннего кармана рубашки запечатанный пакет и кинул его Бурдюку.— Держи. Отнесешь в условленное место... Чем раньше Сирх получит ответ на свое письмо, тем скорее я встречусь с наместником.

— Идет.— Бурдюк быстро спрятал письмо за пазуху.— Если только, конечно, меня выпустят из дома.

— Тебя будет сопровождать слуга Сирха,— добавил Граис.— Тот самый немой буссарец, который привез нас сюда.

— Годится,— снова, ослабившись, повторил Бурдюк.— Можно и прогуляться. Хотя, признаться, мне и здесь не плохо...

— Ты говоришь о встрече с наместником так, словно отправишься на нее один,— заметил внимательно слушавший Граиса Грудвар.

— Так оно и есть,— коротко кивнул Граис и тут же поморщился от боли в висках.— При встрече, помимо меня и наместника, будет присутствовать, возможно, только один Сирх.

— Но ведь мы,— Грудвар указал на себя, Слима и Бурдюка,— так же как и ты, являемся представителями вольных.

— Тебе так хочется увидеться с наместником? — усмехнулся Граис.

— Не в этом дело,— Грудвар отрицательно качнул головой. Лицо его при этом оставалось невозмутимо серьезным.— Я просто считаю, что ты не вправе один вести переговоры от лица всех вольных. В конце концов, ты был у нас в лагере всего несколько дней и не можешь знать всех наших проблем.

— Каким образом ты собираешься вести переговоры с наместником, Грудвар? — Поморщившись не то болезненно, не то досадливо, Граис посмотрел на бородача.— У тебя есть какой-то план? Ну так поведай нам о нем!

— Не передергивай, Граис,— нахмурился Грудвар.— Ты конечно же лучше любого из нас знаешь, как нужно вести переговоры. Но я считаю, что к наместнику мы должны отправиться все вместе. Во-первых, так будет солиднее. Во-вторых, мы должны знать, о чем ты будешь договариваться с наместником.

— Не говори глупостей, Грудвар,— строго ответил Граис.— Наместник попросту откажется от встречи, если на нее заявится целая толпа любопытствующих. Мы ведем тайные переговоры, и любая утечка информации о них представляет гораздо большую опасность для наместника, нежели для вольных.

— Для чего тогда мы вообще здесь находимся? — мрачно пробубнил из-за спины Грудвара Слим.

— Об этом вам следовало бы подумать прежде, чем отправляться со мной в Халлат,— в тон ему мрачно буркнул Граис.

— Разве мы действуем не заодно? — В лицо Граиса впился пронзительный взгляд Грудвара.

— Я пытаюсь предотвратить бойню! — резко сказал Граис.— Если у вас та же цель — просто не мешайте мне! Я знаю, что делаю!

— Ну так объясни нам!

— Я не хочу сейчас обсуждать никакие серьезные вопросы,— Граис устало провел ладонью по лицу.— Мне нужно отдохнуть.— Он повернулся к Бурдюку.— Успел брюхо набить? (Бурдюк, ощерив в блаженной улыбке свои гнилые зубы, быстро кивнул.) Ну так отправляйся. Немой, должно быть, уже ждет тебя в саду.

— А на словах мне что-нибудь нужно передать? — спросил Бурдюк.

— Ничего,— махнул рукой Граис.— Вместе с письмом Сирха я положил в пакет и свое послание, в котором изложил, как у нас идут дела. Если среди вольных не найдется грамотного, письмо сможет прочитать Килос. Все, отправляйся.

Поднявшись на ноги, Бурдюк с подноса зацепил пригоршню сушеных фруктов и ссыпал их в карман. Что-то фальшиво насвистывая себе под нос, он не спеша, вразвалочку направился к выходу.

— И передай посыльному, чтобы поторопились с ответом,— сказал вслед ему Граис.

— Будет сделано,— не оборачиваясь, кивнул Бурдюк.

Граис перевел взгляд на все еще стоящего рядом с ним Грудвара.

— Я устал и хочу спать,— сказал он бородачу.

Откинувшись на спину, Граис положил руки под голову и закрыл глаза.

Он лежал и ждал, что еще скажет Грудвар. Никогда еще Граису не приходилось видеть бородача в таком взвинченном состоянии, как сейчас. Даже когда они бежали из тюрьмы, Грудвар выглядел куда спокойнее и уравновешеннее. Казалось, йерит в любое мгновение мог сорваться и накинуться на Граиса не только с обвинениями, но и с кулаками.

Грудвар посмотрел на неподвижно лежащего Граиса и, так ничего и не сказав, прошел в другой конец комнаты, откуда за ним внимательно наблюдал Слим.

Граис собирался только немного отдохнуть, чтобы справиться с взявшейся невесть откуда головной болью. Но незаметно для себя он и в самом деле уснул.

Сон его был тревожный, наполненный смутными, неопределенными образами. Лишь тонкая, едва заметная грань отделяла его от того, что принято называть ночным кошмаром.

В сне Граис бродил по какому-то странному лабиринту, стены которого смыкались у него за спиной, отрезая дорогу назад. Он должен был идти все время вперед, выбирая тот или иной проход. Он пытался найти систему, которая могла бы помочь ему отыскать выход из лабиринта, но при этом отчетливо понимал, что все его попытки обречены на провал.

Временами стены прохода, по которому он шел, начинали оплывать, превращаясь в уродливые маски, лишь отдаленно напоминающие человеческие лица, которые тем не менее казались Граису знакомыми. Но как он ни старался, ему так ни разу и не удалось угадать, чье именно лицо находится сейчас рядом с ним.

Неожиданно Граис оказался перед огромным зеркалом в широкой раме из черного дерева. Человек, находящийся по ту сторону стекла, совершенно не был похож на Граиса,

и все же ксенос был уверен, что это именно его отражение. Чтобы окончательно убедиться в этом, Граис поднял вверх левую руку. Отражение усмехнулось и сложило руки на груди. Граис в недоумении протянул руку вперед. Пальцы коснулись холодной, гладкой и, как показалось Граису, слегка влажной поверхности. Отражение приселло на корточки, оперлось локтями о колени и насмешливо посмотрело на Граиса.

— Чему ты удивляешься? — услышал Граис голос у себя за спиной.— Тебе разве никогда прежде не доводилось быть в комнате смеха?..

Голос был знакомым, но Граис не мог вспомнить, кому именно он принадлежит.

Ксенос стремительно обернулся, рассчитывая увидеть того, кто прятался у него за спиной...

Сон оборвался в тот самый момент, когда Граис уже был уверен, что сможет наконец получить ответ на все свои вопросы.

Он лежал на спине, широко раскинув руки в стороны. В комнате царил полумрак. По стенам бегали отсветы масляного светильника, стоявшего на низком столике. Граис осторожно приподнялся на локте и осмотрел помещение. Возле столика, подперев голову руками, на подушке сидел Грудвар. Неподалеку от него, завернувшись в атласное покрывало, спал Слим.

Граис снова прилег на кровать. Пока Грудвар считает, что он все еще спит, у него есть время подумать.

Впрочем, ответ Граису был уже известен. С того самого момента, как Сирх рассказал ему о своем таинственном госте, которого он называл «человеком из иного мира». А может быть, и до этого... Граис просто отказывался верить в то, что его неведомый противник, как и он сам, был ксеносом, выполняющим задание Центра.

Но если Граису до недавнего времени ничего не было известно о его напарнике, то другой ксенос, скорее всего,

был хорошо осведомлен о цели пребывания своего коллеги на Тессе-3. В этом можно было не сомневаться, поскольку все его действия были направлены конкретно против Граиса...

Стоп!

Граис почувствовал, что ему наконец-то удалось ухватить тоненькую ниточку смысла, едва лишь высовывающуюся из огромного клубка несуразиц, нелепиц и случайных событий. Действия таинственного ксеноса, так же как и его собственные, были направлены в конечном итоге на укрепление буферной зоны на территории Йера! Только если в основе плана Граиса лежала идея примирения всех противоборствующих сил, то его противник делал ставку на провоцирование беспорядков, результатом которых должно было стать введение в Йере жесткой военной диктатуры. И в том, и в другом случае цель, которуюставил перед ксеносами Центр, была бы достигнута,— история Йера складывалась таким образом, что буферная зона на территории страны, приобретя дополнительный усиленный базис, без труда смогла бы сдерживать разрушительный напор событийной волны еще в течение как минимум десятилетия. На этот срок аналитики Центра могли попросту забыть о планете, значащейся в их каталоге под стандартным, совершенно безликим именем Тесса-3.

Но почему одновременно двоим опытным ксеносам было поручено проведение операции на Тессе-3? Для чего нужно было лоб в лоб столкнуть два взаимоисключающих плана?.. Ответ на эти вопросы можно было найти, только вернувшись мысленно назад, к тем событиям, которые предшествовали второй стадии проекта на Тессе-3. Итак...

Незадолго до того, как аналитики Центра подняли вопрос о необходимости укрепления буферной зоны на Тессе-3, Месс-ди-Месс, стоявший во главе всего проекта, был переведен на другой объект. На смену ему приходит молодой и честолюбивый оперативник Анджи Кричэт, испо-

ведующий совершенно иной стиль работы, нежели его предшественник. Если Месс-ди-Месс делал ставку на тщательнейшее изучение ситуации на планете, которая должна была стать объектом очередного воздействия Центра, с тем чтобы свести к минимуму вмешательство в протекающий на ней исторический процесс, то Кричет предпочитал действовать быстро, резко и напористо. Его интересовал только конечный результат, а вовсе не способ, каким он будет достигнут. Кричет принадлежал к той когорте молодых специалистов, которые в последнее время начали приобретать все больший вес и выдвигаться на руководящие посты практически во всех отделах Центра. «Цель оправдывает средства» — вот о чем, по их мнению, всегда и везде должен был помнить каждый работник Центра. Жизни отдельных стран и народов ровным счетом ничего не значат, когда речь идет о судьбе всего Мироздания.

Однако пока еще это новое поколение могло только провозглашать свои лозунги. Прежде чем использовать их на практике, они должны были сначала убедить Центр в их целесообразности. Именно такой демонстрацией могла бы стать для Кричета и его сторонников операция на Тессе-3.

Граис, являющийся последователем Месс-ди-Месса, станет действовать в Йере своими старомодными методами, которые стараниями тех, кому будет поручено присмотреть за ним, конечно же ни к чему не приведут. В то же самое время другой ксенос, действующий по схеме, разработанной самим Кричетом, исправит «ошибки» своего коллеги и успешно доведет проект до ожидаемого финала.

Когда же буферная зона на территории Йера будет усиlena цепью запрограммированных исторических событий, никто не станет выяснять, можно ли было добиться того же самого, используя более мягкие, щадящие способы воздействия на исторический процесс Тессы-3. Напротив, ме-

тод работы Кричета и его сторонников, продемонстрировав свою надежность и эффективность, начнет завоевывать новых расследователей... Таким образом, противоборство двух ксеносов на Тессе-3 должно было определить состояние дел в Центре на многие годы вперед...

Граис повернулся на бок и, приоткрыв глаза, посмотрел на неподвижно замершего у огня Грудвара.

Кричет играл нечестно. Противнику Граиса с самого начала было известно о его планах, в то время как сам Граис до самого последнего времени даже не подозревал о том, что в Йере у него есть конкурент. И тем не менее сейчас у Граиса были реальные шансы на победу. Его противник сосредоточил все свое внимание на том, чтобы не позволить Граису удалить с политической арены Йера одиозную фигуру Сирха. Должно быть, по его мнению, именно противостояние Сирха и вернувшегося в Йер Граиса должно было стать тем фактором, который окончательно выведет из равновесия нестабильную обстановку в Йере и вынудит наместника использовать для наведения порядка военную силу. Но он, скорее всего, даже и мысли не допускал, что Граис и Сирх смогут договориться между собой и временно стать союзниками. А следовательно, и ничего не предпринимал для предотвращения возможных шагов Граиса в этом направлении. И вряд ли ему удастся что-либо предпринять сейчас, когда его противник находится в надежно охраняемом доме Сирха, куда не так-то просто подослать агента... Если только Граис не привел этого агента с собой...

Граис снова посмотрел на широкую спину Грудвара... Бородач дважды оказывался у него на пути. И всякий раз эта на первый взгляд совершенно случайная встреча круто меняла все планы ксеноса. Простодушие же Грудвара могло быть просто удачно выбранной маской...

Словно почувствовав устремленный на него взгляд ксеноса, Грудвар обернулся. Увидев, что Граис уже проснулся,

он поднялся на ноги и, смущенно пожимая плечами, подошел к кровати.

— Отдохнул? — не глядя на Граиса, тихо спросил Грудвар.

— Да,— приподнявшись на локте, Граис сел, скрестив ноги.

Грудвар осторожно присел на край кровати и потер ладони одну о другую.

— Ты, слушай-ка,— по-прежнему глядя в сторону, произнес он.— Ты извини меня за то, что я на тебя давеча так набросился... Сам не пойму, что вдруг со мной случилось. Как с цепи сорвался... Бурдюк и тот, похоже, понял, что ты все правильно делаешь... А я разорался, как последний болван... Ты теперь, наверное, обо мне черт знает что думаешь...

— Все в порядке, Грудвар,— улыбнулся Граис.— Я на тебя не в обиде. Мы все изрядно перенервничали и устали за последние дни. Я и сам вел себя не лучшим образом. Мне следовало бы не отдавать приказы, а подробно рассказать вам о беседе с Сирхом.

Успокаивающим жестом Граис положил руку на левое запястье Грудвара. Прижав пальцы чуть плотнее, чем следовало бы, Граис смог убедиться, что под кожей у Грудвара нет имплантированной пластинки с микросхемой психо-преобразователя. Следовательно, Грудвар не мог быть ксеносом.

— Ложись спать,— похлопав Грудвара по руке, сказал Граис.— Тебе тоже нужно отдохнуть.

— Кто-то должен бодрствовать,— нахмурив брови, сурово произнес бородач.— Неизвестно, что может затеять Сирх.

— Наши жизни Сирху не нужны,— улыбнулся Граис,— его интересует лишь своя жизнь и жизнь своего сына. Ему больше никто в этом мире не нужен. Он одинок, Грудвар.—

И, отвернувшись, еле слышно добавил: — Впрочем, так же как и я.

— Что ты сказал? — наклонился к нему Грудвар.

— Я сказал, что человеку может принадлежать хоть весь мир, но сам себя в нем он найти не сможет.

Грудвар молча посмотрел на Граиса и лег на кровать.

Глава 17

КОНТРОЛЕР

Утром Граиса разбудило недовольное ворчание вернувшегося Бурдюка.

— Как дела? — спросил, протирая спросонья глаза, Граис.

— Как дела? — повторил его вопрос Бурдюк и, раздосадованно всплеснув рукам, добавил: — Погано!

— Что случилось?

Сна как не бывало. Граис проворно вскочил на ноги.

— Я всю ночь провел в дороге, — обращаясь к нему, начал объяснять Бурдюк. — Вернулся, — а у вас даже похрать нечего! — Бурдюк со злостью пнул ногой пустой поднос. — Устал, как гарата!

— Кончай орать, — попытался урезонить его проснувшийся вслед за Граисом Грудвар.

— Это я-то ору? — Возмущенный Бурдюк ткнул себя пальцем в грудь. — Да ты еще не слышал, как я ору!

— И слышать не хочу, — ответил ему Грудвар. — Хочешь есть, так крикни слугам, чтобы принесли.

— А что, — подбоченился Бурдюк, — и крикну...

— Ну и крикни.

— Ну и крикну!

Бурдюк решительно направился к двери, ведущей в дом.

Откинув закрывавшую дверь портьеру, он дернул за ручку. Дверь, оказавшаяся незапертой, легко открылась.

Бурдюк испуганно отшатнулся назад, увидев за дверью обнаженного по пояс эребийца.

— Что? — коротко спросил слуга Сирха, заглядывая в комнату.

Быстро обернувшись через плечо, Бурдюк заметил насмешливые взгляды приятелей. Отступать было поздно. Стиснув зубы, Бурдюк повернулся к эребийцу.

— Послушай-ка, приятель,— стараясь говорить непринужденно, обратился он к великанию.— Не пора ли подавать завтрак?..

Эребиец молча кивнул и прикрыл дверь.

— Ну что? — усмехнулся Слим.— Получил свой завтрак?

— По-моему, этот здоровяк плохо понимает по-йеритски,— почесав затылок, заметил Бурдюк.

— Ты отнес письмо? — спросил у Бурдюка Граис.

— Конечно,— кивнул тот.— Все сделал в лучшем виде. Дождался посыльного, передал ему письмо и твое пожелание поскорее получить ответ.

— И когда будет ответ?

— Завтра к полудню. Быстрее чем за сутки гонцу не обернуться.

— Мы от лагеря до Халлата добирались двое суток,— удивленно приподнял бровь Граис.

— Так мы же двигались по проезжему тракту,— объяснил ему Грудвар.— А гонцы вольных пользуются тайными тропами в горах. По ним любой путь вдвое короче.

— Ясно,— кивнул Граис.— Значит, теперь нам остается только ждать.

— Я готов ждать, если меня накормят,— снова завел ту же песню Бурдюк.

Словно в ответ на его слова дверь распахнулась, и трое слуг-йеритов внесли в комнату подносы с едой. Четвертый слуга принес таз и кувшин с теплой водой для омовения рук.

— Вот это, я понимаю, гостеприимство,— нетерпеливо потер грязные ладони Бурдюк.

Грудвар и Бурдюк навалились на еду, не отягощая себя мыслями о гигиене. Граис, воспользовавшийся услугами йерита, принесшего воду, с интересом глянул на Слима, который не торопился присоединиться к трапезе, дожидаясь своей очереди, чтобы ополоснуть после сна лицо.

Угощение было, как всегда, обильным. Бурдюк набил свое брюхо до такой степени, что не смог даже подняться из-за стола, а просто с тяжелым вздохом отвалился в сторону. Грудвар ухмылялся, глядя на обжору, но и сам он от души отдал должное предложенному угощению. Слим же, как показалось Граису, стремясь не отставать от приятелей, только изображал зверский аппетит, а на самом деле ел не спеша и мало.

После того как слуги убрали посуду, Бурдюк завалился спать, а Грудвар со Слимом сели играть в треугольники,— поле и фишki принесли им слуги.

Присев на корточки возле мгновенно захрапевшего Бурдюка, ксенос осторожно проверил его левое запястье. Из всех присутствовавших в комнате Бурдюк меньше всего подходил на роль агента Центра, и, как и следовало ожидать, пластиинки психопреобразователя у него на руке не было.

Теперь под подозрением оставался только Слим. Приятель Грудвара все время держался в стороне и практически ничем не привлекал к себе внимание Граиса. Взгляд его белесых, словно выгоревших на солнце глаз постоянно блуждал по сторонам, медленно переползая с предмета на предмет, так, словно не находя среди них то, на чем можно было бы остановиться. Да и вообще, глядя на отрешенный вид Слима, можно было подумать, что такого человека мало что интересует в жизни.

Граис подошел к игрокам в треугольники и, сделав вид, что заинтересовался идущей к завершению партией, присел между ними на корточки.

Грудвар и Слим по очереди выставляли на игровое поле треугольные фишки. Грудвар играл красными, Слим — синими. Смысл игры заключался в том, чтобы, ставя треугольники своего цвета один к другому, окружить как можно большее число фишек противника, которые в таком случае снимались с игрового поля. Если встречались двое равных по мастерству игроков, партия могла длиться бесконечно долго, но сейчас на игровом поле преимущество было на стороне синих. Слим сгруппировал свои треугольники в центре игрового поля и теперь развивал преимущество, выдвигая острые клинья в стороны разбросанных небольшими кучками по краям площадки красных фишек. Грудвар пытался организовать оборону, растягивая по краям игрового поля тоненькие ниточки красных треугольников.

Прижав треугольники противника к краю игрового поля, Слим завладел десятком красных фишек. Еще через двенадцать ходов он уничтожил сразу две небольшие группы красных фишек. Но, увлекшись атакой, Слим не заметил коварной ловушки, которую приготовил для него Грудвар. Взяв очередную группу красных треугольников, Слим тем самым вывел все огромное скопление синих к краю игрового поля. Грудвар в свою очередь спокойно и уверенно выставил красный треугольник по центру узкого прохода, пока еще не занятого фишками противника.

Сделав ход, бородач поднял взгляд на соперника и, как бы извиняясь, развел руки в стороны. После этого хода всем, кто следил за партией, стало ясно, что победа, бесспорно, доставалась Грудвару. Ему оставалось сделать всего три хода для того, чтобы завершить окружение всего скопления синих треугольников, оказавшихся прижатыми к краю игрового поля.

Слим, прикусив верхнюю губу, в тщетной надежде изучал свою сложную позицию. Понимая, что выиграть ему уже не удастся, он пытался найти ход, который позволил бы ему хотя бы оттянуть неизбежное поражение.

— Нужно уметь проигрывать, Слим. Эту партию выиграл Грудвар.

Сказав эти слова, Граис, как будто для того, чтобы утешить и подбодрить проигравшего, положил свою ладонь на руку Слима. Ему понадобилось всего лишь слегка надавить пальцами на запястье неудачливого игрока, для того чтобы почувствовать имплантированную под кожу матрицу психопреобразователя.

Слим отдернул руку прежде, чем понял, что разоблачен. Движение его было чисто инстинктивным. Но в следующее мгновение Слим взглянул в лицо Граиса и едва ли не в ужасе отшатнулся назад. И замер, парализованный холодным волевым взглядом сидящего напротив него ксеноса.

Оторвав взгляд от игрового поля, Грудвар изумленно взглянул на бледного, как сама смерть, приятеля.

— Эй, что случилось? — спросил он, переводя взгляд на Граиса.

— Отключи его,— указав на Грудвара, приказал Слиму Граис.

Слим моментально взмахнул рукой, словно собираясь толкнуть Грудвара в грудь. Тело бородача дернулось, запрокинулось назад и замерло, привалившись спиной к стене. Бессмысленный взгляд широко открытых, ничего не видящих глаз Грудвара был устремлен в бесконечную пустоту.

Быстрым движением Слим направил ладонь на Граиса. Однако ксенос был готов к этому и успел вовремя среагировать. Перехватив поток энергии, усиленной психопреобразователем, Граис отправил его в обратную сторону, изменив за долю секунды силу волны. Нокаутирующий удар в солнечное сплетение опрокинул Слима на спину. Он захрипел, поджав ноги к животу. Граис наклонился над

ним и, быстро проведя рукой над пораженным местом, снял болевые ощущения. Затем он схватил Слима за плечи и подтащил к стене.

— Рассказывай,— едва слышно произнес Граис.

— Что именно ты хочешь узнать? — Слим наклонил голову к плечу, стараясь уйти из-под лишающего его воли пристального взгляда Граиса.— Я даже не ксенос, я простой наблюдатель... Меня не посвящают в планы руководства, только дают указания...

— Что тебе известно об операции, проводимой Центром на Тессе-3?

— Только то, что целью ее является укрепление буферной зоны. Непосредственно в операции я не задействован.

— Это тебе только так кажется,— усмехнулся одними губами Граис.

— Что ты имеешь в виду? — удивленно вздернул бровь Слим.

— Как давно ты работаешь в Йере? — спросил Граис, оставив вопрос Слиму без ответа.

— Шестой месяц,— ответил Слим.— Это моя первая самостоятельная работа в качестве наблюдателя. Я получил задание внедриться в среду вольных...

— Связь с Центром ты осуществляешь через наставника?

— Да,— быстро кивнул Слим.— Каждые десять дней в условленном месте я получаю мнемокристалл с телепатическим посланием. Там же я оставляю и отчет о проделанной работе.

— Кто твой наставник?

— Мет Краули.

— Краули...— медленно повторил Граис. Имя это ни о чем ему не говорило.— Краули приставил тебя ко мне?

— Мнемокристалл с заданием я получил от него.

— Что именно тебе вменялось в обязанности?

Задав вопрос, Граис отпустил Слима, позволив ему свободно сесть на полу.

— Организовать побег из тюрьмы и проводить тебя в лагерь вольных,— ответил Слим.— При этом не допускать никаких насилистических действий по отношению к тебе... Мне не сказали, что ты ксенос. Я понял это только после того, как ты взломал тюремные ворота.

— И тебя ничуть не удивило, что Центр проводит операцию, а задействованный в ней ксенос ничего об этом не знает?

— Я полагал, что тебе известно гораздо больше, чем мне,— пожал плечами Слим.— Вначале я подумал, что таким образом ты собираешься внедриться в отряд вольных...

— Как ты сам оказался в тюрьме?

— В соответствии с полученными инструкциями... Когда разбойничья банда, в которую я входил, совершила нападение на обоз, я позаботился о том, чтобы в живых остались только двое, я и Грудвар...

— Почему именно он? — взглядом указал Граис на неподвижно сидевшего у стены бородача.

— Он легче других поддавался внушению,— объяснил Слим.— А в соответствии с полученными инструкциями, я должен был действовать, не привлекая к себе твоего внимания.

— Значит, это ты внушил Грудвару мысль о побеге?

— По-моему, неплохо получилось,— на губах Слима появилась робкая улыбка.

— Неплохо,— согласился с ним Граис, но больше хвалить Слима не стал. То, что Слим мог еще ему рассказать, было любопытно, но сейчас совсем не интересовало Граиса. Он вдруг вспомнил свое первое задание на странной планете под названием Лит Струма. Как он там сумел разжечь огонь на глазах изумленных обитателей этой планеты,— как он гордился этим и сообщал об этом во всех рапортах. Да, было время... И ушло, ушло безвозвратно...

— Я старался,— гордо сказал Слим.

Он уже совсем оправился от удара, но все же выглядел уставшим.

— Погоди-ка,— неожиданно произнес Граис,— но ведь в тюрьме мы могли оказаться в разных камерах.

— На это я ничего не могу ответить,— развел руками Слим.— Мне просто было сказано, что интересующего меня человека приведут в ту же камеру, в которой я уже буду находиться... Так оно и произошло. А кто все это организовал, мне неизвестно.

— Значит, в операции задействованы и другие наблюдатели,— констатируя факт, произнес Граис.

— Мне об этом ничего не известно,— покачал головой Слим.— Я поддерживаю связь только со своим наставником.

— Что произошло после того, как я отказался идти вместе с тобой и Грудваром в лагерь вольных? — спросил Граис.

— Ничего,— ответил Слим.— Я составил отчет и передал его наставнику. В ответном послании мне было приказано продолжить наблюдение за отрядом вольных, в который мне удалось внедриться.

— А что насчет меня?

— Ничего. Твое появление в лагере вольных оказалось для меня полной неожиданностью.

— Почему в таком случае ты вызвался сопровождать меня в Халлат?

— Я даже не знаю, как ответить на этот вопрос,— замялся Слим.— Скучно просто составлять отчеты в то время, как другие заняты серьезными делами, о которых тебя даже не считают нужным поставить в известность...

— Можешь не рассказывать,— улыбнулся Граис.— Я тоже когда-то был простым наблюдателем. Через это проходит каждый будущий ксенос.

— Ну а поскольку поездка в Халлат не противоречила моему непосредственному заданию, я и решил побить ря-

дом с тобой,— уже увереннее продолжил Слим.— Вообще-то, если честно, мне хотелось побольше узнать об операции, в которой ты задействован...

— А может быть, и самому принять в ней участие,— с улыбкой закончил за него Граис.

Слим потупил взгляд и неопределенно повел плечом.

— Не изображай из себя невинного младенца,— сухо и жестко произнес Граис.— Если ты просто хотел понаблюдать за моей работой, то для чего в таком случае натравил вчера на меня Грудвара?

Слим сжался в комок. Граис почувствовал, как он напрягся, пытаясь дать команду своему психопреобразователю создать оборону. Опытному ксеносу ничего не стоило сломать защиту начинаящего наблюдателя, но Граис не стал этого делать. И без того было ясно, что Слиму известно о том, что его наставник заинтересован в провале миссии Граиса. О задаче Граиса Слим ничего не знал, но тем не менее, встретив его во второй раз в лагере вольных, наблюдатель решил проявить служебное рвение, надеясь тем самым заслужить расположение своего руководства.

— Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом,— так вроде говорилось у древних народов одной из планет Кольца?— В голосе Граиса сквозила ирония, но глаза его оставались холодными и цепкими, как льдинки.

Слим неуверенно пожал плечами.

— Не знаешь?— улыбнулся Граис.— А мы в свое время как проклятые штудировали труды разных мудрецов.

— Я запомню это высказывание,— тихо произнес Слим.

— В лагере вольных, кроме тебя, были другие работники Центра? — спросил Граис.

— Может, и были,— пробурчал в ответ Слим.— Только я с ними не знаком.

Граис поднялся на ноги и прошелся по комнате. Грудвар по-прежнему находился в оцепенении, Бурдюк сладко похрапывал, лежа на боку.

Граис с досадой наподдал ногой валявшуюся на полу подушку. План, выстроенный им, мог рассыпаться, подобно карточному домику, от любого неосторожного движения. Удастся ли довести его до конца притом, что помимо множества неопределенных факторов, действие которых требовалось спрогнозировать с ювелирной точностью, нужно было учитывать еще и воздействие сил, направленных конкретно против него?.. То, что Граису удалось выявить одного соглядатая, ровным счетом ничего не значило,— одному Поднебесному было известно, сколько еще агентов Центра, нацеленных на противостояние его плану, ходило вокруг.

Нет, Кричет не посмеет его отозвать в Центр — это было бы слишком просто для Кричега и слишком прямо-линейно и банально для всей операции. Наоборот, Кричути нужно, чтобы Граис провалил задание. Тем самым он подтвердит, что используемые им методы неэффективны и, возможно, даже устарели. Хотя как может устареть наука воздействия на умы людей? Все равно что сказать, что может устареть речь, язык, мысли, чувства. В Йере, по крайней мере, чувства будут едва ли не единственным источником решения жизненного выбора. Взять хотя бы Миду...

При воспоминании о Миде у Граиса ни с того ни с сего колнуло в сердце. Пока у него еще есть время. И все, что он может, это сыграть на опережении, не давая противнику возможности проанализировать свои ходы и предпринять контрдействия... Но если в лагере вольных имеется еще один агент Кричега и ему уже стало известно о том, что Граису удалось привлечь на свою сторону Сирх, что в таком случае мог предпринять противник?..

— Убить Килоса,— последовал незамедлительный ответ.

Граис удивленно посмотрел на произнесшего эти слова Слима.

— Я неплохой телепат,— сказал тот.— Да и без этого не трудно было бы догадаться о мысли, которая сейчас тревожит тебя больше всего. Убийство Килоса стало бы самым простым и эффективным способом разрушить твой союз с Сирхом.

— Ты неплохо соображаешь,— похвалил Слим Граис.— А теперь подумай над тем, что я должен сделать, чтобы не допустить этого?

— Ты ничего не можешь сделать,— уверенно произнес Слим.— Послание, которое ты отправил, уже, должно быть, попало в руки адресата.

— Все верно,— кивнул Граис.— Только в письме я ни словом не обмолвился о своем союзе с Сирхом. Я написал, что нам удалось вступить с Сирхом в контакт, но пока будущее наше неопределенно — прежде чем о чем-либо говорить, Сирх желает получить подтверждение безопасности его сына. Так что твоим коллегам пока нет смысла торопить события.

— Бурдюк мог на словах рассказать посыльному о том, что у нас здесь происходит.

— Бурдюк если о чем и рассказал, так только о том, чем его здесь кормят,— усмехнулся Граис.— Я намеренно не стал вчера подробно рассказывать о встрече с Сирхом.

— Честно признаться, я до сих пор не пойму, что происходит,— с досадой буркнул Слим.— Почему другие работники Центра мешают тебе выполнять задание? Ведь ты же не по собственной инициативе развернул здесь такую бурную деятельность?

— Нет,— ответил Граис.— Я выполняю задание, полученное от руководителя проекта. А почему мне строят препоны, я и сам не до конца понимаю. Но одно я знаю точно,— если мне не удастся довести задуманное до конца, то это закончится катастрофой.

— Прорывом событийной волны?..

Глаза Слима сделались круглыми. Он невольно испытал ужас, едва только представив себе, что может произойти, если событийная волна разрушит буферную зону на территории Йера... И хотя о том, что произойдет в действительности, Слим мог только догадываться, испуг его был неподдельным. Всем, работающим в Центре, с самого первого дня внушалось: самое страшное, что может случиться в их жизни,— это прорыв событийной волны, за которым последует вселенский хаос и гибель Мироздания...

— Нет,— покачал головой Граис.— Прорыва не произойдет. Катастрофа произойдет на уровне одной страны — Йера.

— А я-то подумал.— Слим с облегчением перевел дух и натянуто усмехнулся.— Так что же мне теперь делать?

— В каком смысле? — переспросил Граис.

— Я должен помочь тебе?

— Не стоит,— махнул рукой Граис.— Постарайся лучше впредь не вмешиваться в то, что пока еще не доступно твоему пониманию.

— Как хочешь,— Слим обиженно поджал губы.— Если бы ты объяснил мне...

— Я ничего не собираюсь тебе объяснять,— не дав ему закончить, перебил Граис.— Занимайся своим заданием — наблюдай за вольными и составляй отчеты. А в мои дела лучше не суйся.

— Подумаешь...— презрительно скривил губы Слим и не спеша поднялся на ноги.

— Приведи Грудвара в чувство,— указал взглядом на бородача Граис.

— Если кого здесь и нужно приводить в чувство, так это Бурдюка,— мрачно заметил Слим.— Храпит, как... Все ему ни почем...

Подойдя к Грудвару, Слим легонько коснулся кончиками пальцев его лба. Йерит вздрогнул и испуганно уставился на своего приятеля.

— Что случилось? — изумленно произнес он и перевел взгляд на Граиса.

— Ты выиграл,— сказал Граис, указав носком ноги на игровое поле.

— А...

Грудвар посмотрел на игровое поле, затем снова на Слима. Что-то все же не давало ему покоя.

— Я сегодня играть больше не буду,— мрачно буркнул Слим.— Если хочешь, предложи Граису.

Грудвар, все еще пытаясь понять, что же с ним произошло, перевел несколько растерянный взгляд на Граиса.

— А почему бы и нет,— улыбнулся тот.

Отстранив Слима, Граис сел на его место за игровым полем и одним взмахом руки скинул с него все треугольники.

— Какими будешь играть? — спросил он у Грудвара.

Бородач не успел ничего ответить.

В открывшуюся дверь заглянул слуга-эребиец.

— Ты,— концом зажатой в руке плетки указал эребиец на Граиса.— Преподобный хочет говорить с тобой.

— Видно, не судьба,— улыбнулся Граис Грудвару, поднимаясь на ноги.— Как-нибудь в другой раз сыграем.

Следуя за молчаливым эребицем, Граис тем же путем, что и накануне, прошел в покой Сирха.

На этот раз Граису было предложено место за столиком, на котором стояли кувшины с соками и блюда с фруктами и легкими закусками. Сирх, сидевший напротив него, изображал гостеприимного хозяина. И, как показалось Граису, преподобному не нужно было прилагать к этому больших усилий,— вел он себя вполне естественно.

От предложенных угощений Граис отказался, сославшись на то, что совсем недавно позавтракал.

— Недавно? — Сирх несколько удивленно посмотрел на Граиса, после чего протянул руку в сторону распахнутого окна.— На улице полдень.

— Должно быть, я еще не успел проголодаться,— смущенно улыбнулся Граис.

— Я только что вернулся от наместника,— сказал Сирх, не желая далее испытывать терпение своего гостя.— Мне удалось убедить его отказаться от идеи карательной экспедиции против обосновавшихся в горах разбойников. Но для этого мне пришлось сообщить почтенному Центию Офру, что разбойникам каким-то образом стало известно о его планах. Когда Центий Офр поинтересовался, каким же образом мне стало известно о том, что происходит в лагере злодеев, я вначале сослался на прихожанина, который поведал мне о планах разбойников после проповеди. Однако история эта показалась наместнику не слишком убедительной. Тогда мне пришлось частично рассказать ему правду. Естественно, я не стал говорить Центию Офру о посольстве вольных, обосновавшемся в моем доме и желающем вести с ним переговоры.— Сирх усмехнулся и, налив в бокал золотистого ақисового сока, сделал глоток.— Я сказал, что ко мне пришел мой старый друг и соратник, странствующий проповедник, который долгие годы жил за пределами Йера... Короче, я рассказал ему, кто ты такой и поручился за тебя. Твой арест и последовавший за ним побег из тюрьмы я объяснил как недоразумение.

— И такое объяснение удовлетворило наместника? — с сомнением спросил Граис.

— Тебе повезло, что шалей, задержавший тебя и сопроводивший в тюрьму, оказался честным парнем,— ответил на это Сирх.— Сразу же после того, как ты со своими приятелями бежал из тюрьмы, наместник провел расследование. Знакомый тебе шалей рассказал, что ты был арестован на основании заявления, сделанного неким йеритом, который вскоре после этого бесследно исчез. Сам же шалей ничего предосудительного в твоих поступках не находил. Напротив, он сказал, что ты вел себя весьма достойно и

сдержанно.— Сирх сделал глоток из бокала, который держал в руке.— Поскольку ты, можно сказать, являешься живой легендой Йера, наместник желает встретиться с тобой.

— Когда? — быстро спросил Граис.

— Не рассчитывай перехватить инициативу, Граис,— улыбнулся Сирх. Впрочем, совершенно беззлобно, можно даже сказать, по-дружески.— Ты встретишься с наместником не раньше, чем я получу доказательства того, что мой сын жив. Я сказал Центию Офру, что ты отказался погостить в моем доме, но обещал на днях снова заглянуть.

— Ответ на твое письмо Килосу доставят завтра к полудню,— сказал Граис.

— Отлично,— кивнул Сирх.— Вот тогда и отправимся к наместнику.

«Убить Килоса!..»

Граис вновь отчетливо, как наяву, услышал слова, произнесенные Слимом: «Убить Килоса...»

Известно ли людям Кричета, какую роль играет сын Сирха в плане, который пытается осуществить Граис? Если да, то Килос обречен. Что стоит жизнь одного человека для тех, кто без зазрения совести готов целую страну ввергнуть в пучину кровавой вакханалии?..

Но если успеть встретиться с наместником прежде, чем прибудет посыльный из лагеря вольных, то жизнь Килоса потеряет свою значимость как для Граиса, так и для его противников. Тогда уже все будет зависеть не от настроения Сирха, а от решений, принятых наместником. Если к тому времени парень все еще будет жив, то за него уже можно будет не бояться... А если мертв?.. На чьей совести будет эта новая жертва?..

— Так мы только потерянем время,— попытался возразить Граис.— Я оставил Килоса в лагере вольных живым и невредимым. Он не пленник, а гость... Ты не веришь моим словам?

— Я не верю тем, за кого ты пытаешься поручиться,— сухо произнес Сирх.— Я тебе об этом уже говорил. У тех, кто промышляет разбоем на большой дороге, нет ни чести, ни совести...

— Судить виноватого может только тот, кто сам без греха, Сирх.

— Оставь свои демагогические речи, Граис,— поморщился Сирх.— На кого ты хочешь произвести впечатление?

— Я говорю то, что считаю верным,— спокойно ответил Граис.

— Однако со своими проблемами ты пришел ко мне,— негромко произнес Сирх и лукаво подмигнул Граису.— Не пробовал поговорить на эту тему с главарями вольных?

— Это не мои личные проблемы,— возразил Граис.— Речь идет о судьбе Йера.

— Я-то это понимаю,— кивнул Сирх.— И кахимский наместник тоже понял. А вот вольным ты, похоже, так и не смог втолковать, чем закончится их бессмысленное противостояние с нынешней властью. Похоже, что они больше пекутся о собственных амбициях, нежели о будущем страны. Знаешь, что я тебе скажу, Граис? — Сирх откинулся на спинку кресла и вытянул руки вдоль подлокотников.— Центий Офр, чистокровный кахимец, в моем понимании больше йерит, чем любой из тех бандитов, от имени которых ты выступаешь.

Граис молча наклонил голову и медленно провел пальцем по полированной поверхности стола. Он почти физически ощущал то страшное напряжение, которое концентрировалось у него внутри и, не находя выхода, выбиралось, подобно тугу натянутой струне. Сколько он еще сможет выдержать?.. Что произойдет, когда лопнет струна?.. И в довершение всего голова снова начала раскальваться от тупой нестерпимой боли. Слова Сирха доносились до Граиса словно сквозь плотный слой ваты:

— Наместник пока еще только приостановил операцию. Войска, подготовленные для рейда, остаются на своих позициях. Достаточно одного взмаха руки, чтобы послать их в бой. Центий Офр не хочет проливать кровь — ни кахимскую, ни йеритскую,— но он, так же как и я, не доверяет вольным. Поэтому во время переговоров с наместником тебе следует проявить сверхосторожность. Никакие требования со стороны разбойников приняты не будут. Единственное, что может предложить им наместник,— полная амнистия в обмен на обещание сложить оружие...

Граис наклонил голову и прижал тыльную сторону ладони к раскалывающемуся от нестерпимой боли левому виску.

— Я устал...— не глядя на Сирха, едва слышно произнес он.— Я страшно устал... Почему я один должен отвечать за всех?..

Глава 18

ФИРОН

Войдя в дом, Мида устало привалилась плечом к дверному косяку. Сверток с продовольствием, который она прижимала к груди, выскользнув из рук девушки, упал на пол. В разные стороны раскатились патратовые клубни.

— Фирон...— едва слышно произнесла Мида и, закрыв лицо руками, беззвучно заплакала.

Уткнувшись всклокоченной головой в ладони, Фирон спал, сидя за столом. Рядом с ним гордо возвышался большой винный кувшин. На полу валялась опрокинутая глиняная кружка, каким-то чудом не разбившаяся.

Подбежав к Фирону, Мида села на скамейку рядом с ним и обняла брата за плечи.

Фирон приподнял голову и мутным взглядом обвел комнату. Никого не увидев, он удивленно пожал плечами и потянулся за кувшином.

— Фирон! — Мида что было сил тряхнула его.— Сколько это еще будет продолжаться?! До смерти хочешь напиться?!

Что-то невнятно буркнув, Фирон дернул плечами, пытаясь освободить их от рук сестры. Подтащив к себе кувшин, он начал искать кружку.

— Фирон! — взвизгнула Мида.

— Уйди! — рявкнул на нее брат.— И без тебя тошно...— Чуть подумав, он добавил: — Зараза...

Мида, словно обжегшись, вскочила на ноги и отшатнулась в сторону, прижав руки к груди.

Увидев кружку на полу, Фирон наклонился и, едва не упав, ухватился за край посудины непослушными пальцами. Подтянув кружку поближе, он перехватил ее за ручку и нетвердой рукой поставил на стол.

— Это все из-за него,— сквозь зубы, по-змеиному, зашептала Мида.— Знакомство с ним однажды уже едва не стоило тебе жизни... Теперь снова... Зачем он вернулся?! — закричала Мида, обращаясь к брату.— Что ему от тебя нужно?!

— Ты о ком? — непонимающе глянул на сестру Фирон.

— О ком?! — сверкнула глазами Мида.— О Граисе твоем! О ком же еще!..

— А при чем здесь он? — Фирон был настолько удивлен, что даже на время забыл о кувшине, который уже схватил за широкое горлышко.

— Притом, что это из-за него ты пьешь без остановки уже третью сутки! — бросила брату в лицо Мида.— В чем ты виноват перед ним на этот раз? Почему тебя снова мучает совесть?..

— Дура,— спокойно и невозмутимо произнес Фирон.— Граис всего лишь учитель... Он идет по Пути к Поднебес-

ному... Так же как и любой из нас... Как и я... И если я пью, значит, таков мой Путь.

— Послушай, Фирон,— Мида присела рядом с братом на корточки и взяла его за руку.— Ты ведь и сам знаешь, что Путь — это цель, а не оправдание уже совершенных поступков. Забудь о Граисе. Наметь себе иную цель...

— Ах, Мида, Мида....— покачал головой Фирон. То ли он на какое-то время, сделав над собой усилие, почти про-трезвел, то ли взгляд его сделался более прозрачным от слез, застилающих глаза.— Ты говоришь так только потому, что тебе неизвестна вся та огромная внутренняя сила, заключенная в учителе...

— Так что же с того, если он не хочет употребить ее на общее благо!

— Видишь ли, сестренка,— Фирон положил руку на голову Миде,— Граис никогда не ошибается. И если он говорит, что дело вольных принесет народу Йера только одни несчастья, значит, так оно и будет...

— Бред! — решительно тряхнула головой Мида.— Никому не дано знать о Путях, намечаемых Поднебесным! Вольные спасут Йер! И если Граис не хочет или не может этого понять...

Фирон приложил два пальца к губам Миды, словно бы запирая их на запор.

— Я очень благодарен тебе, Мида, за то, что в свое время ты свела меня с вольными,— негромко произнес он.— Я обрел новую веру, и только это помогло мне выжить... И я действительно верил в истинность того, что я делал... Теперь, когда Граис вернулся, я уже не могу идти против его учения...

— Но и Граису ты больше не нужен!

— Не нужен,— буркнул Фирон, закрыв глаза,— может быть, может быть...

— Так что же?..

— Я больше не хочу жить иллюзиями...

— А это? — Мида гневно ткнула пальцем в кувшин, который все еще держал Фирон.— Это что, не иллюзия?!

Эти слова словно бы напомнили Фирону о его последней радости. Подтянув кувшин, он поднял его и опрокинул над кружкой. В пустую кружку упало только несколько капель.

— Проклятье! — Фирон запустил кувшин в угол комнаты, и тот, ударившись о стену, разлетелся вдребезги.— Вина принесла? — повернулся он к сестре.

— Нет! — отпрыгнула от него Мида.

— Я же велел тебе!...— стукнул кулаком по столу Фирон.— Иди и принеси немедленно!.. Ну, что стоишь? Ты что, не видишь,— у меня закончилось вино?..

— Никуда я не пойду! — закричала в ответ Мида.

— Не пойдешь? — Опершись руками о стол, Фирон поднялся на ноги.— Ну так я сам пойду и куплю себе вина!.. И тебе,— он погрозил сестре пальцем,— не дам. Ни капельки.

Вывернув карманы, он вытряхнул на стол несколько дузов, пересчитал их, довольно усмехнулся и, собрав, зажал в кулаке.

— Фирон...— с тоской посмотрела на брата Мида.

— Отстань,— не глядя в ее сторону, махнул рукой Фирон и, покачиваясь, направился к двери.

Закрыв лицо руками, Мида снова заплакала, на этот раз уже даже и не пытаясь сдержать рвущихся из глубины души рыданий.

— Да будь ты проклят, Граис!...— выкрикивала она между всхлипами.— Кто бы ты ни был, будь проклят навечно за то, что снова отбираешь у меня брата!..

Выйдя на улицу, Фирон направился в сторону городских окраин.

Он и сам толком не знал, куда собрался пойти, но оставаться дома и снова, в который уже раз выслушивать упреки и увещевания Миды больше не мог. Он и сам прек-

расно понимал, что решение его проблем не скрыто на дне какого-нибудь из винных кувшинов, но вино давало возможность забыться, хотя бы на время. Вечером — пьяный угар, утром — поиски новой порции вина для поправки здоровья... День — за днем, день — на день... Дни без конца... И это называется жизнь?

Глядя на дорогу и что-то невнятно бормоча, Фирон шел туда, куда вели его заплатающиеся ноги. Пару постоянных дворов, встретившихся ему на пути, он миновал, решив почему-то, что они ему не подходят.

Очередной постоянный двор был, наверное, самым убогим в Халлате. Стены его были обшарпаны до отвращения, а окна завешены грязными тряпками. Брусья, подпирающие навес над крыльцом, завалились настолько, что одним своим краем навес едва не упирался в землю. Но именно этот постоянный двор как раз и приглянулся пьяному Фирону.

— Вина! — потребовал он прямо от порога, ища блуждающим взглядом хозяина заведения.

Не получив никакого ответа, Фирон упал на скамью.

За столом напротив него обедали двое юеритов.

— Ну что?.. — посмотрев на одного из них, с пьяной конкретностью спросил Фирон. — Сколько еще лет будем баражаться в дерьме и делать вид, что это доставляет нам колоссальное удовольствие?!

Широко размахнувшись, Фирон ударил кулаком по стене.

— Эй, милок, так ты мне всех посетителей распугаешь, — подбежала к нему невысокая плотная женщина, одетая в широкое черное платье.

— Ты кто? — удивленно уставился на нее Фирон.

— Хозяйка здешняя, — ответила ему женщина. — А вот тебя я что-то прежде здесь не видела.

— Какая разница, — махнул рукой Фирон. — Давай мне вина!

— А деньги у тебя есть? — осторожно спросила хозяйка.

Фирон покрутил головой и протянул ей ладонь, на которой лежали монеты.

Отсчитав несколько дузов, хозяйка быстро убежала за перегородку. Вскоре она вернулась и поставила перед Фироном кувшин вина и кружку.

— Пей на здоровье...

Расплескивая вино по столу, Фирон наполнил кружку и залпом осушил ее. Тут же, едва переведя дыхание, он выпил вторую. За ней последовала третья...

Фирон пил не останавливаясь до тех пор, пока сознание его полностью не заволокла плотная алкогольная мгла.

Что происходило после, Фирон почти не помнил.

Он угощал вином всех, кто к нему подсаживался, и вскоре вокруг него крутилось уже с десяток любителей даровой выпивки.

Вино развязало Фирону язык, и он говорил без умолку, сам толком не понимая, о чем ведет речь. Случайным со-бутыльникам он выкладывал все, что ему было известно о Грайсе, о Сирхе, о вольных... Он то орал, срывая горло, то в запале стучал кулаками по столу, то вдруг падал на стол и заходился в плаче... Впрочем, его никто особенно и не слушал. Людям, собравшимся вокруг него, нужна была выпивка, а не душеспасительные беседы.

Но в какой-то момент все вдруг изменилось. Словно бы по мановению руки невидимого властелина, пьяницы, обступившие Фирона, все разом куда-то исчезли. Теперь рядом с ним сидел только один человек, невысокого роста и необычайно худой. Одет он был в нищенские лохмотья, но на лице и руках у него не было ни язв, ни синяков, ни ссадин, как у других представителей этой профессии. Взгляд его отличался умом и пытливостью, несвойственными большинству бездомных бродяг.

— Так что ты говорил о Грайсе из Сиптима? — спросил он у Фирона, не давая ему возможности уснуть.

— Граису известно все... — даже не взглянув на нового собеседника, пробормотал Фирон.— Спроси его о том, когда ты умрешь, и он ответит... Если, конечно, захочет... И при этом не ошибется ни на один день... — Фирон глупо, по-пьяному, хохотнул.— А я, глупец, пытался стать достойным этого человека... Кто я такой? Кто я есть?.. Я — червь смердящий...

— Давно ты видел Граиса в последний раз? — вкрадчиво спросил его нищий.

— Пару дней назад,— ответил Фирон.— Сейчас он где-то здесь.— Он настолько неопределенно взмахнул рукой, что вполне можно было решить, что Граис сейчас находится тут же, в обеденном зале, быть может за соседним столиком.

Нищий, по-видимому так и решив, огляделся по сторонам.

— Да не прямо здесь,— усмехнулся Фирон.— В Халлате...

Фирон вылил остатки вина в кружку. Неловко ухватившись за ручку, он опрокинул кружку на стол. Вино растеклось по столу мутноватой лужицей.

— Проклятье!.. — выругался он.— Хозяйка!.. Подай еще вина!.. И кружку для моего друга! — Фирон по-приятельски положил руку на плечо нищему.

— Ты уже отдал мне свои последние дузы,— сообщила мигом оказавшаяся рядом хозяйка.— Без денег вина больше не получишь!

— Принеси нам вина,— спокойно сказал нищий и кинул на стол несколько дузов.

Тут же растянув губы в приветливой улыбке, хозяйка быстро собрала монеты в горсть и убежала.

Вскоре на столе перед Фироном и нищим стояли два полных кувшина с вином.

Сам нищий почти не пил. Он только снова и снова наполнял вином кружку Фирона. И все время задавал ему какие-то вопросы.

Куда потом подевался этот странный нищий? И куда делось оставшееся вино? Ведь не мог же Фирон один выпить два полных кувшина?..

Немного прия в себя, Фирон осмотрелся по сторонам.

Он был уже не на постоялом дворе, а стоял на улице, привалившись спиной к каменной изгороди. Случайные прохожие, быстро пробегая мимо, бросали неодобрительные взгляды на пьяницу, едва держащегося на ногах.

Фирон никак не мог определить, где именно он находится. Но, судя по добротности окружающих его домов, это был не самый бедный квартал в столице... О том, как он попал сюда, Фирон даже и думать не хотел — все равно не было никакой надежды что-либо вспомнить...

Посмотрев в конец улицы, Фирон увидел там небольшую процессию, состоящую из охранников, слуг и степенно шествующего в центре между ними человека. Почему-то этот почтенный йерит показался пьяному Фирону похожим на Миноса.

— Минос! — хрипло прокричал Фирон.— Постой, Минос!..

Сорвавшись с места, он кинулся в погоню за процессией.

Пару раз он споткнулся и, падая на землю, в кровь разбил колени. Но все же ему удалось догнать йерита, которого он принял за Миноса.

— Минос! — Нахально растолкав растерявшихся от неожиданности слуг, Фирон схватил незнакомца за рукав.

Тот испуганно уставился на Фирона. Вид у него был действительно ужасен: всклокченные волосы, безумный взгляд, порванная рубашка, покрытая винными пятнами и дорожной пылью.

— Мы все предали Граиса, Минос! — закричал в лицо почтенному йериту Фирон, обдав его при этом зловонием винного перегара.— Предали его во второй раз!.. И будем

предавать его снова и снова, сколько бы раз он ни возвращался!.. Все мы, Минос, а не только я один!..

Двою подоспевших охранников схватили Фирона и, завернув ему руки за спину, заставили его упасть на колени.

— Что с ним делать, хозяин? — спросил у почтенного йерита один из охранников.— Сдать шалеям?

— Не стоит,— немного подумав, йерит благосклонно махнул рукой.— Это всего-навсего какой-то безумец. У него не было намерения причинить мне какой-либо вред... Оставьте его.

Отташив Фирона в сторону, охранники бросили его под забор.

Процессия неторопливо направилась дальше своим путем.

— Я червь... Я тварь... Я мразь...— лежа на земле, со слезами на глазах прочитал Фирон, в отчаянии кусая зубами руки своей грязной рубахи.

Глава 19 ПРЕДЧУВСТВИЕ БЕДЫ

Граис провел ладонью по лицу, отгоняя от глаз серую, липкую пелену. Рука казалась отлитой из свинца. Страшная слабость сковывала движения.

Как такое могло случиться, что он вдруг потерял сознание? И где он сейчас находится?..

Опервшись на локоть, Граис сделал попытку подняться.

— Лежи! — Кто-то крепко схватил Граиса за плечи и снова заставил лечь.

— Где я?..

Крепко зажмутив глаза, Граис резко тряхнул головой. Мгновенно тупая боль пронзила затылок. Когда Граис снова поднял веки, он уже мог видеть все, как и прежде.

Он находился в комнате, в которой никогда прежде не был. Широкие складки балдахина, расшитого золотыми и серебряными нитями, нависали сверху над кроватью, где он лежал. По левую сторону от него, чуть в стороне, стоял Сирх, скрестив руки на животе. У самого края кровати на коленях стоял пожилой йерит, одетый в синюю рубаху без рукавов, на правой стороне которой была вышита пылающая ветвь — эмблема гильдии лекарей, права носить которую удостаивался лишь тот, кто давал клятву помогать больным и страждущим всегда и везде. У лекаря были густые седые брови и длинный острый нос. Тонкими пальцами, похожими на сухие сучки, он умело и ловко перевязывал локоть левой руки Граиса.

— Мне пришлось отворить кровь, чтобы привести тебя в чувство,— бросив на Граиса взгляд из-под кустистых бровей, произнес лекарь.

— Ну и напугал же ты меня, когда вдруг начал заваливаться со стула на пол,— заговорил Сирх.— Это мой личный лекарь,— он одобрительно похлопал врача по плечу.— Один из лучших в Йере. Он уверяет, что с тобой ничего серьезного не случилось.

— Обморок стал результатом потери значительной части жизненных флюидов, произошедшей в результате длительного переутомления, тяжких дум и неправильной организации режима труда, отдыха и питания,— пояснил лекарь.

«Астенический синдром,— отметил про себя Граис.— Распространенное недомогание среди ксеносов... Не думал, что и меня вдруг прихватит».

— Выпей, это укрепит твои силы,— лекарь поднес к губам Граиса серебряный кубок.

Граис с сомнением понюхал содержимое кубка. Пахло терпким красным вином и какими-то пряностями. Решив, что хуже не будет, Граис взял кубок и залпом выпил. Глядя на него, Сирх завистливо щелкнул языком.

Волна тепла и покоя разлилась по телу Граиса: ему захотелось спать.

— Ты можешь отдохнуть здесь,— услышал он сквозь дрему голос Сирха.

— Нет! — Граис рывком поднялся и сел, свесив ноги с кровати.

Наклонив голову, он помассировал виски пальцами. Затем приложил левую ладонь к затылку и сильно надавил, одновременно напрягая шею.

— У тебя есть корень уаба? — спросил он у внимательно следившего за его манипуляциями лекаря.

— Да,— быстро кивнул тот.

— А пиоловое семя?

— Винная настойка.

— Подойдет. На одну кружку настойки пиолового семени добавь три щепотки толченого корня уаба...

— Три? — удивленно вытаращил глаза лекарь.

— Три,— подтвердил Граис.— И смешай все это с тремя ложками горной смолы.

— Ты собираешься выпить это? — Лекарь смотрел на Граиса, как на самоубийцу, который уже стоит на самом краешке стола, накинув на шею петлю.

— Да,— кивнул Граис.— Тащи сюда то, что я сказал, да поживее!

Лекарь беспомощно посмотрел на Сирха.

— А в чем, собственно, дело? — несколько раздраженно поинтересовался тот.— Что это за корень уаба и пиоловое семя?

— Я сказал лекарю, как приготовить тонизирующий напиток, который приведет меня в чувство,— с трудом удерживая голову, объяснил Граис.

— Если вначале эта адская смесь не убьет его! — возмущенно воскликнул лекарь.— Не всякое сердце выдержит такую нагрузку!

— Мое выдержит,— со сдержаным напряжением проговорил Граис.

— Ты уверен, что это необходимо? — с сомнением посмотрел на него Сирх.

— Да.— Граис устало потер лоб рукой.

— Делай, что он тебе велел,— приказал лекарю Сирх.

Неодобрительно покачивая головой и что-то бормоча себе под нос, лекарь вышел из комнаты.

— Что, совсем плохи дела? — Сирх присел на краешек кровати рядом с Граисом.

Граис закрыл глаза и запрокинул голову назад.

— Не знаю,— честно признался он.

Сирх молча кивнул.

Так они оба и сидели какое-то время, дожидаясь возрвращения лекаря. Граис боролся не столько со слабостью, сколько со спровоцированными астенией болезненной безнадежностью и полнейшим неверием в собственные силы. Сирх думал о чем-то своем, скользя взглядом по затейливым узорам покрывающего пол ковра.

Вернувшись, лекарь молча протянул Граису кружку, до краев наполненную бурой, едко пахнущей жидкостью. Затем он посмотрел на Сирха и, дабы снять с себя всякую ответственность за предстоящий эксперимент, строго официальным голосом произнес:

— Я ни за что не отвечаю.

— Это мое решение,— пробормотал Граис.

Прижав край кружки к губам, ксенос начал медленно втягивать в себя горький до отвращения настой. Отпив половину, он оторвался от кружки, чтобы перевести дух. Прикрыл глаза, Граис сделал глубокий вдох и снова принялся пить.

Лекарь, приготовивший настой, следил за Граисом с тревогой. Сирх — с любопытством.

Допив последний глоток, Граис едва не уронил кружку на пол. Лекарь успел подхватить ее и, не сводя с Граиса глаз, поставил на стол.

Граис оперся руками о край кровати. Пальцы его изогнулись, впившись ногтями в плотную ткань покрывала. Глядя, как по всему лицу Граиса выступают крупные капли пота, лекарь беззвучно зашевелил губами, взывая о помощи к Поднебесному.

Состав, который Граис заставил приготовить лекаря, являлся смесью трех наиболее сильных из известных в Йере наркотических веществ. Лекарь был прав, утверждая, что только здоровое сердце может выдержать изрядную дозу этого адского напитка. Но про свое сердце Граис знал: оно в полном порядке. А стадия наркотического аутизма была необходима ему для того, чтобы хотя бы на время полностью отключиться от окружающей действительности и попытаться привести в состояние равновесия свой внутренний мир.

Граис уже почти не видел, что происходит вокруг него. Та картина, которую воспринимало зрение, прежде чем отпечататься в сознании, преломлялась в причудливую мозаику. Дополненная раскрепощенным воображением, она превращалась в некую новую реальность, лежащую за пределами бытия.

Но Граис не собирался бездумно наслаждаться феерическими картинами. Погружаясь все глубже в водоворот изысканных красок и причудливых образов, он постоянно сохранял контроль над небольшим участком своего сознания, в котором была заложена программа приоритетов.

Этому трюку в свое время научил Граиса Месс-ди-Месс. Конечно же использовать в таком случае полагалось не смесь наркотических снадобий, а собственную психическую энергию, усиленную психопреобразователем, но сейчас у Граиса не было иного выбора. Провести корректировку сознания в ускоренном режиме с помощью программы приоритетов можно было только находясь в полубессознатель-

ном состоянии, когда воздействие внешних раздражителей сведено к минимуму.

Граис опрокинулся на спину и содрогнулся от приступа — судорога прошла по его телу. Лекарь бросился было к нему на помощь, но Сирх властным жестом остановил его.

— Он убьет себя,— едва слышно произнес лекарь.

— Он сам сделал свой выбор,— так же тихо сказал Сирх.

Граис не видел и не слышал, что происходило вокруг него. Он не ощущал своего тела, корчащегося в судорогах. В потоке энергии и света, ставшем пристанищем для сознания Граиса, тело не имело права на существование. Сознание ксеноса, выброшенное за пределы пространства и времени и избавленное от помех, с колossalной скоростью изменяло свою структуру в соответствии с программой новых приоритетов.

Когда Граис пришел в себя, ему казалось, что с того момента, как он сделал последний глоток приготовленного лекарем снадобья, прошло всего лишь несколько мгновений. Он медленно поднялся, выпрямил руки и разжал сведенные судорогой пальцы, отпуская измятое покрывало. Тут же оказавшийся рядом с Граисом лекарь схватил его за запястье, нащупывая трясущимися пальцами пульс.

— Я думал, ты уже не вернешься назад,— покачал головой Сирх.

— Плохо ты меня знаешь,— Граис с трудом изобразил на лице подобие улыбки.

— Тем не менее тебе нужно отдохнуть,— строгим голосом заметил лекарь.

— Конечно,— не стал спорить Граис.

Поразительная легкость во всем теле делала его снисходительным и покладистым. Головная боль полностью прошла. А ворох проблем, копившийся последние дни и быстро спрессовавшийся в плотный, неподъемный ком, бесследно исчез. Оставшаяся на его месте звенящая пустота казалась

непривычной и даже немного пугающей. Но Граис по собственному опыту знал, что это было временное явление. Ощущение пустоты исчезнет, как только он сконцентрирует все свое внимание на решении первостепенных задач, прошедших сквозь частое сито программы приоритетов.

— Я полностью здоров,— Граис одним движением поднялся на ноги.

Его чуть повело в сторону — сказалось остаточное воздействие наркотического дурмана,— но он тут же восстановил контроль над собственным телом.

— Страшно хочется есть,— улыбнувшись, смущенно признался Граис.

— Я сейчас прикажу накрыть стол в обеденной комнате,— быстро поднялся на ноги Сирх.

— Не стоит,— чуть приподняв руку, остановил его Граис.— Лучше пусть принесут еду в комнату для гостей.

— Тебя тяготит мое общество? — Кривая усмешка скользнула по губам Сирха, но в голосе его явственно прозвучала обида.

— Если и тяготит, то в гораздо меньшей степени, нежели общество моих товарищей по посольской миссии,— с легкой ironией ответил Граис.— Однако они, как малые дети, нуждаются в постоянном присмотре. А я уже и без того надолго оставил их без внимания.

— Трудно жить, никому не доверяя,— с пониманием проговорил Сирх.

— Я относился с доверием к твоему сыну,— сказал Граис.

При упоминании о сыне лицо Сирха помрачнело. Жестом он велел лекарю выйти из комнаты. Тот быстро собрал свои склянки и инструменты, суетливо поклонился и выбежал за дверь.

— Ты уверен, что Килос жив? — не глядя на Граиса, негромко спросил Сирх.

Голос его прозвучал глухо, как из глубокого пересохшего колодца.

— Когда я покидал лагерь вольных, ему ничто не угрожало,— ответил Граис.— И мне кажется, что у вольных нет причин причинять ему какой-либо вред.

— Мальчишка...— прошептал Сирх. Левая рука его, лежавшая на колене, сжалась в кулак.— Всегда поступает на перекор мне...

— У него еще будет время набраться опыта,— сказал Граис.— Если у тебя больше нет ко мне никаких вопросов...

— Я больше не задерживаю тебя,— рукой указал Граису на дверь Сирх.— Встретимся завтра, когда твой посыльный принесет ответ на мое письмо.

У двери Граис обернулся.

— Когда будешь отдавать распоряжения насчет еды, попроси, чтобы завтрак принесли к нам в комнату как можно раньше,— сказал он,— а то нашего гонца без плотного завтрака из дома не выгонишь.

— Как рано? — уточнил Сирх.

— Как только рассветет,— ответил Граис.— Утренние прогулки по свежему воздуху еще никому не причинили вреда.

— Я вижу, ты проявляешь искреннюю заботу о своих подопечных,— с пониманием улыбнулся Сирх.

В комнате, куда проводил Граиса все тот же слуга-эребиец, который, похоже, вовсе не испытывал потребности в сне и отдыхе, все было по-прежнему. Слим, несмотря на свое недавнее заявление, снова сел играть с Грудваром в треугольники и даже не обернулся, когда Граис вошел. Грудвар бросил на ксеноса быстрый настороженный взгляд и снова уткнулся в игровое поле. Бурдюк проснулся, но подниматься с постели ему было лень. Он лежал на спине, покачивая в воздухе ногой, и что-то фальшиво насвистывал.

Поскольку никто не поинтересовался, как прошла очередная встреча с Сирхом, Граис не стал ничего рассказывать. Он молча присел на постель рядом с Бурдюком.

— Кормить скоро будут? — покосившись на него, спросил Бурдюк.

— Скоро,— кивнул Граис.

— Ну и славно,— заулыбался Бурдюк,— наконец-то первая приятная новость за весь день.

Граис прилег на кровать, подложив под голову согнутую в локте руку. Нужно было хоть немного отдохнуть. Впереди его ожидала бессонная ночь.

Слим, конечно, мог обмануть его, назвавшись простым наблюдателем. Но даже если он и не солгал, то все равно он будет выполнять те инструкции, которые получил из Центра. А для этого Слим попытается передать с Бурдюком свое послание в лагерь вольных. То есть он как бы вручит Бурдюку послание якобы от Граиса, а Бурдюк конечно же возьмет его — он малый бесхитростный. Тогда получается, что вручить это послание Слим может только ночью.

— Граис, хочешь сыграть?

Грудвар встал со стула и подошел к ксеносу.

— А, ты спишь? Извини, что разбудил,— виновато произнес он.

— Нет, ты прав,— Граис, улыбаясь, поднялся с кровати.— Спать ночью будем.

— А сейчас что делать?— откликнулся Бурдюк, почесываясь.— Делами заниматься?

— Кстати, как прошел разговор с Сирхом?— Грудвар снова присел на стул.

— Сирх был немногословен,— вдруг сказал Граис,— его мучили жуткие боли, и он почти не мог разговаривать.

— Отравился?— испуганно подал голос Бурдюк.

— Не исключено,— Грудвар повернулся к толстяку.— Если потреблять пищу в таких количествах и без разбора, то тут не только отравиться можно, а вообще...— он выразительно выкатил глаза и сделал страшное лицо.

— Ну что ж,— примиряюще сказал Граис, украдкой бросив взгляд на Слима,— переходим на простое питание.

— То есть?— испуганно вскочил Бурдюк.

— То есть ты пойдешь в лагерь без завтрака,— страшным голосом произнес Грудвар.— И прямо сейчас.

Граис заметил, как Слим выпрямился, что-то беспокойное мелькнуло в его взгляде.

— Нет, так мы не договаривались.— Бурдюк забегал по комнате.— Скажи им, Слим,— он остановился около наблюдателя,— без еды я и двух шагов сделать не смогу — упаду у порога.

— Ладно, ладно,— засмеялся Грудвар,— не знал я, что ты пугливый такой. Будет тебе еда — какая захочешь. Давай лучше сыграем.

И бородач плюхнулся на стул, продолжая смеяться над любителем хорошо поесть.

Глава 20 ОТЧАЯНИЕ

— Завтрак,— Граис ткнул локтем храпевшего рядом с ним на широкой постели Бурдюка.

Йерит тут же вскочил на ноги, словно и не спал,— к приему пищи он был готов в любое время дня и ночи.

Грудвар, спавший, как всегда, чутко, услышав шум, приподнял голову. Увидев слуг с подносами, наполненными едой, бородач что-то невнятно пробормотал и снова провалился в сон.

Слим спал так крепко, что даже не проснулся. Или же только делал вид, что спал?.. Во всяком случае, переговорить с Бурдюком ночью Слим не пытался. Так что ночное бдение Граиса оказалось напрасным.

Уничтожив добрую половину провизии, Бурдюк с блаженной улыбкой на сальных губах устало привалился к стене, раскинув ноги в стороны. В руке он держал запечченное ребрышко лавахи, на котором еще оставался изрядный кусок мяса. Съесть его Бурдюк уже не мог, а положить на тарелку недоеденный кусок было жалко.

Наклонившись к окну, Бурдюк костью отодвинул занавеску.

— Сегодня нас решили пораньше накормить,— сказал он, обращаясь к Граису,— единственному, кто мог слышать его слова.— К чему бы это?

— К тому, что тебе сегодня на встречу с гонцом идти,— зевнув, ответил Граис.

— А, так еще рано,— махнул рукой с зажатой в ней костью Бурдюк.— Гонец раньше полудня не появится.

— Тебя твой спутник, наверное, уже заждался,— взглян дом указал на дверь Граис.

— Какой еще спутник? — недоумевающе сдвинул брови Бурдюк.— Немой, что ли?..

Крякнув, он поднялся на ноги и, подойдя к двери, распахнул ее. Стоявший за ней немой буссарец улыбнулся и приветливо взмахнул рукой.

— Тебе-то чего не спится? — недовольным тоном поинтересовался у него Бурдюк.

Продолжая улыбаться, буссарец взмахнул обеими руками, словно бы выплескивая себе в лицо пригоршню воды.

— Не понимаю я тебя,— пожал плечами Бурдюк.

— Он хочет сказать, что приятнее идти по утренней прохладе, чем по полуденному зною,— объяснил Граис.

Буссарец несколько раз кивнул, после чего достал из-за пояса кошелек и встряхнул его. Звон монет заставил и Бурдюка улыбнуться.

— А это я и сам понимаю,— гордый своей сообразительностью, произнес йерит.— Пойдем,— он приобнял немого буссарца за плечи.— Пройдемся, пока не жарко, а

потом посидим где-нибудь на постоянном дворе, выпьем, перекусим...

Продолжая болтать со своим молчаливым спутником, Бурдюк вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь.

Граис снова лег в кровать. Теперь нужно было постаться уснуть... Уснуть так, чтобы не видеть сны... И не думать ни о чем... Ни о письме, которое должен принести Бурдюк, ни о том, успел ли что-нибудь передать ему Слим, ни о предстоящем разговоре с Сирхом...

Проснулся Граис внезапно, как от толчка. Приподнявшись, он быстро окинул взглядом комнату. Никого постороннего в помещении не было. Слим и Грудвар вновь, как и вчера, сидели на полу, играя в треугольники. Все было как обычно... И все же какое-то едва уловимое напряжение витало в воздухе. Граис не мог объяснить, в чем дело, но он совершенно отчетливо ощущал тревогу. Всем телом, каждой его клеточкой, он чувствовал, что что-то не в порядке, что-то вот-вот должно произойти...

Усилием воли Граис попытался прогнать дурное предчувствие. Когда же это ему не удалось, он попросту нашел вполне естественное объяснение своему странному состоянию,— само-собой, во всем виновата передозировка принятых вчера наркотиков. Отсюда и ощущение подвешенности в пустоте,— кажется, что предметы отодвигаются, когда ты протягиваешь к ним руку...

Граис сел на кровати и, плотно прижав ладони к лицу, надавил пальцами на веки. Перед закрытыми глазами поплыли разноцветные круги, пересекающиеся, наславывающиеся друг на друга, сливающиеся в радужном сиянии...

— Граис...

Ксенос резко убрал руки в стороны и открыл глаза. В первый миг, после ослепительного буйства цветов и красок под опущенными веками, мир показался ему бесцветным. Но вскоре он наполнился красками и стал таким же, как и всегда...

— Граис...

Граис поднял голову и встретил встревоженный взгляд серых, словно бы подернутых пеплом, глаз Грудвара.

— Граис, с тобой все в порядке? — спросил бородач.— Ты неважно выглядишь...

— Твой ход, Грудвар,— не отрывая взгляда от игрового поля, произнес Слим.— Сегодня я не собираюсь снова проигрывать...

— Все в порядке,— махнул рукой Граис.— Плохо спал ночью...

— А говорят, что люди с чистой совестью бессонницей не страдают,— полуобернувшись, подал реплику через плечо Слим.

Граис поднялся на ноги и подошел к тазу для умывания. Воды в кувшине было только на донышке. Звать слугу Граис не стал. Собрав остатки воды в пригоршню, он плеснул ее себе в лицо и провел по щекам влажными ладонями. Кожа на лице показалась ему болезненно горячей. Все в это утро было каким-то не таким, как обычно...

Присев на край кровати, Граис посмотрел на поднос, где ему оставили завтрак. Есть совершенно не хотелось. Он взял только красный акисовый плод, но вместо того, чтобы надкусить его, просто крепко сжал в ладонях.

— Бурдюк еще не возвращался? — спросил Граис у игроков в треугольники.

— Рано еще,— не поднимая головы, ответил Слим.

— Кто-кто, а уж Бурдюк к обеду не опоздает,— усмехнулся Грудвар.

Граис надкусил акис и тут же выплюнул,— спелый, красивый снаружи плод внутри оказался червивым. Прополоскав рот соком, ксенос прилег на кровать.

Он никогда не верил в возможность предсказывать будущее, используя для этого лишь только способности своего организма. Но сейчас он сам явственно ощущал предчувствие чего-то недоброго, витающего в комнате. Казалось,

воздух уплотняется и закручивается плотными петлями, сдавливающими горло. Хотелось разорвать руками плотную пелену, чтобы набрать наконец полную грудь воздуха и закричать...

Граису стоило немалых усилий, чтобы сохранять хотя бы видимость спокойствия.

Наблюдая за Грудваром и Слимом, он заметил, что игроки в треугольники также ведут себя несколько странно. Обычно каждый из них комментировал каждый свой ход, подшучивал над соперником или же недобро отзывался о нем, в зависимости от того, насколько удачно для него складывалась игра. Сейчас же каждый из игроков молча, даже не глядя на соперника, выкладывал свои фишki на игровое поле. Движения их были резкими и нервозными. Создавалось впечатление, что они сели играть только для того, чтобы забыть, где они находятся и что происходит вокруг. Сейчас каждый из игроков олицетворял собой только набор треугольных фишек, выставленных на поле.

Лежа на кровати, Граис чувствовал, как тело его постепенно сковывает приятная дремотная слабость. И самым ужасным было то, что он не только не мог, но даже и не хотел с нею бороться. Хотя каждая клеточка организма буквально вопила об угрозе, спастись от которой, наверное, еще было возможно. Но для того чтобы спастись, нужно было что-то предпринять. А что можно было противопоставить пока еще незримой и даже неназванной опасности? В том странном состоянии, в котором сейчас находился Граис, любое движение казалось бессмысленной глупостью.

Время близилось к полудню, а Граис все никак не мог стряхнуть с себя полусонное оцепенение.

В конце концов, чтобы хоть немного развеяться и прийти в себя, Граис решил выйти прогуляться.

Дверь, ведущая в сад, была незаперта, но за порогом, как всегда в любое время суток, дежурил один из преданных Сирху эребийцев.

— Я просто хочу прогуляться по саду,— пояснил Граис на его вопрошающий взгляд.

Эребиец молча кивнул.

Граис медленно шел по посыпанной крупным речным песком тропинке, вяло передвигая ноги, а следом за ним, на расстоянии пяти шагов, неслышно ступал широкоплечий гигант.

Интересно, подумал Граис, каким образом эребиец дал своему напарнику знать, что тот должен сменить его на посту у двери? Однако спрашивать слугу об этом он не стал,— не было ни сил, ни желания начинать пустой разговор. Скорее всего, слуга попросту сделает вид, что не понял, о чем его спросили.

Граис часто останавливался, полной грудью вдыхая благоухающий аромат экзотических растений, собранных в саду у Сирху. Листва деревьев укрывала ксеноса от палящих лучей солнца. Птицы щебетали о чем-то своем, словно и не замечая идущего человека.

Граис наслаждался покоем. Впервые за кажущиеся бесконечными дни томительного ожидания ему наконец-то удалось на время забыть о своем долге и связанной с ним ответственностью. Жизнь просто покойно текла своим чредом. Время обволакивало ксеноса, подобно тихим, прохладным водам бескрайней реки, и плавно увлекало вслед за собой. Сама собой у Граиса вдруг появилась мысль, что если бы у каждого человека был свой, пусть даже совсем крошечный, садик, то многие беды, которые люди сами на себя же и обрушивают, навсегда ушли бы в прошлое. Какой смысл брать в руки оружие и отправляться на поиски лучшей жизни в чужую страну, если дома у тебя есть сад, в котором ты все можешь устроить именно так, как нравится

тебе самому? Обустроить сад — все равно что создать новую Вселенную...

Услышав позади себя скрип песка под ногами очень торопливо идущего человека, Граис настороженно обернулся. Расслабленности и неги как не бывало,— ксенос был собран и готов к действиям.

Эребиец посторонился, пропуская нагнавшего его слугу-йерита.

Остановившись перед Граисом, йерит перевел дыхание и быстро вытер рукавом выступивший на лбу пот.

— Господин...— он на мгновение замялся, не зная, правильно ли обратился к гостю.— Преподобный Сирх желает видеть тебя в своих покоях. Немедленно.

— Что случилось? — Брови Граиса сдвинулись к переносице.

Слуга-йерит отвел взгляд в сторону.

— Я провожу тебя,— сказал он.

Следуя за слугой, Граис быстро добрался до той самой комнаты, где обычно встречался с Сирхом.

Сирх сидел в кресле, спиной к двери. Граису были видны только руки преподобного,— свешиваясь через подлокотники, они почти касались пола.

— Я пришел,— сказал Граис, когда дверь за его спиной закрылась.

— Слышу,— глухо ответил Сирх.

Кисть левой руки его едва заметно качнулась.

— Мой посыльный пока еще не вернулся...— начал было Граис.

— Зато мой вернулся,— перебил его Сирх.

Голос преподобного звучал все так же странно. Граису даже показалось, что он улавливает в нем признаки с трудом сдерживаемых рыданий.

— И что за вести он тебе принес? — спросил Граис, еще не догадываясь, о каком именно посыльном говорит Сирх.

— Разные...

Правая рука Сирха приподнялась и чуть сдвинулась назад, в сторону Граиса. Между указательным и средним пальцами был зажат сложенный вдвое лист серой бумаги.

— Возьми,— велел Граису Сирх.

Граис сделал шаг вперед и, взяв из руки Сирха бумагу, развернул ее.

Это был ответ Килоса на письмо преподобного. Очень кратко юноша сообщал отцу, что с ним все в порядке. В самом конце письма три раза было написано слово «да» и дважды — «нет».

— Откуда это письмо? — удивленно спросил Граис.

Ксенос был недоволен и одновременно не мог взять в толк, с чего это вдруг Бурдюк доставил послание прямо к Сирху, не показав прежде ему.

— Его принес мой верный буссарец,— все так же медленно и глухо произнес Сирх.

— А что означает «да»-«да»-«да»-«нет»-«нет»?

— Чтобы быть уверенным, что Килоса не заставили написать письмо заранее, я задал ему пять вопросов, ответить правильно на которые не мог бы никто, кроме него, и попросил ответить на них в том же порядке. Теперь я уверен, что Килос написал письмо после того, как прочел мое.

— Значит, у тебя больше не осталось сомнений?

— Ни малейших!

Сирх резким движением поднялся из кресла. Граис с удивлением увидел, что на преподобном одет простой серый балахон, который носят странствующие проповедники, с капюшоном, накинутым на голову и закрывающим верхнюю половину лица.

Сирх повернулся к Граису. Губы его, плотно сжатые, были похожи на старый шрам, пересекающий лицо.

— И вот что мне еще передали вместе с письмом!

Сирх рывком сдернул со стола черный платок.

— Великий Поднебесный!..— только и успел произнести Граис, прежде чем у него перехватило дыхание.

На столе лежала голова Килоса. Глаза плотно закрыты, рот чуть приоткрыт, волосы слиплись от крови.

— Глаза ему закрыл я,— сдавленным голосом едва слышно произнес Сирх.— Он смотрел на меня...— Голос Сирха сорвался. Быстро взмахнув рукой, Сирх рукавом вытер выступившие на глазах слезы.— Это было невыносимо...— с усилием выдавил он из себя и положил трясущуюся руку на голову сына.

Граис оттолкнул Сирха в сторону и, выхватив у него из руки платок, прикрыл им ужасающий предмет на столе.

Сирх почти без сил упал в кресло.

— Вот ответ на все наши вопросы, Граис,— взмахнув рукой, указал он на стол.— Я знаю Килоса,— никакие угрозы не смогли бы заставить написать его это письмо. А это значит, что он был уверен, что находится в безопасности. Его обманули, так же как и тебя, Граис.

— Да, теперь я это понимаю,— тихо произнес Граис.

Сирх попытался усмехнуться. Но вместо этого лицо его исказилось, сделавшись похожим на лик ночного кошмара. Запрокинув голову назад, Сирх колossalным усилием воли заставил себя не заплакать.

— Мы совершили ужасную ошибку, попытавшись заключить договор с людьми, которые с самого начала не собирались выполнять взятые на себя обязательства,— проглотив слезы, произнес Сирх.— Если бы не смерть Килоса, я бы сказал, что нам еще повезло,— наши противники оказались глупы, и игра в миротворцев наскучила им прежде, чем принесла какие-то результаты.

— И что теперь? — Граис обошел кресло, в котором сидел Сирх, и, оказавшись напротив собеседника, присел на подоконник.

— Теперь мы возвращаемся к первоначальному плану,— ответил Сирх.— Я думаю, что наместник уже отдал войскам

приказ к началу операции по уничтожению лагерей засевших в горах разбойников.

— Но ты же говорил, что тебе удалось убедить наместника отменить операцию! — воскликнул Граис.

— Не отменить, а отложить на время,— поправил его Сирх.— Получив это... послание, я дал знать наместнику, что разговоры о заключении мирного соглашения со стороны бунтовщиков оказались чистым блефом. Единственной их целью было выиграть время, чтобы подготовиться к отражению удара имперских войск. Извини, Граис, но, поскольку я ничего не говорил наместнику о Килосе, здесь мне снова пришлось сослаться на тебя...

Вскочив с подоконника, Граис шагнул к Сирху:

— Послушай, но ведь, наверное, еще не поздно отменить приказ...

— Я не стану ничего для этого делать,— не дослушав Граиса, покачал головой Сирх.

— Вольным известно о планах наместника, и, как ты сам прекрасно понимаешь, у них было время, чтобы подготовиться к обороне.

— Командирам каихимских отрядов тоже известно о том, что разбойники готовы встретить их. Это уравнивает шансы противников. А если учесть опыт и боевую выучку каихимцев, то я бы сказал, что у вольных нет ни малейших шансов на победу. Перед началом боевых действий каихимцы имеют привычку проводить серьезную разведку, так что, если бунтовщики рассчитывают заманить противника в ловушку, их ожидает жестокое разочарование.

— Но мы же говорили с тобой о том, чем все это закончится! — Граис в отчаянии ударил рукой по столу.

— Бандиты и разбойники, не имеющие ни малейшего представления о чести и совести, достойны только одного — смерти! — последнее слово Сирх едва ли не выкрикнул.

— Опомнись, Сирх! Сейчас в тебе говорит жажды мести!..

— Нет! — Сирх выставил руку вперед, словно прикрываясь от слов Граиса.— Сейчас я в большей степени, чем когда-либо, думаю не о себе, а о будущем Йера! Никогда прежде йерит не убивал йерита, не объявив публично о своем намерении и не объяснив сородичам причину своих действий! И в девяти случаях из десяти дело после этого оказывалось возможным уладить мирным путем! А если и нет, то будущая жертва получала возможность спастись бегством! Вольные не только не чутят слов Поднебесного, объявившего убийство соплеменника самым страшным грехом, они еще и забыли заветы предков! Разве не ты, Граис, говорил в свое время: «Народ, забывший своих предков, обречен на смерть»? (Граис молча кивнул.) Заразу нужно выжечь каленым железом прежде, чем она расползется по всему Йеру!

— Но в данный момент симпатии большинства йеритов на стороне вольных, которых они считают борцами за истинную веру и свободу своей страны!

— Я попытаюсь образумить людей,— неожиданно спокойно произнес Сирх,— во время завтрашней проповеди.

— Сирх,— Граис наклонил голову и безнадежно покачал ею,— неужели ты до сих пор не понял, что все твои проповеди народ воспринимает с точностью до наоборот. Чем с большим усердием ты будешь низвергать вольных, тем сильнее будет народная любовь к ним.

— На этот раз мне поверят.

В голосе Сирха, звучавшем сдавленно и негромко, послышалась такая необычайная уверенность, что Граис невольно глянул на него с удивлением. Откуда вдруг возникла у преподобного эта твердость и непоколебимость?

— На этот раз мне поверят.— Влажно поблескивающие, как осколки льда, глаза Сирха смотрели прямо на Граиса.— Потому что эту проповедь будет произносить не преподобный Сирх, а просто Сирх из Дрота. И если мне все

равно не удастся добраться до душ прихожан... Что ж, в таком случае тем хуже для них самих.

Глядя на Сирхा, Граис понимал, что не имеет смысла уговаривать его изменить свое решение. И, странно, он испытывал от этого только облегчение. Он сделал все, что мог, остальное было в руках... Поднебесного?.. Или же тех, кто пытался управлять событиями в Йере из-за спины Граиса?.. Быть может, и ему, так же как и Сирху, оставалось только умыть руки?..

Граис не спеша прошелся по комнате. Подойдя к открытому окну, он оперся ладонями о подоконник. В лицо пахнуло послеполуденным сухим жаром.

— Какой в этом смысл? — не оборачиваясь, спросил он у Сирхы.— Кому и что ты пытаешься доказать, отказываясь от должности при дворе наместника?

— Не знаю,— пожав плечами, ответил Сирх.— Возможно, позже я и пожалею о своем решении... Но сейчас... Я просто делаю то, что считаю нужным. Теперь я вижу конечную точку своего Пути и иду к ней кратчайшей дорогой.

— А если я скажу, что ты ошибаешься?

— Я не поверю тебе.

— И правильно сделаешь,— Граис повернулся к Сирху лицом.

— Завтра после проповеди я сам покину этот дом,— указал обеими руками на окружающие его стены Сирх.— Но до того времени ты и те, кто пришли вместе с тобой, можете оставаться здесь.

Граис посмотрел на Сирху удивленно и вместе с тем недоверчиво.

— Неужели после того горя, что мы принесли в твой дом, ты не испытываешь по отношению к нам никакой ненависти?

— Причина зла кроется не в вас.— В глазах Сирхы все же сверкнула затаенная ярость, но он быстро отвел их в

сторону.— Я надеюсь, что виновные в смерти Килоса ответят за содеянное.

— Пока я еще и сам не знаю, как поступить и куда идти,— честно признался Граис.

— Что ж, у тебя еще есть время подумать.— Сирх медленно поднялся из кресла.— Вольному — воля... Держи.

Граис едва успел поймать брошенную Сирхом овальную серебряную пластинку размером чуть меньше ладони. На лицевой стороне бляхи была изображена священная гора Эртип и указующая на нее Стрела Предзнаменования.

— Это мой личный знак, отчеканенный по приказу самого наместника,— объяснил Сирх.— При встречах с шалеями он будет служить тебе пропуском. В связи с возможными волнениями в столице введено усиленное патрулирование.

— Благодарю тебя, Сирх,— быстро наклонил голову Граис.— Да пребудет с тобой милость Поднебесного.

— Да не обойдет она и тебя... учитель,— ответил Сирх и повернулся к Граису спиной.

Граис понял, что это последние слова, которые хотел сказать ему Сирх, и поспешил удалиться. Он знал, что Сирх сильный человек, способный сам, без чьей-либо помощи, справиться с болью.

По винтовой лестнице Граис спустился на первый этаж здания.

У двери, привалившись плечом к стене, стоял слуга-эрбиец. Завидев идущего по коридору Граиса, он загодя распахнул перед ним дверь.

Едва только Граис переступил порог, как навстречу ему кинулся Грудвар.

— Ну наконец-то, хоть ты вернулся! — с явным облегчением воскликнул бородач.

Граис окинул комнату быстрым взглядом. Кроме Грудвара, в ней больше никого не было.

— Где Слим? — спросил Граис.

— Сам не пойму, что вдруг с ним приключилось,— озабоченно почесал затылок Грудвар.— Как ты ушел, он, со славшись на то, что плохо спал ночью, прилег отдохнуть. Через некоторое время я обратил внимание на то, что слишком уж неподвижно он лежит — как покойник. Я подошел, тронул его за плечо...— словно от внезапного озноба, йерит передернул плечами.— А он вдруг заколыхался, начал оплывать, как воск на свече... Я, наверное, и до десяти со-считать не успел бы, как он и вовсе исчез... Растворился прямо в воздухе у меня на глазах...

— Ах, Слим...— только и произнес Граис и с досадой прикусил верхнюю губу.

Не так-то прост оказался его коллега. Видно, заранее ему было известно, что за послание передадут вольные Сирху. Вот он и поспешил убраться подобру-поздорову. Теперь-то и свое утреннее подавленное состояние Граис мог объяснить происками все того же Слима, которому нужно было выставить ксеноса за дверь. Понимал, что не сможет провести Граиса с помощью фантома, как простого йерита, вот и использовал против него психосоматическое воздействие...

— Про Слима забудь,— положил руку на плечо Грудвару Граис.— Он больше не вернется...

— Так тебе известно, что с ним произошло? — перебил ксеноса бородач.

— Известно, но тебе это знать ни к чему,— ответил Граис.— Думаю, что больше ты со Слимом никогда не встретишься.

— Ну, дела! — Грудвар в сердцах всплеснул руками и ударил себя ладонями по бедрам.

— Дела — хуже некуда,— кивнул Граис.— Бурдюк сбежал, передав Сирху с буссарцем голову Килоса.

— Что?! — Глаза Грудвара от удивления едва не вылезли из орбит.— Килос мертв?!

— Да.

— Так, значит, и нам теперь хана?!

— Нам ничего не грозит — Сирх не винит нас в том, что произошло.

Грудвар пробежался по комнате, как зверь по клетке.

— Сматываться нужно! — выкрикнул он, остановившись напротив Граиса.— Прикончит нас Сирх!

— Можешь идти прямо сейчас,— указал ему на дверь Граис.— Тебя здесь никто не удерживает.

Грудвар метнулся было к двери, но вдруг замер на месте.

— А ты? — обернулся он на Граиса.

— Я пока остаюсь,— ответил тот.— До завтра.

— И что ты собираешься здесь делать?

— Хочу попытаться понять причину случившегося.

— Каким образом?

— Пока не знаю. Но у меня есть время подумать.

Грудвар с тоской посмотрел на дверь.

— Хорошо,— обреченно произнес он.— Давай попробуем разобраться... В конце концов, мне тоже интересно знать, кто меня подставил и что тому было причиной?

Глава 21

МАРШРУТ НЕИЗВЕСТЕН

Граис и Грудвар покинули дом Сирха сразу после завтрака, который, как обычно, слуги принесли им в комнату. То, что осталось после трапезы, предусмотрительный Грудвар сложил в котомку.

Граис хотел было вначале зайти к Сирху попрощаться, но, подумав, решил, что вчерашняя их беседа, скорее всего, и была прощальной. Он не знал, что сказать Сирху. Если Сирх ни в чем не обвинял Граиса на словах, то это вовсе не означало, что он не возлагал на него часть ответственности за гибель сына. А Граису если и нужна была новая

встреча с Сирхом, так только затем, чтобы вновь попытаться найти для себя оправдание.

Слуга-эребиец молча проводил Граиса и Грудвара до ворот.

— Ну, будь здоров,— сказал, взглянув на великана снизу вверх, Грудвар.

Эребиец показал свои крупные белые зубы,— трудно было понять, была ли это дружеская улыбка или злобный оскал,— и закрыл за покинувшими дом гостями ворота.

Ранее из разговоров с Грудваром Граис выяснил, что кроме дома Фирона бородачу не известны в Халлате никакие другие адреса для связи с вольными. Поэтому и маршрут у них был пока только один.

— А что, если Фирона нет дома? — допытывался у Граиса Грудвар.— Что тогда станем делать?

— Тогда будем просто ходить по городу и прислушиваться, о чем говорят люди,— не то в шутку, не то всерьез ответил Граис.

— Как это? — непонимающе сдвинул брови бородач.

— Видишь ли, Грудвар, тайну может хранить только один человек. Если же о ней знает большее число людей, то очень скоро она перестает быть тайной.

— Так не станут же все, кому что-то известно, болтать об этом на каждом углу,— попытался возразить Грудвар.

— Умышленно — нет,— объяснил Граис.— Но тайна сама выплывает наружу через слова или даже через интонации, с которыми они произносятся.

Грудвар, не найдя, что возразить, и в то же время не желая соглашаться с подобным голословным утверждением, только головой покачал.

Улицы города, как обычно по утрам, были оживленными. Пользуясь еще не до конца исчезнувшей ночной прохладой, торговцы спешили доставить свой товар на базары, ремесленники тащили свои инструменты к местам, где для них найдется работа, женщины шествовали за по-

купками, слуги бежали по поручениям хозяев. А у самых ног этой пестрой толпы, подобно рыбешкам в бурном потоке воды, шныряла верткая ребятня, норовя подхватить то, что падало на землю из кулей и тюков, а то и запросто стащить, что плохо лежит.

Суeta была вполне заурядная. В круговорти улиц не ощущалось абсолютно никакого скрытого зловещего напряжения. Люди спешили по своим обычным делам, не ожидая от нового дня ничего особенного.

Патрулей на улице действительно было больше, чем обычно, но вели себя шалеи спокойно и сдержанно. Казалось, они были равнодушны к повседневной суete ѹеритов, а поэтому неторопливо вышагивали вдоль улиц, стараясь держаться в тени у стен домов.

Вскоре Граис и Грудвар, выбравшись из толпы, запрудившей широкую центральную улицу, свернули в переулок, ведущий к окраине, где располагались дома, принадлежавшие бедным ремесленникам.

Подойдя к дому Фирона, Грудвар уверенно толкнул рукой дверь. Однако она оказалась заперта.

— Эй, хозяева! — Увесистый кулак бородача трижды ударили по дверным доскам.— Открывайте!

Спустя некоторое время за дверью лязгнул засов. Дверь чуть приоткрылась, и на пороге показалась Мида. Бросив на незваных гостей хмурый взгляд, она встала, прикрыв дверь спиной.

— Здравствуй, Мида,— улыбнулся Граис,— давно тебя не видел.

— Что вам надо? — Черные глаза Миды, похожие на две капли расплавленной смолы, злобно сверкнули.— Зачем пришли?

— Нам Фирон нужен,— ответил ей Грудвар.

Граис молчал, с удивлением наблюдая за девушкой.

— Брата дома нет,— ответила Мида.

— В горы ушел? — наклонившись к ней, шепотом, едва слышно спросил Грудвар.

— Фирон на базар пошел,— не таясь, громко сказала девушка.— Хочет свой товар у лоточников пристроить.

— Ты ерунду-то мне не говори,— недовольно наступил брови Грудвар.— Не то сейчас время, чтобы горшками торговать.

— О чем ты? — Глянув на Грудвара, Мида изобразила на лице удивление.— Сегодня базарный день...

— А ну-ка, пусти нас в дом,— схватил Мида за руку Грудар.— Мы там Фирона дождемся...

— Отстань! — блеснув глазами, сквозь зубы процедила Мида.— А то закричу! Шалеев сегодня на улице много,— добавила она со змеиной усмешкой на губах.— Долго ждать не придется.

— Да ты что, не узнаешь нас, что ли? — изумленно уставился на нее Грудвар.

— Узнаю,— спокойно ответила девушка.— Поэтому и говорю: идите прочь своей дорогой, этот дом для вас закрыт.

Грудвар перевел удивленный, ничего не понимающий взгляд на Граиса.

— Давай поступим так, как нам советуют, друг Грудвар,— похлопав Грудвара по плечу, негромко сказал Граис.— Попытаемся сами отыскать Фирона на базаре.

Не глядя более на Мида, Граис зашагал по улице, направляясь к центру города. Грудвар последовал за ним. То и дело бородач оборачивался на все еще стоящую у дверей дома Мида, словно надеялся, что девушка одумается и окликнет их. Но чуда так и не произошло.

— Что все это значит? — удивленно спросил Грудвар у Граиса, когда улица свернула влево и дом Фирона скрылся из виду.— С чего вдруг Мида не захотела пускать нас за порог?

— Наверное, потому что Фирон был дома,— усмехнувшись, ответил Граис.

Грудвар от изумления даже остановился на месте.

— Она же сказала, что брат ушел.

Граис, не замедляя шага, обернулся через плечо.

— Ты думаешь, что женщины не умеют лгать?

— При чем тут женщины! — Всплеснув руками, Грудвар снова зашагал следом за Граисом и быстро догнал его.— С чего ты решил, что Фирон сидит дома и не хочет нас видеть?

— Это только мое предположение,— ответил Граис.— Мне кажется, что, если бы дело обстояло иначе, Мида не стала бы держать нас на улице. Нас ведь могли увидеть соседи...

— Чего же боятся Фирон с Мидой?

— Фирон знает, что не сможет солгать мне в глаза. А говорить правду он, по-видимому, не желает... Или боится,— Граис испытующе посмотрел на своего спутника.— Ты боишься правды, Грудвар?

— Я боюсь дураков, которые не могут отличить правду от лжи,— глядя себе под ноги, мрачно ответил бородач.

Какое-то время они шли молча.

Ближе к центру города улицы стали оживленнее. Теперь Грудвару и Граису приходилось быть внимательными, чтобы не потерять друг друга в людской круговорти.

— И куда мы теперь направляемся? — спросил у Граиса Грудвар.

— На базарную площадь,— ответил тот.— Кто знает, может быть, я ошибаюсь и Фирон действительно торгует сейчас там своими горшками.

— Что-то мне не очень в это верится,— заметил Грудвар,— более того, совсем не верится.

— И тем не менее смотри в оба,— велел ему Граис.— Может быть, увидишь кого-то из знакомых. Того же Слимса, к примеру... И прислушивайся, о чем говорят вокруг.

— Понял,— с чрезвычайно серьезным видом кивнул Грудвар.

Путь их пролегал неподалеку от соборной площади, и, вспомнив, что Сирх говорил о проповеди, которую он собирался произнести сегодня в главном храме, Граис решил заглянуть туда. Утренняя проповедь, скорее всего, уже закончилась, но впечатление о ней можно было узнать у прихожан, которые обычно после службы не спешили расходиться по домам, обсуждая на площади перед храмом свои мирские дела и проблемы.

Когда в конце улицы показалась башня, пристроенная к правому крылу храма, Грудвар взял Граиса за руку.

— Я бы дальше не ходил,— негромко произнес бородач, оглядываясь.

Вход на площадь был перекрыт отрядом шалеев.

Подойдя ближе, Граис и Грудвар увидели людей, находившихся на площади. Подобно сбившимся в кучу, насмерть перепуганным лавахам, они испуганно жались к дверям храма. Работу пастухов выполняли хозяйствничающие на площади шалеи. По одному, по двое выдергивая людей из толпы, солдаты обыскивали их и проверяли гаранты. Тех, у кого гарантов не было, точно так же как и тех, кто по тем или иным причинам казались шалеям подозрительными, сажали в крытые повозки, стоявшие на углу площади.

— Что здесь происходит? — спросил Граис у командира отряда шалеев, блокирующих вход на площадь.

Ми-шалей ощупал Граиса подозрительным взглядом.

— А тебе что за дело? — недовольно процедил он сквозь зубы.— Иди своей дорогой.

— За сегодняшнее утро мне уже вторично дают этот совет,— усмехнулся Граис и протянул ми-шалею серебряную бляху, которую вручил ему Сирх.

Взгляд ми-шалея стал более дружелюбным.

— Так ты порученец преподобного Сирха,— сказал он, возвращая Граису серебряный знак.

Не возражая против присвоенной ему должности, ксеноس молча наклонил голову.

— Беда приключилась с твоим хозяином.— Ми-шалей поскреб ногтями гладко выбритую скулу.— На преподобного Сирха было совершено покушение.

— Что?!— От изумления Граис на мгновение онемел.— Как это могло случиться?!

— Честно говоря, преподобный сам виноват,— отвечая на вопрос, ми-шалей смотрел не на Граиса, а в сторону.— Сегодня перед службой он не позволил охранникам проверять тех, кто заходит в храм. Более того, он велел нам всем убраться из храма,— ми-шалей едва заметно пожал плечами.— Не знаю, что вдруг с ним произошло. Прежде он никогда не пренебрегал мерами безопасности... После проповеди преподобный спустился с амвона, чтобы иметь возможность непосредственно пообщаться со своей пастой. Вот кто-то из этой толпы и ткнул его ножом в спину.

— Преступник задержан?

— Проверяем тех, кто остался на площади к тому времени, когда ее удалось оцепить,— повернулся в сторону храма кахимец.— Но у преступника было предостаточно времени для того, чтобы успеть скрыться. И если он, конечно, не полный идиот, то так и поступил.

— А что с Сирхом?

— Не знаю,— в голосе ми-шалея сквозило раздражение.— Мой отряд прибыл сюда, когда преподобного уже увезли. Говорят, что он был еще жив, но без сознания.

— Куда его увезли? — быстро переспросил Граис.

— Домой, куда же еще,— ответил ми-шалей.

— Спасибо.

— Не за что,— буркнул кахимец и отвернулся.

Развернувшись, Граис кинулся бежать вниз по улице.

— Эй, постой! — крикнул вслед ему Грудвар.— Ты куда?

— В дом Сирха,— обернувшись, на бегу бросил Граис.

— В дом Сирха?! — Грудвар в два прыжка настиг Граиса и, обхватив за пояс, заставил остановиться.— Да ты никак сбрендил! Там же сейчас полно стражи! Нас в момент повяжут, и даже та бляха, что Сирх тебе дал, не поможет!

— Пусти меня! — Граис одним ударом откинул руки Грудвара в стороны.

— Да что тебе дался этот Сирх?! Кто он тебе?!

— Иди к черту, Грудвар! Это касается только меня!

— Граис!.. Граис из Сиптима!..

Услышав незнакомый голос, Граис и Грудвар одновременно оглянулись.

Неподалеку от них в узком проходе между домами стоял худой человек небольшого роста, с всклокоченными седыми волосами. Одет он был в нищенские лохмотья — да еще какие! — такую одежду, как у него, еще нужно было поискать. Невозможно было угадать, что первоначально представляло собой прикрывающее тело нищего тряпье. А уж цвета оно было просто неправдоподобного. Тем не менее на худом, даже изможденном, со впалыми щеками лице нищего светилась вполне благодушная улыбка, увидев которую можно было подумать, что ее обладатель крайне доволен собой и своей жизнью.

Увидев, что взгляд Граиса устремлен в его сторону, нищий поднял руку и поманил ксеноса пальцем.

— Это еще кто такой? — удивленно произнес Грудвар.

— По-моему, этот тип мне знаком,— негромко ответил Граис.— Вот только не пойму, откуда он меня знает?

Нищий снова поманил Граиса пальцем, а затем указал рукой в начало улицы.

Оглянувшись, Граис и Грудвар увидели, что шали, от которых они отошли не так уж далеко, проявляют определенный интерес к затеянной ими борьбе. Нужно было убираться, и чем скорее, тем лучше.

Не сговариваясь, оба приятеля одновременно нырнули в щель, из которой высовывался нищий.

Здоровяк Грудвар животом так прижал тщедушного нищего к стене, что улыбка у того сделалась похожей на предсмертный оскал больного.

Посматривая на странного человека, Граис отметил интересную деталь,— несмотря на жуткое состояние, в котором находилась одежда незнакомца, от нее не исходило той удручающей вони, характерной для бродяг и нищих, не имеющих представления о том, для чего нужна личная гигиена. Даже от Грудвара сильнее разило потом, чем от этого тщедушного человечка в лохмотьях.

— Поосторожнее с ним,— потянул Грудвара за рукав Граис.— Ты ведь, наверное, и не подозреваешь, что имеешь дело с королем.

— То же мне король,— насмешливо произнес Грудвар, но все же продвинулся чуть дальше в щель, чтобы дать нищему возможность свободно дышать.

— Благодарю тебя,— учтиво, насколько это было возможно, поклонился нищий Граису.

— Не за что,— ответил тот.— Как нам теперь отсюда выбраться?

— Да, конечно! — театральным жестом хлопнул себя по лбу нищий.— Я же слышал, что ты торопишься помочь раненому Сирху!

— Да, тороплюсь! — раздраженно бросил Граис.

— И совершенно напрасно,— спокойно ответил нищий.— Сирх уже мертв. Но ты не смог бы помочь преподобному, даже если бы находился рядом с ним в момент покушения. Его ударили в спину не ножом, а заточенным прутом из дерева камах. Обычно бывает достаточно даже царапины, а Сирху убийца вогнал прут в поясницу на глубину ладони. Как тебе, должно быть, и самому известно, после попадания яда камах в кровь, человеку остается сделать не более ста вздохов...

Грудвар схватил нищего за лохмотья.

— Откуда тебе все это известно?!

— Я советую тебе отпустить меня,— без тени испуга произнес нищий, глядя нависающему над ним Грудвару прямо в глаза.— За нами наблюдают мои телохранители, и достаточно мне сделать знак...

— Телохранители? — прорычал Грудвар.— Да кто ты такой, черт возьми?!

— Это король нищих,— ответил ему Граис.— Я не ошибся? — спросил он, взглянув на нищего.

— Совершенно верно,— ответил тот.— Так меня называют те, кто со мной не знаком.

Грудвар отпустил нищего и огляделся по сторонам, ища его охранников.

— На самом деле я конечно же никакой не король.— Нищий провел ладонью по груди, расправляя помятые Грудваром лохмотья.— Я всего лишь талантливый организатор весьма прибыльного дела, называемого нищенством.

— И все же откуда тебе известны подробности покушения на Сирха? — спросил Граис.

— Убийства,— поправил его нищий.— Сирх мертв, в этом нет никаких сомнений. Но перед смертью он прочитал блестящую проповедь. Пожалуй, лучшую в его жизни. За нее-то, как мне кажется, он и поплатился жизнью...— Нищий посмотрел на Граиса, а затем на Грудвара.— Если вы уже больше никуда не торопитесь, я хотел бы пригласить вас отобедать где-нибудь в уютном и спокойном местечке. Заодно и поговорим о тех вещах, которые мне известны и которые, как мне кажется, вам тоже хотелось бы знать.

— Зачем? — подозрительно спросил Грудвар и оглянулся по сторонам.

— Мы согласны,— ответил Граис, даже не взглянув на Грудвара.

— Отлично,— улыбнулся нищий.— Следуйте за мной.

— Но зачем?..— начал было Грудвар, но Граис посмотрел на него, и Грудвар отвернулся, пожав плечами.

Протиснувшись между Грудваром и стенкой, нищий выбрался на улицу и быстрой, уверенной походкой зашагал в сторону центра города.

Следуя за нищим, Грудвар то и дело озирался по сторонам, надеясь обнаружить охрану, но ничего особенного не заметил. Нищие попадались ему на глаза тут и там, но все они выглядели как обычные попрошайки. Ни один из них не был похож на телохранителя весьма важной, богатой и влиятельной персоны. Хотя, конечно, кто их знает, что они прячут под своим рубищем?..

— Как вам нравится это заведение? — спросил король нищих, остановившись возле здания из белого камня с широкой лестницей, украшенной роскошными мраморными перилами.

— Смеешься? — Взгляд Грудвара, которым он одарил провожатого, не сулил ничего хорошего.— Это же самый знаменитый и дорогой банкетный зал в городе. Ты хочешь сказать, что тебя здесь принимают?

— Конечно.— Заложив руки за спину, нищий гордо выпятил вперед свою слабо развитую грудь.— Хозяин заведения мой хороший друг и всегда держит для меня свободное место.

— Ну так что же мы стоим? — скроил ехидную гримасу Грудвар.— У меня давно уже ноги гудят и в животе урчит.

— Прошу,— король нищих рукой указал за угол здания.— В таком виде, как сейчас, я не могу идти через парадный вход.

Обогнув здание, они подошли к двери, ведущей на кухню.

— Привет, Майлак,— по-приятельски махнул рукой нищий стоявшему у дверей плечистому охраннику в бело-снежном одеянии. И, указав на Грудвара с Граисом, небрежно добавил: — Эти со мной.

— Добрый день, господин Ши,— изогнулся в подобострастном поклоне охранник.— Хозяин будет рад видеть вас. Он у себя, наверху...

Слушая этот разговор, Грудвар от изумления даже перестал моргать.

— Так как же нам тебя теперь называть? — немного смущенно спросил он нищего.

— Друзья называют меня просто Ши,— бросил тот через плечо.

Войдя в здание и свернув налево, они поднялись по узкой лестнице и вышли на галерею, тянущуюся вдоль всего обеденного зала, где сидели богатые йериты и знатные кахимцы. Встречавшиеся им на пути слуги приветливо улыбались и кланялись господину Ши, словно и не замечая, что одет он в драные лохмотья, да к тому же еще и босой.

Хозяину заведения, должно быть, уже сообщили о приходе важных гостей, потому что вскоре он самолично выбежал им навстречу.

Это был невысокий, еще вполне крепкий, несмотря на старость, человек, одетый в полном соответствии с йеритскими традициями: широкие короткие штаны, рубашка, на плечах — платок, а на ногах — сандалии на высокой шнурковке. При широкой, пышной бороде огненно-рыжего цвета у него была абсолютно лысая, блестящая от пота огромная голова.

— Добро пожаловать, господин Ши! — приветливо раскинул руки в стороны хозяин, словно собираясь заключить в объятия всех троих.

— Как дела, Ваштар? — снисходительно похлопал его по плечу король нищих.

— У меня как раз к вам небольшой разговор, господин Ши,— негромко произнес Ваштар.— Видите ли, у меня возникли проблемы с поставщиками свежей рыбы...

— Потом, Ваштар,— едва заметным движением руки остановил его Ши.— Сейчас у меня гости.

— Конечно, господин Ши! — вскинул руки вверх Ваштар.— Как скажете! В любое удобное для вас время!..

Толкнув дверь, хозяин пригласил гостей в просторную светлую комнатку, в которой царили тишина и прохлада. Появившиеся тут же слуги в мгновение ока накрыли стол у окна.

— Все как обычно, господин Ши,— приветливо кланяясь, сказал Ваштар.— Быть может, у вас будут какие-нибудь особые пожелания?

— Нет, все хорошо, Ваштар,— дежурно улыбнулся ему Ши.— Спасибо.

— Желаю приятно провести время,— произнес, пятясь к выходу, Ваштар.— Надеюсь, вы тоже станете моими постоянными гостями,— добавил он, взглянув на спутников короля нищих.

Грудвар, не желая ударить в грязь лицом, подбоченился, суворо сдвинул брови к переносице и многозначительно кашлянул в кулак.

Блеснув в последний раз лучезарной улыбкой, хозяин закрыл за собой дверь, оставив гостей одних.

— Чем не доказательство того, что деньги не пахнут? — спросил Ши, усаживаясь за стол, на котором изящные бокалы из горного хрусталя соседствовали с посудой из тончайшего, почти прозрачного ченского фарфора.— Не зарно брать плату и медяками, если этой мелочи очень много.— Улыбнувшись собственной шутке, Ши взял со стола широкую накрахмаленную салфетку и обернул ее вокруг шеи.— Терпеть не могу есть в рабочей одежде,— сказал он, заметив удивленный взгляд Грудвара.— Но, раз уж сегодня так получилось, хотя бы прикрою ее.

— «Так получилось»? — повторил следом за ним Гриис.— Ты хочешь сказать, что встретил нас совершенно случайно?

— А ты думал, что я специально выслеживал тебя, чтобы пригласить на обед? — Ши совершенно искренне рассмеялся, откинув голову назад.— Что ж, следует признать, ты себя высоко ценишь. Что, в общем-то, неплохо...

У короля нищих Ши была своеобразная манера вести разговор: каждую свою фразу он заканчивал с такими интонациями, что собеседник еще какое-то время ждал продолжения.

— Так что ты хотел рассказать нам по поводу убийства Сирха? — спросил Граис.

— Да, собственно, я все уже рассказал.— Ши взял со стола тарелку и положил на нее салат из морских моллюсков с водорослями.— Рекомендую — весьма здоровая и полезная пища...

— Откуда тебе известны подробности убийства, о котором еще почти ничего не знают даже шалеи? — прервал новым вопросом его гастрономический экскурс Граис.

— У меня есть глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, обоняние, чтобы чувствовать запахи, и кожа, чтобы осязать. И, наконец, у меня есть разум, для того чтобы анализировать и сопоставлять информацию, полученную с помощью органов чувств,— Ши легонько щелкнул себя по лбу.— И, должен вам признаться, мой разум — это главное мое достояние и мое оружие. Именно он дал мне возможность создать великую империю нищих, попрошаек и бродяг, которая, быть может, не так обширна, как Кахимская, но не менее влиятельна...

— Не думал, что нищие собирают столько денег, чтобы хоть один из них имел возможность питаться не хуже знатных персон,— пробубнил с набитым ртом Грудвар.

— Нищенство и попрошайничество на улицах — это только подножие горы, которое видно всем,— ответил Ши.— Основная же ее часть, взметнувшаяся вверх, скрыта туманами и облаками.

— Напустил тумана...— Грудвар залпом опустошил бокал вина и, откинувшись на спинку стула, сочно рыгнул.— Что еще могут твои побиушки?

— Тебе это интересно? — спросил Ши у Граиса.

Ксенос молча кивнул.

— Что ж, в таком случае для тебя я немножко приоткрою покровы тайны,— сказал Ши.— Всего конечно же я даже тебе сказать не могу... Но вот пример, который даст представление о том, каким образом я зарабатываю на хлеб свой насущный...— По губам короля нищих скользнула тонкая улыбка.— Мне платят налог все владельцы складов, расположенных в столице, а также хозяева лотков и павильонов на базарах...

— С чего бы вдруг? — недоверчиво спросил Грудвар.

— Лучше отдать немногого, чем ждать каждый день, что твой товар будет полностью растищен ночными ворами,— ответил Ши.

Грудвар хмыкнул и, в общем-то, одобрительно качнул головой.

— Все это весьма интересно и поучительно,— сказал Граис.— Но все же давай вернемся к нашей первоначальной теме.

— Тебя сильно беспокоит убийство Сирха? — повернулся в его сторону Ши.

— Да,— ответил Граис.

— И я разделяю твое беспокойство,— совершенно серьезно сказал Ши.— Убийство Сирха — это только начало, за которым последуют еще более ужасные и кровавые события. Только я, в отличие от остальных — и от тебя, Граис, в том числе,— успел к ним подготовиться... Что же касается непосредственно убийства преподобного... Я не был его свидетелем и не знаю в точности, как там все произошло... Но мне было известно, что вот уже несколько дней за Сирхом ходит убийца с камаховым прутом. Узнав о покушении на преподобного, я просто сделал соответствующие выводы...

— Кто был этот убийца? — спросил Граис.

— Ты хочешь знать его имя или кем он был послан? — уточнил Ши.

— Кто его послал?

— Вольные,— ответил Ши.— Если быть еще более точным, то предводитель одного из отрядов вольных по имени Аствир... Как мне кажется, вам обоим это имя должно быть знакомо...

— С чего ты это взял? — подозрительно глянул на ничего из-под насупленных бровей Грудвар.

— Благодаря моему верному осведомителю и советчику,— заговорщики улыбнувшись, Ши коснулся указательным пальцем собственного лба.

— Послушай-ка,уважаемый Ши,— Граис легонько постучал острием ножа по краю стоявшей перед ним тарелки,— мы не напрашивались к тебе в гости — ты сам пригласил нас. И мы пришли сюда не для того, чтобы вкусно поесть... Откуда ты знаешь меня?

— Ну кто же в Йере не знает Граиса из Сиптима! — изобразив на лице изумление, Ши чуть приподнял руки от стола и развел их в стороны.— Не сочти это за лесть, но лично я считаю тебя наиболее выдающейся личностью из всех, когда-либо появлявшихся на территории Йера. Твой ум достоин восхищения. А в искусстве управлять людьми, используя для этого только слова, тебе нет и не будет равных.

— Ты говоришь так, словно хорошо меня знаешь.

— Так оно и есть,— наклонил голову Ши.— В свое время я посетил не одну твою проповедь и, вникнув в твои идеи, стал горячим почитателем твоего учения о Пути к Поднебесному. Ты, наверное, этого не помнишь, но однажды я даже обратился к тебе с просьбой стать твоим учеником. Ты отказал мне, сказав, что для того, чтобы постигать мудрость, совсем не обязательно все время находиться рядом с ее источником. Я очень расстроился, но тем не менее внял твоему совету и занялся самостоятельным осмысливанием учения о Пути к Поднебесному. И, как мне кажется, достиг в этом неплохих результатов. Я, конечно, не равняю себя с тобой, но все же могу не без гордости сказать: то,

что тебе удалось сделать на уровне всего Йера, я воплотил в жизнь, охватив наиболее обездоленные слои населения. Тебе удалось сломать многовековую клановую раздробленность йеритов и тем самым фактически заложить фундамент единого государства Йер, я же создал империю нищих и стал ее королем. Таким образом, всем, что я сегодня имею, я обязан тебе, Граис...

— Вот тебе живой пример того, как каждый берет из моего учения именно то, что ему нужно,— горько усмехнувшись, сказал Граис, обращаясь к Грудвару. Бородач, всецело поглощенный дегустированием блюд, названия которых он даже никогда не слышал, только молча кивнул, не переставая жевать.— И какая же именно часть моего учения привлекла твое внимание, уважаемый Ши?

— «У народа увеличивается число полезной утвари, а в государстве и семье все больший беспорядок»,— по памяти начал цитировать слова Граиса король нищих.— «Чем больше у людей мастерства и хитрых приемов, тем больше возникает аномальных явлений. Чем больше издают указов и распоряжений, тем больше появляется воров и разбойников. Я — в отсутствии осуществления, и народ сам изменяется. Я — в стремлении к покою, и народ сам себя исправляет. Я — в отсутствии дел-ситуаций, и народ сам богоугодает. Я — в отсутствии стремлений, и народ сам приходит к изначальным ценностям».

— У тебя великолепная память, уважаемый Ши,— с искренним восхищением похвалил собеседника Граис.

— Я знаю это,— с мягкой улыбкой ответил тот.— Поэтому и говорю, что мой разум — мое главное сокровище. Но понять это я смог только благодаря тебе... И мне не хотелось бы, чтобы источник великой мудрости Йера на века иссяк...

— Ты считаешь, что мне угрожает какая-то опасность? — насторожился Граис.

Услышав эти слова, Грудвар даже перестал жевать.

— Так подсказывает мне мой разум,— ответил Ши.— Я ведь не ошибся, сказав, что имя предводителя вольных Аствира хорошо тебе известно?..

— Извини меня, уважаемый Ши, но я смогу ответить на твой вопрос только после того, как дотронусь до твоего левого запястья,— сказал Граис.

— Странное желание.— Ши выпрямил спину, поднял голову.— И непонятное... А то, что я не могу понять, обычно внушает мне опасение...

— Если ты откажешься исполнить мое желание, то никакого разговора у нас не получится. Я встану и уйду прямо сейчас.

Сказав это, Граис положил руки на край стола.

— Ты не хочешь сказать мне, для чего тебе это нужно? — спросил его Ши.

— Таким образом я собираюсь удостовериться в твоей искренности.

Ши сощурил глаза, нахмурил лоб.

— Весьма странный способ,— сказал он.— Но, впрочем... Почему бы и нет! Надеюсь, никакого вреда мне это не принесет...

Ши решительно протянул Граису левую руку.

Ксенос плотно прижал пальцы к коже на запястье короля нищих. Пластиинка психопреобразователя под ней не прощупывалась.

— Благодарю тебя, уважаемый Ши,— убирая свою руку, сказал Граис.— Теперь я уверен в том, что ты действительно тот, за кого себя выдаешь. И я готов ответить на твой вопрос. Да, я знаком с Аствиром. Какие у тебя основания утверждать, что именно Аствир организовал убийство Сирха?

— Когда совершено преступление и нужно найти виновного, то первый вопрос, на который следует ответить: кому это выгодно?..

— Кончай темнить, Ши,— на мгновение оторвался от тарелки с едой Грудвар.— Раз уж начал говорить, говори прямо, что к чему.

— Советую тебе попробовать фаршированную рыбу,— улыбнулся Грудвару Ши.— На мой вкус, это лучшее блюдо здешней кухни.

— Итак, зачем Аствиру нужна была смерть Сирха? — настойчиво повторил свой вопрос Граис.

— А для чего ему нужно было убивать Килоса? — посмотрел Граису в глаза Ши.

— Тебе и об этом известно? — Граис удивленно покачал головой и, подаввшись чуть назад, положил локоть на спинку стула.— Твоя осведомленность вызывает у меня опасения.

— И совершенно напрасно,— невозмутимо ответил Ши.— Я знал Аствира задолго до того, как он стал предводителем одного из отрядов вольных. В свое время он являлся одним из подданных моей империи... Да-да,— заметив удивленный взгляд Грудвара, наклонил голову Ши.— И, надо сказать, я возлагал на него большие надежды в будущем... Но... Аствир выбрал для себя иную стезю. Ему больше по нраву управлять людьми не с помощью слова, а с помощью силы. Согласен, так оно, может, и проще, но зато гораздо менее эффективно... На своем новом поприще Аствир добился определенных успехов, которые тем не менее пока еще не до конца удовлетворяют его амбиций. Роль одного из вождей его не устраивает,— он собирается стать единственным и неповторимым...— Ши саркастически усмехнулся.— И к кому же, спрашивается, ему было обратиться за помощью, как не к старому приятелю?..

— Аствир собирался совершить покушение на Сирха для того, чтобы спровоцировать ответную акцию кахимского наместника в отношении вольных,— догадался Граис.

— Совершенно верно,— согласился с ним Ши.

— А я ничего не понял,— сказал Грудвар.

— Поймешь чуть позднее,— снисходительно улыбнулся ему Ши.

— Когда же Аствиру стало известно, что кахимские войска готовятся нанести удар по базовым лагерям раньше, чем он рассчитывал, он использовал мою идею с переговорами для того, чтобы выиграть нужное ему время,— продолжил Граис.

— Именно так,— подтвердил Ши.— Я только не знал о том, что возглавить посольскую миссию поручено тебе. Я догадался об этом только тогда, когда увидел сегодня у тебя в руке серебряную бляху с эмблемой Сирха.

— Убийство Килоса явилось сигналом к началу всей операции...

— Да. К тому времени Аствир успел увести свой отряд в безопасное место. Остальные отряды, ожидая окончания переговоров, остались на прежних местах. Нападение кахимцев, должно быть, явилось для них полнейшей неожиданностью. Вряд ли кому-то удастся спастись...

— Таким образом, Аствир становится единственным возможным вольных,— закончил Граис.— Но у него остается не так уж много людей.

— Аствир умело спланировал свою игру,— усмехнулся Ши.— Одной стрелой он целил сразу в двух птиц. И, похоже, ему удастся сбить их обеих. Сейчас большинство людей Аствира находятся в Халлате, переодетые в нищих и бедных ремесленников. Остальные расположились неподалеку от стен города. Чтобы продемонстрировать свою силу, сегодня ночью Аствир захватит столицу.

— Но это же глупо! Возможно, он сможет захватить город, но удержать его в руках он не сможет! Отправленные на уничтожение вольных войска вернутся через день-другой и без труда выбьют отряд Аствира из города!

— Я думаю, что Аствир не станет этого дожидаться, а уйдет сам, без боя. Он придает захвату столицы Йера сим-

влическое значение, полагая, что это увеличит приток новых бойцов под его знамена.

— Но почему ты помогаешь Аствиру?

— Я слишком хорошо его знаю. Со мной или без меня, он сделает то, что задумал. Этот человек не остановится ни перед чем... Как ты думаешь, Граис, каким образом всего за одни сутки, которые город будет принадлежать ему, Аствир намеревается снискать любовь и доверие простого народа?..

— Для этого существует множество способов... — не очень уверенно произнес Граис.

— Я бы первым делом открыл тюрьмы и выпустил всех на свободу, — заявил Грудвар.

— Верный шаг, — согласился с ним Ши. — А дальше?

— Дальше... — Грудвар задумчиво почесал бороду. — Потом я посадил бы в тюрьмы всех кахимцев, каких удалось бы поймать, и чиновников из йеритов, сотрудничавших с властями!

— Не забывай, что в столице находится еще наместник, — напомнил Ши.

— Его бы я отдал толпе, — уже совсем по-хозяйски махнул рукой Грудвар.

— Вот тебе и готовый рецепт, — повернулся к Граису Ши. — Аствир станет вершить правосудие так, как он его сам понимает. А его люди в это время будут отбирать добро у богатых и раздавать его бедным. Проще говоря, в городе начнутся грабежи и резня... У меня есть что терять, и я не хотел бы попасть под горячую руку разгулявшихся бандитов. Если бы я отказал Аствиру в помощи, вполне вероятно, что за сутки его парни успели бы отыскать меня.

— А Сирха Аствир приказал убить, потому что понял, что после смерти Килоса он начнет кампанию по развенчанию мифа о борьбе, которую якобы ведут вольные с кахимскими захватчиками, — сказал Граис. — И сделал он это демонстративно, среди белого дня, при большом сте-

чении народа, чтобы лишний раз продемонстрировать свою силу и безнаказанность.

— А заодно и посеять смятение перед сегодняшней ночью длинных ножей,— добавил Ши.— И тебе, Граис, тоже следует опасаться убийцы, который, как мне кажется, уже стоит у тебя за спиной и только ждет возможности нанести удар. Ты сыграл свою роль, и теперь тебя следует убрать со сцены. Тебя ведь не удастся уговорить пойти на компромисс.— Ши взял со стола наполненный янтарным вином бокал и сделал из него небольшой глоток.— Пойми, Граис, ты уже ничего не можешь сделать. То, что должно случиться, непременно произойдет. Ты еще можешь спастись, если прямо сейчас покинешь Халлат. Поверь мне, это будет не бегство, а верный тактический ход...

— Я так и поступлю,— тихо и спокойно ответил Граис.— Спасибо за угощение,уважаемый Ши.

— Ты собираешься уходить?! — изумленно воскликнул Грудвар.— И говоришь об этом спокойно, как о давно решенном деле?!

— Да,— ответил Граис.— Но спокойствие мое тебе только кажется.

Голос ксеноса дрогнул. Грудвар даже похолодел — сколько в нем было горечи!

— Ты уходишь навсегда?

— Да.

— А мне-то что делать? — недоумевающе развел руками бородач.

— Думаю, ты можешь вернуться к Аствиру,— сказал Граис.— Тебя он не станет преследовать.

— После всего того, что я здесь про него услышал?! — возмущенно взмахнул руками Грудвар.— Да за кого ты меня принимаешь?!

— Я могу помочь тебе укрыться на время, пока люди Аствира будут хоронить в городе,— предложил йериту Ши.

— А что потом? — поинтересовался Грудвар.— Заниматься попрошайничеством я не собираюсь.

— Потом и посмотрим, куда тебя пристроить,— по-отечески улыбнулся бородачу король нищих.

— Ну что ж,— Грудвар окинул влюбленным взглядом стол, на котором его стараниями еды значительно поубавилось,— я не против.

— В таком случае...

Собираясь встать, Граис положил ладони на стол. Сверху на его ладонь легла рука Ши.

— Задержись еще ненадолго, Граис,— сказал король нищих.— Я хочу попросить тебя ответить на один вопрос, который давно уже не дает мне покоя...

— Если только я в силах на него ответить,— не стал ничего обещать Граис.

— Ты должен знать ответ на этот вопрос, Граис,— Ши произносил слова очень медленно и, как показалось Граису, нерешительно.— Скажи мне честно...— он замолчал, посмотрел на Граиса и продолжил: — Поднебесный существует на самом деле?

Сказав это, Ши отдернул свою руку от руки Граиса. Он как будто и сам испугался кощунства произнесенных слов.

— Нет ничего проще,— устало улыбнулся Граис.— Поднебесный существует, если он тебе нужен.

ЭПИЛОГ

До условного места у подножия горной гряды я добрался только к вечеру. Бордовое солнце, казалось, не опускалось за острые пики гор, а садилось прямо на них, дырявя себе бока.

Здесь я расседлал чеклака и отпустил его. Чеклак спокойно и уверенно зацокал по камням. Ши предупредил

меня, что чеклак сам сумеет найти дорогу в стойло... Вот и я, подобно домашней скотине, тоже возвращаюсь в стойло... А куда я еще могу податься? У меня никогда не было ни дома, ни семьи... И давно уже нет родины.

К зоне перехода вела неприметная тропа. Если какому-то случайному страннику и взбредет в голову взобраться по ней на почти отвесную скалу до узкой, нависающей над пропастью каменной площадки, то он просто убедится, что силы были потрачены впустую: дороги дальше нет и нужно возвращаться обратно.

К тому времени, когда я добрался до площадки, небо уже заметно потемнело: из бордового оно стало темно-фиолетовым. По багровому краю солнца, который еще выглядывал из-за скал, ползли полосы плотных серых облаков,— не иначе как ночью пойдет дождь.

Темный силуэт человека, сидящего на самом краю площадки, я увидел еще издалека.

Честно признаться, никак не ожидал встретить здесь Кричeta. В обязанности руководителя проекта не входит встреча возвращающегося в Центр ксеноса возле зоны перехода. И тем не менее Кричет был здесь. А это означало, что он хочет переговорить со мной с глазу на глаз прежде, чем я приступлю к составлению официального отчета о своей деятельности на Тессе-3.

При моем появлении Кричет продолжал сидеть в той же позе. Он даже не двинулся с места. Просто посмотрел в мою сторону и по-приятельски спросил:

— Запыхался?

Я вытер рукавом потное лицо.

— Еще бы... Духота-то какая...

— Как перед грозой,— кивнул Кричет.

Я стоял рядом с ним, не зная, что сказать. Как мальчишка, в самом-то деле! Как будто мало злости я на него накопил!..

— Послушай, Кричет!..

— Присядь,— перебил он меня. И для этого ему даже не пришлось повышать голос.— Смотри, какой сегодня великолепный закат. Ты же любитель красивых закатов, не так ли?

— Я уже достаточно насмотрелся здешних красот,— усмехнувшись, сказал я.

Помедлив недолго, я все же присел неподалеку от Кричeta, прислонившись спиной к скале.

— Ты ждешь от меня извинений? — неожиданно задал вопрос Кричет.

— Извинений?..— Я пожал плечами.— Нет. Я предпочел бы услышать объяснения.

— Изволь.— Кричет уселся поудобнее.— Операция с самого начала была спланирована таким образом, чтобы результатом ее было установление на территории Йера жесткой военной диктатуры.

— Что?..— только и смог вымолвить я.

Кричет посмотрел на меня, прищурив глаз.

— А собственно, чего ты ожидал? Каких-то интриг, которые я плету втайне от руководства Центра?

В точку попал, черт возьми! Ведь именно на этом предположении я и строил все свои логические выкладки.

— Почему я был оставлен в неведении? — спросил я, стараясь сохранять суровое выражение лица.— Я ведь не наблюдатель, только что приступивший к работе. У меня за плечами полтора десятка самостоятельных операций.

— А ты бы согласился принимать участие в операции, если бы знал заранее, каков будет ее итог?

С меня сразу вся спесь слетела.

— Нет,— коротко и решительно ответил я.

— Вот видишь,— едва заметно качнул головой Кричет.— А по оценкам аналитиков, именно твое участие гарантировало стопроцентный успех операции.

— Да какое там участие! — Его слова вывели меня из равновесия.— Я едва ли не до самого последнего дня не

понимал, что происходит! Тыкался во все стороны, как слепой котенок...

— Ты себя недооцениваешь,— снисходительно, но, в общем-то, по-дружески улыбнулся Кричет.— Образно выражаясь, именно твое появление всколыхнуло стоячие воды Йера.

— Послушай, Кричет,— перевел я разговор на интересующую меня тему,— но ведь если бы мне не мешали, я смог бы решить проблему иным путем, без лишних жертв...

— Извини, Граис,— возразил Кричет,— но по оценкам аналитиков Центра, твой вариант гарантировал максимум семьдесят пять процентов успеха. Если бы он провалился, то мы уже не успели бы залатать брешь, образовавшуюся в буферной зоне. Поэтому мы избрали основным объектом нашего воздействия не Сирха, а Центия Офра.

— Вас не устраивала слишком мягкая политика, проводимая нынешним кахимским наместником в Йере?

— Теперь уже, наверное, можно сказать не «нынешним», а «бывшим». Даже если Центию Офру удастся уцелеть после мятежа Аствира, он не сможет далее оставаться на своем посту.

— Ты хотя бы представляешь себе, какую кровавую резню устроит банда Аствира нынешней ночью в Халлате? — Я задал этот вопрос не обвиняя Кричeta, а просто констатируя таким образом факт.

— Жертв будет не так много, как ты думаешь,— ответил он мне.— Два отряда регулярных имперских войск, численностью в тысячу бойцов каждый, уже на подходе к столице и будут там не позднее полуночи.

— Откуда они взялись? — Кричуту в очередной раз удалось удивить меня.

— Переброшены в Йер из Буссара. О них пока еще никому не известно, даже наместнику. Это я позаботился о том, чтобы заблаговременно отправить к императору гонца с письмом, в котором сообщал о зреющем в Йере бунте.

Аствиру придется оставить Халлат гораздо раньше, чем он рассчитывает. Но уже то, что хотя бы на несколько часов ему удастся овладеть столицей Йера, ляжет несмываемым пятном на репутации Центия Офра. Скорее всего, его место займет тим-шалей Гасмин Иллат, командующий движущимися к Халлату войсками, сторонник жесткой линии в отношении завоеванных стран.

— Да, ты все точно рассчитал,— сказал я, не зная, как еще можно прокомментировать услышанное.

— Точный расчет — это мое кредо,— польщенно улыбнулся Кричет.— За это меня ценят в Центре. Так же как тебе нет равных в умении работать на местах. Честно признаться, мне стоило немалых усилий удержать тебя на нужном направлении.

— Не знаю, сколько людей ты с этой целью задействовал, но одного я все же подловил,— не без злорадства заметил я.

— Да, Слим прокололся,— кивнул Кричет.— Потому что проявил излишнюю самонадеянность. Идти к Сирху вместе с тобой ему было совершенно ни к чему.

— Кто еще крутился все это время вокруг меня? — не без любопытства поинтересовался я.

— Скорее, они не крутились вокруг тебя, а время от времени встречались тебе на пути,— сказал Кричет.— Как, например, тот парень, который заставил шалеев арестовать тебя на площади возле храма. Кстати, он же накануне поднял панику на базаре, когда тебя тоже едва не схватили. А потом, уже в тюрьме, он внушил шалею, что тебя нужно посадить в ту же камеру, где уже находился Слим.

— Хороший работник,— совершенно искренне похвалил я этого совершенно незнакомого мне парня.— На базаре я его вообще не заметил, а на площади и в тюрьме он вел себя настолько естественно, что у меня даже мысли не возникло...

— А как тебе понравился пастушок? — лукаво прищурится Кричет.

— Какой пастушок? — не сразу понял я, о ком идет речь.

— Да тот мальчишка с лавахами, которого ты встретил в окрестностях Меллении,— напомнил мне Кричет.— Он еще проводил тебя к дому Миноса.

Теперь мне стало понятно удивление Миноса, который никак не мог припомнить, что за пастушок находится у него в работниках.

— А Сирху ты сам решил нанести визит? — спросил я.

— Я ведь до недавних пор тоже был оперативником,— с повинным видом развел руками Кричет.— Знаю, что руководителю проекта не подобает самому работать на местности, но, каюсь, никак не могу избавиться от былых привычек.

Какое-то время мы сидели молча, глядя на совсем узкую полоску света, оставшуюся на краю почти уже темного неба.

— Сегодня утром Сирха убили,— сказал я, сам не знаю почему.

— Я знаю об этом,— тихо произнес Кричет.— Но, по-верь мне, его смерть не была предусмотрена общим планом операции.

— А смерть Килоса? — спросил я.

— Послушай, Граис...— я впервые уловил в голосе Кричента нотки раздражения.— На территории Йера протекает естественный исторический процесс. И мы здесь не для того, чтобы решать судьбы отдельно взятых людей.

— Мне это отлично известно,— сказал я.

— Ну так какие у тебя ко мне претензии?

— Претензии? — задумался я и потом произнес:

Вода догоняет ребенка,
Который бежит по песку.
Ребенок похож на...

— Я знаю это стихотворение,— быстро заговорил Кричет,— оно мне тоже нравится, представь себе. Но...— он помедлил,— послушай, Граис, мы выполнили свою задачу, и это главное. По-моему, у нас совсем неплохо получается совместная работа. Если ты не против, я хотел бы, чтобы ты участвовал и в последующих моих проектах.

— Посмотрим,— уклончиво ответил я.

Тема для разговоров была исчерпана. Пора было открывать переход и отправляться в Центр.

Я оперся руками о каменную плиту, на которой сидел, и поднялся на ноги.

— Когда я нахожусь высоко в горах,— сказал, глядя на закатную полосу, Кричет,— у меня неизменно возникает одно и то же ощущение. Кажется, достаточно сделать всего два шага — и ступишь за горизонт.

— Или сорвешься в пропасть,— добавил я.

Так мне казалось.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН хорошо известен поклонникам серии «Фантастический боевик» как автор дилогии о Лабиринте и трилогии о резервации — Сфере стабильности. Писатель полон новых творческих идей, пробует себя в разных жанрах: юмористической фантастике, антиутопии, работает активно и плодотворно.

КИРИЛЛ ЗАЛЕСОВ, москвич, выпускник МГУ им. М. В. Ломоносова, печатался в первой половине 90-х годов в различных журналах («Согласие», «Соло», «Химия и жизнь»), занимался редакторской и составительской работой. Лучше всего у него получаются произведения, написанные на стыке разных жанров.

Роман «Мир, в котором тебя нет» открывает дилогию о такой незнакомой и в то же время такой узнаваемой стране Йер, находящейся на планете Дашихут, или иначе Тесса-3, как ее называют в содружестве Кольца Миров.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Знакомый город</i>	24
<i>Глава 2. Закрыты двери</i>	42
<i>Глава 3. Добро пожаловать в Йер!</i>	55
<i>Глава 4. Арест</i>	77
<i>Глава 5. Спокойная тюрьма</i>	91
<i>Глава 6. Побег</i>	108
<i>Глава 7. Ученик и учитель пятнадцать лет спустя</i>	134
<i>Глава 8. Преподобный Сирх, толкователь Пути к Поднебесному</i> .	154
<i>Глава 9. Лекарство от неизлечимой болезни</i>	177
<i>Глава 10. Нападение</i>	196
<i>Глава 11. Среди вольных людей</i>	216
<i>Глава 12. Интриги Сирха</i>	234
<i>Глава 13. Странная свобода</i>	243
<i>Глава 14. Посланники</i>	273
<i>Глава 15. Два философа</i>	287
<i>Глава 16. Подозрение</i>	305
<i>Глава 17. Контролер</i>	317
<i>Глава 18. Фирон</i>	333
<i>Глава 19. Предчувствие беды</i>	341
<i>Глава 20. Отчаянис</i>	350
<i>Глава 21. Маршрут неизвестен</i>	364
<i>Эпилог</i>	386
<i>Коротко об авторах</i>	393

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Фантастический боевик»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б,
издательство АРМАДА*

Калугин А., Залесов К.

**K 17 Мир, в котором тебя нет: Фантастический роман.—
М.: АРМАДА, 1998.— 394 с.: ил.— (Фантастический боевик).**

ISBN 5-7632-0675-4

События, о которых идет речь в романе «Мир, в котором тебя нет», открывающем дилогию о стране Йер, могли произойти как в далеком будущем, так и в наше время, и в далеком прошлом.

В некотором царстве, в некотором государстве... Так можно было бы начать рассказ об этой истории. Впрочем, это совсем недалеко от истины: однажды ранним солнечным днем мужчина средних лет вошел через Западные ворота города Халлата — столицы Йера, являющегося провинцией Кахимской империи на планете Дашихут. Он прибыл сюда инкогнито со специальным заданием: создать в Йерс буферную зону, которая могла бы остановить мощную событийную волну, способную разрушить не только планету Дашихут.

Он раньше бывал в Йере, жил там и стал кумиром его жителей и врагом его властей предержащих. Он дал людям веру в Путь к Поднебесному.

Теперь ему предстояло убедиться, какие плоды принесла эта вера. и выполнить свое задание...

Он был готов ко всему, но оказалось, что этого слишком мало, чтобы сделать то, что он задумал.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-445я5

**РЕДАКЦИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ И ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Литературно-художественное издание

Фантастический боевик

**Алексей Александрович Калугин
Кирилл Александрович Залесов**

МИР, В КОТОРОМ ТЕБЯ НЕТ

Фантастический роман

Заведующий редакцией

И. В. Новиков

Художественный редактор

Н. Г. Безбородов

Технический редактор

И. В. Поддубный

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 84x108 ¹/32.

Бум. кн.-журн. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,79. Тираж 15000 экз.

Изд. № 3120. Заказ № 861.

**Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376**

**Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201**

НОВЫЕ КНИГИ СЕРИИ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

|| Стивен Браст

ТАЛТОС-УБИЙЦА

«Тёкла», «Талтос»

Романы С. Браста продолжают увлекательное повествование о приключениях Влада Талтоса.

Безропотные теклы, находящиеся в Империи на положении рабов, неожиданно замышляют бунт. Добившийся высокого положения в обществе аристократ Талтос презирает этот народ за их прирожденную леность, тупость и покорность. Но его любимая жена Коути сочувствует повстанцам и активно содействует им. Вместе с тем заговор подрывает финансовое могущество банды Херта — главаря местной мафии. Боевики Херта безжалостно расправляются с заговорщиками. Смертельная опасность грозит и Коути. Талтос, не питая симпатий к восставшим, но оставаясь в глубине души порядочным человеком, вступает в смертельную схватку с бандой Херта. При этом ему приходится вести борьбу не только с коварным врагом, но и с собой — со своей надменностью и равнодушием.

|| Павел Шорников

ЗОНА ЖЕЛАНИЙ

Звездолет «Гея» по воле злодея по имени Чаминг, способного менять внешность, попадает в неизведенную область космоса. Преступник убивает Беллу — жену капитана Пола Эрикссона, а сам скрывается среди членов экипажа. Подозрение падает на пятерых космонавтов. Но кто из них Чаминг?

Не имея возможности вернуться домой, геяне находят подходящую планету, которую назвали Землей, и начинают создавать новую цивилизацию. Но опять неуловимый Чаминг препятствует планам команды Эрикссона: он создает сотни тысяч клонов, которые идут войной на Атлантею — остров, где живут геяне. Но исход грандиозной битвы непредсказуем — в дело вмешиваются пришельцы из космоса...

|| Джон Норман

ЗВЕРИ ГОРА

На планете Гор слово «зверь» может означать одно из трех. Это либо Курии — космические монстры, стремящиеся захватить этот мир, либо горианские воины, проявляющие в бою немыслимую свирепость, либо рабыни Гора, которые одновременно являются объектом желания и обременительной ношей. Со всеми тремя «разновидностями» зверей Гора читатели встретятся на страницах захватывающего романа Дж. Нормана, продолжающим летопись о таинственном двойнике Земли.

ЛОТАР

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ В ТРЕХ ТОМАХ

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Испепеленная солнцем пустыня стала последним пристанищем небольшого отряда наемников, охранявших караван. Лишь двум из шестнадцати воинов удалось выжить в короткой и жестокой схватке с дассами – сухопутными пиратами. Одного из «счастливчиков» звали Лотар. Чудом избежав гибели от меча разбойника, он был обречен на медленную и мучительную смерть. Но судьба вновь подарила Лотару шанс, и неравный бой в пустыне стал началом героической эпопеи бесстрашного воина ...

Книги нового издания фантастического сериала «Лотар» расскажут об удивительных приключениях и боевых подвигах Лотара Желтоголового и его верных друзей – Сухмета и Рубоса из Мирама.

Николай БАСОВ

т.1. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

- Жажда
- Доказательство человечности
- Собаки из дикого камня

т.2. ПОСОХ ГУРАМА

- Посох Гурاما
- Демон Жалын

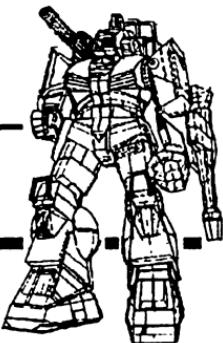
т.3. УСТРАНИТЕЛЬ ЗЛА

- Кожаные капюшоны
- Устранитель зла
- Выкуп

НОВЫЕ КНИГИ СЕРИИ

БОЕВЫЕ РОБОТЫ BATTLETECH®

ДОНАЛЬД Г. ФИЛЛИПС

ЗВЕЗДНЫЙ ВЛАСТЕЛИН

...Несколько столетий и кланы, и жители государств Внутренней Сферы были уверены, что знаменитый Александр Керенский, казнив безумного тирана и узурпатора Стефана Амариса, навсегда похоронил идею насилиственного объединения Звездной Лиги. Но один из сыновей Амариса, оказывается, жив и теперь рвется к власти, готовясь ради этого развязать новую галактическую войну.

Глава Лиги Свободных Миров Томас Марик поручает Дункану Кальма найти тайную базу агрессора и разрушить ее. Охота предстоит быть интересной, и охотник каждую секунду сам может превратиться в дичь...

МАЙКЛ СТАКПОЛ

ПРЕСТУПНЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Принцу Виктору Дэвиону первому во Внутренней Сфере стало ясно, что победа бескровная куда дороже той, за которую заплачено тысячами жизней.

На планете Ковентри, куда, нарушая перемирие, высадился Клан Нефритовых Соколов, начинаются военные действия. На помощь малочисленному гарнизону прибывают объединенные войска под командованием Виктора Дэвиона и Анастасиуса Фохта, регента Ком-Стара. Их столкновение с Соколами может вылиться в грандиозную битву, какой еще не знала история человечества, если Виктору не удастся убедить в своей правоте и друзей и врагов.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442)	37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432)	35-63-34
КАЛУГА:	"Аэлита"	(08422)	4-42-45
ЛЮБЕРЦЫ:	"Фома"	(095)	963-82-24
МИНСК:	магазин "Книгочей"	(0172)	36-66-45
ТУЛА:	книжный магазин	просп.Ленина, д.20	
УССУРИЙСК:	ИЧП "Матвеев"	(42341)	2-34-56

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагаю наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Рест"	(095)	150-07-82
	"Колокол"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	755-91-66
	"Тригон"	(095)	251-49-11
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812)	530-05-36
	"БИМ+"	(812)	262-44-87
ВОРОНЕЖ:	"Амиталь"	(0732)	23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3432)	53-87-54
КИЕВ:	"Олса"	(044)	435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Топ-книга"	(3832)	39-63-63
ОМСК:	"Сибинформ"	(3812)	65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422)	44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНЕ:	"Эмис"	(8632)	32-87-71
САМАРА:	"Реал +"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10
	"РИФ-2"	(3512)	61-25-80

«КНИГА - ПОЧТОЙ!» Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу: 125499, Москва, Кронштадтский бул., д.37б, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга - почтой" на конверте.

Адрес издательства в INTERNET: <http://www.armada.ru>

Оформить подписку можно также по любому из адресов (г.Москва):

ул. Красная Пресня, д.14, магазин «Пресня» тел. 252-28-65
Дмитровское ш., д.25, библиотека №84 тел. 976-75-09
ул. Абельмановская, д.17а (кинотеатр «Победа»), магазин «Книги» тел. 270-20-32
проспект Мира, д.41, строение 1, помещение Художественного салона тел. 280-24-06

МИР, В КОТОРОМ ТЕБЯ НЕТ

ISBN 5-7632-0675-4

9 785763 206753